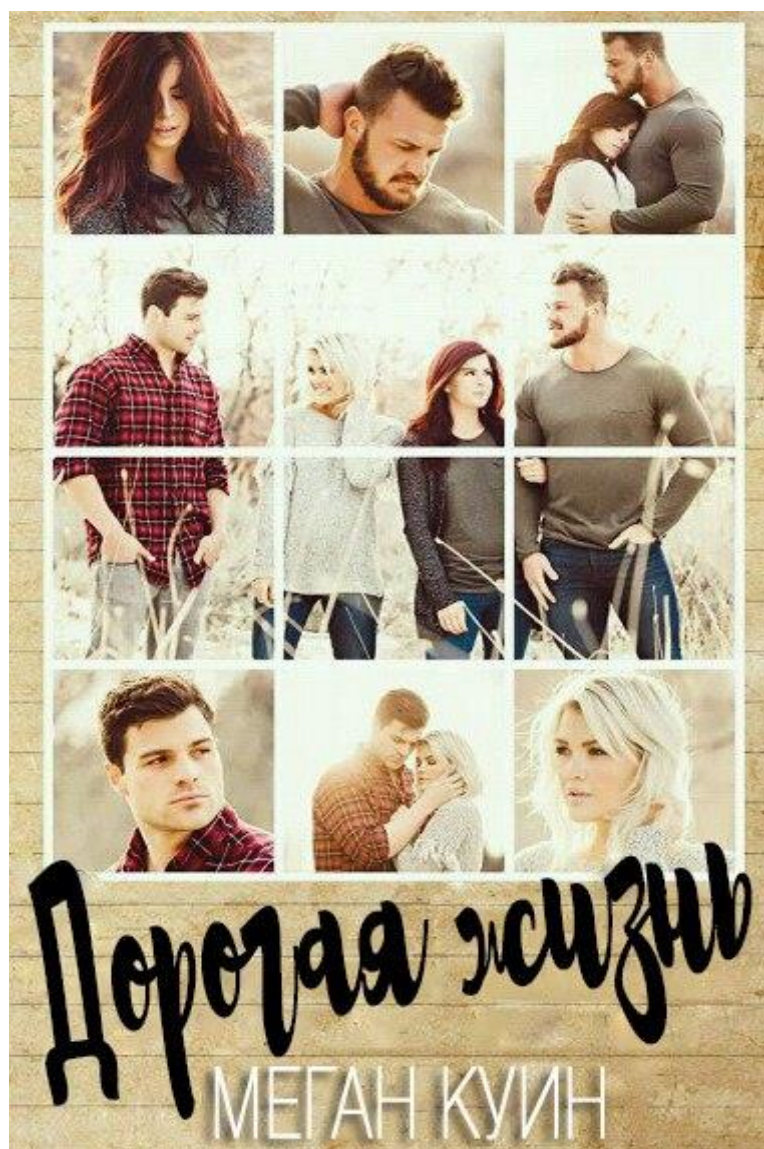

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

«Дорогая жизнь» Меган Куин

Название: Меган Куин, «Дорогая дорога»

Переводчик: ErIka

Редактор: Марина К (пролог – 5 гл), Анжелика М (с 6 гл)

Вычитка: Пандора

Оформление: Юлия и Ника

Переведено для группы: <https://vk.com/stagedive>

+18

(в книге присутствует нецензурная лексика и сцены сексуального характера)

Любое копирование без ссылки
на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

*Четыре жизни. Четыре истории. Четыре комплекта писем.
Четыре храбрые души, которые нуждаются в помощи,
сталкиваясь с жизненными вызовами.*

*Анонимная программа «Дорогая жизнь» создана, чтобы помочь
им выйти из их зон комфорта, встретиться лицом к лицу с
препятствиями и побороть своих демонов... и доказать смысл
их существования.*

*Пока их жизни зажаты между желанием чего-то большего и
возможностью потерять всё, все четыре души окунаются в
программу в канун Нового года, и отправляются в чумовое,
жизненное путешествие.*

*Дорогая жизнь,
Пожалуйста, будь немного добрее.*

Содержание:

Пролог	5
Шаг 1: Скорбь	14
Шаг 2: Отпустить	33
Шаг 3: Оказать поддержку	49
Шаг 4: Мечты о большем	73
Шаг 5: Научиться чему-то новому	98
Шаг 6: Встретиться со своими страхами	136
Шаг 7: Принятие	163
Шаг 8: Жить.....	173

Пролог

Холлин

Два с половиной года назад...

— Даже не думай открывать эту дверь, — кричит Эрик, пробегая мимо меня.

Он оборачивает руки вокруг моей талии и целует меня в щеку. Его легкая щетина касается моей кожи, вызывая во мне безумное желание.

Этот мужчина.

Наклонившись вперед, он смотрит мне в глаза:

— Ты действительно думала, что я позволю своей жене зайти в дом, не перенеся ее через порог?

Я хихикаю, когда он начинает осыпать мою шею поцелуями.

— Ты такой старомодный. Почему бы не изменить правила.

Он останавливается и отходит от меня. Посмотрев на меня взглядом, в котором так и читается: «неужели ты серьезно», он произносит:

— Тростинка, ты на самом деле считаешь, что смогла бы перенести большого, крепкого, будущего пожарного в квартиру на своих хрупких ногах? Да я одним движением пальца могу заставить тебя крутиться над моей головой.

Платье обтягивает мое тело, когда я скрещиваю руки на груди. Сжимая вуаль в руке, я спрашиваю:

— Думаешь, я бы не смогла?

Эрик, прекрасный светловолосый мужчина с темно-кариими глазами, смотрит на меня с той самой ухмылкой калифорнийского парня, которая пленила меня шесть месяцев назад.

— Тростинка, я знаю, что ты не сможешь.

Тростинка. Это прозвище он дал мне в тот судьбоносный декабрьский день на игре «Денвер Бронкс», когда я была с друзьями на пикнике. Он посмотрел на меня с ухмылкой, когда я бросала небольшой футбольный мяч с моими девочками. Я никогда не забуду тот взгляд и дерзкий вид. На нем была зимняя шапка «Бронкс», и когда он подошел, я обратила внимание на его внушающих размеров грудь. Моя кофта не спасала меня от холодного денверского ветра.

Он показался мне странным. Станным и адски сексуальным.

Я сразу же прониклась его любовью к жизни и отзывчивостью. А его сладкие речи ускорили наше свидание.

У нас была связь друг с другом, и со временем она становилась сильнее. Увидев ту же решимость и самоуверенность сейчас, я знаю, что приняла лучшее решение в моей жизни.

Эрик для меня — всё. Он выводит меня из зоны комфорта, заставляет стремиться к большему. Я чувствую себя в безопасности с ним. Новая «я» стала сильнее и лучше — благодаря ему.

Приподняв мой подбородок, он спрашивает:

— Почему ты так смотришь?

С решимостью в голосе, я отвечаю:

— Забирайся ко мне на спину.

Откинув голову назад, он хохочет.

— Тростинка, без вариантов. Я тебя разочарую, но в нашу брачную ночь я предпочитаю заниматься с тобой любовью, а не проводить время в больнице.

— Забирайся мне на спину, — снова говорю я, игнорируя его слова.

— Холлин, — его голос становится серьезным. — Я, как минимум, на сто фунтов больше тебя. Я этого не сделаю.

Воспоминания нахлынули на меня, когда я вижу его ухмылку. Я не поддамся.

— Если ты планируешь получить свою брачную ночь, то позволишь мне сделать это.

— Холлин...

— Эрик...

Это противостояние противоположностей. Пожарный и студентка-медик.

Прекрасный сильный мужчина и хрупкая рыжеволосая девушка.

Он знает, что я не отступлю из-за своего упрямства. Его подтяжки покачиваются по бокам, а закатанные рукава обтягивают его предплечья, когда он проводит рукой по волосам. Он выглядит идеально. Это его первый тест в качестве мужа. Жизнь — отрада, когда жена рада. Справится ли он?

— Ты не собираешься отказываться от этой идеи, так?

— Нет, — скрестив руки, отвечаю я.

Он вздыхает и крутит пальцем.

— Развернись, чтобы я мог запрыгнуть.

Такой хороший, умный мужчина. Нет причин для беспокойства.

Освободив руки, я оцениваю свои возможности осуществить задуманное. Моя вуаль спадает ему на плечи, когда я, встав на цыпочки, закрепляю на его волосах.

— Прекрасно, — шучу я.

— Это не смешно.

— А я и не смеюсь.

Когда я пытаюсь принять нужную позицию, он замечает мою улыбку.

— Ты получишь, когда мы попадем в квартиру.

Я качаю головой и смотрю через плечо.

— То, что я получу — это твой язык, когда выиграю.

Он приподнимает бровь.

— Неужели?

— Да, именно так. И ожидаю, что ты постарайся.

— И когда ты облажаешься, что получу я?

Я закатываю глаза.

— Ты же мастер на все руки.

— Ага, — он показывает на меня пальцем. — В таком случае я хочу намного больше, учитывая твои условия. Я хочу твой рот на моих яйцах.

— Оу, — я съеживаюсь. — Почему мужчинам так это нравится?

Он пожимает плечами.

— Потому что это ощущается чертовски хорошо, вот почему. Как насчет сделки?

Я смотрю на него и останавливаюсь, когда поднимаю руку. Это не будет проблемой.

Мне нужно пройти, вероятно, не больше пяти шагов. Все просто.

— Сделка, — отвечаю я, уверенная в своих способностях.

Встряхнув мою руку, он качает головой в недоумении.

— Ладно, Тростинка, но потом не говори, что я не предупреждал тебя.

— Прекращай болтать и готовь свой язык. Я тебя сделаю.

Открыв дверь, я встаю в удобную позу и сцепляю руки, чтобы подхватить его ноги.

Дело в шляпе.

— Ладно, вот так.

Я сжимаюсь, когда его руки ложатся на мои плечи. Согнув колени, я принимаю нужное положение. Почувствовав себя сильной, я готова.

Двести фунтов.

Двести фунтов огромного мужского тела¹...

Вот дерьмо.

Надежда покидает меня в тот момент, когда он забирается на мою спину. Я трясусь под ним, теряя опору и баланс, понимаю, почему он назвал меня тростинкой.

---

¹ примерно 91 кг

Вместо того чтобы двигаться вперед, я стою там, в свадебном платье в стиле «русалка», а мой муж у меня на спине с моей вуалью на голове. Из-за его веса мои колени подгибаются, и чувствую жжение на щеке, когда я падаю на ковер. Его глубокий голос эхом отдается в нашей квартире, когда он истерически смеется.

— Я говорил тебе, Тростинка, — говорит он сквозь смех. — Черт, я давно хотел хороший минет, поэтому доволен нашим пари. — Мне нужно взять себя в руки несмотря на то, что мне хочется спрятаться.

Здравый смысл покидает меня, когда я оборачиваюсь к нему:

— Что? — восклицаю я, пытаюсь успокоиться. — Ты проиграл.

Он отодвигается от меня, оценив мою жалкую попытку перенести его. Он начинает спорить, пока я, лежа на полу, выгляжу как жертва убийства.

— Я более чем уверен, что выиграл, милая. Ты не продержалась и секунды.

— Пари заключалось в том, чтобы ты попал в квартиру. Разве нет?

Осознавая происходящее, он отвечает:

— Черт, нет. Технически, ты не выиграла, Тростинка. Ты не перенесла меня. Ты проиграла.

— Я упала с тобой на спине, так что технически — я выиграла. Готовь свой язык.

— Черт, нет, — говорит он с улыбкой.

Он открывает дверь и прижимается ко мне. Наш смех затихает, когда он смотрит на меня своими карими глазами.

— Поскольку это наша брачная ночь, я хочу трахаться до тех пор, пока мы не сможем ходить. Что скажешь?

Мое сердце пропускает удар.

— Означает ли это, что ты спустишься ниже?

— Я не лишу тебя своего языка, моя прекрасная жена. В любом случае, я выиграл. Как и ты. А теперь снимай платье. Я умираю, как хочу увидеть, что скрывается под ним.

Вот тот самый момент, прямо сейчас. Когда мой муж, мой муж, смотрит на меня, как на единственную женщину, которую он желает. И в которой нуждается. С такой любовью, которая будет всегда. Вместе мы неуязвимы.

Наша любовь защитит нас. Мы поженились слишком молодыми, что означает лишь то, что мы влюбились в свои родственные души. Никто не сможет отнять у нас это. И это делает меня самой счастливой девушкой.

Джейс

Два месяца назад...

— Чувак, не двигайся или я снесу тебе башку.

— Слушай, я ничего не делаю. Положи пушку, развернись и проваливай.

— Назови мне причину, почему я не могу пустить тебе пулю между глаз.

Вздыхнув, я поворачиваюсь к нему, держа контроллер в руке².

— Мужик, мы в одной чертовой команде. Какой смысл это делать?

— Потому что я могу, — говорит он перед тем, как появляется красный экран, когда уничтожают моего игрока.

— Ты такой мудак.

Сидя на диване, я делаю глоток пива и хмуро смотрю на моего лучшего друга Итана. Который, судя по всему, находит все это забавным.

Мы стали друзьями еще в школе, когда играли в одной команде еще в младшей лиге. Два года назад он заменил Кайла Сандерса, кэтчера³ команды «Денвер майнерс», который

---

² Игровой контроллер — это устройство ввода информации, которое используется в консольных и компьютерных играх. Контроллер обычно присоединяется к игровой приставке или персональному компьютеру. При помощи игрового контроллера игрок управляет движениями и действиями элементов игры

³ Кэтчер (англ. catcher — ловец) — игровая позиция в бейсболе

не мог играть из-за разрыва мениска. Кайл так и не вернулся, поэтому Итан начал играть в основном составе. Я присоединился к нему в прошлом году, начав с позиции шорт-стопа⁴. Я не ожидал такого успеха и внимания прессы. Я показал себя превосходным игроком в пятидесяти пяти играх, после чего попал в список рассмотрения на звание «Новичок года»⁵.

Я все еще не знаю, как это произошло. Я просто делал то, что знаю и люблю.

Я получил награду и сейчас, в период межсезонья, я сижу в своей комфортной квартире в центре города.

Всего этого было бы достаточно для двадцатидвухлетнего, чтобы превратиться в зазнавшегося придурка.

Но не в моем случае.

Я всегда был простым благодарным парнем, а со своими деньгами, я всегда буду в комфорте. Я получил признание, благодаря своим стараниям.

— Знаешь почему я уделал твою жалкую задницу? — спрашивает Итан, потягивая пиво.

— Потому что ты — маленькая сучка, увидел, как я тащу всю команду?

— Нет.

Он делает еще один глоток.

В этот период у нас больше свободы в плане выпивки. Все это закончится весной.

Указывая на меня бутылкой, он продолжает:

— Потому что из-за тебя мне пришлось ехать на запад по 470-й, в час пик в пятницу, чтобы доставить тебе бензин, потому что ты водишь кусок дерьма с неисправным датчиком уровня топлива.

Это правда. Я гнал на ржавом «Джип Чероки». Дорога убивала мою машину, и я не успел добраться до станции заправки. Мне всегда нужно следить, чтобы уровень показывал не менее двадцати пяти процентов. Я как будто играл в русскую рулетку. Когда моя машина заглохла из-за движения на дорогах Денвера, у меня не было выбора, кроме как позвонить Итану.

— Мужик, я купил тебе ужин той ночью.

Перед тем как сделать глоток, Итан качает головой:

— Больше ничто не заставит меня ехать туда в час пик.

— Ну и кто ведет себя как маленькая сучка?

— Да пошел ты, — он улыбается. — Говоря об ужине, ты заказал пиццу?

— Ага.

— Ты сказал им не класть туда оливки? Знаешь же, как я ненавижу эту хрень.

Я пожимаю плечами. Уверен, что не делал этого.

— Чувак, — скулит он.

Я сдерживаю смех, когда он бьет меня в плечо.

Дзынь.

Когда я подхожу к двери, Итан говорит:

— Так что насчет оливок? Ты в курсе, как сложно их оттуда убрать.

— Их там нет. Господи, ты действительно ведешь себя как сучка.

Качая головой, я беру свой бумажник с кухонного стола и направляюсь к двери. Отсчитав нужную сумму, открываю дверь.

— Двадцать два пятьдесят, верно?

Я поднимаю голову и не замечаю ни пиццы, ни курьера. Женщина.

Не просто женщина. Ребекка.

Она была барменом в Фениксе⁶.

С которой у меня было много ночей с крышесносными оргазмами.

---

⁴ Шорт-стоп (англ. Shortstop, сокращённо SS) — игровая позиция в бейсболе. Шорт-стопом называют игрока обороняющейся команды, находящегося между второй и третьей базами

⁵ Приз «Новичок года» (англ. Rookie of the Year) даётся в спортивных соревнованиях, проводящихся в Северной Америке, лучшему игроку-дебютанту серии

⁶ Феникс — столица и крупнейший город американского штата Аризона

Та, с кем я был пока не перешел в высшую лигу, и пока она все не закончила.

Та, с которой я был семь месяцев назад. И теперь она стоит передо мной с выпирающим животом.

Чтоб меня.

Избегая моего взгляда, она с грустью в голосе произносит:

— Привет, Джейс.

На лбу у меня выступает пот, желудок скручивает в узел. Я сглатываю ком в горле.

Может быть только одна причина, по которой она здесь.

— Ребекка, что ты здесь делаешь?

Это тупой вопрос. И так понятно, что именно она собирается сказать, но я не могу подобрать слов.

Глядя на меня, она говорит:

— Ребенок твой.

Ага, это то, о чем я подумал. У меня пересыхает во рту, и я хватаюсь за лоб в недоумении. Мы в неловком молчании.

— Да заплати ты ей и... — говорит Итан позади меня. — Ого... — он останавливается, видя Ребекку. — Это не пицца.

— Нет, это ребенок, — сердито отвечает она.

— Охренеть, — похлопав меня по плечу, он спрашивает: — Я просто собираюсь взять еще пива. Бутылка виски для тебя, бро?

Он уходит, не дожидаясь ответа.

До того, как я успеваю среагировать, она говорит:

— Этот ребенок твой.

Я это уже понял. Она не из тех, кто спит со всеми подряд. Поэтому я не сомневаюсь, что ребенок мой.

Пока я все еще в состоянии шока, она продолжает:

— Я не могу ее оставить. Я думала, что смогу это сделать. Прости, но она твоя, как только родится.

Она?

Я все еще не могу переварить сказанное, когда она продолжает, вызывая во мне еще больше паники.

— Это будет через два с половиной месяца. Реши, что ты хочешь. Вот мой новый номер.

Она протягивает мне лист бумаги. Я не могу. Это чувствуется, будто на меня перекладывают ответственность, и это давит на меня.

— Позвони мне, когда у тебя не будет этого «вот дерьмо» взгляда, и ты будешь готов поговорить. Я остановилась здесь у друзей.

Она отступает назад, обхватив живот:

— Мне ничего не нужно от тебя. Ни любви, ни тепла, ни твоих денег или известности. Я просто хочу, чтобы у этого ребенка был хороший дом. На данный момент я не могу ей этого дать.

Ей...

У меня будет дочь?

Черт, у меня будет дочь?

И она хочет, чтобы я дал ей дом. Как мне это сделать, если я в разъездах по полгода?

Какого черта...

Дейзи

Месяц назад...

— Дейзи Борегар.

Я останавливаюсь, услышав свое имя. Я прижимаю кроссворд к груди, держа в руке розовую ручку.

— Это я.

— Пожалуйста, идите за мной.

Я быстро хватаю сумочку и бутылку с водой, и следую за женщиной через большие двойные двери с электронным контролем. Стерильный коридор ярко освещен флуоресцентными лампами. Я слышу звук мониторов, направляясь к закрытой деревянной двери с номером двести тринадцать.

— Доктор Мендес подойдет к вам.

Я киваю и нервничаю в ожидании. Прижавшись к закрытой двери, я слышу с другой стороны звуковой сигнал. Это успокаивает и помогает выкинуть из памяти картину, которая преследовала меня последние несколько часов...

Страх в ее глазах.

Ее лицо, склонившееся в сторону.

Как ее безжизненное тело падает на пол.

У меня перехватывает дыхание, и я ощущаю жжение в глазах. Она всё для меня. Я не знаю, что буду делать без нее. Без ее защиты, без ее теплых объятий, без ее любви.

— Дейзи?

Я смотрю на мужчину в белом халате. На бейдже которого указано имя доктор Джейк Мендес.

— Это я, — говорю я дрожащим голосом.

— Дейзи, я доктор Мендес, — я быстро пожимаю его руку, когда он протягивает ее в знак приветствия. Вместо слов я просто киваю, когда он продолжает: — Как вы знаете, у вашей бабушки был инсульт. Мы провели компьютерную томографию⁷, и нашли тромб в одной из ее артерий, которая качает кровь в мозг.

— О боже, — я непроизвольно закрываю рот рукой.

Доктор Мендес сжимает мое плечо в успокоительном жесте.

— На самом деле, не все так плохо. Есть два вида инсульта: ишемический и геморрагический. При геморрагическом происходит кровоизлияние в мозг, что довольно сложно вылечить. У вашей бабушки — ишемический, при котором кровь не поступает в мозг, поэтому мы можем избежать операции, учитывая ее возраст. Мы ввели ей антикоагулянтное средство⁸, которое должно помочь.

Я сглатываю ком в горле.

— С ней все будет в порядке?

— Мы сейчас наблюдаем за ней. Она сломала бедро при падении, из-за чего ей потребуется курс интенсивной реабилитационной терапии. Есть вероятность, что левая часть тела будет обездвижена.

Страх пробегается по моей спине.

— Она парализована?

— Временный паралич, из-за которого ее левая рука будет нетрудоспособна. Также может произойти онемение левой части лица. Сложно сказать, как долго это будет длиться.

— Но она будет в порядке?

— Сейчас она стабильна, но ей потребуется время для выздоровления, — он вздыхает и продолжает: — Я так понимаю, что вы живете с ней в двухкомнатной квартире.

— Да, сэр. Мы заботились друг о друге все время, сколько я себя помню.

— Хорошо, — он прячет руки в карманы халата, и я думаю, что мне не понравится то, что он скажет дальше. — Учитывая состояние твоей бабушки, возраст и необходимые

---

⁷ Компьютерная томография — это метод послойной диагностики организма, основанный на рентгеновском излучении

⁸ Антикоагулянты (от анти... и лат. coagulans, род. падеж coagulantis — вызывающий свёртывание) — химические вещества и лекарственные средства, угнетающие активность свёртывающей системы крови и препятствующие образованию тромбов

требования к лечению, будет лучше, если она отправится в реабилитационный центр, а затем в дом престарелых.

— Дом престарелых? — я качаю головой. — В этом нет необходимости. Я могу позаботиться о ней.

Он вздыхает:

— Я в этом не сомневаюсь. Судя по нашему разговору, я могу сказать, что ты — любящая и заботливая внучка, но ей необходимо круглосуточное внимание.

— Я могу дать ей это, — отвечаю я быстро.

— Что насчет работы, друзей, другой семьи? Ты еще молода, у тебя много всего впереди, а на уход за бабушкой уйдет все твоё время.

— У меня нет работы и друзей.

Я в ужасе от того, что могу потерять единственное, что есть в моей жизни.

Я была на домашнем обучении со второго класса. Она обеспечивала меня. Она относилась ко мне как к своей дочери. Я провела основную часть своей жизни с ней. Мы вместе смотрели «Дни нашей жизни»⁹ и мюзиклы. Она научила меня шить и готовить. Она мой лучший друг, мой герой, моё всё. Я не знаю, что буду делать без нее.

Она не может покинуть меня. Я не знаю, как буду жить одна. Я не знаю, как жить за пределами комфорта, в котором находилась благодаря ей. Я не хочу. Я не готова к этому.

— Дейзи, я не говорю, что нужно принять решение сейчас. Но, скорее всего, другого варианта нет. Если ты хочешь, чтобы она поправилась, когда покинет эту больницу, я предлагаю тебе начать присматривать дома престарелых или другие подобные организации. Может быть, что-то на западной стороне, с видом на горы, — он хлопает меня по плечу. — Я вернусь, чтобы проверить ее. Она сейчас спит, но ты можешь зайти и побыть с ней.

Я киваю, поблагодарив его.

Скорее всего, другого варианта нет...

Эти слова убивают меня, и осознание того, что все изменится.

Как это возможно? Еще два дня назад она была веселой и жизнерадостной. Как принять подобные слова о сильной и неунывающей женщине, которую я знаю и люблю?

Моя бабушка.

Я не вижу ничего из-за подступивших слез.

У нее случился инсульт. Она сломала бедро. Ее левая часть тела парализована. Другого варианта нет.

Значит... Моя жизнь вот-вот перевернется вверх дном. Крошечный кокон, в котором я была с семи лет, скоро раскроется до того, как у меня появятся крылья.

Я не знаю, что будет дальше. Но я не готова быть одна. Я ничего не знаю о мире за его пределами. И все это меня жутко пугает.

Картер

Неделю назад...

Опустив защитное стекло шлема, и, посмотрев через плечо, я выезжаю на своем мотоцикле. Я ощущаю свободу, когда чувствую шум двигателя подо мной.

Мне нужно быть как можно дальше от этого места.

Мой властный дядя выводит меня из себя, долбанный неудачник.

Еще несколько тысяч долларов до того, как я верну ему деньги, которые он потратил на оплату моей учебы в кулинарной школе, после чего наконец-то открою свой собственный ресторан. А пока мне приходится помогать в его итальянском ресторане, где

---

⁹ «Дни нашей жизни» (англ. Days of our Lives) — американская дневная мыльная опера, транслирующаяся на канале NBC в США с 8 ноября 1965 года

я готовлю дешевую и дерьмовую пищу для жителей Денвера, у которых отсутствуют вкусовые рецепторы.

Я не заморачиваюсь в плане готовки. Мне пришлось много работать, чтобы быть здесь. Следовать его правилам — как будто заключить сделку с дьяволом, поэтому я каждый день живу в аду.

Но мне нужны деньги, и он знает это. Поэтому я работал на него пока учился и после того, как выплатил долг. Я работаю по несколько смен, экономя и ограничивая себя настолько это возможно. Еще я делаю ставки на спортивных соревнованиях, когда уверен, что точно выиграю.

Повернув направо, я еду по шоссе под звездами темной ночи. Из-за того, что Денвер был назван лучшим городом для жизни в США, цены на жилье взлетели. Поэтому у меня только один вариант: переделанный склад на Делавэр-стрит, рядом с автомагистралью. Аренда была слишком дешевой, и чтобы сэкономить, я разделил оплату с моей девушкой Сашей.

Светофор показывает красный, когда я останавливаю свой байк. Господи.

Откинувшись назад, я опускаю ноги на дорогу, проклиная этот чертов город и его долбаное движение.

Вытащив телефон, я подключаю его к Bluetooth в моем шлеме и звоню моему лучшему другу Фитси.

— Чувак, ты едешь? — спрашивает он раздраженно.

Я знаю Джеральда Фитсиммонса (он же Фитси) со времен начальной школы, поэтому его беспокойство не ново для меня.

— Мне нужно заехать домой, чтобы принять душ.

— Нахрен это, игра начнется через десять минут. Просто приезжай сюда.

— От меня несет как от свиньи, — спорю я. — Я приму душ и переоденусь. Если вообще справлюсь с этой дорогой.

— Будь мудаком и прокатись по обочине. Это слишком долго.

Он прав.

— Это единственный вариант.

— Значит, прокатись по чертовой обочине и двигай сюда.

Нарушить правила. Я следую его совету, не заботясь, что меня поймают копы. Я просто добавлю очередную квитанцию со штрафом к той стопке на своем кухонном столе.

— Ты просто хочешь, чтобы я приехал и пожарил крылышки.

Фитси молчит в течение нескольких секунд.

— Конечно, я этого хочу. И не забудь привезти пива.

— Ты придурок, — я улыбаюсь, останавливаясь справа от своего дома.

— Я придурок, у которого пятидесятидюймовый телевизор с плоским экраном и идеальным изображением. Это больше, что можно сказать о своем древнем ящике, стоящем на раскладном столе.

— Ага. Ну, у меня нет папы, который подкидывал бы мне деньги.

— Он чувствует себя виноватым за то, что оставил меня двадцать лет назад. Буду ли я отказываться от его предложения покупать мне всякий хлам? Черт, нет. Он может купить мне всю электронику и любое другое дерьмо, какое захочет.

Отец Фитси был полным мудилой, когда был молодым, свалив однажды ночью, он так и не вернулся. Мы проходили через все трудности вместе. По крайней мере, у него была мама. У меня же был только дядя Чак. И вы могли бы подумать, что после многих лет, проведенных вместе праздников и семейных сборов, он будет относиться ко мне как к настоящему сыну. Нет. Каждый день он напоминает мне, какое я бремя для него, как я ему обязан за то, что он меня «вырастил», дал крышу над головой и отправил меня в колледж, когда мне исполнилось шестнадцать.

Он думал, что помогает мне стать человеком. В действительности, я превращаюсь в такого же жестокого ублюдка, как и он сам.

Я паркуюсь на своем обычном месте, замечая отсутствие автомобиля Саши. Я беру свою сумку, обхожу квартиру, собираясь принять самый быстрый душ.

— Так, я у себя. Скоро буду.

— Отлично, — фыркает он. — Поторопись, черт возьми.

Я вижу письмо на раскладном столе в импровизированной столовой, когда захожу в квартиру. Оглядевшись вокруг, я подозреваю неладное, не замечая всякой девчачьей фигни, которую Саша оставляла по всей квартире. Опустив мой шлем, я с беспокойством подхожу на дрожащих ногах.

Это почерк Саши. Она никогда не оставляет записок...

Я открываю и читаю ее.

«Картер, мне очень жаль.

Возможно, когда-нибудь я смогу тебе все вернуть.

С.»

Вернуть? Какого черта это значит?

Это ее способ расстаться со мной? Через долбаную записку?

Это не происходит на самом деле.

В растерянности, я перечитываю снова. Мне просто нужно понять смысл всего этого. Вернуть мне что...

Мои мысли путаются, холод пробегает по коже.

Нет...

Она единственная знала.

В растерянности, я бегу в спальню, дергаю нижний ящик комода, и открываю коробку.

Абсолютно ничего. Это были все деньги, которые я выиграл на ставках за последние несколько лет. Больше десяти тысяч чертовых долларов пропали.

Я не доверяю банкам, поэтому не храню там свои сбережения, полагая, что моя квартира будет более безопасным местом. Это нихрена не так. Дерьмо.

— Бл*дь! — кричу я, бросаю коробку, хватаясь за голову. — Бл*дь! Бл*дь!

Всего этого нет. Моей свободы, единственной возможности, чтобы избавиться от своего дяди. У меня темнеет в глазах. Этого не могло, черт подери, произойти. Саша не могла просто забрать все, ради чего я работал и уйти. Оставить меня ни с чем, за исключением квартиры, в которой нет ничего кроме раздолбанной мебели.

Вытащив телефон из кармана, я набираю ее номер. И попадаю на голосовую почту, что не удивляет меня. Я отправляю ей сообщение с текстом «Перезвони мне», хотя осознаю, что не дождусь звонка.

Она не могла.

Она лишила меня свободы. Я много лет вкалывал, чтобы добиться этого.

Это не происходит.

Пожалуйста, это не может быть правдой.

Я сижу на кровати, взявшись за голову. Я уничтожен. Других слов для описания происходящего нет.

— Бл*дь...

Слово соскальзывает с моего языка, повиснув в воздухе. Я бью по стене, выплескивая весь гнев, когда чувствую жжение в руках.

Твою мать.

Почему? Почему, черт возьми, она это сделала? Я думал, что у нас все было хорошо. И теперь она просто... ушла?

И вот так она, как и моя свобода, исчезла в мгновение ока.

Шаг 1: Скорбь

Холлин

— Три... два... один... Счастливого Нового года!

Я слышу шум, исходящий от экрана, а голубые и серые конфетти вспыхивают в небе, как и шляпы от спонсора передачи «Нивеа». Целующиеся пары, празднующие люди, и все веселятся пока Райан Сикрест¹⁰ говорит какую-то эмоциональную чушь о том, что наступил Новый год.

— Говори, что хочешь, Райан, ты не скажешь что-то важное, — бормочу я.

С чипсами Cheez Doodle во рту, которые окрасили уголки губ в оранжевый цвет, я со вздохом говорю:

— С новым Годом, Принц Уильям.

Оглянувшись, я беру принца Уильяма, мою золотую рыбку. Или правильнее сказать — мою мертвую золотую рыбку. Это произошло два дня назад, но мне было лень убрать его.

— Я бы поцеловала тебя, если бы ты не вонял на всю квартиру. Ты пахнешь отвратительно, поэтому я не буду этого делать.

Чипсы падают мне на грудь, когда я беру баллон с освежителем воздуха, поднимаю его к потолку и нажимаю на кнопку. Он с запахом «горного тумана», и когда он наполняет квартиру, я чувствую, будто нахожусь в осиновом лесу.

Это жизнь. Только начался новый год. У меня есть сырные колечки, мои волосы собраны в узел, мои полосатые носки еще времен средней школы болтаются на ногах. Лучше не придумаешь.

Я опять нажимаю на кнопку, снова чувствуя запах и наблюдая, как капли падают на ковер.

— Знаешь, принц Уильям, они немного антиклиматичны. Ты чувствуешь то же самое?

Я смотрю на него в ожидании ответа.

— Буль, буль, буль, я согласен, Холлин, — произношу я жутким голосом.

Я осматриваюсь: пачки с чипсами, разбросанные по моему журнальному столу; валяющиеся на полу фотографии знаменитостей, вырванные из журналов; мокрое пятно на ковре от освежителя воздуха, а мой диван напоминает окрас леопарда из-за отпечатков пальцев после чипсов.

Я чувствую себя хуже некуда.

Встряхнув освежитель, и поняв, что он закончился, я позволяю ему выскользнуть из моей руки и упасть на ковер. Я начинаю плакать из-за этого. Да, я опустилась на самое дно.

Я тру глаза, когда входная дверь открывается, и моя лучшая подруга Аманда заходит вместе со своим парнем Мэттом.

— С Новым... — она останавливается и начинает махать рукой перед лицом. Мэтт начинает кашлять, натягивая свой жилет на лицо в качестве маски.

— О боже, — говорит она с недовольством. — Кто здесь умер?

— Я увлеклась с использованием освежителя, — отвечаю я уставшим голосом.

Сев прямо, я оглядываю их одежду. На Аманде облегающее блестящее платье, и длинное черное пальто в горошек, а Мэтт — в темных джинсах, рубашке и жилете. Он трет руки, пытаясь согреться.

— Я думала, что вы пошли на вечеринку, — говорю я, откидываясь назад и засовывая руку в пачку чипсов.

— Так и есть, но там было неинтересно, — Аманда осматривает комнату и морщит нос от беспорядка моей квартиры. — Ты — свинья.

---

¹⁰ американский теле- и радиоведущий

— Ха, спасибо. Что скажешь про мой «лес»?

— Я буду на кухне, — Мэтт быстро исчезает, и я слышу, как он роется в моем холодильнике.

— Твоя золотая рыбка умерла, — обращается ко мне Аманда.

Я разрываю пачку и слизываю с фольги остатки приправ.

— Скажи то, чего я не знаю.

— У тебя есть что-нибудь еще, кроме соуса табаско и грейпфрута? — кричит Мэтт с кухни.

— Нет, принеси соус, я хочу пить.

— Да, принеси его, — говорит она с осуждением. — Ты можешь присоединиться к Холлин, со всем этим ее мусором.

Не желая быть ужасной хозяйкой, я протягиваю ей крендель, спрашивая:

— Хочешь доесть соль, которая осталась в самом низу?

— Ты действительно хочешь соус? — спрашивает Мэтт, протягивая его.

Я тянусь к нему, но Аманда быстро отбрасывает его. Бутылка катится по полу, присоединяясь к освежителю воздуха.

— Она не будет его пить. Бога ради, Холлин. Посмотри на себя.

В этом нет необходимости, я знаю, что увижу в зеркале. Учítывая, что я начала отвечать за свою рыбку. Я не хочу, чтобы моя и без того убитая самооценка опустилась ниже плинтуса.

— Все в порядке, — отмахиваюсь я.

Мне не нужно напоминать.

Я вижу сочувствие и сострадание в ее взгляде. Но я знаю, что она скажет дальше, и мне это не понравится. Наклонившись, она сжимает мое колено и качает головой.

— Нет, ты не в порядке.

— Не начинай, — я стряхиваю со своей рубашки крошки, которых столько, что можно накормить семью мышей, устроив им День благодарения. — Я не в настроении.

— Ты всегда не в настроении, — бросает она в ответ. Ее состояние меняется до раздражения.

— У меня не бывает плохих дней.

— Ты можешь убрать свой сарказм и сказать, что происходит?

Я видела, как Аманда расстраивалась из-за меня раньше, но не так как сейчас.

— Это немного неловко, — говорит Мэтт, качаясь на пятках. — Я думаю, что возьму соус табаско и посмотрю, что могу сделать на кухне.

Он подходит, чтобы взять его, когда Аманда хватается за него.

— Нет. Этот разговор включает и тебя тоже.

— Что это за разговор, при котором необходимо его присутствие? Это все то же самое, Аманда. Ты скажешь мне, что прошло уже полтора года с тех пор, как умер мой муж, что мне нужно прекратить депрессовать и продолжить свою жизнь. Что мне нужно вернуться в медицинскую школу и закончить учебу, чтобы я могла бросить работу официантки в итальянской закусочной у Чака. Я слышала это раньше, и меня это не интересует.

Каждые несколько недель Аманда старается разговаривать со мной о моей жизни и о том, что мне нужно учиться жить снова.

Три пачки чипсов Cheez Doodles и крендели — для разнообразия. Я живу неплохо, спасибо.

Аманда поправляет пальто, выглядя более беспокойно и сердито, чем когда-либо. И еще... я вижу ее слезы? Я наклоняюсь поближе, чтобы лучше разглядеть, когда она вынимает из кармана маленькую коробочку.

На мгновение я отодвигаюсь, думая, что оттуда выскочит безумный клоун. Я поднимаю голову, и вижу, как она стучит ногой и предлагает мне открыть ее.

— Что это? — говорю я, не понимая, что вообще происходит.

— Открой.

— Вы решили меня отравить, чтобы прекратить мои мучения?

Она закатывает глаза, пододвигая коробку ко мне.

— Открой.

Я с беспокойством хватаю коробочку, удивляясь качеству. Она хорошо сделана, и петли не скрипят, когда я открываю...

Какого черта?

Я смотрю на Аманду, которая улыбается. А затем смотрю на коробочку, в которой находится кольцо с бриллиантом. И которое выглядит очень дорого.

— Эм, ты делаешь мне предложение?

У меня странное состояние, но это кольцо вызывает у меня желание ответить «да».

— Нет, это мое кольцо.

— Что... — я смотрю на Мэтта, который сияет от гордости. А затем на Аманду, которая является самой легкомысленной из всех, кого я знаю. — Вы обручились?

Это неожиданная новость для меня.

Она кивает и хлопает в ладоши:

— Так и есть.

Пробегаясь взглядом по кольцу, я думаю о краже и бегстве в Мексику.

— Почему ты не носишь его? Разве не так обычно делают, когда обручены?

— Потому что мы не хотели, чтобы ты видела, — отвечает она со вздохом.

— Подожди.

Я встаю, одна из штанин на брюках поднялась до моего колена, рабочая рубашка Эрика собралась вокруг моей талии, а носки повисли на ногах.

— Хочешь сказать, что это произошло не сегодня?

Немного прищурившись, а затем, улыбнувшись, она медленно кивает:

— Уже четыре месяца.

— Четыре месяца? — кричу я. — Это произошло четыре месяца назад? Какого черта вы мне не сказали?

— Посмотри на себя, Холлин, — она проходит мимо меня взглядом по моему внешнему виду. — Ты едва работаешь. В остальное время ты одета в рубашки Эрика, просматривая видео вашей свадьбы или прослушивая сообщения, которые вы отправляли друг другу в приложении Voxel. Я не думала, что правильно говорить тебе об этом.

Нервно кивнув, я начинаю злиться, хватая кольцо.

— Значит, ты решила подождать четыре месяца, прежде чем сообщить своей лучшей подруге о том, что вы обручились. И вывалить на меня эту новость в канун Нового Года — в праздник для пар?

— На самом деле, праздник для пар — День Святого Валентина, — говорит Мэтт, показывая пальцем вверх.

— Заткнись, Мэтт, — огрызаюсь я.

Он поднимает соус табаско и выходит на кухню. Я надеюсь, он сожжет себе язык.

— Холлин, я не хочу ссориться, — подойдя ко мне, она забирает кольцо из моей руки и надевает на свой палец. Эта штука сверкает, выделяясь в темноте комнаты. — Я пришла, чтобы отдать это.

Она сует руку в карман, и я думаю, что она покажет мне положительный тест на беременность. Но вместо этого она вручает мне брошюру.

— Что это?

Первое предложение, которое я вижу на мягкой бумаге, говорит: «Хотите изменить свою жизнь?». Я мысленно закатываю глаза. Самосовершенствование. Это не первый раз, когда она это делает. Церковная группа, в которую она пыталась заставить меня пойти несколько месяцев назад. Это было еще то удовольствие — с их ужасным выбором чая и группой людей, средний возраст которых был в районе шестидесяти лет.

— Эта программа «Дорогая Жизнь», здесь в Денвере.

Бросив брошюру на журнальный столик, я скрещиваю руки на груди:

— Дай угадаю. Это то, где мы будем рассказывать о своих чувствах?

Она качает головой.

— Нет. Это поможет тебе снова начать жить, — она останавливается и собирается с мыслями. — Холлин, я очень тебя люблю. И меня убивает наблюдать, как ты тратишь свое время зря. Эрик хотел бы...

— Не надо мне говорить о том, что он хотел бы, чтобы я продолжала жить дальше. Не впутывай его в это, — говорю я.

Каждое сказанное слово будто пропитано ядом. Иначе у меня не получается.

— Значит, мы не можем его упоминать? Я не могу произносить его имя? Не говорить о том прекрасном времени, которое было? Он был частью и моей жизни тоже. Он был моим другом, и я тоже потеряла его. Я не могу переживать его смерть каждый раз, когда я прихожу к тебе.

— Тебе лучше уйти, — говорю я, присаживаясь на диван и зарываясь в подушки.

— Не делай этого, Холлин. Не отдаляйся от меня. Я пытаюсь помочь тебе.

— Ты не думала, что я не нуждаюсь в помощи? — бросаю я в ответ.

— А ты думала, что я тоже не хочу потерять своего лучшего друга? — отвечает она со слезами. — Эрик умер. Не ты. Ты стала другой, и я понимаю это. Я не могу представить, как тебе плохо. Но я уже потеряла Эрика, я не хочу потерять и тебя.

Мэтт появляется рядом, обнимая ее.

Успокоившись, она продолжает:

— Я люблю тебя, Холлин. Как сестру. Мы прошли через все вместе. И в день моей свадьбы я хочу, чтобы ты была рядом со мной. Была подружкой невесты. Но я знаю, что этого не будет, пока ты не отпустишь это и снова не начнешь жить.

Взяв Мэтта за руку, она наклоняется к нему и продолжает:

— Сейчас идет подготовка к свадьбе. И я хочу, чтобы ты была с нами.

Я не отвечаю ей, просто киваю. Не уверена, что сказать или сделать.

— Пожалуйста, хотя бы подумай об этом. Если тебе что-нибудь понадобится, ты знаешь, что можешь позвонить мне в любое время.

Это правда. В течение первых трех месяцев после того как умер Эрик, я звонила ей посреди ночи, мое сердце болело от горя. Я прижимала фото Эрика к груди и плакала без остановки. Она приходила и обнимала меня, пока я не засыпала.

— Пока, Холлин, — с грустью в голосе говорит Мэтт перед тем, как закрыть дверь, оставив меня в одиночестве снова. Снова, точно так же, как и в предыдущие чертовы ночи.

Звуки их шагов исчезают в коридоре. Брошюра, оставленная Амандой, прожигает дыру на моем журнальном столике, прося открыть ее.

Начать жить. Это возможно?

Я была замужем за Эриком в течение года и одной недели, пока он не погиб во время рабочей тренировки. Огонь убил его.

Год и неделя — все, что у меня было. Год и неделю я называла его своим мужем, а он называл меня женой. Столько было времени, чтобы насладиться браком. Один год и неделя, чтобы я растворилась в этом человеке, который так легко украл мое сердце.

Я не думаю, что можно снова начать жить. Наслаждаться такими незначительными вещами, как красивое голубое небо Колорадо. Или запахом свежей чашки кофе, приготовленного так, как тебе нравится. Или радоваться звуку смеха ребенка. Это все уныло. Серо. Обычно. Безжизненно.

Безжизненно.

Хотя у нас было так мало времени вместе, жизнь без него — не жизнь.

Я снова чувствую печаль, которая опять бросает меня в порочный круг депрессии. Взглянув на кресло Эрика, я иду в свое убежище, зарываясь в подушки. Эта безопасность — теплая и знакомая — то, что мне нужно. Чтобы Эрик обнял меня.

Запустив Vоxег на телефоне, я открываю наши беседы, и слушаю последние сообщения, которые он мне отправлял, теряясь в воспоминаниях.

— Тростинка, ты не поверишь, кого я видел в King Soopers¹¹, пока выбирал гуакамоле. Чейза Стайлза из «Колорадо майнерс». Угадай, что было в его тележке? Тампоны, яблочный сок и коробка замороженных чизбургеров из White Castle¹². Как думаешь, он не разозлится, если я поменяю его сок на Ecto Cooler¹³?

— Не забудь положить белье в сушилку, мне нужны мои русы, хоть ты и думаешь, что я могу ходить без них. Но мне надо держать свои яйца в тепле, если мы хотим иметь детей.

Я начинаю плакать от звука его голоса, его шутливого тона, которым он разговаривал со мной. И как я замираю, просто слушая его. Я включаю другое сообщение, прижимая телефон к сердцу, представляя, что он рядом со мной.

— Иду домой. И тебе лучше быть в кровати голой, со стрелкой на твоей киске, которая говорит, что она принадлежит мне. У тебя пять минут.

Его властные прикосновения, с любовью.

Его безусловная любовь, которую я не заслужила.

Его улыбка, опьяняющая и очаровательная.

Он был для меня всем.

— Я больше чем уверен, что я только что увидел, как наш сосед Боб Джонс выгуливает курицу. Я не шучу. Давай проверим позже. На этот раз я нанесу боевой раскрас, если ты обещаешь не пытаться снова разрисовать мой член. Он будет в штанах, поэтому ему не нужна маскировка.

Его юмор. Его глаза. Его щетина. Его губы.

То, как он заставлял меня улыбаться, несмотря на мое настроение.

Все, что у меня осталось — это слабый запах на его одежде, сообщения на моем телефоне и выцветшие фотографии в моем альбоме.

Взявшись за воротник рубашки, я подношу его к носу и вздыхаю, вспоминая мужчину, который должен был быть моим всегда, и все еще живущий в моей памяти.

Но, к сожалению, память о нем со временем слабеет. Его запах исчезает, его смех стихает, и его теплые объятия растворяются, и я чувствую холод.

То, что должно было быть любовью, было легко сломано. Сломано и потеряно.

На мои щеки и рубашку падают слезы, с грустью и болью, из-за потерянных воспоминаний.

Это вся моя, ничем не наполненная, жизнь.

Я теряюсь в своей печали, когда мой телефон подает звуковой сигнал о сообщении. Сквозь слезы я смотрю на текст.

Аманда: Я люблю тебя, Холлин. Какое бы ты решение не приняла, я всегда буду с тобой. Позвоню завтра.

Бросив телефон на журнальный столик, я глубоко вздыхаю, пытаюсь остановить слезы.

— Возьми себя в руки, Холлин. Я действительно больше не хочу быть этим человеком. Не хочу быть в таком состоянии. И не хочу снова разочаровывать единственного человека, который остался со мной, когда я оттолкнула всех остальных.

Я сажусь и убираю волосы с лица, посмотрев на брошюру, которую оставила Аманда.

Дорогая Жизнь.

Учим жить заново.

Готова ли я снова жить? Нет, но я не хочу потерять и Аманду. Я забираю брошюру и беру ее с собой в кровать, оставляя свой телефон и сообщения Эрика. Не сегодня. Я уже достаточно разбита. Я не засну от его голоса.

Остановившись в коридоре, я схватилась за стену, опустив голову. Думая о том, что не слышу голос Эрика в моей голове, когда закрываю глаза. Могу ли я это сделать?

---

¹¹ King Soopers — сеть продуктовых магазинов

¹² White Castle — ресторан быстрого питания

¹³ Ecto Cooler — цитрусовый микс с ледяным эффектом

Смогу я уснуть в тишине? Нет. Возвращаясь к журнальному столику, я откладываю брошюру и беру телефон, быстро открыв приложение Voxel, чтобы прослушать сообщение.

— *Я люблю тебя, Тростинка. Никогда не забывай об этом.*

Мое горло сжимается, ноги слабеют. Я падаю на пол, хватаясь за столик, рыдаю еще сильнее.

Начать жить.

Я не уверена, что смогу.

Джейс

— Поздравляю.

Пожилая женщина в розовом медицинском халате и маской, свисающей с ее шеи, передает мне крошечный сверток, из одеяла нейтрального цвета. Такой легкий и теплый.

Дрожащими руками, я беру шесть фунтов и две унции¹⁴ «любви моей жизни» и смотрю на нее.

Воздух покидает мои легкие, прежде чем я оглядываюсь и беру единственное, что может поставить меня на колени.

Маленькая девочка.

Маленький носик, красные щечки, закрытые глазки и прекрасные пухлые губки. Она такая маленькая, такая крошечная, такая невинная.

Она ничего не знает об этом мире. О трудностях, предрассудках, недостатках и возможностях. Но она будет знать одно — мою любовь к ней. По крайней мере, я надеюсь на это.

Я не знал, что можно кого-то так быстро и безоговорочно полюбить. Но сейчас, держа свою дочь, это произошло. Любовь.

Моя дочь.

Я не знаю, смогу ли когда-нибудь привыкнуть к тому, что она — часть меня. Что она всегда будет в моем сердце. Что бы ни случилось, она всегда будет занимать большую часть моей души.

Сдерживая слезы и сражаясь с комом в горле, я говорю тихо:

— Привет, малышка, — я вдыхаю. У меня не получается справляться с нахлынувшими эмоциями. — Ты такая прекрасная, такая крошечная, такая совершенная.

Я делаю глубокий вдох и немного отодвигаю одеяло, чтобы увидеть ее ручки. Я провожу пальцем по ее руке, удивляясь ее размеру по сравнению с моей. Как она сжимает мой палец своей ручкой. Я пропал. Здесь и сейчас.

Слезы текут по моему лицу, когда я смотрю на нее, запоминая этот момент.

— Ты станешь самой счастливой девочкой, — говорю я, слезы каплют на ее одеяло. — Тебя будут любить, заботиться и защищать от всего плохого. Я не хочу, чтобы ты когда-либо испытывала боль или страдания. Я просто хочу лучшего для тебя, — я вытираю слезы. — Я буду любить тебя, так сильно, каждой частью себя. Я надеюсь, что ты знаешь это, малышка. Я действительно надеюсь, что ты знаешь, как сильно я тебя люблю.

— Мистер Барнс, — говорит медсестра, глядя на меня, сидящего в кресле.

Комната забита цветами и воздушными шарами, которые принесли мои друзья из команды. В последние два дня было много посетителей и пожеланий. Но сейчас — пришло время уходить.

Я киваю:

— Пусть Алекс и Джун заходят.

Я качаю свою дочь, тихо разговаривая с ней, когда дверь открывается снова. С лицами, полные надежды и радости заходят Алекс и Джун, взявшись за руки.

— Привет, дамы, — говорю я задыхаясь.

---

¹⁴ примерно 2кг 800 гр

По лицу Джун текут слезы, ее рука прижата к губам, а Алекс крепко держится за нее. Сделав глубокий вдох, я спрашиваю:

— Вы готовы встретиться с вашей девочкой?

У меня сдавливает горло на последнем слове, но я пытаюсь сохранить спокойствие. Они обе кивают, и с болью, и в то же время наполненностью в сердце, я передаю свою дочь ее новым родителям.

— Да, — говорит она с улыбкой.

Она протягивает руки, и я передаю ей ребенка, вместе со своим разбитым сердцем. Алекс обнимает Джун, и смотрит через плечо на свою маленькую девочку. Это так прекрасно — видеть, как две женщины осуществили свою мечту о полной семье.

Отступив назад, я наблюдаю за их искренней радостью. Видя их восторг, я знаю, что поступил правильно. Я знаю, что я дал им самый ценный подарок. Я знаю, что я дал моей девочке лучшее. Глубоко в душе я знаю, что принял правильное решение.

Этот ребенок будет любим. У нее будем дом. У нее будут возможности. У нее будет возможность расти и учиться, и стать тем, кем она захочет. У нее будут два родителя, которые могут дать ей все. То, чего не могу дать я.

Я воспитывался в приемных семьях. Я знаю, каково это — не иметь настоящих родителей, которые бы тебя любили. Я знаком с этим чувством, когда никто не поддерживает тебя. Никто не видит, как ты становишься человеком, каким должен быть.

Я не хочу для своей дочери такой жизни.

Учитывая мой образ жизни, я не смогу ей дать то, в чем она нуждается.

Я мог бы оплатить услуги няни, чтобы она воспитывала мою дочь пока я в разъездах. Но что это за жизнь? Это было бы эгоистично — оставить ее с собой, давая только половину семьи, которую она заслуживает.

Поэтому я искал двух человек, что могли бы дать моей дочери жизнь, которой она достойна. Я нашел Джун и Алекс через агентство по усыновлению, и сразу же проникся их историей, их семьей и жизнью. Они пытались сделать это в течение трех лет, дважды у них не получалось. Они уже были близки к тому, чтобы отказаться от поисков, но решили попытаться в последний раз. Тогда-то я и нашел их.

Что может быть лучше мамы? Две мамы. Это одна из цитат, которые были в письме. Я запомнил это. Как и фото Алекс и Джун на игре «Колорадо майнерс», одетых в футболки с моим номером. Скорее всего, это и не оставило меня равнодушным.

Когда мы впервые встретились, они не подозревали, что я был человеком, который исполнит их мечту. Для них это был шок. Но после этого мы сели и поболтали, как старые друзья. Я узнал о том, как они впервые встретились. Красивая и забавная история о совместной работе в магазине мороженого. Я видел фотографии их трех кошек и двух собак, которых они шутливо называли своей фермой. И я узнал об их трудностях, через которые они прошли в период процесса усыновления. О предрассудках, что однополая пара пытается взяться за воспитание ребенка. Это разбило меня на части, и я пообещал, что их поиски закончены. Чтобы они могли успокоиться и запастись подгузниками, потому что их маленькая девочка скоро будет с ними.

Мы попрощались долгими объятиями, поблагодарив друг друга. Мы осознавали, что ребенок — это огромная ответственность. И что мы все сделаем все возможное, чтобы дать ей все, что ей нужно.

Сквозь слезы, Джун смотрит на меня с благодарностью:

— Джейс, она прекрасна.

— Она идеальна, — говорит Алекс, будучи более спокойной в их отношениях. Маленькая слеза течет по ее щеке.

— Спасибо, — говорю я, от неловкости не зная, как правильно ответить. — Ну, Трейси уже дала вам документы?

Алекс кивает, не отрывая глаз от ребенка.

— Все уже сделано, и уже поговорили с врачом.

— Ну, тогда она готова, — говорю я, снова чувствуя ком в горле.

Алекс встречается со мной взглядом и кивает:

— Она готова.

— Ладно, нужно ее переодеть. Вы ведь принесли для нее одежду?

— Да, — Джун передает ребенка Алекс и идет в коридор. Она приносит автокресло и серую сумку, в которой лежит все необходимое для новорожденных. Она выглядит немного неуклюже, неся все это. Так же, как и я.

— Хорошо, — я пытаюсь собраться, несмотря на боль в груди. — Вы уже выбрали имя?

Когда мы только встретились, я поинтересовался, есть ли у них какие-то имена на примете, но они так и не определились. Алекс отвела меня в сторону и сказала, что они держали имя в секрете, на случай, если я передумаю. Это было бы слишком разрушительно для Джун, пройти снова через это — выбрать имя для ребенка, который не будет ее.

В тот день я поклялся Алекс, что у Джун будет ребенок. И ничто не помешает.

Так и случилось.

С документами все дела улажены, Джун наконец-то стала мамой.

Черт, просто думая о том, что дарю этой женщине такой дорогой подарок, я чувствую головокружение.

— Мы уже выбрали имя, — отвечает Алекс с искренней улыбкой.

Прочистив горло, я спрашиваю:

— И как вы ее назовете?

Все в Джун источает материнство, и, отвлекая внимание от ребенка, она робко улыбается:

— Мы решили назвать ее Хоуп¹⁵. Потому что ты дал нам надежду, Джейс, — Алекс обнимает Джун, и я вижу самую прекрасную семью, стоящую передо мной. — Время было тяжелое, и ты это изменил. Ты дал нам то, за что мы никогда не сможем отплатить.

Я киваю, потому что мне сложно что-то сказать. Мы стоим в тишине какое-то время, пока я, прочистив горло, не говорю:

— Отлично. Вы не должны мне ничего, просто... — я вздыхаю. — Просто держите меня в курсе, присылайте фотографии, приходите на мои игры. Пожалуйста, просто сообщите ей, кто ее отец. Дайте ей знать, что я ее люблю.

Это все, чего я хочу. Чтобы она знала меня и решение, которое я принял для нее. Это было чертовски сложным решением в моей жизни.

— Ты всегда будешь частью ее жизни, Джейс. Это не изменится.

Чувствуя дискомфорт, я держу руки в карманах и неловко встаю. Мне уйти? Смотреть, как они одевают ее? Могу ли я попрощаться, прежде чем она начнет новое путешествие? Позволят ли они мне?

— Джейс, — говорит Джун. — Ты поможешь нам подготовить ее, прежде чем уйдешь?

— Конечно, — я улыбаюсь, не желая показывать слишком много эмоций.

— Вот, — она вручает мне сумку. — Там есть несколько нарядов, выбери один из них. Я начну ее раздевать, чтобы ты мог одеть ее.

Я провожу следующие несколько минут, выбирая цветочное платье, подходящий бант для волос и носочки. Джун и Алекс уложили ее на кроватку, покрытую розовым одеялом, которое сделала мама Алекс.

Хоуп извивается и тихо плачет, когда я просовываю ее крошечные руки через платье. Ее глазки все еще закрыты. Я просто хочу взглянуть. Я знаю, что она не запомнит это, в отличие от меня. Я хочу, чтобы она увидела меня, а не просто услышала.

Закончив одевать ее в платье, я перехожу к носкам, которые слишком велики для ее ножек. Затем я причесываю ее волосы, осторожно отодвигая их сторону, и аккуратно прикрываю одеялом, как говорит Джун.

---

¹⁵ Норе с англ. — надежда

Когда она полностью одета, я не могу оторвать взгляда от нее. Завернутая в одеяло, она выглядит как ангел.

Джун, Алекс и я обнимаем друг друга, сквозь слезы восхищаясь малышкой. Как Ребекка могла отказаться от нее?

Забавно, что такой маленький человечек может объединить трех людей. Я буду всегда разделять эту связь с Джун и Алекс. Это нельзя отнять. И пока я жив, я запомню этот момент. Где три человека заключили соглашение. И что бы ни случилось — Хоуп всегда будет на первом месте.

— Наверное, вам нужно идти, — говорю я. — Могу я поддержать ее в последний раз?

— Разумеется, — говорит Алекс, шагая ко мне и передавая Хоуп.

Осторожно, она передает ее мне, ее вес такой легкий в моих руках.

Поворачиваясь, я смотрю на Хоуп, которой так подходит это имя.

— Привет, малышка, — мой голос ломается с каждым словом. Мое сердце разбивается с каждой секундой, которая подводит наше время к концу. — Я хочу, чтобы ты знала — ты самая счастливая девочка. У тебя две мамы, которые хотели тебя. Которые молились за тебя. Которые сделали все, что в их силах, чтобы быть с тобой. Ты не была для них неожиданностью, чем-то неудобным или каким-то риском. Тебя искали, мечтали, просили. Ты все, что они когда-либо хотели, что означает только одно. Дом, в котором ты вырастешь, всегда будет наполнен радостью, теплом и любовью. Всем тем, чего ты заслуживаешь.

Слезы падают на ее платье, и я пытаюсь стереть их, чтобы они не пропитали ее одежду.

— Я люблю тебя, Хоуп. Никогда не забывай. Я тебя отпускаю не потому, что не хочу тебя. Просто эта семья даст тебе то, чего не могу я.

Повернувшись, я замечаю, что Джун держит камеру и делает снимок. И я благодарен за то, что у меня есть эти последние мгновения с Хоуп. Глубоко вздохнув, я смотрю на нее, когда глаза начинают открываться. Ее крошечные глазки открываются на долю секунды, разрывая меня на части.

Я наслаждаюсь этим моментом, запоминая его.

Зрительный контакт.

В своей голове я говорю с ней, умоляя ее вспомнить меня. Узнать меня и поверить, когда говорю, что люблю ее.

Прижимая к себе, я целую ее в лоб, в последний раз вдыхая ее запах. И с тяжелым сердцем от своего решения, я передаю ее в руки Алекс и Джун.

Я чувствую подступающие слезы, и мое сердце отчаянно бьется. Я киваю, не зная, что могу сказать что-нибудь еще этим двум прекрасным женщинам.

Когда я иду к двери, Джун останавливает меня.

Алекс сажает Хоуп в автокресло, а Джун обнимает меня. Стоя на носках, она тихо и эмоционально шепчет мне на ухо:

— Она всегда будет знать о твоей самоотверженности и жертве. Она всегда будет знать о твоей любви, и о том, как ты принял самое трудное решение в своей жизни. Поверь мне — она будет такой же бескорыстной, как и ты.

Прижавшись, она целует меня в щеку, а затем смотрит мне прямо в глаза, сжав руками мое лицо:

— Ты заполнил дыру в моем сердце, которая была у меня в течение долгого времени. Ты дал нам ребенка, Джейс. Я никогда не смогу показать тебе, насколько я благодарна. Все, что я могу сделать — это любить эту маленькую девочку, насколько это возможно. Спасибо. От всего сердца, спасибо.

И вот так просто, я чертовски разрушен.

Дейзи

— Чем-нибудь помочь? — спрашиваю я свою сестру Аманду, которая наклонилась над плитой к ее знаменитому соусу для спагетти.

— Не хочешь сесть за стол? Мэтт должен скоро прийти домой.

— Без проблем.

Я прыгаю с табурета у кухонного бара и иду к маленькому обеденному столу, рассчитанному на четырех человек. Я узнала в первый день, когда я переехала в их дом шесть дней назад, что Аманда любит салфетки, соответствующие столовым приборам. Я иду к столу у стены, и беру фиолетовые и зеленые салфетки с узором.

— Мэтт обычно работает так допоздна?

Мне все еще неловко вести разговор с моей сестрой, поскольку мы не проводили много времени друг с другом.

— Нет, не совсем. Во время бейсбольного сезона он работает немного дольше, чем обычно. Но поскольку сейчас не то время, то приходит домой довольно рано. Он позвонил и сказал, что ему нужно быть в больнице, чтобы поговорить с одним из его игроков.

— О нет, я надеюсь, что все будет нормально.

— Я тоже, — она мешает соус, прежде чем дотянуться до шкафа над ней и вытащить тарелки для меня, чтобы сервировать ими стол. — Ты разговаривала с бабушкой сегодня?

— Да.

Я сглотнула ком в горле, вспоминая ее наставления.

Ты должна начать жить.

Тебе нужно наслаждаться временем с сестрой.

Ты должна найти работу.

Ты должна общаться с другими.

Ты должна выходить в люди.

— Как она?

— Хорошо, — я беру тарелки и сажусь за стол. Подходя к ящику для столовых приборов, я продолжаю: — Она добилась прогресса. Ее левая рука может двигаться, но это все, что она может делать сейчас. На восстановление уйдет немало времени.

— Но в целом ей уже лучше?

— Ага, — я вздыхаю, положив столовое серебро. — Я знаю, что я говорила это не раз, но я действительно хочу поблагодарить вас с Мэттом за то, что вы меня приняли. На оплату бабушкиной больницы уходят все ее деньги. В общем, я очень ценю это.

Аманда подходит ко мне, улыбаясь. Она обнимает меня и говорит:

— Все для моей сестры, мы одна кровь. Я просто рада, что у нас есть теперь время, чтобы лучше узнать друг друга.

— Я тоже. Но, иногда, я чувствую себя плохо. Я чувствую, что я вторгаюсь в твою новую жизнь.

— Все в порядке, даже не беспокойся об этом. Мы с Мэттом были вместе слишком долго, ты ничему не мешаешь.

Она отстраняется и смотрит мне в глаза:

— Я хочу кое о чем поговорить с тобой.

— Ладно, — подозрительно отвечаю я, не зная, о чем она хочет поговорить.

— Я думала о нашем вчерашнем разговоре. О возможности для тебя выйти из зоны комфорта и узнать жизнь.

— Точно, — это правда. Несмотря на то, что я в ужасе. Но это — может быть прекрасной возможностью заново открыть себя и вырваться из моей оболочки.

— Я договорилась, — говорит она с волнением. — Моя подруга Холлин на следующей неделе присоединяется к программе «Дорогая Жизнь». Ее цель — помочь справиться с тем, что мешает тебе в жизни, вырваться на свободу и двигаться вперед. Отпустить прошлое, осознать ошибки, неудачи, недостатки, потери и научиться жить снова.

Я не знаю, — она пожимает плечами, — думаю, это будет неплохо для тебя. Давай я покажу тебе сайт. — Аманда открывает свой iPad и начинает печатать в браузере. Два слова будто ударяют меня.

Обрести свободу.

Ни в коем случае, моя бабушка не ограничивала меня. Она обеспечила меня, воспитала и дала мне прекрасную жизнь. Но это нечто большее. Я уже поняла это за несколько дней пребывания с Амандой.

Во-первых, есть любовь. Настоящая любовь. Не любовь в фильмах, которые я смотрела всю свою жизнь. Реальная любовь между двумя людьми. Со страстью, недостатками и достоинствами.

Я хочу этого.

Существует целый мир, которого я не знаю. Мир, за пределами того места, который я называла своим домом. Есть еда, которую я хочу попробовать. Места, которые хочу увидеть. Люди, которых я хочу встретить. Но я не знаю, как это сделать.

— Вот.

Аманда вручает мне планшет и возвращается к перемешиванию соуса.

Я смотрю на сайт с яркими цветами и фотографиями людей, смеющихся и улыбающихся. Каково было бы быть одним из этих людей? Иметь друзей, быть с кем-то в подобных отношениях.

— Не знаю, — говорю я нервно. — Похоже, это для людей, переживающих трудное время.

— Программа для всех, — говорит она успокаивающе. — Каждый может вступить туда, чтобы изменить свою жизнь.

— А что по поводу работы? У меня нет денег. Я не могу постоянно надеяться на тебя.

— Мне ничего не надо, — Аманда оборачивается и вручает мне конверт, который был на стойке. — Ты должна была получить это три недели назад, когда тебе исполнилось двадцать один год.

Перевернув конверт, я вопросительно смотрю на Аманду:

— Что это?

Она кивает на конверт.

— Открой его.

Я открываю его и вижу чек с моим именем. На нем сумма за пятьдесят тысяч долларов. С удивлением я спрашиваю:

— Что это?

— Я тоже получила такой, когда мне исполнилось двадцать один. Судя по всему, наш отец решил открыть нам счет, когда мы были младше.

— Это мое? Все это?

— Да, милая.

— Но у меня никогда не было денег до этого, — говорю я растерянно.

Аманда посмеивается, когда открывается дверь дома.

— Похоже, нам нужно открыть банковский счет.

— Думаю, да.

Я сижу за барной стойкой, глядя на мой чек, когда Мэтт выходит в кухню. Его галстук ослаблен на шее, а рукава рубашки закатаны.

— Какой чудесный день, — говорит он с сарказмом, заглядывая в холодильник.

Он вытаскивает контейнер с молоком, и, взяв из шкафа над холодильником коробку с белковой смесью, высыпает ее в молоко.

— Эй, мы собирались поесть, — говорит Аманда недовольно.

— Не беспокойся, милая, я тоже. У меня около ста пятидесяти калорий, которые мне еще нужно сжечь.

Мэтт пытается набрать массу еще до свадьбы. Его план состоит в том, чтобы набрать вес и мускулы, и это за два месяца до нее. Аманда думает, что это смешно, так как у него тело как у Зака Эфрона¹⁶. Сейчас я знаю, как он выглядит благодаря Google.

Все еще думая о возможности присоединиться к программе, которая поможет мне узнать новое, я спрашиваю Мэтта:

— Плохой день?

Он качает головой:

— Нет. Просто слишком дерьмовый день.

Прочистив горло, Аманда спрашивает:

— Все в порядке с твоим, ну, игроком?

— Нет. Но я разговаривал с Хэлом, главным менеджером и одним из игроков.

Мэтт смотрит на меня, пытаюсь быть осторожным:

— Он собирается вступить в программу «Дорогая Жизнь». Он некоторое время думал об этом. И мы все согласны, что это может быть хорошо для него. Руководство готово принять любое расписание этой программы. Мы просто хотим, чтобы его состояние улучшилось.

— «Дорогая жизнь»? — спрашиваю я. — Возможно, что и я присоединюсь к этой программе.

— Правда? — спрашивает он удивленно.

— Да, — я пожимаю плечами. — Думаю, это будет хорошим началом.

— Я ей предложила, — говорит Аманда. — Холлин тоже собирается это сделать.

— Ты просто мастер по этой части, — улыбается Мэтт.

Выключив плиту, Аманда качает головой.

— Нет, я только что услышала об этом.

Ее тон заставляет меня поверить, что, вероятно, она сама все решила. Я ненавижу тот факт, что не знаю свою сестру так хорошо, чтобы понимать ее. Я это исправлю.

Глядя на планшет, я читаю о программе. Там говорится о написании писем, выражении чувств, о том, что нужно показать себя настоящим, выпустить своих внутренних демонов и посмотреть в лицо своим страхам.

Это, может быть, именно то, что мне нужно. По крайней мере, я надеюсь. Потому что сейчас я ничего не знаю об этом мире, кроме того, что говорила мне бабушка.

Уже через несколько дней рядом с Амандой и Мэттом, я поняла, насколько я была защищена. Я всегда была счастлива, ни разу не чувствовала пренебрежительного отношения. Но, опять же, это могло быть по той причине, что я не знала, чего мне не хватает.

И по части парней, я пропустила многое. Телешоу запудрили мне мозги, не говоря о журналах со сплетнями. И да, я только что впервые получила мобильный телефон. Без понятия, как это работает. Как будто весь мир на ладони.

Я не обвиняю свою бабушку в такой защите.

Я знаю, что она научила меня тому, что она знала. Но теперь, когда я живу с Амандой и вижу столько возможностей, — я хочу воспользоваться этим. Я хочу учиться, я хочу чувствовать себя свободно. Я хочу жить.

А «Дорогая Жизнь» звучит так, как будто может помочь мне просто сделать это. Вместе с чеком от моего отца.

Это забавно. Когда одна дверь закрывается, открывается другая.

Картер

Все это мой гребаный кошмар. Буквально, Бог будто выжил из ума и отправил меня в эту группу «полюби себя». Полный отстой.

---

¹⁶ Закари Дэвид Александр Эфрон (англ. Zachary David Alexander Efron; 18 октября 1987 года, Сан-Луис-Обиспо, Калифорния, США) — американский актёр, известный по фильмам из серии «Классный мюзикл»

По словам моего дяди, я виноват в том, что пил хреновый кофе и был в кругу «несчастливых душ». Я так не думаю.

У меня в списке не особо много людей, которых я виню.

Во-первых, мой долбанутый дядя. От его бдительного и удушающего взгляда практически невозможно вырваться.

Во-вторых — Саша. Злая сука, которая украла все мои деньги. И если честно, часть моего сердца. Но я не собираюсь вдаваться в эту сентиментальную хрень прямо сейчас.

В-третьих, у меня есть Райан, который виноват в том, что мешался под ногами во время готовки. Что привело к драке на кухне, хотя я неоднократно его предупреждал. Но он не слушал, поэтому я выбил из него все дерьмо. У него неплохой удар правой, поэтому пару раз я тоже получил.

И, в-четвертых, последний гвоздь в моем гробу, в котором я сейчас лежал, принадлежит Холлин, моей коллеге. Требовательной официантке с ярко-рыжими волосами. Она предложила эту проклятую программу моему дяде, который сразу же подхватил эту идею.

Вчера меня привели в его офис и предложили две варианта: я могу либо присутствовать на этой программе «Дорогая жизнь», чтобы, как сказал мой дядя, понять представление о жизни. Либо я могу продолжить работать в ресторане, добавив еще три года к моему «приговору», чтобы компенсировать ущерб, нанесенный во время драки.

Еще три года.

Нет.

Еще три года в аду, в котором я уже живу, похоже на пожизненное заключение. Вот почему я здесь. Участвую в позорной программе «Дорогая жизнь», где собрались все отбросы Денвера, что вызывает во мне злость и ненависть.

Когда я только приехал, я заметил Холлин, которая раздраженно махнула мне рукой. Я не хотел с ней говорить, потому что она является одной из причин, по которой я здесь. Я проигнорировал ее и схватил кофе. Лучше бы я этого не делал, потому что это был хреновый кофе.

И, прежде всего, я должен был отодвинуть свою жизнь подальше, когда вошел в этот влажный церковный зал. Да, мне пришлось не только подписывать документ о неразглашении. Но также о том, что я буду присутствовать на каждой встрече. Следовать правилам и писать письма. А если нет? Эта бесплатная программа, но в случае моего ухода, мне нужно передать одну тысячу двести тридцать два доллара в церковь, в которой мы встречаемся. Не имею представления, откуда они взяли это число. Теперь я не могу уйти. У меня нет возможности заплатить. А еще — потому что это означало бы еще три года у моего дяди. Как моя жизнь перевернулась вверх дном так быстро?

Как мне сказали, суть с деньгами заключается в том, чтобы участники серьезно отнеслись к правилам программы. Я буду проходить это, считая дни до завершения.

Выбросив кофе, я сажусь в круг — убейте меня — и смотрю на мои переплетенные руки. Поначалу я был замкнутым, уткнувшись в свой телефон. Разумеется, вы догадались, что они забрали наши телефоны, когда мы впервые сюда попали? Да, как я и говорил, чертов кошмар.

— Здесь занято? — слышу я слабый голос рядом со мной.

Оглянувшись назад, я вижу белокурую девушку, на которой кофта с узорами в виде снежинок, украшающими ткань. И непонятного вида комбинезон. М-да.

Заняты не все места, и она могла бы выбрать другое. Но я думаю, что лучше сидеть рядом с ней, чем задыхаться рядом с грузным существом, помечающим свою территорию сахарными пакетиками.

— Не-а, садись, — говорю я, кивая в сторону стула.

— Спасибо, — она садится, и, повернувшись ко мне, протягивает руку. По ее поведению я бы сказал, что она общительная. Но ее рука дрожит, и думаю, что это все ново для нее. — Я Дейзи.

Дейзи. Ага, это имя идеально ей подходит. Ее невинность выдает милая улыбка, румяные щеки и большие голубые глаза. Она смущена. Кстати, она одета как семидесятилетняя женщина и нервно дергается. Я предполагаю, что она больше, чем просто застенчивая.

Она выглядит милой. Несмотря на неподходящую одежду и обувь на ее ногах, у нее очень красивое лицо, сильно контрастирующее с мрачными и грубыми чертами Саши.

И в то время как Саша выглядит вызывающе, Дейзи не проявляет никаких признаков уверенности, и по ее поведению можно сказать, что она на нервах.

Интересно, для чего она здесь.

Нет, не важно.

Я здесь не для того, чтобы подружиться или интересоваться проблемами других людей. Я здесь, чтобы послушать, сделать минимум действий и уйти. Мне не надо знать, для чего она здесь.

— Привет, — я киваю, не желая говорить.

— Привет, — отвечает она неловко.

Я сжимаю губы, и, кивнув, отворачиваюсь. Ладно, это действительно неловко.

— Картер, я удивлена видеть тебя здесь, — говорит Холлин, направляясь в мою сторону. Ее ярко-рыжие волосы лежат на плечах.

Я думал о том, чтобы встречаться с ней, прежде чем начал с Сашей. Но когда узнал, что она занята, я держался на расстоянии. А потом, когда она потеряла мужа, отделился еще больше. Не только потому, что она горевала, а потому, что она превратилась в злобную стерву.

Я терпеть не могу эту женщину. И знаете что? Это взаимно. Может быть, это сочетание неустойчивых людей, которые собираясь вместе, делает нас довольно взрывоопасными. Мой дядя поставил нас работать в одни смены, и, если нужно, мы пересекаемся как можно реже. Я не знаю, почему он держит ее. Мое предположение: он жалеет ее.

— Ты знаешь почему я здесь, — отвечаю, когда она садится рядом со Снежинкой, которая дергает ремешки своего комбинезона.

— Не думала, что твой дядя выполнит свою угрозу, — отвечает она, отчего Дейзи чувствует себя неловко.

— Да херня, — я начинаю злиться. — Ты ради прикола предложила эту программу, чтобы просто побесить меня. Мне просто интересно, почему ты это делаешь?

— Если все заняли свои места, я хотела бы начать, — говорит дама из регистрации, прерывая беседу между Холлин и мной.

Холлин, наклонившись и встречаясь со мной взглядом, произносит:

— Просто держись подальше от меня.

— Легко. Мне бы не хотелось отравиться ядом, который исходит от тебя.

Холлин закатывает глаза, и, откинувшись назад в кресло, скрещивает руки.

Снежинка стучит ногами по полу, ее руки на бедрах. Она нервно трет их, когда говорит растерянно:

— Похоже, что вы друг друга знаете.

— Какая наблюдательность, — бормочу я с сарказмом.

Я смотрю на рядом сидящего со мной мужчину в бейсболке и очках. Его довольно широкое тело занимает много места между нашими стульями, поэтому я подвигаюсь ближе к Дейзи.

— Добро пожаловать. Я Марлен, и я буду с вами во время всего курса. Под вашими стульями вы найдете пакеты с инструкциями для каждого из вас. Эти материалы помогут вам в этой программе в течение следующих нескольких месяцев. Там вы найдете ручки, бумаги для писем, конверты и брошюру с заданиями. Пожалуйста, не теряйте эти материалы и не отдавайте другим. Они только ваши.

Все наклоняются, чтобы взять их. Поэтому я делаю то же самое. Потому что, черт возьми, я хочу знать, какую бесплатную ручку я получу. Да, это сарказм.

— О, какие прекрасные канцелярские принадлежности, — воркует Снежинка рядом со мной, проводя рукой по блокноту, найденному в пакете. Этот пакет полон счастья.

— Поскольку у нас такая большая группа, мне нужно вас разделить, — так, а это уже не очень. — Я вас разделю на группы поменьше.

К моему страху, Марлен начинает группировать всех, кто сидит рядом. И я понимаю, что я буду в группе не только со Снежинкой, но и с Холлин.

— Вы вчетвером, — говорит Марлен, указывая на меня, на рядом сидящего парня, Дейзи и Холлин.

Да, это полный отстой.

— Теперь, в ваших группах, сядьте в круг и представьтесь. Пожалуйста, помните о соглашениях о неразглашении, которые вы подписали. Будьте дружелюбны, ваша группа также будет вашей группой поддержки.

Зашибись.

Слышится скрежет стульев, когда каждый делает свои круги. Я не двигаюсь, потому что я — мудак, и заставляю всех образовывать круг вокруг меня. Мы неловко смотрим друг на друга в ожидании, кто начнет. Все, кроме парня в бейсболке, который, похоже, не хочет ни с кем контактировать, так же, как и я.

— Думаю, я могу начать, — говорит Снежинка, нарушая тишину. — Привет. Я Дейзи. Должны ли мы сказать, почему мы здесь?

Марлен отвечает:

— Это полностью зависит от вас. Как вам будет удобно.

— Ох, — Дейзи поворачивается к нам, сложив руки на коленях. — Ну, я здесь, чтобы начать новую главу своей жизни.

Точно. Любой мог бы сказать, что они здесь, чтобы начать новую главу. Но я не буду называть ее, потому что я буду использовать ту же самую хрень. Ключ к прохождению этой программы — притвориться.

Оглядываясь, Холлин указывает на себя и спрашивает:

— Моя очередь?

Мы не отвечаем, поэтому она садится в кресло и говорит:

— Я Холлин, — мы ждем, когда она продолжит, но этого не происходит. — Вот. Я Холлин. Идем дальше.

Краем глаза, я вижу, что Снежинка краснеет. Неужели ей стыдно за то, что она сказала о причине своего нахождения здесь, когда Холлин этого не сделала?

Взглянув из-под козырька своей бейсболки, незнакомец оглядывает нашу группу. Я узнаю его до того, как он произносит свое имя.

Джейс, чертов, Барнс. Шорт-стоп «Колорадо майнерс». Неудивительно, что они заставили нас подписывать соглашения о неразглашении.

— Привет. Я Джейс, и я... — он тянется к своей бейсболке, явно испытывая неудобство. — Сейчас у меня не самый удачный период, и я хочу исправить это.

Явно чувствуя себя не в своей тарелке, он наклоняется вперед, скрестив руки, локтями опираясь на ноги, и опустив голову.

Я прожил в Денвере всю жизнь. Я стал фанатом местных команд, и «Колорадо майнерс» была одна из них. Я смотрю столько игр, сколько могу. И интересуюсь командой до такой степени, что я знаю неловкую информацию об игроках. Я знаю, что Джейс — простой, веселый парень. Он — шутник, и казался непринужденным в своих интервью. Однако, это не тот Джейс, которого я вижу сейчас. Джейс, сидящий рядом со мной, выглядит измученным.

Что с ним могло произойти?

— Твоя очередь, — грубо обращается ко мне Холлин.

Ее руки скрещены на груди.

Ссутулившись, я небрежно отвечаю:

— Я Картер, и я не могу дождаться, когда начну писать эти сраные письма.

Краем глаза, я замечаю, что Джейс кивает, слегка посмеиваясь. Холлин и Снежинка выглядят не особо довольными от моего комментария. Дейзи выглядит так, будто хочет спрятаться в своем комбинезоне.

— Надеюсь, вы успели познакомиться, — говорит Марлен, хлопнув в ладоши. — В течение следующих нескольких месяцев вы будете проводить время вместе, поддерживая и направляя друг друга.

— Прекрасно, — Холлин бормочет под нос, оглядывая меня.

Я чувствую то же самое, сестра.

Марлен сжимает руки перед собой и говорит:

— Мы все здесь по какой-то причине. Хотите ли вы поговорить об этом сейчас или нет, зависит от вас и вашего уровня комфорта. Но вы здесь, чтобы внести изменения. Научиться чему-нибудь новому. Признать свое прошлое и создать новое будущее.

Господи, это не интересует меня.

Следующие полчаса Марлен объясняет основные правила программы. Что мы должны ожидать и что от нас ожидается. Будет ряд проблем, которые мы должны решить и написать об успехе. И мы обязаны присутствовать на всех встречах.

Марлен продолжает:

— Цель этой программы — решить, что вам дала жизнь. Карты, которые вы получили. Она создана не для того, чтобы жаловаться на то, что вы переживаете, а для того, чтобы принять и максимально использовать всю свою жизнь. Жизнь, цель которой — доказать ваше существование.

Она останавливается и оглядывает комнату. Подчеркивая свои слова, она повторяет:

— Доказать свое существование. Это ваш новый девиз. Что вы сделали сегодня, чтобы доказать свое существование? Что вы сделаете завтра, чтобы доказать свое существование в этом мире?

Доказать свое существование. Разве это не иронично.

Это то, что я стараюсь делать. Но мой дядя делает это практически невозможным с его низкой зарплатой и контролем. И спасибо Саше...

— Ежедневно доказывать свое существование — не значит совершить какой-то большой поступок, или достигнуть цели. Речь идет о мелочах. О том, чтобы встать с постели, быть в хорошем настроении и максимально использовать всю жизнь. Сегодня вы доказали свое существование, придя сюда. Вы пришли в неизвестность, встретив новых людей. Завтра это может быть что-то простое, как написать письмо к жизни. Доказательство вашего существования состоит в намерении сделать еще один шаг к вашим целям, — оглянув комнату, и сложив руки перед собой, я посмотрел ей в лицо. — Я знаю, почему вы здесь. Я знаю, как вы проходите эту борьбу. Депрессию, в которой вы можете быть, или нервничаете перед неизвестностью.

Марлен смотрит на Дейзи, а затем снова обращается к комнате:

— Независимо от того, что привело вас сюда сегодня, знайте — вы не одни.

Рядом со мной Снежинка кивает головой, как будто то, что говорит Марлен, проникает ей прямо в душу. Ага, она хочет начать новую главу в своей жизни. Несмотря на то, что я не хочу быть эмоционально вовлеченным во что-либо, мне все же интересно. Какие у нее мысли? Что бы ни повлияло на нее, не может быть настолько сильным. Она выглядит слишком простой и защищенной, чтобы испытать настоящие потрясения.

— Сегодня речь не идет об исправлении чего-либо, — Марлен говорит, расхаживая по комнате, ее трехсантиметровые каблук стучат по лакированным полам. — Сегодня речь идет о скорби. О том, почему вы здесь, и злитесь на это. Сегодня — один день в этой программе, что вы можете сердиться. Выплеснуть всю вашу боль через письма.

Она хлопает в ладоши, создавая эхо, когда добавляет:

— Пришло время для печали. Оставьте все это на бумаге. Возьмите этот момент и отпустите заботы, страхи, своих демонов. Потому что цель этой программы — двигаться дальше, создать заново. Но вы никогда не сможете по-настоящему и свободно двигаться дальше, пока не почувствуете свой гнев. Пусть ваш гнев поглотит вас, а затем напишите про это, пропустите через бумагу. Не торопитесь. Когда вы закончите, бросьте свои письма в ящик перед вами.

Что? Мы не храним письма? Кто захочет, чтобы какой-то случайный человек читал твои письма? И кто, черт возьми, должен их читать?

— Не беспокойтесь, — продолжает Марлен. — Ваши письма никто не тронет. Они запечатаны вами и останутся в том же состоянии.

Ну, это не так страшно. Спасибо бл*дь.

— Остаток вечера вы можете поговорить с вашей группой или просто написать свои письма. В любом случае, я хочу, чтобы вы выпустили весь ваш гнев, который вы держали в себе. Пожалуйста, не забудьте посмотреть ваши задания на предстоящие недели и быть готовыми к следующей встрече. Если у вас есть какие-либо вопросы, у вас есть моя контактная информация в папке.

Марлен склоняется к своему столу, садится и начинает перебирать соглашения. Другие группы начинают тихо разговаривать, пока наша группа сидит молча.

— Могу я кое-что сказать? — говорит Снежинка, пока все мы смотрим на канцелярские принадлежности нейтрального цвета перед нами. Никто не отвечает ей, но мы обращаем на нее наше внимание. — Я действительно не взаимодействовала с обществом, поэтому это может быть не совсем комфортно. И я могу ошибаться, когда это скажу, но все равно попытаюсь.

Повернувшись к Джейсу, она говорит:

— Судя по тьме в твоих глазах, могу сказать, что ты действительно переживаешь что-то тяжелое. И Холлин, ты боишься, потому что ты закрыта.

Посмотрев в мою сторону, она говорит:

— И очевидно, что ты не хочешь быть здесь по неизвестной причине. Но я хочу здесь быть. Я хочу изменений, поэтому вместо того, чтобы нам всем дуться и закрываться, почему бы нам не заключить соглашение. Пусть эта программа будет нашим новогодним решением. Давайте держать друг друга в курсе и серьезно относиться к этой программе, потому что так мы можем хотя бы оценить необходимость чего-то изменить в наших жизнях.

Разве она не восхитительна? У девочки есть чему поучиться. Я только собираюсь сказать что-то язвительное, когда Джейс откидывается назад на стуле и кивает головой.

— Она права. Если мы собираемся быть здесь, давайте сделаем все возможное.

Да ладно, Джейс.

— Я в деле, — говорит Холлин, пожав плечами, выглядя немного возбужденной, но стараясь не показывать это.

Неудивительно, ей нравится следовать за другими.

Оглядывая круг, я спрашиваю:

— Это тот момент, где мы все кладем руки в середину и визжим от радости?

— Не будь мудаком, Картер, — ругается Холлин.

Я ухмыляюсь, кладя ручку к моим канцелярским принадлежностям.

— Да я просто спросил.

— Ну что, решено? — спрашивает Снежинка с надеждой во взгляде. — Мы сделаем это? В канун Нового года.

— Да, — произносят Холлин и Джейс одновременно.

Все поворачиваются ко мне, ожидая моего ответа. Зная, что у меня нет выбора, я соглашаюсь.

— Полагаю, что так.

— Ура! — Снежинка радуется, а затем вытаскивает свой мобильный телефон. — Я получила его недавно, поэтому не знаю, как им пользоваться. Давайте обменяемся номерами, а затем напишем наши письма.

Да ну нахер.

Теперь я понял, что работа на моего дядю была адом.

***

Дорогая жизнь,

Пришло время для скорби. Что это вообще значит? Как будто мне не разрешалось горевать раньше? Я в этом состоянии почти два года.

Пришло время быть безумным. Ну, слишком поздно для этого. Я уже сошла с ума. Почему ты спрашиваешь, Жизнь? Давай посмотрим. Я была замужем за любовью всей своей жизни в течение года. Год, прежде чем ты забрала его. Прежде чем твоя превосходная схема дерьмовых планов забрала мое сердце и разорвала его пополам.

Это справедливо? Разве это правильно, что насильники, убийцы и плохие люди ходят по этой земле. А такой человек как мой муж, который помогал людям, и ты позволила ему умереть? Ты забрала его. Скажи, пожалуйста, разве справедливо? О, ну, разумеется, мой сосед-извращенец ежедневно питается «Rice-a-Roni»¹⁷, потому что он не может позволить себе ничего другого.

Да, спасибо, Жизнь, ты точно знаешь, как быть справедливой. Превосходно, можешь похвалить себя... спасибо.

С уважением, Холлин.

***

Дорогая Жизнь,

Боже, я никогда не писала тебе письма раньше, так что сначала мне может быть немного неловко. Хм, если ты не знаешь, я Дейзи. Бабушка воспитала меня и научила всему, что я теперь знаю. Спроси меня о мюзиклах, давай. Я взорву твой разум своими знаниями. Но когда дело доходит до того, чтобы быть общительной и «продвинутой», черт возьми, я далека от этого.

Я ничего не знаю, когда речь идет о современной жизни. Компьютеры, мобильные телефоны, Rapera¹⁸, тренажерные залы... Я понятия не имела об их существовании. Так много всего, чего я не знаю, и мне от этого грустно. Мне двадцать один год. Я никогда не пробовала алкоголь, у меня никогда не было друзей, кроме бабушки, и я никогда не знала, что значит держать за руку человека.

Я — отшельник, потерянная душа в море современного мира.

Жизнь, ты укрыла меня, и мне этого было достаточно. Я хочу быть частью мира сегодня. Сегодня я стану частью мира. Прощай прошлое, привет будущее!

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая жизнь,

Мне нечего сказать, я почти ничего не чувствую, не могу ничего делать. Сейчас я просто опустошен. Нет сердца, нет души, нет почвы под ногами.

Ты подарила мне дочь, ДОЧЬ. Маленькую девочку, полную такой любви, что у меня сердце истекает кровью, просто думая о ее ручке, которая так недолго обнимала мой палец.

---

¹⁷ Rice-a-Roni — смесь из риса, вермишели и приправы) и играет в N64, (Прим.: N64 — игровая приставка)

¹⁸ Rapera — сеть ресторанов

Но я не был готов. Я не мог дать ей то, что ей нужно. Я не мог быть родителем, которого она заслуживает, поэтому я ее бросил. Я отпустил ее. Я доверил ее двум женищинам, надеясь и молясь, чтобы они позаботились о ней.

Я знаю, что так и будет. Но это сильно меня раздражает. Зная, что я не могу быть тем, кто целует ее перед сном, тот, кто расчесывает волосы утром, или тот, к кому она будет прижиматься, когда устанет. Я никогда не стану этим человеком. Вместо этого я буду смотреть на нее издалека. Не участвуя, а только наблюдая.

Жизнь, ты дала мне дочь, когда я не был готов.

Джейс.

***

Дорогая жизнь,

Пошла ты.

Картер.

Шаг 2: Отпустить

Джейс

Десять непрочитанных сообщений прожигают дыру в моем телефоне.

Десять сообщений с фотографиями.

Десять сообщений, которые я не собираюсь просматривать в ближайшее время.

Но я не могу заставить себя их удалить. Не тогда, когда я так отчаянно хочу их посмотреть.

Что это за безумное состояние? Я хочу посмотреть фотографии, но я отказываюсь на них смотреть? Уверен, что «Дорогая Жизнь» не поможет мне разобраться в этом. Никто не поможет.

И все же, я смотрю на сообщения Джун с фотографиями Хоуп в телефоне. Я бы хотел, чтобы она перестала их отправлять, но есть соглашение, которое мы заключили. И я больше думал о ней, чем видел.

Я не заслуживаю этой привилегии, хотя я знаю, что она в хороших руках.

— Эй, ты собираешься съесть это? — спрашивает Итан, находясь у меня на кухне, и обнюхивая коробку из-под пиццы, которую он только что вытащил из холодильника.

— Нет.

Подглядывая, он машет руками.

— Никаких оливок, — откусив кусок холодной пиццы, он спрашивает. — Как твои занятия прошлым вечером?

— Это не занятия.

— Ладно. Как все прошло?

— Отлично. Не совсем уверен, как это поможет.

С набитым ртом, Итан падает на диван рядом со мной, и, сдвинув подушку, спрашивает:

— Почему ты так думаешь?

Я пожимаю плечами. Я ушел с той встречи, чувствуя себя в таком же подавленном состоянии, как будто ничего не изменилось. Я знал, что ничего не меняется сразу, но я думал, что мне будет немного легче. Как будто мир не пытается похоронить меня заживо.

Я ничего не чувствовал.

На самом деле, это неправда.

Когда я вернулся домой после написания письма, я чувствовал себя злым, безумным, обиженным на весь мир. На жизнь. И спустя несколько дней я чувствую то же самое. Размышлять о своих чувствах, не помогает. Это держит меня, будто я нахожусь в чертовом ящике, из которого не могу найти выход.

— Просто чувствуй себя иначе, — он дразнится. — Иди в ногу со своим поколением¹⁹.

— Ну и что это значит?

Он откидывается на диван и, указывая на меня наполовину съеденной пиццей, говорит:

— Когда дело доходит до противоположного пола, мгновенное удовлетворение — это то, что нужно. Но когда у тебя есть проблемы, не так просто быстро их решить. Особенно с той, с которой ты столкнулся, — наклонившись вперед, он говорит с серьезным выражением на лице. — Мужик, ты отказался от своего ребенка.

— Знаю, — я провожу рукой по волосам. — Я знаю, что сделал. Не нужно мне напоминать.

---

¹⁹ в оригинале millennial — поколение Y или миллениалы; другие названия: поколение Миллениума (millennials), поколение «нектс», «сетевое» поколение, миллениты, эхо-бумеры — поколение родившихся после 1981 года, встретивших новое тысячелетие в юном возрасте, характеризующееся, прежде всего глубокой вовлечённостью в цифровые технологии.

— Может быть, — положив пиццу, он подходит ко мне. — Джейс, то, что ты сделал — самая большая жертва, которую может сделать человек. Ты должен дать себе время.

— Это не так просто. Хотел бы я просто забыть все, но это невозможно. Каждое утро, когда я просыпаюсь, кажется, что на мою грудь давит трехсотфунтовый человек, который не дает мне дышать. И когда я встаю с постели и сталкиваюсь с реальностью, я вижу людей, у которых есть дети. Ты их не замечаешь, пока не потеряешь своего. Это каждый раз убивает меня. Видеть, как они гуляют с ними, заставляют их смеяться. Похоже, что в этом городе у всех дети, и это превращает мою жизнь в ад. Это пытка, — я поднимаю руки, указывая на свое окружение. — Такая жизнь — пытка.

Я никогда не думал, что буду испытывать подобную боль.

— Черт, прости. Я не могу представить какво тебе.

Звонок телефона отвлекает меня, прежде чем я могу ответить Итану. Вздыхнув, я вытаскиваю его из кармана и вижу номер Джун. Почему она звонит?

— Это приемные родители Хоуп, — говорю я неловко.

Итан поднимает руки.

— Понял, ухожу. Позвони мне, если понадобится. Ты знаешь, я рядом.

Я киваю и отвечаю на звонок.

— Привет Джун? Все в порядке?

— Да. Привет, Джейс, — я слышу ее тихий и слабый голос. — Я знаю, что должна звонить только по важным вопросам, — судя по всему, она плакала. — Но я должна была услышать твой голос.

— Ты можешь звонить мне в любое время.

Я не это имею в виду. Но в таких случаях я говорю все, чтобы попытаться улучшить ситуацию. Тот факт, что она звонит мне сейчас, держит меня на грани, так как моя жизнь разваливается с каждой ее фразой.

— Я ценю это, — говорит она со вздохом. — Я просто плохо себя чувствую, Джейс.

Это вызывает во мне панику.

Глубоко вдохнув, я спросил:

— Что происходит? Все в порядке с Хоуп? С Алекс?

— Ага, — ее голос становится тише. — Алекс на самом деле не знает, что я звоню тебе. Она была бы в ярости, но я должна поговорить с тобой. Я не могла перестать плакать. Не могу не думать о том взгляде, когда ты отдал нам Хоуп. Такое опустошение и это медленно съедает меня.

— Я с тобой, — отвечаю я искренне.

Я слышу напряженность в ее голосе. Слышу, как она плачет, и чувствую ее боль. Это та самая боль, которая была со мной последние несколько дней.

— Я забрала твоего ребенка, Джейс, — ее голос ломается. — Я стояла в этой больничной палате и отняла у тебя ребенка. Она не моя, а твоя. Я не могу... — ее боль убивает меня. — Я не могу быть такой матерью, какой ты хочешь. Той, которую она заслуживает. Она не принадлежит мне.

— Джун, прекрати, — говорю я вымученным голосом.

Глубоко вздохнув, я сдерживаю себя, чтобы не сказать то, что могло бы расстроить ее. Я должен успокоить ее. Не могу оставить в таком состоянии.

Я продолжаю:

— Помнишь первый раз, когда мы обедали вместе? Ты рассказала мне о том, что чувствовала при мысли о материнстве? О том, чтобы кого-то воспитать? Ты говоришь мне, что эти чувства изменились?

— Нет, — всхлипывает она.

— Тогда что поменялось? — слова оставляют чувство горечи. — Хоуп должна быть с тобой и Алекс. Если бы я так не считал, то никогда бы ее не отдал.

— Просто... — она останавливается, переводя дыхание. — Видя в тот момент твое состояние, это разбило меня. Я не могу выкинуть это из памяти. И каждый раз, когда я смотрю на Хоуп, все, что я вижу — это твои слезы и сожаление.

— Это не сожаление, — отвечаю я быстро, удивляясь признанию. — Я расстроен? Черт, да. Я просыпаюсь, ненавижу каждую часть своей жизни? Да, не буду лгать об этом. Но сожалею ли я, что помог тебе стать мамой? Сожалею ли я, увидев тогда радость на ваших с Алекс лицах, когда вы впервые увидели свою дочь? Нет. Эти воспоминания о том, как мы связаны. Пожалуйста, Джун, пожалуйста, не лишай меня этой радости. Поверь мне, когда я скажу, что ты не отняла у меня ребенка. Ты осчастливила меня, — я задыхаюсь от своих слез, пытаюсь найти правильные слова.

Осчастливила.

Я никогда не задумывался об этом, пока не произнес это слово. Неужели это связано с ними?

Вздыхнув, я продолжаю:

— Я знаю, что принял правильное решение. Ты и Алекс, черт, вы идеальны для Хоуп. Я просто хочу, чтобы она выросла в счастливой семье.

Я вырос в приемной семье, и отдал бы все, чтобы у меня были такие родители как Джун и Алекс.

— Думаю, должно пройти время. Это может показаться странным, но я чувствую, что я оплакиваю твою потерю. Никогда не думала, что это произойдет при таких обстоятельствах.

— Не переживай за меня. Живи и наслаждайся своей новой семьей, — вздохнув, я отвечаю. — Не хочу прерывать наш разговор, но мне нужно идти.

— О, без проблем, — она смущается. — Извини, если побеспокоила. Я не знала, с кем еще поговорить. Алекс не хочет разговаривать об этом. Сейчас она закрылась от меня, и нет никого, кто бы переживал подобное. Я знаю, что для тебя это сложнее, но ты единственный человек, с которым я могла бы поговорить. Извини, если я отвлекла тебя.

Я прижимаю руку ко лбу, желая, чтобы не было этого разговора. Потому что каждое слово заставляет меня чувствовать себя виноватым. Да почему я вообще чувствую себя так? Может быть, потому что я хочу накричать на нее прямо сейчас. Но почему? Потому что она переживает за меня? Я не должен на нее злиться из-за этого. Черт, это должно приносить облегчение. Это показывает, какое у нее доброе сердце.

— Ты меня не отвлекаешь. Пожалуйста, не думай так. Просто мне нужно немного времени.

— Понимаю, — говорит она со вздохом.

— Дай себе время, — мне не нравится, что она все еще грустная. — Будет лучше. Не беспокойся обо мне. Я счастлив, что вы воспитываете мою дочь. Знаю, что вы справитесь. Я определенно сделал правильный выбор. Мне нужно время, чтобы смириться с тем, что я не стал отцом.

— Джейс, — отвечает она задыхаясь. — Ты всегда будешь ее отцом.

Забавно, но это не так. Я ее биологический отец. Есть разница.

После быстрых и довольно неловких прощаний я кладу трубку, эмоционально истощенный.

Скорбь. Это то, что должно происходить прямо сейчас. Мне кажется, что я прошел пять этапов скорби за то короткое время, поговорив с Джун. Остался только один этап: депрессия.

Это то, о чем говорилось в «Дорогой Жизни»? Пройти это в пять этапов? Если так, то это странная программа. Потому что я чувствую себя дерьмово.

Я не чувствую себя лучше. Если это то, что должно произойти, то миссия выполнена.

Картер

— Что, черт возьми, ты здесь делаешь? — спрашиваю я Холлин, у которой подозрительно дружелюбное выражение лица.

Молча, она бросает тарелку передо мной.

— Стейк неправильно прожарен.

— Это потому, что так и должно быть.

— Забавно, — Холлин задумчиво указывает пальцем на подбородок. — Клиентам все равно, как ты считаешь. Их не волнует твое мнение.

Сделав паузу, она продолжает:

— Ах да, они не просили «кровоточащее сердце» на тарелке.

— Что? — перевернув вилку и схватив нож, я смотрю на стейк, в котором почти нет розового цвета в центре. — Они так это называют? Если они так хотят, я могу это устроить.

Я вытираю руки о тряпку, привязанную к бедру, и тихо выругавшись, отхожу от плиты.

— Переделай стейк, — слышу гневный голос дяди.

— С ним все нормально. Это проблема на пустом месте, — говорю я, указывая в сторону зала. — Ты действительно хочешь, чтобы клиенты думали, что ты подаешь им куски угля?

— Переделай, — повторяет он со злобой в голосе.

— Что за хрень.

Я беру стейк с тарелки и ставлю на гриль.

Кто заказывает хорошо прожаренный стейк? В чем смысл? Зачем есть стейк не средней прожарки? Уверен, Бобби Флэй²⁰ не занимался бы этим дерьмом. Если бы кто-то попросил его переделать, скорее всего, он потребовал, чтобы они покинули ресторан.

Но не мой дядя. Он думает о клиенте, а не о еде. Это убивает меня. Я пошел в школу, чтобы научиться правильно сочетать продукты. Я научился мастерски создавать блюда, которые не только приятны для взгляда, но и для употребления.

Думаете, мой дядя позволил бы мне применить мои знания на практике? Нет. Он думает, что нормально готовит всю эту итальянскую хрень последние двадцать лет.

Просто нормально. Кому это надо?

Я хочу чего-то необычного. Хочу, чтобы люди пробовали что-то новое. Подумайте о Реми из «Рататуйа»²¹. Как он сразу влюбляется в совершенные, свежие ингредиенты и во множество вариантов как это можно приготовить. Это я. Если бы я только мог избавиться от нависшего надо мной долга.

И я был так чертовски близок.

Пока жизнь не ударила меня между ног, чтобы удостовериться, что я обращаю внимание на мои несчастья, вызывая столько гнева, что я едва могу дышать.

— Теперь все наладится, — говорит Холлин.

И если раньше я справлялся, то теперь мой дядя решил, что было бы неплохо поставить меня в одни смены с ней. Думаю, это из-за того, что мы ходим на эту долбанную «помоги-исправить-мою-отстойную-жизнь» программу. Как будто мне мало того, что я трачу время, чтобы сидеть в компании этой женщины, держась за руки и разговаривая о проблемах.

Прихватив стейк щипцами, я кидаю его на тарелку.

— Вот, теперь это животное точно мертвое. Если что-то снова не понравится, я подкину туда лобковых волос.

— Повзрослей, — она издевается.

Взмахнув волосами, она уходит, высоко держа тарелку.

Как же она раздражает.

---

²⁰ англ. Bobby Flay (10 декабря 1964 г. Нью-Йорк, США) — знаменитый шеф-повар, ресторатор, ведущий реалити-шоу, владелец ресторанов

²¹ Рататуй (фр. Ratatouille) — американский полнометражный анимационный фильм

— А вы ладите друг с другом, — говорит мой коллега Маркус, переворачивая несколько стейков на гриле.

Знаете, что сегодня произошло? Дядя Чак решил добавить в меню картофельное пюре и брокколи... в итальянском ресторане... С таким же успехом можно пойти в «Красный лобстер»²² и заказать курицу.

Не глядя на Маркуса, я говорю:

— Она меня бесит.

— Потому что из-за нее ты посещаешь ту странную программу?

Разумеется, он в курсе. Здесь ничего не скроешь.

— От кого ты узнал?

— Холлин. Она рассказывала всем о том, как вы все время пересекались на той встрече.

— Неужели? — я начинаю злиться.

— Да. Судя по всему, ты делаешь успехи в выражении своих чувств.

Я теряю последние остатки спокойствия из-за его слов.

Глядя на него, я спрашиваю:

— Что не так с человеком, выражающим чувства? Уверен, что чувствительный человек получает больше кисок, чем какой-то замкнутый бездельник вроде тебя, проводящий время за видеоиграми.

— Свали на хрен, — говорит Маркус, толкая меня.

— А ты заставь меня.

Я бью его, провоцируя на драку. Я бы отдал все, чтобы уложить этого придурка. Что угодно, чтобы избавиться от всего этого напряжения. Но прежде чем он отвечает, дядя Чак дергает меня за плечо.

С красным лицом, он рявкает:

— В мой кабинет, сейчас же.

— Только если и она тоже пойдет, — говорю я, зная, что он понимает про кого речь. Это так же касается и Холлин.

— Эшли, прикрой Холлин ненадолго и отправь ее в мой кабинет, — он смотрит на меня, приподняв бровь. — Вперед.

Хотя я его и не боюсь, но все же иду в сторону кабинета. Его лицо выглядит почти фиолетовым от гнева, и я не хочу, чтобы из-за меня у него случился сердечный приступ.

Я иду по узкому коридору, который едва соответствует санитарным нормам. Грязные стены, липкие полы и устаревшая техника. Это явно не то, что подходит для работы.

Практически сразу за мной заходит Холлин с беспокойным видом. Дядя закрывает дверь, и садится за стол, на котором разбросаны всевозможные документы. Как можно работать в таком беспорядке?

Скрестив руки на груди, он спрашивает:

— Не потрудишься объяснить, что это было на кухне?

Обращаясь к Холлин, я говорю:

— Не знаю. Холлин, не объяснишь ли ты, по какой причине ты забыла о подписанном соглашении о неразглашении в «Дорогой жизни», рассказывая всем на работе о том, что я там делаю?

Она думает, что умнее, но сейчас она понимает, что облажалась.

Понимая свою ошибку, она смотрит на меня.

— О, я...

— Не отвечай, — дядя Чак перебивает ее, а потом смотрит на меня. — Мне плевать на эту программу. Мне важно чтобы работники уважительно относились друг к другу.

Ой, бл*, да ладно. Он в своем уме? На работе я всегда был еще тем мудаком. Ничего нового.

Разозлившись еще больше, я говорю:

---

²² Red Lobster (Красный лобстер) — ресторан

— Мало того, что я участвую в этой программе, так теперь нужно еще и растрепать всем об этом.

Дядя Чак крутит карандаш на столе, улыбаясь.

— Не волнуйся, мальчик, все здесь знают о твоей никчемной жизни. Продолжай в том же духе, и это никогда не изменится.

— Какая необходимость держать меня при себе? — я злюсь. Находясь меж двух огней, Холлин молчит, откинувшись назад в кресле, скрестив ноги. — Ты пытаешься испортить мне жизнь насколько это возможно?

— Ты делаешь это сам. Я просто беру то, что заслуживаю.

— Что ты заслужил? — отвечаю я со смехом. — Что именно?

— Больше, чем ты можешь предложить. Я заботился о тебе, воспитал и помог получить образование. Я просто возвращаю долги.

Долбанный мудака.

— Забавно, я впервые слышу об этом. Когда мои родители умерли, ты стал моим законным опекуном. Если бы у меня было право голоса, то я выбрал бы приемную семью. Так я хотя бы был свободен от тех долгов, которые ты повесил на меня.

— В приемной семье ты бы не стал тем, кем являешься сейчас, — отвечает он гневно.

— Верно. Я был бы лучше, потому что жил как хотел, а не как хочешь ты. Тебе нужно, чтобы я был в этом ресторане, и готовил эту дрянную еду, потому что ты слишком ленив. Ты держишь мое будущее, и не даешь уйти, потому что являешься эгоистичным мудаком.

— Ты неблагодарный кусок дерьма. Я дал тебе все.

— Ты ничего мне не дал! — Холлин пугается от моего крика. Мой голос пропитан злостью и болью. — Будь это так, я бы не жил в непонятном месте, экономя каждую копейку. Я бы наконец-то расплатился с тобой и уже давно свалил из этой дыры.

— Ты не представляешь, на какую жертву я пошел, чтобы быть тем, кем являюсь. Я владею успешным бизнесом.

— Владеешь? Ты бредишь. Эти рецепты созданы бессердечным человеком. У тебя нет сострадания к мальчику, который потерял своих родителей. Ты ничего не сделал, чтобы сделать мою жизнь лучше. И ты продолжаешь делать то же самое, подавляя меня, потому что у тебя пустая и одинокая жизнь.

Я слышу вздох Холлин, но мне все равно. Я хочу, чтобы она увидела, каким человеком является мой дядя. Все в ресторане думают, что он классный парень, который общается со своими сотрудниками, но на самом деле он жестокий человек, который мстит мне, потому что презирал моего отца. Который умер от передозировки и оставил ненужного ему племянника.

Я вижу его ярость и презрение во взгляде.

— Я предлагаю уйти, прежде чем могу удвоить твой долг. И если я услышу, как ты собираешься устроить драку еще с кем-нибудь, я заберу тебя из программы, заставлю заплатить штраф, а затем утрою те деньги, которые ты мне должен. Не вынуждай меня.

Я вылетаю из его кабинета, хлопнув дверью, не заботясь, если она заденет Холлин. Хорошая затрещина от двери может пойти ей на пользу. Черт, она причина, по которой я взбесился. Из-за этого я не знаю, что будет с моим будущим.

Все это сваливается на меня разом, и я не знаю, сколько еще смогу вынести, пока не сломаюсь под этим грузом. Я, черт подери, хожу уже по краю, мое психическое состояние балансирует на грани.

Не обращая внимания на происходящее, я возвращаюсь к работе, сжигая один стейк за другим и вспоминая первое занятие в «Дорогой жизни».

Скорбь.

О чем именно я должен скорбеть? О потере моих денег, моей девушки или о том, что возможность достигнуть своей цели все дальше от меня?

Я когда-то думал, что у меня будет собственное дело. Своя кухня с су-шефом и место, где я могу создавать то, что хочу. Теперь все, что я могу себе представить — это непонятная жизнь на этой кухне. И готовка, какая устраивает моего дядю.

Не считая моих рук с татуировками, я был бы его точной копией.

Бл*дь.

Спасибо, Жизнь. Ты прекрасна. И да, это сарказм.

Дейзи

— Тебе удобно? Нужно еще что-нибудь?

— Я в порядке, прекрати суетиться и сядь.

Бабушка указывает на место рядом с ней на диване, которое находится вблизи окна. Солнце Колорадо проникает сквозь мягкие серые шторы, наполняя теплом этот холодный зимний день. Зима в Колорадо красивая. Снежные горы, воздух, пробуждающий ваши чувства, а солнце освещает синее небо, что полностью контрастирует с тоскливыми зимами, которые вы видите в фильмах.

— Ты уверена, что больше ничего не надо? — спрашиваю я, садясь рядом.

— Все нормально, дорогая. А теперь, — она скрещивает руки на коленях и оценивает меня, — расскажи мне об этом чудесном жилете, который на тебе.

Я разглаживаю свое творение, которое закончила, прежде чем пришла сюда.

— Это ода твоему любимому жилету, — говорю я с гордостью. — Я всегда восхищалась твоим стеганым жилетом из синего, желтого и белого цветов, и решила сделать себе подобное. Я потратила на это много времени. У меня хорошо получилось?

Хотя я уже взрослая, но все еще ищу одобрения бабушки.

— Прекрасно. Сиреневые и темно-синие тона довольно привлекательны.

— Я так и думала. Он идеально подходит для моих брюк.

Прежде чем я покинула дом Аманды, я надела один из своих лучших нарядов, так как сегодня вечером иду на встречу «Дорогая жизнь». Желая произвести впечатление, я надела голубые брюки Альфреда Даннера²³, водолазку кремового цвета и мой новый жилет. Я глянула в зеркало перед уходом, и могу сказать, что цвета очень хорошо сочетаются друг с другом.

— Ты много лет занималась шитьем. Я впечатлена.

— Спасибо, — я оглядываю комнату, замечая, как она обустроила ее украшениями, картинами и вязаными платками. — Тут очень красиво. Тебе все нравится?

— Да. Хотела бы я иметь комнату побольше, но это будет позже. Женщины здесь прекрасны. Очень современные.

— В самом деле? В каком смысле?

— Я не знаю, стоит ли говорить об этом, — ее щеки краснеют.

— Давай, ты можешь мне рассказать.

Вздыхнув, она наклоняется вперед, смотрит на свою дверь, как будто кто-то может войти, а затем говорит:

— Я поддаюсь давлению сверстников.

Я хихикаю. Как это может быть в ее возрасте? Головоломки? Соревнования на инвалидных колясках? Есть без зубных протезов? Атас!

Улыбаясь, я спрашиваю:

— Как именно?

— Ну, здесь есть книжный клуб и каждые две недели мы обсуждаем выбранную книгу.

— Звучит весело.

— Так я и думала, пока не получила первую книгу для чтения, — она покраснела еще больше. — Это книга «50 оттенков серого».

---

²³ торговая марка

Я не знаю ничего о современных увлечениях.

— Что это? Книга о тканях? Тогда я бы тоже хотела почитать. У меня были проблемы с поиском идеального серого цвета для моего жилета. Найденные узоры плохо сочетаются с другими вариантами, поэтому, если эта книга мне поможет, то было бы замечательно.

Покачивая головой, она наклоняется вперед и шепчет:

— Это эротический роман.

Мои брови поднимаются вверх, щеки краснеют, и я практически пишу:

— Эротический роман? Как... про секс?

Она кивает:

— Именно. И да, его там много.

— Бабушка.

Я краснею еще больше и прижимаю руки к щекам, не в состоянии подобрать слов.

— Знаю. Я понятия не имела. Думала, что это была книга о хорошей девушке из колледжа, которая берет интервью у бизнесмена. Пока не пошла речь о контрактах и поцелуях в лифте. А после, — она взмахивает рукой, — после рассказывалось о пенисах и тампонах, — она обмахивает себя, продолжая. — Это было познавательно.

— О боже. Звучит... интересно. Наверное, это не о тканях.

— Нет, если только о повязке на глаза для сабмиссива.

— Сабмиссива?

Похлопывая мое колено, она говорит:

— Не волнуйся, дорогая. Я наслаждалась рассказами Э. Л. Джеймс. Я почувствовала себя снова молодой.

— Ладно. Думаю, это хорошо.

Она кивает с гордостью:

— Так и есть. И вот еще, по этим книгам есть фильмы.

— Фильмы? — спрашиваю я недоверчиво. — Фильм про секс, как... — я говорю шепотом. — Как порно, о котором ты меня предостерегала?

— Нет, милая. Это не то же самое. Тут присутствует сюжетная линия. Есть разница.

— Но ты видела?..

— Секс? Ну, ты не увидишь мужских гениталий, если ты об этом спрашиваешь.

— Подожди, — я поднимаю руку, смущенная разговором с моей ультраконсервативной католической бабушкой, которая не смотрела ничего, кроме мюзиклов и старых видеокассет про ирландских танцоров. И иногда мыльные оперы, но она всегда выключала их, когда начинались постельные сцены. — Ты смотрела эти фильмы?

— Однажды. Это было для опыта. Помнишь, когда мы читали «Гордость и предубеждение» вместе для твоего домашнего обучения. И как я собрала кусочки «Гордости и предубеждения» с изображением прекрасного Колина Ферта, чтобы ты лучше поняла старый язык?

— Да, — я скептически отвечаю, не зная, к чему все идет.

— Ну, это примерно, то же самое. Мы смотрели фильм, чтобы сравнить с книгой. Но я должна сказать, что в фильме было много недостатков. О Голливуд, всегда все делает иначе.

Кивнув, я спрашиваю:

— Значит, тебе не понравилось?

— О нет. Мне очень понравилось. Этот Кристиан Грей, он прекрасен. И теперь у меня появился большой страх.

— Какой?

— Я прочитала все книги. Но пройдет много времени, прежде чем выйдут все фильмы.

— Ты боишься, что их не выпустят?

Она качает головой.

— Нет, боюсь, я могу умереть, так и не увидев Кристиана во всех фильмах.

— Бабушка! Не говори так.

— Я серьезно. Что, если я умру, прежде чем я увижу все части? Почему это так несправедливо?

Я даже не могу поверить в этот разговор. Моя бабушка, женщина, которая ограждала меня от всего подобного, говорит о своем страхе не увидеть все эти эротические фильмы. Кто этот человек и что она сделала с моей бабушкой?

— Я не знаю, что сказать.

— Понятно, — она хлопает меня по руке. — Это сложно понять. Не волнуйся, я буду крепко «держаться» за Кристиана.

Разве это не облегчение. Моя бабушка живет ради этого парня. Я думала, она живет ради меня.

— Итак, расскажи, как ты уживаешься с Амандой и ее женихом.

— Они очень милые. Они действительно приняли меня в своем доме. И это я ценю. У них довольно большой дом. По крайней мере, по сравнению с нашей старой двухкомнатной квартирой. У меня есть своя спальня и ванная комната.

— Это замечательно.

— Ага. И в моей комнате достаточно пространства, чтобы соорудить рабочее место. Вот почему я смогла сшить свой жилет. У них также есть кабельное ТВ. Я краем глаза глянула несколько программ, но ничего из этого не заинтересовало меня. Пока Аманда не познакомила меня с каналом Hallmark²⁴. О, бабушка, тебе понравятся прекрасные фильмы на этом канале.

— Романтические? — спрашивает она с поднятой бровью.

Я краснею. Она знает, что я люблю подобное. С самых первых мюзиклов, которые я смотрела, и в некоторых эпизодах «Я люблю Люси»²⁵. Мне всегда нравились сюжеты с любовной линией. Девушка встречает парня, они влюбляются, парень теряет девушку, а затем возвращает ее большим жестом. Мне всегда хотелось быть одной из тех девушек, которую бы добивались и делали все возможное, чтобы завоевать сердце. Спойет ли он песню, как Джин Келли в «Поющие под дождём»²⁶ или он станет глупым от любви ко мне, как в «Нет такого бизнеса, как шоу-бизнес»²⁷ Будет ли у меня подобное?

— Да, в кино есть романтика. Все невинно, это не похоже на книги и фильмы, о которых ты говоришь.

— Я должна посмотреть этот канал Hallmark. У нас тоже есть кабельное ТВ.

— Тебе понравится, — сделав паузу и кусая нижнюю губу, я продолжаю. — Я также участвую в одной программе в церкви.

— Программа? Как волонтер?

— Нет, — я качаю головой, не зная, как подойти к этой теме.

Почему я нервничаю, рассказывая ей о «Дорогой Жизни»? Может быть, потому что это одна из причин, из-за которой я туда хожу. Как сказать, что мне нужно научиться жить в реальном мире, не оскорбив ее?

— Тогда что это, дорогая? Это же не связано с наркотиками?

— Нет, — я хихикаю. — Поверь мне, я бы никогда не сделала ничего подобного. Это программа называется «Дорогая жизнь».

— «Дорогая жизнь?» Звучит интересно. Для чего она?

Глубоко вздохнув, я отвечаю:

— Она помогает тебе научиться жить.

---

²⁴ Hallmark — кинокомпания и телевизионный канал, транслирующийся в США. Специализируется на производстве и трансляции классических сериалов и фильмов, ориентированных для семейного просмотра

²⁵ англ. I Love Lucy; США (1951—1957) — комедийный американский телесериал

²⁶ англ. Singin' In The Rain; другое название «Пение под дождём» — музыкальный кинофильм 1952 года, снятый Стэнли Доненом и Джином Келли, делает мне предложение как в «Встреть меня в Сент-Луисе (Прим.: англ. Meet Me in St.

Louis — классический цветной музыкальный фильм)

²⁷ англ. There's No Business Like Show Business (1954)

Она хмурится:

— Что это значит?

Нервно, я кручу пальцы на коленях, пытаюсь найти правильные слова.

— С тех пор как я начала жить с Амандой, я поняла, что многого не знаю. Это своего рода «культурный шок», так как они живут иначе, чем я. Я уверена, у тебя было так же, когда ты попала сюда.

Она смотрит на меня с понимающим взглядом.

— Да, сначала это было необычно, но я приспособилась.

— Значит, ты понимаешь, о чем я говорю. В мире так много происходит, о чем я понятия не имела. Это потрясающе. И, честно говоря, я не такая как ты. Я бы никогда не смогла подойти к группе женщин и попросить их принять меня в книжный клуб. Не говоря уже о том, чтобы обсудить эротический роман с другими. Мне жаль, что я не такая храбрая, как ты.

Я не замечаю, как мое лицо опускается до тех пор, пока она не берет мой подбородок и не заставляет взглянуть ей в глаза.

— Ты храбрая, дорогая. Тебе просто нужно найти эту храбрость внутри себя. Итак, эта программа помогает тебе найти новую себя?

Чувствуя облегчение, я киваю.

— Да, если можно так сказать. Я была на одной встрече, и сегодня будет вторая. Сразу после того, как только я уйду отсюда.

— Прекрасно. Ты общалась с кем-либо еще на этих встречах? Подружилась?

— Не совсем, — мои губы приоткрываются в разочаровании. — На самом деле, я думаю, что я в группе неудачников.

— Почему?

Откинувшись назад, я вспоминаю свою первую встречу.

— Мы были разделены на группы, основываясь на том, где сидели. Мне довелось сидеть рядом с парнем, который не хочет быть там. Девушкой, которая является его заклятым врагом. И человеком, который выглядит, будто выживает. Я знаю, что мы все там по определенной причине, но никто из них действительно не хочет делиться этим. Это немного расстраивает. Я надеялась быть в группе, которой будет интересна эта программа.

— Значит, это ты, другая девушка и двое парней? — я киваю. — Они симпатичные?

Я краснею от ее вопроса. Ребята милые? Ну, это не Дональд О'Коннор²⁸ или Дэнни Кэй²⁹, покоровившие мое сердце, но они неплохо выглядят. На самом деле, они очень привлекательны. Джейс, с его светлыми волосами и идеальным телом, выглядит как типичный американский парень. Хотя и немного измученный. А Картер пугающе привлекателен. С его черными, как смоль, волосами, татуированными руками и поведением, которое так и кричит: «не лезьте ко мне». Он пугает меня во всех отношениях. Я не хотела бы увидеть его плохую сторону.

— По твоему молчанию я предполагаю, что да.

Покраснев еще больше, я отвечаю:

— Ну, они неплохо выглядят, — это вызывает у нее смех. — Давай не будем говорить об их внешности, — я пытаюсь быстро сменить тему. — Кроме того, они не похожи на тип дружелюбных людей. И у меня нет уверенности, чтобы навязываться и стать друзьями. Так что это немного разочаровывает.

Кто-нибудь там понимает меня? Я слишком отличаюсь, чтобы вписаться в эту компанию? Меня на самом деле пугает мысль, что это может быть так.

---

²⁸ Donald David Dixon Ronald O'Connor; 28 августа 1925, Чикаго, штат Иллинойс, США — 27 сентября 2003, Калабасас, штат Калифорния, США) — американский актёр, режиссёр, продюсер

²⁹ англ. Danny Kaye; настоящее имя Дэвид Дэниел Каминский, 18 января 1913 — 3 марта 1987) — американский актёр, певец и комик

— Может быть, они все переживают что-то тяжелое. Что-то, что их пугает и беспокоит. Никто не хочет, чтобы их судили по внешнему виду. Дай им время, дорогая, ты можешь найти настоящих друзей среди этих потерянных душ.

Вот, за что я люблю ее — она всегда знает, что сказать.

Облегченно вздохнув, я говорю:

— Я помогу им. Спасибо.

Она машет рукой перед лицом.

— В любое время, дорогая. А теперь, — она поглаживает руки и наклоняется вперед, как будто мы собираемся поговорить о чем-то секретном. — Расскажи мне о парнях снова.

Я хихикаю:

— Бабушка, да что с тобой?

— Не что, а кто. Кристиан Грей.

Она подмигивает и дрожит от простого упоминания его имени.

Возможно, мне нужно взглянуть на эти книги. Может быть, они тоже вернут мне радость к жизни.

Холли

— Горе — это тяжело. Испытывая его, вам становится еще тяжелее. Надеюсь, это помогло вам решить, от чего вы действительно пытаетесь освободиться. Это нелегко — просто избавиться от того, что съедает вас при каждом вздохе. Это не переключатель, который вы можете включить и выключить в любое время. Кто это испытывает... Как можно просто перестать думать об этом?

Здесь всем тяжело. Добро пожаловать в мой мир. Спустя полтора года я все еще оплакиваю потерю Эрика. Возможно, когда-нибудь мне станет проще дышать. Пока удача не на моей стороне.

Марлен, наш бесстрашный и немного раздражающий лидер, кивает на поднятые руки. Я оглядываюсь на Картера, который ссутулился на своем стуле, жуя жвачку и выдувая из нее пузыри. С каждой минутой он выглядит все менее заинтересованным. Разговор с его дядей был неловким. На самом деле.

Мне все еще не по себе от того, что произошло между ними. Это была какая-то тяжелая семейная драма. Как будто я покопалась в чужом грязном белье. Неудивительно, что Картер был таким козлом.

И что еще хуже, когда Картер выбежал, Чак попросил меня следить за ним на этих встречах, чтобы убедиться, что он действительно воспринимает это всерьез. Видимо, я должна отчитываться перед ним. Ага, это не то, что мне хотелось бы делать.

Что бы я сказала о сегодняшней встрече? Картер сидел с выражением на лице «мне на все похрен», долго смотрел в потолок и делал пузыри из жвачки двадцать пять раз.

Я уверена, что Чаку понравится этот отчет.

Этого не произойдет.

Но не потому, что у меня есть связь с Картером. Нет. Просто я не хочу влезать в эту ситуацию между ними. Там все запутано.

Я пытаюсь сосредоточиться на словах Марлен. Несмотря на мое нежелание горевать по Эрику, я все еще хочу попытаться снова начать чувствовать себя нормально. Понять, есть ли у меня сердце, или я потеряла его вместе с его смертью. Окружающие не понимают, хотя у нас было так мало времени, что мое сердце разбилось на миллион частей. Я просто потеряла себя. И не уверена, что смогу это исправить.

Всё, что у меня есть — это пустота в душе.

— Сегодня вы попытаетесь взять то, о чем вы горевали, и отпустить это. Первый шаг — признать это.

Погруженная в размышления, она продолжает:

— Относитесь к нему так, как если бы вы были в группе, такой как АА³⁰. Вместо того чтобы закрыться, отпустите. Сегодня вы встанете перед своей группой, поддерживая друг друга, и одним предложением освободите себя. Первый способ — это сказать это вслух, принять вашу скорбь и, в свою очередь, почувствовать счастье и доказать свое существование. Это будет нелегко.

Она прислоняется к столу позади нее.

— Когда я проходила эту программу, вторая неделя была самой сложной для меня. Чтобы смотреть в глаза другим, рассказать, что вас тревожит, что съедает изнутри. Это трудно. Вы должны быть сильными, встретиться со своими демонами. Только это поможет вам с проблемой.

Осмотрев комнату, она встает, подняв палец вверх.

— Не бойтесь задавать вопросы, но уважайте личное пространство. Как только ваша группа закончит, напишите письма. Вы можете ходить по комнате. Пожалуйста, необязательно всегда сидеть на своих местах, — скрестив руки перед собой, она оглядывает группу. — Как всегда, если у вас возникнут вопросы, я буду рядом. Будьте добры, будьте мужественны и продолжайте двигаться вперед. Продолжайте доказывать свое существование день ото дня. Докажите это.

Черт, как доказать свое существование? Я даже не понимаю, что это такое. Я вспоминаю время между встречами и понимаю, что я действительно горевала. Длительные ночи на диване, мое лицо, зарытое в подушку или в одну из старых футболок Эрика. И прослушивая на повторе его сообщения в приложении Vоxer.

Другими словами, я продолжала делать то же самое, что и каждую ночь.

Звук движения стульев вырывает меня из воспоминаний. Взглянув на мою группу, я вижу, что Дейзи подвигает свой стул ближе к Картеру. Джейс, выглядя еще более мрачным и склонив голову, двигается, подпрыгивая на нем. Кажется, у него нет настроения делиться своими переживаниями. Несмотря на его замкнутость, я не могу не заметить сильную челюсть, виднеющуюся из-под бейсболки, или выделяющиеся мышцы под рубашкой с длинным рукавом. Или его длинные ноги. Нужно жить у черта на рогах, чтобы не знать, кто он. Итак, почему он здесь?

Надеюсь, я скоро это узнаю.

— Кто хочет начать? — спрашивает Дейзи, наш молчаливый руководитель группы.

Она выглядит раздражающе оживленной в ее стеганом жилете, постоянно поглаживая руки. Должно быть, у нее нервный тик. На прошлой встрече она постоянно дергала ремни на своем комбинезоне.

— Почему бы не начать тебе, Снежинка? — предлагает Картер, не глядя на нее.

— Снежинка? — Дейзи оглядывается, не понимая, что он говорит о ней. — Про кого ты говоришь?

Он приподнимает бровь, встречаясь с ней взглядом.

— Про тебя.

— Ох, — она указывает на себя, выглядя смущенной, идет вперед. Похоже, она нервничает. — Нужно ли нам стоять, когда будем говорить?

— Я, бл*дь, не собираюсь стоять, — говорит Картер, щелкая жвачкой.

Как долго этот кусок резинки был у него во рту? К настоящему моменту он должен был превратиться в цемент.

— Ладно, стоять необязательно, — Дейзи сглатывает. — Ты точно хочешь, чтобы я пошла первая?

Он кивает, Джейс не двигается, и я плохо себя чувствую, когда говорю:

— Нет, я могу начать.

— Правда?

---

³⁰ АА — клуб анонимных алкоголиков

В ее глазах я вижу надежду и облегчение. Может, ей проще, чем всем нам. Но заметно, как она нервничает и как волнуется с каждым произнесенным словом. Поэтому я дам ей передышку.

— Да. Так мы просто говорим наше имя, наше предложение, и на этом все?

— Верно, — слышу голос Марлен позади. Мне хочется, чтобы она ходила по залу и не слушала о моих переживаниях. — Не забудьте сделать глубокий вдох, встретить своих демонов, и одним толчком выпустить их, чтобы создать счастье и дарить его окружающим. Прежде чем мы уйдем, и когда все будут писать свои письма, мы перейдем к следующему шагу в программе.

— Ладно, — мой голос становится выше, пытаюсь быть более милой по отношению к ней. Это не может быть для нее добровольной работой, вынуждая людей говорить о том, что их беспокоит.

— Продолжай.

К моему счастью, когда я прочищаю горло, Марлен подходит к следующей группе.

— Привет. Вы знаете, меня зовут Холлин...

— Привет, Холлин, — говорит Картер с недовольным лицом, действуя как полный мудак. Мне нужно все самообладание, чтобы не прибить его. Вместо этого я наклоняю голову и показываю ему самую лучшую «пошел ты» улыбку.

Глубоко вздохнув, я продолжаю:

— Как я сказала, меня зовут Холлин, и я двадцатидвухлетняя вдова.

Я чувствую горечь от этих слов. Как будто в меня вонзают маленькие иголки, вызывая онемение.

Вдова.

Это то, кем я являюсь.

— Господи, мне так жаль, — говорит Дейзи, дотягиваясь до моей руки, но потом сразу же тянется назад.

— Мне тоже, — я слышу глубокий голос Джейса, когда он слегка приподнимает голову, чтобы посмотреть в глаза.

Взглянув на Картера, и, ожидая встретить его надменный взгляд, но он выглядит извиняющимся.

— Теперь я чувствую себя плохо, говоря о своем. Это ничто по сравнению с твоим, — отвечает Дейзи.

Подвинувшись на стуле, Джейс говорит:

— Не надо, Дейзи. Ты не можешь обесценивать свои переживания, сравнивая с другими. Мы общаемся. Это не соревнование. Мы все проходим через эту программу, независимо от масштаба проблемы.

Это больше, чем я когда-либо слышала от Джейса. И, черт, это проникает мне прямо в сердце.

— Ладно, — учитывая ее слова, Дейзи сидит на краю стула, готовясь к тому, чтобы говорить. — Я Дейзи, и я все время была укрыта от жизни. Это вызывает во мне пугающую тревожность. У меня нет друзей и маленький жизненный опыт.

Вот блин. Я хочу наклониться к ней и обнять.

Сглотнув, она смотрит на меня и говорит:

— И теперь я живу со своей сводной сестрой Амандой, которая является твоей лучшей подругой.

Это для меня новость. Интересно, почему Аманда ничего мне не сказала. Теперь я еще больше хочу обнять ее.

— У тебя нет друзей? — Дейзи краснеет и качает головой. — Ну, по крайней мере, у тебя теперь есть я.

В отличие от нее, я подвигаюсь и утешаю ее. Я вижу ее яркую улыбку на смущенном лице.

— Что значит «укрыта»? — спрашивает Картер, выглядя более заинтересованным. — И ты можешь не отвечать, если не хочешь.

— Я не против. Это же для того, чтобы отпустить, да?

Скрестив руки на коленях, она отвечает Картеру:

— У моих родителей не было возможности меня воспитать, поэтому я жила с бабушкой. Она занималась моим образованием, обучила меня всему, что я знаю, и сделала меня той, кем я являюсь на данный момент. Очень замкнутой, наивной девушкой, не знающей, как существовать в реальном обществе. Я надеюсь оставить свое прошлое позади и научиться быть свободной, жить.

Картер с благодарностью кивает головой:

— Я чувствую себя так же, Снежинка.

— Да? Ну, тогда поделись с нами, Картер, — говорю я.

Я хочу, чтобы он действительно попытался серьезно относиться к этой программе. Зная, что он пережил с его дядей, это может быть хорошим решением для него.

— Без проблем, — все еще сгорбившись, он пытается выглядеть непринужденно, но я могу заметить подавленность в его голосе. — Я Картер, и жизнь лишила меня всего.

Он замолкает, без намека на продолжение.

Я спрашиваю:

— Хочешь поговорить об этом?

Я слышу щелчок от лопнувшего пузыря жевательной резинки. Он качает головой:

— Не-а, я в порядке.

Дейзи, которая надеялась найти связь с кем-то в группе, сразу же вычеркивает его из этого списка.

Несмотря на его черствое сердце, он замечает, как плечи Дейзи опускаются, потому что прежде чем Джейс начинает говорить о причине своего нахождения здесь, Картер добавляет:

— Я потерял единственное, что изменило бы мою жизнь и поставило бы меня на правильный путь. И это же освободило бы меня. Я знаю, как ты себя чувствуешь, Снежинка. Желая этой свободы, — более спокойно, глядя на свои руки, он добавляет: — Я знаком с этим.

Получив от меня сигнал, Дейзи подходит и неловко похлопывает Картера по плечу, слегка поглаживая его:

— Ты получишь свободу. Просто оставайся с нами.

С каждым движением ее жилет приподнимается. Какая милая девушка. Мне нужно поговорить с Амандой о том, чтобы помочь ее сестре обновить свой гардероб.

Мне также придется поговорить с ней о том, что у нее есть сводная сестра.

Наше внимание переключается на Джейса, когда он прочищает горло и поднимает голову. Яркость его глаз...

— Думаю, теперь моя очередь.

— Думаю да, — отвечаю я с искренней улыбкой.

— Не хочу быть мудаком, но я напоминаю вам про соглашения о неразглашении.

— Мужик, ты в безопасности, — отвечает Картер.

Это сострадание в его голосе? Откуда это взялось? Не думаю, что когда-либо видела эту сторону Картера. Обычно он ведет себя как полный придурок, расхаживая по ресторану, как будто ему все должны. Может быть, он заслуживает шанс.

Тем не менее, мне понадобится время, чтобы прийти к этому.

Джейс кивает со вздохом. То, как он нервничает, снимая свою бейсболку, чтобы провести рукой по волосам, дает мне понять, будто он собирается сказать то, что действительно тревожит его. Он прочищает горло и говорит то, чего я никогда не ожидала услышать.

— Я Джейс, и жизнь подарила мне дочь. Это произошло, когда я не был готов. И мне пришлось отдать ее приемной семье.

Наша группа замолкает, открыв рты в шоке. Не могу говорить за всех, но мое сердце учащенно бьется.

Он отдал свою дочь? Как можно жить с этим? Я даже не могу представить, какую боль он переживает.

Да, я потеряла Эрика только через год после свадьбы. Но это был не мой выбор. Джейс добровольно отдал свою дочь.

О Господи.

Я чувствую подступающие слезы. Теперь понятно, почему он так закрыт. Я оплакиваю потерю покойного мужа, а он скорбит о потере своей девочки.

Это так душераздирающе, что я не слышу слова Марлен, когда она говорит о встрече на следующей неделе. Я не понимаю, что мы закончили, пока все не начинают доставать все необходимое, чтобы написать письмо.

В одном я уверена — жизнь можно испоганить многими способами.

***

Дорогая Жизнь,

Не буду лгать, ты действительно знаешь, как испытать человека. Когда я пишу это письмо, я не могу не взглянуть на Джейса и не заметить ту боль, которую он испытывает. У него есть дочь, но он вынужден был отдать ее. Разве это справедливо? Это не так. Это видно по тому, как он едва мог говорить об этом.

А разве справедливо, что я вдова?

Это тоже не так. Но, ты, даря нам эти удивительные подарки, такие как безоговорочная любовь мужчины, или настоящая любовь к дочери, — без предупреждения забираешь их?

Твои поступки заставляют меня плакать. Это разрывает меня на части. Твое вмешательство съедает меня заживо.

Но иногда ты преподносишь такое, как сегодняшний день. Ты объединяешь четырех незнакомых людей, которые ничего не знают друг о друге, которые показывают свою боль, страдания и даешь им причину, чтобы жить дальше.

Потребность в общении, для понимания.

Я знаю, каково это — потерять кого-то. Я знакома с пустотой, которая медленно разрушает тебя. Я могу помочь ему исцелиться, что в свою очередь поможет мне. Если это первый шаг к тому, чтобы отпустить, я с гордостью могу сказать, что готова сделать этот шаг.

Искренне твоя, Холлин.

***

Дорогая Жизнь,

Как узнать, нравишься ли ты людям? Они притворяются или искренни? Я не совсем уверена, как понять Джейса, Холлин, и особенно Картера.

Он меня пугает. Но он так похож на меня. Он хочет быть свободным, вырваться из заключения, в котором живет. Я знаю это чувство. Но там, где, похоже, кто-то держит его, я боюсь оставаться на месте.

Страх, наверное, мой самый большой враг. Я боюсь по многим причинам. Но один из моих самых больших страхов — никогда не узнать, каково это — прожить жизнь, жить на грани и смеяться с друзьями.

Думаешь, я им нравлюсь? Или они жалеют меня?

Я понятия не имею, как подойти к ним, при этом не выглядеть жалкой. Боже, почему это так сложно?

Я готова отпустить «старую» Дейзи, но есть маленький намек на страх, который тянет меня назад с каждой уверенной мыслью. Как избавиться от этого? Просто погрузиться в это, не беспокоясь ни о чем? Я достаточно храбрая, чтобы сделать это?

Надеюсь, что да.

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая Жизнь,

Отпустить. Легче сказать, чем сделать, когда это все еще сидит в твоих мыслях. Не проходит ни минуты, когда я не думаю о Хоуп. Когда я не представляю ее лицо, или не чувствую ее детский запах. Как я должен отпустить это, когда я все еще скорблю? Как я могу перестать оплакивать потерю своей плоти и крови?

Бл*дь, боль слишком сильная, чтобы можно было думать о чем-либо еще.

Джейс.

***

Дорогая жизнь,

Пошла ты.

Картер.

Шаг 3: Оказать поддержку

Картер

— Передай мне пиво, — говорит Фитси, развалившись в кресле, пока Джо Бак рассуждает о том, кто одержит победу в Суперкубке. — Бак — идиот, если он действительно думает, что «Бронкс» снова выиграет. Ни за что. Их защитник слишком молод, чтобы принести победу команде.

Я дотягиваюсь до кулера, что стоит на столе и бросаю ему пиво.

— Им не нужен этот квотербек³¹. Ты помнишь прошлый год? Пейтон Мэннинг практически ничего не сделал. Кэм Ньютон не смог пройти через их защиту. Бак прав, «Бронкс» выиграет.

— Ты так говоришь, потому что вырос в этом городе.

— Чертовски верно.

Я потягиваю свое пиво и окунаю чипсы в знаменитый сырный соус, который я делаю каждый год для нашей вечеринки Суперкубка. И когда я говорю о вечеринке, имею в виду нашу встречу с Фитси. Это намного проще. Нет толпы людей, разговоров и голосов, которые нас раздражают.

Два года назад мы были на игре, и это был единственный раз, которого нам хватило, учитывая, что мы едва могли слышать, что говорят дикторы. Кроме того, люди, которые пришли, больше интересовались шоу и рекламными роликами, поэтому мы решили оставить это только для нас двоих.

— Я встречаюсь с девушкой, — говорит он с ухмылкой.

— Ты встречаешься с девушкой? — спрашиваю я с удивлением.

С тех пор, как я познакомился с Фитси, я никогда не слышал от него подобного. Он относится к придуркам, предпочитающим одноразовые связи. Это было весело, но мне больше нравилось быть в отношениях. Ну, пока Саша не поимела меня. С тех пор отношения меня не так привлекают.

— Да. Я познакомился с ней во время игры в скибол³².

Я вопросительно выгибаю бровь, поворачиваясь к нему.

— Скибол? Когда, черт возьми, это произошло?

Он пожимает плечами, будто это неважно.

— Я не могу постоянно ждать, пока ты освободишься от своих дел для игры. Один парень на работе рассказал мне об этом, и я записался, — улыбаясь, он с гордостью говорит: — Приходи, чтобы увидеть, как я чертовски хорош в этом. Вот что привлекло внимание Марты.

— Марта? — я хмурюсь, сжимая нос. — Она молодая? Или ей около шестидесяти, и ты решил, что она «пума»³³, хотя в действительности это мешок с морщинами.

— Марта — шестидесятилетняя женщина, у которой чертовски привлекательная внучка. Я играл против Марты, давая ей возможность заработать, когда ее внучка подошла, чтобы подбодрить старушку. Я был так отвлечен мини-юбкой, которая была на ней, что пропустил последний бросок, проиграв Марте. Но это было не страшно, потому что у меня был вид в первом ряду, когда Клара подпрыгивала от волнения за бабушку. Это было горячо, мужик.

— Ты играл в скибол против шестидесятилетней и проиграл?

— Секси-внучка в мини-юбке? Ты вообще меня слушаешь? — спрашивает он раздраженно.

— Ага, но все это отговорки. Для тебя это, должно быть, потрясение.

Он качает головой, медленно потягивая пиво.

---

³¹ англ. Quarterback — позиция игрока команды нападения в американском и канадском футболе

³² skeeball — настольная игра

³³ женщина средних лет, ищущая половые контакты с более молодыми мужчинами

— Послушай, мне нужна Марта в команду, потому что она играет так, как будто это ее работа.

— Это причина увидеть ее внучку? Пристроить Марту в команду?

— Если она хочет присоединиться к нам — это ее выбор.

— С тобой явно что-то не так. А что с Кларой?

— Ага, она классная, — он наклоняется и берет немного соуса. — Она бухгалтер в одной из компаний в центре города. Я заставил ее напялить очки и держать калькулятор, пока мы были в кровати прошлой ночью. Никогда не думал, что трахну бухгалтера, но черт, это было круто.

— Что, черт возьми, ты сделал с калькулятором?

— Это для образа. Она притворилась, что считала на нем, пока я был сзади.

Я качаю головой, смеясь.

— Я не хочу знать, какая травма у тебя связана с калькулятором.

— Это не похоже на графический калькулятор.

— Почему? — спрашиваю я, взяв горсть кренделей.

— Да ладно, — он смотрит на меня так, как будто это совершенно очевидно. Вздыхнув от моей неосведомленности, он просвещает меня. — Ты должен относиться к графическим калькуляторам с уважением. Эти карманные гении работают одновременно с несколькими уравнениями и переменными. Ни один человеческий мозг не такой умный, как графический калькулятор.

— Правда? Не считая того факта, что его создали люди, — говорю невозмутимо.

— Фу, не ревнуй, чувак. Не думай об этом. Я отношусь к тебе с таким же уважением, как и к графическому калькулятору.

Я делаю глоток, сжимая пальцами нижнюю часть бутылки, на которой находится чехол с эмблемой «Бронкс».

— Не знаю, радоваться ли мне или врезать тебе. К каким счётам я отношусь?

— О каких счётах речь? Китайских, греческих, персидских, римских? Если это китайские, ты выше деревянных бусин, которые там используются. Но если ты говоришь о греческих, то придется тебя подвинуть, потому что они сделаны из мрамора. А я, как ты знаешь, любитель прекрасного.

Я смотрю на своего долбанутого друга, недоумевая от его глупых и бесполезных знаний.

— Да пошел ты, — я смеюсь и качаю головой, когда мой телефон подает звуковой сигнал, оповещая о новом сообщении.

— Мне надо отлить до начала игры. Нужно что-нибудь, пока я здесь?

— Нет, — отвечаю, глядя на телефон.

Я вижу номер Дейзи и цветок рядом с ее именем. Ха, чего она хочет? Я с любопытством открываю сообщение.

Дейзи: Вперед, «Бронкс»! Надеюсь, вы, ребята, весело проводите время. Шаг третий — оказать поддержку. Поэтому я подумала о групповой переписке. Надеюсь, все в порядке. Моя сестра показала мне, как это делается. Если вы не Джейс, Холлин или Картер, пожалуйста, проигнорируйте это сообщение. Спасибо.

Потягивая пиво, я смотрю на сообщение. Шаг третий. Боже, как будто эта программа принуждает нас к дружбе. Дейзи в норме, Джейс — крутой. Ну, я не уверен на данный момент, но думаю, что он такой. А Холлин, черт, сводит меня с ума.

Мой телефон подает звуковой сигнал. Помяни дьявола.

Холлин: Прекрасная идея, Дейзи. Вперед, «Бронкс»!

Вышибите нахрен мне мозги прямо сейчас. Меня бесят групповые переписки.

Дейзи: Спасибо. Я впервые смотрю Суперкубок. Моя сестра сказала, что когда-нибудь действительно захочется посмотреть подобное.

Холлин: Впервые? Как так получилось?

Вот, я как раз об этом, такое не должно происходить. Почему я должен хотеть быть частью разговора, в котором еще двое людей? Спасибо, Apple за то, что убиваешь мою психику.

Джейс: Да, как так вышло?

— О, да ладно, Джейс. И ты туда же, — я бормочу на свой телефон.

— Разговариваешь сам с собой? — спрашивает Фитси, прыгая на кресло, держа миску с арахисом M&M's (моя слабость) в одной руке и с пивом в другой.

Он знает все о программе. После первой встречи я пробыл у него несколько часов, рассказывая о Холлин, Дейзи и ее странном взгляде старой леди. Не упоминая Джейса, разумеется. В общем, про все происходящее дерьмо. Фитси — свой парень, но любитель потрепаться. Он клянется, что будет молчать, но я знаю, что это не так.

— Снежинка затеяла групповую переписку.

— Ах, Снежинка, — он качает головой. — Разве она не знает, что это не соответствует этикету?

— Даже не имеет представления.

Взглянув на телефон, я просматриваю остальные сообщения.

Дейзи: У нас не было кабельного, а бабушка не очень спортивная девушка, поэтому у нас не было такой возможности. Но не волнуйтесь, я соответствующе одета по этому случаю.

Следующее сообщение — фото Дейзи. Улыбаясь, я нажимаю на изображение, чтобы увеличить его. Она стоит перед телевизором, по которому транслируется предыгровое шоу и держит мяч. На ней светлые широкие джинсы, которые заужены в районе лодыжек, синий вязаный свитер с оранжевой эмблемой «Бронкс», сшитый из разных тканей. И я уверен... ага, как только я увеличиваю изображение, вижу, что она использовала «паффи пэинт»³⁴.

Бл*дь, улыбка расплывается по моему лицу. Она странная, но в хорошем смысле. Как это называется? Чудаковатая? Черт, я ненавижу, что даже подумал о таком слове.

Холлин: Где ты взяла этот свитер?

Я уже не могу, поэтому тоже спрашиваю.

Картер: Да? Откуда он? Он потрясающий.

Вычурно, экстравагантно, старомодно, но, черт возьми, я бы надел подобную хрень.

Дейзи: Я сделала его! На днях я ходила в магазин тканей и собрала необходимое. Я не была уверена, как все получится, но сшила кое-что для своей сестры и ее жениха.

Следующее сообщение — это фотография Дейзи, на которой, я предполагаю, в похожих вязаных свитерах стоят ее сестра с женихом, и держатся за руки. Я фыркаю от вида парня, он выглядит нелепо. Единственная причина, по которой он так одет — из-за своей женщины. Судя по тому, как уложены его волосы, он помешан на внешнем виде. В отличие от меня. Если бы у меня был такой свитер, я бы с гордостью носил его.

Холлин: Мэтт выглядит так, как будто хочет убиться головой о стену.

Джейс: Эй, Мэтт работает в моем клубе. Как тесен мир.

Дейзи: Он сделал это ради меня.

Картер: Мне охренеть как хотелось бы такой свитер.

Когда я отправляю это сообщение, я задаюсь вопросом, почему вообще это сделал. Я не участвую в групповых переписках. Я вообще так не делаю, но есть что-то в Дейзи, она зацепила меня. Может быть, это ее рассказ, о том, что «я свободен», или как она всегда хочет угодить всем. В любом случае, я вижу, как она старается, и хочу отплатить ей тем же.

— Какого хрена ты делаешь? — спрашивает Фитси, отвлекая меня от телефона. — Ты даже не обращаешь внимания на мои колкости в сторону Джо Бака. Я в этом хорош.

— Извини.

Я кладу свой телефон рядом с собой на диван, но смотрю вниз, когда вижу входящие сообщения. Мне нужно посмотреть и прочитать их. Зачем? Почему это мне нужно знать? Я

---

³⁴ Puffy paint — краска, которая запекается в микроволновке и рисунок становится объемным

едва знаком с этими людьми. Мне не хочется думать об этом. Я заставляю себя смотреть предыгровое шоу, когда Фитси шутит, при этом мне ужасно хочется глянуть в свой телефон.

— У Джо Бака не все дома, — говорит Фитси, повернувшись ко мне с миской в руке: — M&M?

— Давай, — я вздыхаю, подвинувшись ближе, и замечаю другое сообщение от Дейзи. Черт, не смотри, не смотри.

Не смотри!

Я закидываю в рот M&M и смотрю на свой телефон, нажимая на изображение.

Охренительно круто. Я улыбаюсь, возвращаясь к игре.

Говоря словами Дейзи: Вперед, «Бронкс»!

Дейзи

— Кажется, все думают, что мои свитера довольно хороши, — говорю я, когда Мэтт подпрыгивает на диване, крича на телевизор и сжимая плюшевый мяч, который он, судя по всему, не может оставить в покое. Даже когда он идет в ванную. Отстой.

— Он не помешал пасу. Слепой что ли? Он даже не коснулся его.

Развернувшись с несчастным видом на диване, Мэтт ворчит про себя, прижимая мяч к груди. Рукава его свитера закатаны, а волосы в беспорядке.

Учитывая, что я впервые смотрю игру, я совсем потеряна. Аманда читает книгу в углу дивана, иногда поглядывая, чтобы посмотреть на происходящее, но не особо уделяет внимания. Я никогда не была так смущена, пытаюсь следить за всем. Единственное, что я знаю — нужен тачдаун³⁵. Мне мало что понятно, но стукнувшись кулаками с Мэттом, чтобы соответствовать обстановке я говорю: «Давай, «Бронкс», сделай это».

Не буду лгать, спорт утомителен. Тем не менее, я наслаждаюсь тем количеством нездоровой еды. Fritos Bean Dip³⁶ — моя новая любимая вещь. Это и печенье «Шоколадные чипсы», украшенное цветным логотипом «Бронкс», которые Аманда выбрала в магазине. Огромное печенье нравится всем.

Чувствуя напряжение в комнате от того, как продвигается игра, я поднимаю руку и говорю:

— Вперед, «Бронкс».

Мэтт хлопает по дивану и поднимает кулак.

— Да, черт. Вперед, «Бронкс».

Это страсть.

А к чему у меня такая страсть? Мне нравится заниматься рукоделием, но я никогда не буду стучать кулаком по столу и выкрикивать ругательства, если у меня не получится приклеить украшения к бейсболке. Возможно, если Джин Келли был бы жив, я бы посмотрела, как он ходит по Бродвею в «Поющих под дождём», и, размахивая руками, сказала ему, что он украл мое сердце. Возможно.

— Нужны еще чипсы? — спрашиваю, посмотрев на пустую чашку.

Мэтт кивает, пристально глядя в телевизор.

— Это было бы здорово, Дейзи. Не могла бы ты еще захватить мне пиво?

— Мэтт, она не твоя прислуга, — делает замечание Аманда.

— О, все хорошо. Мне не сложно. Мне все равно нужно взять еще один Capri Sun³⁷.

Взяв чашку, я беру с собой телефон и печатаю сообщение группе.

Дейзи: Что такое помеха пасу?

Я ничего не понимаю в футболе. А это, похоже, единственное, что как-то сближает группу. Поэтому я хочу узнать больше.

³⁵ англ. touchdown — приземление — один из способов набора очков в американском и канадском футболе

³⁶ Fritos Bean Dip — соус

³⁷ Capri Sun — сок

У нас впечатляющий выбор чипсов. Аманда сказала, что Суперкубок как Рождество для Мэтта. Это и Мировая серия³⁸. Он их не пропускает, независимо от того, кто играет. Когда он вернулся ночью домой с кучей алкоголя и закусок, Аманда не удивилась. Она просто пошла к машине, чтобы помочь ему все это разгрузить.

Бабушка ела только то, что сама приготовила. Если нам хотелось перекусить, мы пекли. Поэтому я была немного удивлена, когда можно было съесть Little Debbie³⁹ и действительно наслаждаться этим. Nuttey Bars⁴⁰ — моя новая зависимость. Я стараюсь не есть слишком много, иначе не смогу влезть в жилеты, над которыми сейчас работаю.

Пока я высыпаю Fritos Scoops⁴¹ в миску (мою новую любовь) вместе с Nuttey Bars, мой телефон подает сигнал. Я смотрю на него, все еще привыкая к новой форме общения, и вижу сообщение от Картера. Он не очень общительный, поэтому, когда я вижу сообщение от него, я взволнована.

Картер: Столкнулась с не пониманием, Снежинка?

Снежинка. Мне это непонятно, но я принимаю это. Чувствую себя особенной. Я всегда хотела, чтобы у меня был друг, который звал бы меня по прозвищу. Моя бабушка называет меня «дорогая», но это не в счет. Итак, я буду Снежинка. Хм, может быть, я смогу сделать жилет и вышить слово «Снежинка» на спине, и буду носить его как футбольную курточку. Это будет забавно.

Я пишу ответ.

Дейзи: Я ничего не знаю о футболе. Как с этим разобраться?

Джейс: Нужно не так уж и много, чтобы понять.

Холлин: Не смотрю, но Вперед, «Бронкс».

Холлин не смотрит Суперкубок? Это странно, потому что Аманда сказала, как Холлин, вероятно, оценит мои свитера, так как она большая поклонница «Бронкс». Растерявшись, я приношу чипсы, сок и пиво в гостиную, поставив все на стол.

— Аманда?

Я сажусь на диван и проделываю отверстие трубочкой в коробке с соком.

— Что такое? — она отвечает, не отрываясь от книги.

— Я думала, что Холлин поклонница «Бронкс».

— Так и есть? Почему ты спрашиваешь?

Изогнув губы, я говорю:

— Ну, она сказала, что не смотрит игру. Это немного странно.

— Не смотрит? — Аманда раздражается.

Что я такого сказала?

— О, нет.

Аманда качает головой и опускает книгу на колени. Вздохнув, она заправляет волосы за уши. Мы не очень похожи внешне. У нас такие же светлые волосы, как и у нашего отца. Остальное досталось от наших мам.

Прежде чем Аманда успевает что-то сказать, Мэтт опускает руку ей на колено, все еще не отрываясь телевизора:

— Нужно время, дорогая. Изменения не происходят после двух встреч.

— Знаю. Хотя, это было бы неплохо.

— Эй, она ходит на эти встречи. Это все, что можно попросить от нее на данный момент.

Я не люблю совать свой нос в чужие дела, но мне все же любопытно. Почему она не смотрит игру «Бронкс»? И почему это так важно?

Зная, что это не мое дело, я все равно спрашиваю:

— Почему она не смотрит?

³⁸ англ. World Series — решающая серия игр в сезоне Главной лиги бейсбола

³⁹ Little Debbie — печенье

⁴⁰ Nuttey Bars — хрустящие вафли, наполненные арахисовым маслом

⁴¹ Fritos Scoops — чипсы

— На игре «Бронкс» Холлин встретила своего покойного мужа, Эрика. Это было на задней части стоянки перед игрой. С тех пор, как я встретила ее, она была преданной поклонницей. А когда Эрик умер, она больше не смотрела игры или что-то подобное. Это было из тех вещей, которые они делали вместе.

Мое сердце распадается на части от боли. Не могу представить состояние Холлин. Потерять кого-то особенного. Быть такой молодой и не испытать в полной мере замужнюю жизнь. От одной только мысли об этом мне хочется плакать.

— Это ужасно. Бедная Холлин.

— Она пройдет через это, — говорит Мэтт. — Давай, сделай это... — он кричит, подпрыгнув. — Беги, твою мать, беги. Беги!

Мысли о Холлин исчезают, когда я поворачиваюсь к телевизору, чтобы увидеть одного из игроков «Бронкс», я знаю, что он часто попадает в зону поля. Мэтт радуется и дает «пять» мне и Аманде. Я выкрикиваю слова радости, пока Мэтт продолжает сжимать мою руку.

— Тачдаун! Итак, мы побеждаем.

Мэтт смеется, попивая пиво.

— Я бы этого хотел, Дейзи. Еще три четверти.

Я хмурюсь.

— О, а я думала, кто забивает, тот и выигрывает.

— Тот, кто забивает больше, — Мэтт подмигивает и указывает на меня своей пивной бутылкой. — Мне нужно в туалет. Я вернусь, дамы.

Когда он не слышит, я поворачиваюсь к Аманде:

— Он слишком эмоционален, когда радуется.

— Подожди, пока он не устроит представление. Он будет квотербеком, а мы — ресиверами⁴². Это настоящее веселье, когда он бросает в тебя свой плюшевый мяч.

Я хихикаю:

— Не могу дождаться.

Бип-бип.

Оглянувшись, я вижу сообщение. Оно от Картера, а не от группы. Интересно. Но что более интересно, так это то, что в моем животе порхают бабочки из-за этого.

Картер: Ты видела, Снежинка? Это был тачдаун.

Улыбаясь, я приподнимаю колени к груди и телефон повыше, пока отвечаю ему.

Дейзи: Я видела это. Мы забили! Хотя, я думала, что это был конец игры. Видимо, первый тачдаун не означает выигрыш.

Картер: Не так быстро.

Дейзи: Это так сложно. Все игроки бегают то на поле, то за его пределами. Я не понимаю.

Картер: Нужна помощь?

Мой желудок переворачивается. Картер хочет мне помочь. У меня завязывается дружба? Ура, мое настроение становится лучше от этой мысли.

Дейзи: Было бы здорово.

Мэтт громко хлопает в ладоши, когда возвращается в гостиную, отвлекая меня и Аманду.

— Не делай этого, — жалуется она, гневно закрывая книгу. — Никто не любит громких звуков.

— Всем это нравится.

— Это не так, — злится Аманда.

От ее тона Мэтт отступает. Показывая свою очаровательную улыбку, он держит печенье и спрашивает:

— Печенье?

---

⁴² англ. Wide receiver (принимающий) — позиция игрока в американском футболе

Аманда старается сделать несчастный взгляд, но у нее не получается. Улыбаясь, она отвечает:

— Не пытайся меня задобрить этим огромным печеньем.

Он раскачивает тарелку и держит нож для нарезки.

— Ты же знаешь, что хочешь.

— Я на диете.

Из него вырывается смешок:

— Ты не на чертовой диете. А будь это так, я бы отшлепал твою задницу. Тебе не нужно худеть.

— Ладно, теперь ты выигрываешь очки.

Она скользит по дивану, когда он тянет ее за лодыжку и, схватив, целует в щеку.

— Просто говорю, как есть, милая. Ты идеальна.

Она тает в его руках, и я немного ревную, когда они смотрят друг на друга и целуются.

Я тоже так хочу. Я хочу этого больше всего.

Бип-бип.

Глянув на телефон, я читаю сообщение.

Картер: Ты готова сделать это быстро и грязно, Снежинка?

Дейзи: Ты о чем?

Картер: Вот быстрый курс по футболу. Две команды на поле. Одна — это нападение, другая — защита. Они меняют направление относительно того, кто является нападающим — человек, пытающийся забить, и защита — команда, пытающаяся не допустить этого.

Дейзи: Поэтому Мэтт продолжает повторять «Держите их, защищайте, держите их».

Картер: Именно. Как группа поддержки. Это все делается для болельщиков.

Я не могу остановить хихиканье, чем привлекаю внимание Мэтта и Аманды.

— Над чем смеешься? — спрашивает Аманда с улыбкой.

— Да просто сообщение от Картера.

— Картер? — спрашивает Мэтт, приподняв бровь. — Похоже, что это парень.

— Так и есть, — мое лицо пылает. Я на сто процентов уверена, если сейчас посмотрю в зеркало, то мое лицо будет ярко-красным. — Это друг, которого я встретила в «Дорогой Жизни».

— О, друг, — передразнивает Аманда.

— Верно, — защищаюсь я, еще больше смущаясь.

— Хорошо, — отвечают они, смеясь и улыбаясь.

Чувствуя себя униженной, я сажусь на диван и оглядываюсь на свой телефон, чтобы посмотреть другие сообщения от Картера, который просвещает меня в знаниях о футболе. К концу первого тайма, благодаря ему, я могу понять, что в основном делают игроки. Я не совсем понимаю, почему иногда защитник бросает мяч и почему иногда он просто передает его кому-то. Я оставляю это на другой день. Нельзя изучить все сразу.

Картер: Ну как, Снежинка, более-менее понятно?

Дейзи: В основном, думаю, да. Я, по крайней мере, знаю, когда надо радоваться, и мне не нужно ждать подсказки от Мэтта.

Картер: Ну вот, теперь ты крутая. Не то чтобы ты не была такой, с твоим зачетным свитером и все такое.

Дейзи: Я думаю, что «Бронкс» выигрывает из-за свитера.

Картер: Я не буду спорить с этой логикой.

Дейзи: Спасибо, что объяснил мне все это. Я уверена, что ты занят.

Картер: Не, просто смотрю игру с приятелем.

Дейзи: Ладно. Мне нужно отплатить тебе за это. Чему я могу научить тебя? Хм, хочешь научиться шить одеяло?

Картер: Не особо.

Дейзи: Я об этом не подумала. Ты чем-нибудь увлекаешься?

Картер: Нет.

Как у кого-то нет увлечений? Мне это кажется странным. Опять же, я выгляжу странной для большинства людей.

Дейзи: Я мало знаю. А как насчет мясного рулета? Тебе нравится мясной рулет?

Картер: Нравится.

Дейзи: Ура! Я могу научить тебя готовить его. Хочешь приехать во вторник?

Я отправляю сообщение, и испытываю странное ощущение паники и страха. Боже мой, я просто позвала парня в гости? Он думает, что я пытаюсь его пригласить? Что он подумает?

Тепло пробирается к моей шее и ушам, будто я могу сгореть прямо на диване. Что, если он откажется? Я просто стараюсь быть дружелюбной. Я не хочу, чтобы он считал меня навязчивой. О нет, а если он будет избегать меня на встречах?

Я готова разреваться от паники.

Мой телефон оповещает о новом сообщении. Я слишком нервничаю, начинаю думать о плохом. Страх сковывает меня и все, что я хочу сделать — это спрятаться под моим рабочим столом.

Мне нужно знать его ответ. Я шурюсь, глядя на экран.

Картер: Конечно.

Конечно. Одно простое слово прогоняет чувство тревоги.

Конечно.

Ладно, может быть, это было не так уж плохо. Сотрите это. Это было ужасно. По крайней мере, в итоге все вышло нормально.

Так, теперь надо решить какой жилет я надену во вторник.

Холли

— Нет, я не собираюсь зависать в Cat Café, как старая вдова, — говорю я с придыханием, пока ищу место для парковки.

— Ты же знаешь, что у меня на телефоне есть приложение «найди своего друга», верно? Я вижу, что ты рядом с Denver's Cat Company.

Проклятье. Я забыла, что мы дали друг другу разрешение знать, где находимся. Зачем мы это сделали? Это глупая идея. Тем более что Аманда использует это против меня. Поэтому, если я хочу выпить и провести время в компании кошек в свой выходной день — в этом нет ничего плохого.

— Прекрати шпионить за мной. Тебе нечего делать?

— Не совсем, — она смеется. — Я хотела узнать, чем ты занята. Дейзи сказала, что вчера ты не смотрела игру.

— Ты знаешь, я никогда не смотрю игры.

— Это не так, — спорит она.

— Не начинай, Аманда. Я не в настроении препираться с тобой. Я пытаюсь постичь дзен прямо сейчас. Мне нужны котята.

— Хорошо, — сдается она. — Но скажи, тебе нравится эта программа? Думаешь, это помогает?

Наконец, найдя место рядом со зданием между автомобилями, я включаю режим параллельной парковки. Я гений в этом, поэтому не сомневаюсь, что могу это сделать.

— Я не знаю, помогает ли это на данный момент. Мы не особо много делали. Только общались, писали письма и пытались отпустить то, что нас удерживает.

— Тебе там комфортно?

— По большей части. К сожалению, я попала в группу с моим коллегой-придурком Картером. Очевидно, он не хочет быть в программе и просто находится там для «галочки», так что трудно делиться личными вещами с парнем, которому все равно. Я вижу его почти каждый день, поэтому нет возможности избавиться от боли.

— Картер? Дейзи вчера хихикала как раз во время переписки с ним.

— Переписка с ним? Типа как общение?

— Именно так это выглядело.

Картер общается с Дейзи? Никогда бы не подумала. Они как две противоположности, словно огонь и вода. После короткого знакомства с Дейзи, очевидно, что она слишком милая, слишком наивная, и слишком неопытная, чтобы дружить с ним. Картер — типичный мудак с вендеттой против жизни. С ним невозможно разговаривать. А если бы ему дали шанс, он предпочел бы игнорировать вас, если только дело не касалось споров. Он действительно хорош в этом, особенно если в этом участвуют кулаки.

— Дейзи должна держаться подальше от него.

— Действительно? — Аманда немного удивлена. — Кажется, она считает его хорошим парнем.

Повернув руль, я снова возвращаюсь на парковку.

— Мне нравится твоя сестра, Аманда. Она наивная, в ней столько надежды и радости, которые заразительны. Она светлая часть программы. Картер не тот, с кем она должна быть рядом. Он тот, кто может легко лишиться ее этого света.

— В самом деле? Это так не выглядело. Она казалась счастливой, когда общалась с ним.

— Говорю тебе, Аманда, это так. Он не для Дейзи, — я беру свою сумочку с пассажирского сиденья, смотрю в зеркало заднего вида, проверяя автомобили. Я выхожу, блокирую дверь и бегу через улицу в Cat Company. — Послушай, я нахожусь в Cat Company, и не хочу выглядеть как человек, который ходит, уставившись вечно в телефон, — я добавляю заботливо: — Не хочу мешать отношениям Дейзи. Может быть, я не права по поводу Картера, и он меняется. Я бы удивилась, будь это так. Просто хочу, чтобы она была осторожна. Это все. Я видела его в плохом настроении раньше, и тебе бы не хотелось, чтобы Дейзи была рядом, когда он в таком состоянии.

— Ладно. Я обязательно предупрежу ее. Спасибо, Холлин.

— В любое время. А теперь мне нужно поласкать киску.

— Каждый раз. Ты говоришь это каждый раз, когда идешь туда.

Я смеюсь и подпрыгиваю на месте, пытаюсь согреться, несмотря на зимнюю прохладу.

— Это традиция. Я замерзаю, поэтому мне нужно идти. Поговорим позже.

Завершая звонок, я сую телефон в карман и открываю дверь. Тут спокойная атмосфера. Первая часть магазина — это мини-кафе, где можно купить напитки и посмотреть профили всех кошек, посещающих кафе. Каждый раз, когда я прихожу, мне хочется взять домой котенка, но я воздерживаюсь, опасаясь, что меня начнут называть сумасшедшей кошатницей. Я пытаюсь избежать этого.

Как всегда, я беру Snapple⁴³ со вкусом клубники и киви из кулера, оплачиваю вход и направляюсь в свое любимое место в углу. Мое место занято довольно крупным человеком, опустившим голову, и который крутит игрушку перед черно-белым котенком. Ух, ну почему сегодня кому-то надо было занять мое место?

Раздраженная, я замечаю движение предплечий мужчины. Почему мне знакомы эти предплечья? Осмотрев его с ног до головы, я вижу его найки⁴⁴, темно-серые тренировочные штаны и рукава черного хенли. Когда его голова наклоняется, вижу верх его черной бейсболки.

Джейс?

Нет, это не он.

Я иду вперед, надеясь и молясь, что это Джейс, потому что я не хочу приставать без причины к случайному незнакомцу в кошачьем кафе. Когда я подхожу ближе, пол скрипит, привлекая его внимание. Я понимаю, что это Джейс, когда он поднимает голову. Смотрю в

---

⁴³ Snapple — сок

⁴⁴ кроссовки фирмы Nike

темно-синие измученные глаза. Он не брился с момента нашей последней встречи, и по его опустившимся плечам я осознаю, что ему до сих пор тяжело.

— Холлин?

— Привет, Джейс, — говорю я неловко. — Я не знала, что ты ходишь в Denver Cat Company.

Он усмехается.

— Верно. Я первый раз здесь. Просто... — он делает паузу, а затем откидывается на спинку стула, проведя ладонью по лицу, слегка приподнимая бейсболку. — Черт, я ходил, искал что-нибудь, чтобы отвлечься. Я увидел это место и решил зайти, — посмотрев на меня из-под длинных ресниц, он спрашивает: — Насколько странно я тут выгляжу?

Я оглядываюсь и вздрагиваю. Кругом женщины с детьми, которые ходят вокруг кошек, пытаюсь заставить их играть с игрушками, что предлагаются посетителям. Он и правда не вписывается.

— Ну, странно, возможно, не совсем правильное слово, — я улыбаюсь. — Но это может сработать.

Он снова хихикает и хлопает на место рядом с ним.

— Садись, помоги мне выглядеть не так неуместно.

Радуюсь компании, я сажусь рядом с ним и ставлю свой напиток на пол. Я наблюдаю, как он крутит ленту перед кошкой, поддразнивая ее.

В шутливом тоне он спрашивает:

— Итак, ты часто приходишь сюда?

Посмеявшись, я качаю головой.

— Да, моя подруга Аманда думает, что я в шаге от того, чтобы стать кошатницей, но я не могу ничего с этим поделать. Я чувствую, что могу забыть обо всем вокруг, когда я здесь. Просто играю с кошками.

— Как часто ты играешь с киской? — подмигнув, спрашивает он, заставляя нас обоих смеяться.

— Я тоже так шучу. Моя подруга Аманда, сводная сестра Дейзи, недовольна каждый раз, когда я это говорю. Но почему нет? Это же просто шутка.

— Это неизбежно. Честно говоря, ты слишком скучный, как квадрат, если не отпускаешь подобную шутку.

— Согласна. Никто не любит квадрат, — я продолжаю: — Хотя, если ты не квадрат, то кто? Какая форма лучше? Круг? Ромб? Трапеция?

— У трапеции ужасающие формы. Никогда не нравились маленькие хреновины.

— Дай угадаю, тебе нравятся бриллианты? — спрашиваю с улыбкой.

Все еще дразня кошку, он отвечает:

— Вырос бриллиантом, всю жизнь живу и, уверен, что и умру им же. Я думаю, это делает меня бриллиантовым мужчиной.

Судя по всему, он прожил всю свою жизнь в спортзале, но я этого не говорю.

— Ты всегда хотел играть в бейсбол?

Оглядываясь назад, непривычно думать, что Джейс — это Джейс Барнс из «Колорадо майнерс». Джейс Барнс, который в прошлом году побил все рекорды среди новичков. Джейс Барнс, который попал в список «Новичок года». Он не похож на человека, которого я видела в течение всего сезона в прошлом году. Он тихий и обеспокоенный. Он выглядит как знаменитый профессиональный спортсмен с его сильными и мощными мышцами, и его грубой красотой. Но внутри он разбит. Это можно увидеть в его глазах, они умоляют о помощи, просят прекратить эту его боль. Если бы я знала как. Мне это знакомо, но я не могу справиться с этим. Черт, я до сих пор не знаю, как с этим бороться.

— С тех пор, как себя помню, я хотел играть в бейсбол. Это был своего рода побег для меня. У меня не было постоянного дома, дерьмо, у меня не было семьи. Живя в приемной семье, я цеплялся за одно: бейсбол. Это единственная семья, которая у меня была, поэтому я посвятил себя этому. Это помогло мне избавиться от неприятностей и обрести надежду

на то, чтобы выбраться из этого ада. К счастью для меня, у меня был тренер, который видел мой потенциал и помог мне прийти туда, где я сейчас. Если бы не он, я не знаю, что бы было, — глубоко вздохнув, он кивает мне. — Как насчет тебя? Чем ты занимаешься?

Я ненавижу этот вопрос. Почему он обязателен для разговора? Как будто это нас определяет. Только лишь отчасти. Опять же, прямо сейчас, я не могу сказать, что что-то меня определяет. Что ж... это не правда. Что характеризует меня в настоящий момент? Моя травма, моя потеря. Именно это.

Не желая вдаваться в подробности о моей неудачной попытке стать медсестрой, я отвечаю.

— Ничего особенного. Я работаю официанткой в ресторане дяди Картера.

— Неужели? — Джейс, похоже, удивлен. — Да, я думаю, это имеет смысл, поскольку, кажется, что вы знаете друг друга.

— Да, к сожалению. Так вышло. С ним невозможно работать.

— Должна быть причина, по которой он все время закрыт. И его сарказм. Этот парень похож на задумчивого мудака.

— Можно и так сказать.

— Но в нем есть что-то хорошее, — добавляет Джейс, удивляя меня. — Это заметно, когда он слушает Дейзи, как будто он хочет помочь ей, но не знает, как это сделать. На последней встрече он был скромнее, немного человечнее и, надеюсь, мы будем и дальше видеть это в нем.

Как Джейс может видеть это в Картере? Возможно, я не замечаю этого из-за его постоянных вспышек гнева.

— Ты молчаливый наблюдатель в группе?

Он пожимает плечами и смотрит на кошку, его предплечье сгибается с каждым движением ленты.

— Легко наблюдать, когда ты сидишь и слушаешь. Если ты действительно слушаешь кого-то, а не с целью отвечать на то, что они говорят. Это разница между творческим слушанием и рефлексивным. Я стремлюсь в сторону творческого. Это сложно, но я чувствую, что так я лучше слышу людей.

Я растеряна. Никогда бы не подумала, что у него чувствительная душа. Несмотря на его сломленный вид, от него исходит обнадеживающий, позитивный настрой, который притягивает к себе.

— Это прекрасная тема для разговора.

Откинув голову в сторону, он смотрит на меня.

— Прекрасно — слушать друг друга. Не просто слышать их слова, но и читать язык тела. Представь, если бы все умели это делать, у всех было чувство сострадания.

— Кажется, что тебя это лично задевает.

Он поправляет бейсболку.

— Можно так сказать. Забавно, но мы часто просим сострадания и понимания, но с трудом проявляем его, когда это требуется. Я всегда стараюсь поставить себя на место других, прежде чем судить, потому что ты не знаешь из-за чего на самом деле страдает человек. Например, Картер. Очевидно, он не хочет быть в программе, что он просто делает это по инерции. Но есть реальная причина, по которой он не делится с нами. Вместо того чтобы считать его мудаком, я пытаюсь понять его из той информации, которую он выдает. Первые впечатления бессмысленны, потому что мы не можем быть такими всегда. И все же один плохой день может все испортить.

— В трудное время ты делаешь вид, что счастлив для поклонников и общественности?

— Не особо, — он качает головой. — Но в этом году, в этом сезоне, я собираюсь провести какое-то время, пытаясь не сдаваться на поле. Так же, как и в раздевалке или во время интервью.

— Не могу себе представить, — я глубоко вздыхаю и продолжаю: — Когда я потеряла Эрика, мне казалось, что я перестала дышать. Я потеряла вкус к жизни. Я делала что-то, ничего не чувствуя. Я не могла веселиться или радоваться. Потому что я либо ненавидела жизнь и других людей, либо у меня случались истерики.

— Но стало лучше? — спрашивает он с умоляющим взглядом.

Одна из лент, проходит сквозь мои пальцы, когда я играю с ней. Мне нужно чем-то себя занять, когда я говорю об Эрике. Ненавижу расстраивать Джейса, но мне нужно быть честной.

— Не думаю. Мне так же тяжело, как и в день его смерти. Но я привыкла к этому.

— Ты научилась жить с этим.

Я не в первый раз слышу подобное.

— Думаю, что так.

Сев в кресло, он медленно вздыхает.

— Черт, это не тот разговор, который мы должны вести перед кошками. Я уверен, им бы понравилась не такая отвратительная компания.

Это вызывает у меня смехок.

— Ага, а какие разговоры, по-твоему, любят кошки?

— Хм, — он недолго размышляет над моим вопросом. — Они, вероятно, любят говорить о тунце, последних тенденциях в царапинах, и, конечно же, выходе следующего альбома Тейлор Свифт.

— Естественно, — я смеюсь. — О, хочу быть кошкой.

— Конечно, черт возьми, это легкая жизнь, — повернувшись, Джейс показывает мне, искреннюю, красивую улыбку. Это напоминает мне улыбку Эрика. Очаровательная, очень очаровательная. Улыбка, которую я не видела в СМИ, улыбка, которая кажется осторожной для таких личных моментов. — Я рад, что увиделся с тобой, Холлин. Было приятно поговорить за пределами программы.

— Согласна. Ты крутой, Джейс Барнс.

— Крутой? — спрашивает он, приподняв бровь. — И только?

— Эй, я должна дать причину стремиться к большему. Для прогресса.

— Точно, — он хихикает. — Эй, посмотри на нас. Мы доказываем наше существование и поддерживаем друг друга. Марлен будет гордиться.

— Она была бы в восторге, увидев это.

Признаться, мне немного не по себе. Потому что впервые после смерти Эрика я чувствую себя непринужденно. Как будто узел в моей груди ослабел. Странно. Джейс понимает меня. Он чувствует мою эмоциональную боль. Он знает, что значит потерять что-то ценное. Поэтому я знаю, что наша дружба всегда будет прекрасной.

Картер

Почему, нахрен, я пришел сюда?

Потому что я debil, вот почему.

Мясной рулет? Я здесь, чтобы научиться готовить мясной рулет? Бл*, да я мог бы приготовить его во сне. И все же я принял приглашение Дейзи, которая хочет научить меня одной из вещей, которые она знает лучше всего.

Это была невероятно глупая идея, потому что, ну на самом деле, что у меня общего с Дейзи? О чем с ней говорить, учитывая, что я ее совсем не знаю? Не хочу, чтобы она чувствовала себя униженной, когда узнает, что я повар.

Но бл*дь. На днях, когда мы переписывались, это казалось нормальным. Объясняя ей, оно так и было, и я понятия не имею, почему. Только когда Фитси не начал ныть, бросая в меня попкорн. Так что я прекратил переписку, хотя хотел продолжить разговор с ней. Единственный человек, с которым я хотел переписываться, была Саша.

Есть что-то в Дейзи, что меня привлекает. Это ее невинность? Она такая простая и безупречная. Она и близко не похожа на меня. Это делает меня большим мудаком, чем я есть, цепляясь за это с вероятностью исправить?

Я уверен, что нет.

Засунув шлем под руку, я снимаю перчатки и подхожу к таунхаусу, направление которого указала мне Дейзи. Именно, она указала направление, а не просто сказала адрес. Она такая старомодная. Черт, мне это нравится.

Уже похолодало, поэтому я тру руки, а затем стучу в дверь. Через мгновение появляется взволнованная Дейзи, на которой брюки, водолазка кремового цвета и темно-бордовый жилет. Что не так с этими жилетами? Эта бабушкина одежда скрывает ее фигуру.

— Картер, ты здесь. Входи, тебе, наверное, холодно.

— Спасибо, — говорю я неловко с сожалением.

— Давай, разреши мне взять твой шлем, его можно оставить в прихожей.

Неуклюже она хватается мой шлем и перчатки, и пока я снимаю свою кожаную куртку, она пытается помочь мне. Но, учитывая, что я на полфута выше ее, она просто тянет один из рукавов, чем усложняет процесс.

Закончив с этим, я снимаю сапоги, чтобы не нести грязь в дом. Дейзи собирается помочь мне, но я поднимаю руку, останавливая ее.

— Это я сделаю сам.

Отступая назад, она складывает руки перед собой и кивает.

— Извини, — из нее вырывается смешок. — Думаю, я немного нетерпелива. Я читала в интернете как быть хорошей хозяйкой, и там было сказано, чтобы я взяла твою куртку и еще много чего.

Читала о том, как быть хорошей хозяйкой? И почему я не удивлен?

Я говорю с легкой усмешкой.

— Ну, я не думаю, что там говорилось снимать обувь с гостя.

— О, — она смущается.

Я встаю, и подхожу к ней, поднимая подбородок указательным пальцем. Ее дыхание замедляется, когда я смотрю в ее широко открытые глаза.

— Это был приятный жест, — оглядываясь, я увеличиваю расстояние между нами. — Где кухня?

— Вот здесь.

Мы идем по небольшому коридору. Слева — небольшое жилое пространство с бежевым диваном и пурпурными подушками, а еще огромный телевизор с плоским экраном на элегантном белом шкафу с рядом стоящим Xbox. Здесь живет пара, очевидно. Справа находится небольшая обеденная зона со столом на четыре персоны, буфетный стол и... кег⁴⁵. Я усмехаюсь про себя, так как тут определенно живет пара. Остальная часть пространства — это современная кухня с темными шкафами, мраморными стойками и... черт возьми, электроплитой. Посуда дьявола.

— Милое место, — говорю, держа руки в карманах, не зная, что еще сказать.

— Я бы поблагодарила, но это дом моей сестры. Она отлично справилась с работой.

Осматриваясь, я спрашиваю:

— Она пьет вино? Потому что, судя по всему, это так.

Повсюду картины с изображением вина, винных бутылок и пробок в декоративных вазах.

— Она любит его. И всегда пытается заставить меня выпить с ней немного. Но я никогда не пила, поэтому мне немного страшно.

Моя бровь взлетает вверх. Никогда не пила? Черт, она невинная.

— Ни разу не пила? Тебе же двадцать один, верно?

---

⁴⁵ металлическая ёмкость (обычно из стали), используемая для хранения и транспортировки пива и других алкогольных или безалкогольных напитков

— Да, — она пожимает плечами. — Просто никогда не думала об этом раньше. Ты пьешь?

Из меня вырывается саркастический смешок.

— Да. Обычно пару бутылок пива.

— Кажется, что пиво на вкус — гадость. Мэтт пьет пиво, и по запаху оно похоже на задницу.

Точно. Я смеюсь. Только она могла так сказать.

— Уверяю тебя, на вкус оно не такое. К нему нужно привыкнуть.

Взглянув на кухню, я вижу, что у нее все настроено, уже измерено, и двойная духовка разогревается. Черт, мне нужно признаться ей, иначе позже будет неудобно.

— Ты готов начать? У меня есть фартуки.

Взяв два белых фартука с оборками, она улыбается. Это не самодовольная улыбка, она действительно серьезно относится к этим фартукам 1950-х годов, будто мы Бетти Крокер и Джулия Чайлд⁴⁶.

Господи.

Взявшись за затылок, я говорю:

— Да, кстати. Мне нужно кое-что сказать тебе.

— Ох, — она кладет мой фартук на стойку, а свой начинает завязывать на талии. Я замечаю, насколько она у нее тонкая. Я знал, что она есть под этой серой одеждой.

— Надо было сказать тебе раньше. Я повар.

Она остановилась, прекратив завязывать фартук.

— Повар? — она спрашивает с таким разочарованием в голосе, которое заставляет чувствовать себя дерьмом. А такое редко происходит.

— Да.

— Как профессиональный повар?

Я бы назвал себя профессионалом? Не знаю. Перемешивать лапшу в кипящей воде не заставляет меня чувствовать себя профессионалом. Это выглядит, будто я вообще не знаю, как вести себя на кухне. Как кто-то может приготовить сырные хот-доги. Это как обычные, но с добавлением сыра в центре. Отлично.

— Ну, я учился этому.

— Учился? — она расстраивается еще больше. Боже, я чувствую себя самым последним куском дерьма. Я никогда не переживал, когда кого-то расстраивал, но, черт возьми, Дейзи не скрывает своих эмоций. Они как изображение техникolor⁴⁷, показанное на блестящем большом экране в режиме IMAX. — Тогда, мне кажется, довольно глупо учить тебя готовить мясной рулет. Я уверена, что ты делаешь это лучше меня.

— Возможно, — я говорю, как мудака, потому что не умею иначе.

— Да, скорее всего, — вздохнув, она оглядывает кухню.

Вот дерьмо. Как это исправить? Обычно мне все равно, но Дейзи — другая. Она как взрослый ребенок, которого ты не хочешь разочаровать.

— Эм, думаю, ты можешь пойти домой, если хочешь.

— А ты этого хочешь?

Она не смотрит на меня, чтобы не показать, что именно она думает. Но после моего вопроса, она поднимает на меня свои кристально-голубые глаза, убивая меня.

— Я не знаю. Мне кажется, нелепо учить тому, что ты и так умеешь, — я собираюсь с ней согласиться, когда она говорит. — А есть что-то, что ты не умеешь готовить?

Не так уж много. Я изучал кулинарию так долго и уверен, что, если вы попросите что-то приготовить, я смогу это сделать.

— Не совсем, — я раздумываю, и в итоге меня осеняет. — На самом деле, я мало знаю о выпечке. А ты?

Она смотрит на меня с радостью.

---

⁴⁶ американские шеф-повара

⁴⁷ технология получения цветного кинематографического или фотографического изображения, изобретённая в 1917 году

— Я в этом хороша, — она практически кричит.
Она действительно милая...
— Правда? — ее энтузиазм заразителен.
— О, черт, что нам сделать? — она идет в кладовку и начинает перебирать продукты.
— Блин, нет ни конфет, ни шоколада, — она двигает еще несколько банок на полке. — Есть консервированная тыква, но это не подходит. — Хм... о, нашла, — она берет коробку с изюмом. — Тебе нравятся печенье с изюмом?
— Да, но я не могу нормально это приготовить.
— Все будет в порядке. Я научу тебя, — она хлопает в ладоши, вздрагивая от волнения, и начинает доставать другие ингредиенты с полки. — Это будет весело, Картер. Весело.
Это не то слово. Интересно подходит больше. Да, это будет интересно.

Дейзи

— Черт, это прекрасно, — Картер говорит с набитым ртом. Я наблюдаю, как он внимательно изучает печенье, прежде чем он снова откусывает. — Мне нужно это прожевать.

— Это мука и сироп «Каро», — я подмигиваю и вытираю стойку. — Бабушка научила меня всем секретам⁴⁸.

— Она умная женщина, — он делает еще один укус, закрывает глаза и на самом деле распробует печенье. Во время готовки я сразу это заметила. Ему нравится чувствовать запах и вкус. Это захватывающе. Он сказал, что его лучшие качества повара — вкусовые рецепторы и обоняние, поэтому он постоянно пробует и нюхает, что смешно для меня, потому что это просто ингредиенты для выпечки. — Ты часто выпекаешь, Снежинка?

— Да. Мне нравится это. Когда я жила с бабушкой, мы как-то потратили весь день на это, а затем отнесли приготовленное в ближайшие пожарные части в знак благодарности за их тяжелую работу.

Прислонившись к прилавку и скрестив руки на груди, он с любопытством наблюдает своими карими глазами. Мне приятна его компания. Но я также чувствую уязвимость. Не из-за поведения или вопросов, а от его взгляда.

О чем он думает? Не то чтобы я очень хорошо читала людей, но мне хотелось бы, чтобы он больше говорил. Он считает меня забавной? Недалекой? Неуверенной? Замечает ли он, как я переживала, смешивая в миске продукты? Слышит ли дрожь в моем голосе, когда я говорила о рецепте и как не смешивать тесто? Чувствует, как я нервничаю рядом с ним?

Я пригласила Картера в качестве поддержки, и чтобы подружиться. Я перешагнула через страхи, и связанные с ним опасения. И все же я могу думать только о том, насколько он, невероятно красив, но не в типичном смысле. Он другой, темный, очень загадочный, и полная противоположность меня.

Я старалась не смотреть на него. Наклоняясь, чтобы почувствовать запах его опьяняющего одеколона, слишком близко, нарушая его личное пространство, но это было тяжело. Я чувствовала себя неловко рядом с ним. Я ненавижу то, что не могу быть одной из тех уверенных девушек, когда разговариваю с мужчиной.

Но я не должна беспокоиться об этом. Он должен быть не более чем просто другом. Я в этой программе не для того, чтобы влюбиться в первого парня, с которым я встречу. Мне нужно найти новую себя. Мои приоритеты пока не определены. Мне нужно вести себя взрослее, но вместо этого у меня поведение девочки-подростка, оказавшейся рядом с симпатичным мальчиком. Или, по крайней мере, я думаю, что это выглядит именно так. Он такой опытный и, вероятно, может понять, насколько я нервничаю.

— Снежинка, ты трешь эту чашку около минуты. Уверен, она уже чистая.

---

⁴⁸ сироп «Каро» — кукурузный сироп

Вздвогнув от моих мыслей, я подпрыгиваю, и миска грохочет в раковине.

— Там все в порядке?

— А, да. Я просто думала о программе.

— Да, не очень жду встречи в этот четверг.

— Почему? — спрашиваю я, ополаскивая чашу. — Мне нравится ходить на встречи.

Марлен говорит вдохновляющие вещи.

— Это не то, что мне надо, — отвечает он, глядя в окно.

— А что же тогда?

— Выход, — его голос мрачен, и, прежде чем я смогу ответить, Аманда забегают через заднюю дверь, держа в одной руке сумочку, и кружку кофе в другой.

— Привет, Дейзи. Как... о, я не знала, что у тебя компания.

С вежливой улыбкой она смотрит на Картера. Мои щеки краснеют, будто меня поймали на чем-то плохом.

— Привет, Аманда. Ну, это мой друг Картер.

— Картер? — спрашивает Аманда и поворачивается, чтобы оценить его еще раз. — Дейзи говорила о тебе. Приятно познакомиться.

Вздвогнув, я поворачиваюсь к Картеру, который стоит выпрямившись. У меня такое чувство, что ему неудобно. Ему когда-нибудь бывает комфортно? Думаю да, но в данный момент я уверена, что он чувствует себя неловко, учитывая, что она продолжает его оценивать.

— Привет, — он кивает в ее сторону, а затем поворачивается ко мне. — Мне нужно идти. Спасибо за урок выпечки.

Не говоря ни слова, он идет в коридор и начинает обуваться.

Я чувствую тепло, которое ползет по моей шее, смущение и унижение, поглощающие меня. Не зная, что делать, я поворачиваюсь к Аманде, которая машет рукой в сторону Картера, намекая, чтобы я проводила его.

Я вытираю руки о полотенце и направляюсь в прихожую, где Картер уже надевает куртку. Боже, он быстрый.

Я сцепляю руки, спрашивая.

— Возьмешь с собой печенья?

— Нет, спасибо, — отвечает он, не глядя.

Боже, я сделала что-то не так? Пытаюсь вспомнить все, что я говорила ранее. Было что-то оскорбительное? Не думаю. Я была навязчивой? Интересовалась его личной жизнью? Вроде нет.

Все дело во мне? Он просто не хочет общаться со мной? Разве он плохо провел время? Я думала, что делала все правильно. Я была добра, вежлива, я взяла его куртку, мы разговаривали, и я показала ему, как готовить печенье. Но этого было недостаточно? Я слишком много пялилась на него?

Живот скручивает в узел, когда он замечает мой изучающий взгляд. Пожалуйста, это не должно происходить. Как унижительно.

Не зная, что сказать, я выдаю:

— Я надеюсь, ты хорошо провел время.

Он заканчивает застегивать куртку и сжимает шлем под мышкой, надевая перчатки. Его взгляд устремлен в мою сторону. От темноты к свету, мы совершенно разные, наши взгляды на жизнь не совпадают.

Он наклоняет голову набок и отвечает с ухмылкой:

— Я хорошо провел время, Снежинка. Спасибо, что пригласила.

— Тогда почему ты уходишь? — слова неожиданно вырываются, удивляя меня. Я зажимаю рот ладонью и качаю головой. Я так ужасно смущена. — Не отвечай, — говорю я быстро. Мой желудок сжимается, и чувствую, как поднимается ком к горлу. — Хм, мне нужно идти. Пожалуйста, закрой дверь, когда уйдешь, — прежде чем он отвечает, я в слезах бегу по лестнице в ванную комнату.

С чувством стыда, волнения и смущения, я сижу на полу в ванной, не понимая свои эмоции.

Я впервые пригласила друга. Пока он не подозревал, я... я разглядывала его прекрасное лицо. Когда он поднял взгляд, я вела себя как новичок, у меня не получалось нормально говорить. Я должна гордиться собой, из-за того, что выхожу из своей зоны комфорта, раскрываюсь и рискую. Но вместо этого я испытываю сожаление.

Что он подумает обо мне?

И я увижу его через два дня. Будет ли он игнорировать меня? Мои глаза болят от слез. Я даже не могу думать об этом.

Аманда стучит в дверь.

— Ты там в порядке?

Вытирая нос, я глубоко вздыхаю.

— Да, — мой голос напряжен, поэтому я отвечаю одним словом.

— Ладно, — Аманда останавливается, а затем говорит через дверь. — Он ничего не сказал, что могло тебя обидеть?

— Нет, — произношу я со вздохом.

— Хорошо. Потому что Холлин сказала мне кое-что, что меня беспокоит.

— Что именно? — спрашиваю я в замешательстве.

Открыв дверь, Аманда смотрит с печальной улыбкой на меня, сидящую на полу.

— О, милая.

Я встаю, вытираю руки об одежду, разглаживая вместе с фартуком. Я выставлю руку, не давая возможности обнять меня.

— Смотреть страхам в лицо тяжело, вот и все. Я в порядке.

— Ты уверена?

Я киваю.

— Да. Так что Холлин тебе сказала?

С обеспокоенным взглядом она говорит:

— О том, что Картер не относится к категории хороших парней и будь осторожна рядом с ним.

Зачем она это сказала? Между ними существует какая-то история, но, похоже, что она сказала это Аманде с целью предупредить меня.

— Я думаю, что Холлин может ошибаться. Я просто не думаю, что они понимают друг друга.

Аманда пожимает плечами.

— Просто будь осторожна, — из своего кармана она достает мой телефон. — Вот, он подал сигнал, когда ты поднялась вверх. Я собираюсь принять душ, а затем съесть хотя бы четыре твоих печенья.

— Только если я могу присоединиться к тебе.

— Заметано! — говорит она, подмигивая.

Она уходит, оставляя меня в ванной, с мыслями о том, что именно имела в виду Холлин, говоря быть осторожной. Неужели она действительно думала, что Картер может навредить мне? Он может быть расстроен из-за чего-то, но я не верю, что он действительно причинил бы мне боль. Не так ли?

Я снимаю фартук, плеснув немного воды на лицо, и иду в спальню, переодеваясь в пижаму, чтобы посмотреть «Я люблю Люси». Хотя у моих хаки эластичный пояс, я все же чувствую себя более комфортно в своей пижаме. Кроме того, Аманда переодевается в удобную одежду, когда возвращается домой с работы, а мне нравится сидеть с ней и болтать на диване, уютно свернувшись калачиком.

Я стягиваю волосы в конский хвост и беру телефон, когда вспоминаю слова Аманды о том, что мне пришло сообщение. Я нажимаю на экран и вижу сообщение от Картера.

Мой живот скручивает в узел и дрожащей рукой, я открываю его.

Картер: Почему я ушел? Потому что я не из тех парней, с которыми тебе следует дружить. Спасибо за печенье.

Не из тех парней, с которыми мне следует дружить? Почему нет? Есть что-то, что его во мне не устраивает? Это из-за того, что я никогда не выпивала? Может быть, я слишком скучная.

Я замечаю свое отражение в зеркале на двери. Это девушка, которую я всегда знала. Она защищена, наивна, старомодна, может быть, немного несовременна и слегка несерьезна. Мне она всегда нравилась, но, возможно, пришло время стать кем-то большим и повзрослеть. Может быть, она не такая милая, как я когда-то думала.

Я хочу, чтобы было что-то большее. Возможно, вместо привычных удобств, вроде готовки и рукоделия, я начну расширять свои горизонты, пробовать новые вещи. Узнаю, что значит быть взрослой.

Нужны изменения, потому что та, кого я вижу в отражении, все еще застряла в прошлом. А я хочу двигаться дальше. Это нужно мне. Мне надо измениться.

Не для кого-то. Неважно, что они не хотят быть со мной. Это необходимо только для меня.

Джейс

— Общение — это прекрасно. Я очень надеюсь, что последние две недели вы проработали группу поддержки. В предстоящих задачах важно, чтобы ваша группа поняла вас, провела вас и помогла вам в страхе и испытаниях, с которыми вы столкнетесь.

Общение? В нашей группе это больше похоже на щебет сверчков. Даже Дейзи тихая, а это странно. Я ожидал увидеть как обычно закрытого, сутулящегося в кресле со скрещенными руками Картера, но даже Холлин немного отстраненная. Чувствует ли она себя странно после нашего разговора в Cat Company? Надеюсь, я ничего не сказал, чтобы оскорбить ее.

— За последние несколько недель мы говорили о скорби, о том, чтобы отпустить и поддержке, — продолжает Марлен. — У всех это происходит по-разному. Некоторые из вас все еще могут скорбеть, — о, да, я, вероятно, буду скорбеть всю оставшуюся жизнь. — Некоторые из вас, возможно, все еще держатся за прошлое. И некоторые из вас могут решить это с помощью программы. Заставлять себя перейти на следующий этап, когда вы не готовы, не поможет. Но здесь вы можете узнать несколько стратегий, получая новые навыки. Вы двигаетесь в своем собственном темпе, но решаете проблемы, когда можете. Учитесь друг у друга и, как всегда, проживаете каждый день, доказывая свое существование. В ваших информационных листовках есть имена психологов, которые специализируются на консультировании после травм. Пожалуйста, спрашивайте, если хотите разговора один на один. Единственное, что я не хочу видеть, как вы остаетесь в том же состоянии, в каком пришли в программу изначально.

Я остаюсь в таком состоянии с тех пор, как родилась Хоуп. Я чувствую, что все еще застрял в той больничной палате, отдавая ее Джун и Алекс. Чувство горя и боли живет в моей душе. Это убивает меня. Это похоже на фильм «День сурка», в котором проживаешь один и тот же день. Но вместо того чтобы сообщать о погоде и пытаться счастья с женщинами, как герой Билла Мюррея, у меня постоянное состояние тошноты и депрессия.

— Оставшуюся часть времени я бы хотела, чтобы вы поговорили с вашей группой о прогрессе, который вы совершили, о ваших чувствах, о том, что вы считаете своими успехами, и что вы хотите начать делать. Как всегда, когда вы закончите, напишите ваши письма, решите какие действия будут следующими и не стесняйтесь задавать мне любые вопросы, которые у вас могут возникнуть, — она хлопает в ладоши и говорит. — Сделайте это.

Она немного увлечена советами и намеками. Некоторые люди в этой программе не могут постоянно принимать себя.

Делая круг из стульев, мы смотрим друг на друга и ждем, чтобы Дейзи высказалась, как обычно, но она этого не делает. У нее потерянный взгляд, а плечи опущены. Мне не нравится это, поэтому я спрашиваю:

— Дейзи, как дела? Сегодня ты тихая.

Она удивляется тому, что я обращаюсь к ней, и поднимает голову, оглядываясь по сторонам. Она смотрит на Картера, который крутит ручку между пальцев.

Она ерзает на своем месте, прежде чем ответить.

— Я чувствую себя немного не в своей тарелке.

— Почему? — спрашивает Холлин с озадаченностью в голосе.

— Я чувствую, что пытаюсь, но у меня не получается. Я не знаю, что именно делать и боюсь, что так и не буду тем человеком, которым хочу стать. Как будто я делаю один шаг вперед и несколько назад.

— Что случилось за последние дни, из-за чего у тебя такое состояние? — спрашиваю я.

Она не отвечает, еще раз взглянув на Картера. Что-то явно происходит. Но я не могу понять ни Картера, ни Дейзи с ее смутными ответами.

— Ничего, но глядя в зеркало, я вижу не того человека, которого ожидала.

— Не могу говорить за Джейса и Картера, но я знаю это чувство, Дейзи. Прошло какое-то время с тех пор, как мне нравился человек в зеркале. Человек, которого я вижу, сломлен, устал, грустен. Он сдался.

Благодаря разговору с Холлин, я вижу женщину, о которой она говорит. Это видно по ее опущенным плечам, слабой улыбке и печали в голосе.

— У меня то же самое, — добавляю я, давая понять Холлин, что она не одна. — Я не чувствую мотивацию, к которой привык. Я что-то делаю, потому что должен, но я уже не так увлечен во время тренировок. Будто я нахожусь в состоянии онемения.

— Онемение — это идеальный способ описать это, — соглашается со мной Холлин. — Как будто есть завеса, закрывающая все.

— У тебя чувство, что ты почти задыхаешься? — спрашивает Дейзи.

— Да, — отвечаем я и Холлин одновременно.

Картер, как обычно, далек от разговора. Он ушел в свой маленький мир.

— Я никогда не понимала, сколько всего пропустила и насколько была защищена, пока не перестала жить с бабушкой. Теперь, видя, как Аманда и Мэтт легко общаются с другими, мне интересно, смогу ли я так же. Или мне придется прятаться под столом и желать быть частью этого мира.

Бросив ручку на пол, Картер поднимает голову.

— Ты не хочешь быть похожей на всех, Снежинка, — его тон пугающий. — В этом мире все испорчено. Держись за свою чистоту. Не нужно быть как все. Будь собой.

Будь собой. Эти два слова действуют на меня.

— Будь собой, — я повторяю тихо, а затем громче. — Будь собой.

Оглядываясь на других, я говорю:

— Он прав. Будь собой, — глубоко вздохнув, я принимаю это. Это чувство съедает меня, но я не хочу больше этого. — Мы все здесь по какой-то причине, будь то наше воспитание, потеря или неудача. Мы здесь, чтобы измениться. Как сказала Марлен, нам дали необходимое для скорби, признания, чувства пустоты, которая вызвала наше горе. Затем мы отпустим это. Мы выстраиваем отношения друг с другом, но, возможно, нам нужно принять себя какие мы сейчас, и двигаться вперед. Будь. Собой.

— Что, если нас не устраивает то, кем мы являемся? — спрашивает Холлин.

— Ты должна понять, чтобы изменить это, — отвечаю я. — Правильно, Картер?

— Конечно, — говорит он, возвращаясь к своему нелюдимому «я». И на мгновение я решаю, что от него будет польза.

— Главное на этой неделе — установить задачи для себя. Я думаю, мы должны определить, кем мы являемся, и поставить перед собой цель, кем хотим стать в конце этой программы.

— Я уверена, что Картер хочет быть мужской версией Шер⁴⁹, не так ли? — спрашивает Холлин в шутку, чтобы улучшить настрой.

Взглянув на нее, он саркастически отвечает:

— Я действительно хочу верить в жизнь после любви⁵⁰.

— Ага, я работала с тобой не один год. Ты не из тех парней, которые любят.

— Любви не существует.

Картер поднимает ручку с пола и снова крутит между пальцами.

— Ты не веришь в любовь? — спрашивает Дейзи с видом, будто кто-то украл ее щенка.

Она такая милая.

Он смотрит на нее и качает головой.

— Трудно поверить в любовь, когда ты никогда не знал, что это такое.

Непринужденность быстро исчезает, и снова появляется чувство неловкости.

— Эм, мы как бы ушли от темы.

— Да, потому что все это херня, — Картер ерзает на своем месте. — Вы действительно думаете, что это вам поможет? Говорить о своих чувствах?

— Это лучше, чем держать все в себе, — говорит Дейзи.

— Она права. Я не думаю, что эта программа предназначена для того, чтобы исцелиться неделя за неделей как сказала Марлен. Нужно ставить перед собой задачи, чтобы избавиться от рутины, в которой вы живете. Чтобы пробовать новые вещи, и разговаривать, даже если ты этого не хочешь.

— Этого я не хочу постоянно, — говорит Картер со вздохом.

— Тогда просто уходи, — говорит Холлин. — Если тебе это не нравится, уходи. Ты мешаешь группе.

Он смотрит на нее холодным взглядом, но она не отступает.

— Ты же знаешь, что я не могу это сделать, Холлин. Ты лучше остальных знаешь, что я не могу просто уйти.

— Тогда просто заплати, если ты так здесь несчастен.

— Да? И чем же я должен платить? — Картер говорит более энергично, выглядя более живым, чем обычно. И это работает. Холлин нажимает на те кнопки, которые заставляют его говорить. Умная и напористая женщина. — Трудно заплатить за что-либо, когда бывшая девушка украла все твои деньги.

Можно увидеть, как он жалеет о словах, как только их произносит. Хватаясь за лицо, он вздыхает.

— На хрен это. Дай мне лист бумаги, чтобы я мог написать долбаное письмо и свалить отсюда.

— Это именно то, что имеешь в виду, когда говоришь, что жизнь выжала из тебя все что можно? — спрашивает Дейзи с любопытством.

— Не пытайся заниматься психоанализом, Снежинка. Даже, бл*дь, не пытайся.

— Я не... — она останавливается и трясет головой, и я вижу слезы в ее глазах. Как только я собираюсь ответить, Дейзи бежит в сторону уборной.

— Ого, отличная работа, Картер. Ты довел ее до слез.

Холлин встает и идет вслед за ней.

Я вижу сожаление на лице Картера, и когда я уже думаю, что он собирается уйти, он встает и зовет Холлин, отправляя ее в мою сторону.

Разозленная, она садится и скрещивает руки на груди

— Он такой мудак.

---

⁴⁹ американская певица и киноактриса

⁵⁰ отсылка к песне Шер «Believe»

— Ему тоже тяжело, — говорю я, пытаюсь увидеть это с обеих сторон.

— Ты защищаешь его?

Я поднимаю руки:

— Просто смотрю на ситуацию со всех углов.

— Творческий подход к выслушиванию, я знаю.

Она улыбается, что уменьшает напряжение.

— Ах, так ты помнишь, как улыбаться. Я думал, что ты забыла.

— О чем ты?

— О том, что ты была странной на всех встречах. Ты сожалеешь о нашем небольшом свидании с кисками? Потому что, я нет.

Оглядываясь, Холлин наклоняется вперед.

— Почему бы тебе не сказать это немного громче?

Из меня вырывается смех.

— Эй, мне нечего скрывать. Я хорошо провел время. Мне было комфортно общаться с тобой.

Это кажется странным, но нужно было это сказать. Я чувствую связь с Холлин, и я хочу, чтобы она продолжала двигаться дальше. Я вижу в ней ключ к счастью. Наша боль помогает друг другу.

Глядя на меня, она ухмыляется:

— Я тоже хорошо провела время.

На мгновение остаемся только я и она, улыбаясь друг другу. О чем она думает? Чувствует ли она ту же связь между нами, что и я? Надеюсь, что так.

— Это моя последняя встреча, по крайней мере, лично, — говорю я, нарушая тишину.

— Ты о чем?

— Весенняя тренировка. Я должен скоро отправиться в Аризону.

— Точно. Я забыла, что ты профессиональный бейсболист, — ее щеки краснеют. — Так, и как все это будет происходить?

— Face Time⁵¹. Вы все можете сидеть со мной, смотря на iPad. Я уже говорил с Марлен об этом.

— Получается, мы будем видеть тебя только на экране.

Ее ответ почему-то вызывает у меня радость. Мне хочется знать, что она расстроена из-за того, что не увидит меня лично.

— Не долго. И я буду возвращаться время от времени. Поверь, график сейчас очень гибкий.

— Я понимаю. Они хотят, чтобы их звездный игрок был здоровым и счастливым.

Я смеюсь.

— Я бы не назвал себя так.

— «Новичок года», в котором ты занял второе место в Национальной лиге. Я уверена, что ты им являешься.

Ее рыжие волосы спадают в сторону, делая акцент на щеках в веснушках.

Я шевелю бровями:

— Читала обо мне?

Она пожимает плечами, на ее щеках легкий румянец.

— Раньше я была фанаткой, и иногда читала о командах.

— Была? — спрашиваю я, приподняв бровь.

Одно слово, которое все объясняет.

— Эрик.

— Понятно, — я наклоняюсь вперед, сжимаю руки и смотрю на нее из-под козырька. — Но нам придется исправить это, — говорю с озорной улыбкой, и чтоб меня, встречаю ее сияющий взгляд.

---

⁵¹ Face Time — программа для видеозвонков

Картер

Знаете это чувство, когда ты в гневе и единственное, что ты хочешь сделать — это ударить кулаком по стене? Вот я сейчас в таком состоянии.

Дейзи, чтоб ее, Снежинка. Она запала мне в душу так сильно, что я не могу от этого избавиться.

Сначала, когда я переписывался с ней, я старался быть милым. Казалось, она хотела с кем-нибудь поговорить, и черт, я тоже хотел того же. Она привлекает меня. И затем я сделал следующий шаг, когда решился на совместную готовку.

Такая невинная, правильно? Неправильно.

Я не идиот, я видел, как она смотрела на меня. Когда ловил ее взгляд, пока она оценивала меня.

И, черт, я делал то же самое. Под этой мешковатой одеждой — красивая женщина, которая ждет, чтобы вырваться на свободу. Она нерешительна, немного пугливая, но, помимо этого, в ее взгляде я увидел тоску.

И вот почему это все портит. Потому что часть меня хочет увидеть, куда это приведет. Но я не могу, потому что я еще тот мудака, который ее уничтожит. Она как солнечный свет и радуга. Я — дождевые облака и лужи. Мне подходят такие девушки как Саша. Которые также ненавидят жизнь. Я не связываюсь с девушками, которые легко могут найти что-то положительное во всем.

Я знал, что будет сложно находиться на встрече, но я не знал, что это будет так тяжело. Несмотря на вельветовые штаны и вязаный свитер, я чувствовал притяжение. Я хотел поговорить с ней, спросить ее, как прошел ее долбаный день, принесла ли она мне печенье. Но это казалось слишком интимным. Поэтому, я сделал то, что делал лучше всего. Повел себя как мудака.

Прижав ногу к стене, и скрестив руки на груди, я жду, пока Дейзи выйдет из ванной комнаты. Спустя пять минут она появляется, и я сразу замечая ее красные глаза. Дерьмо.

— О, — произносит она испуганно, увидев меня. — Хм, извини, — она пытается обойти меня, но я хватаю ее за запястье. На ее лице появляется шок, а может быть и испуг, когда я разворачиваю ее к себе.

— Мне жаль, — говорю я быстро, желая уже покончить с этим. — Я не хотел быть грубым или задеть твои чувства.

— Ты этого не сделал, — она отвечает, подняв подбородок.

— Нет? — я провожу большим пальцем под ее глазом. — Тогда почему ты в слезах?

Она пытается сформулировать ответ, глядя на меня. Она начинает опускать голову, но я останавливаю ее. Прерывисто вздохнув, спрашивает:

— Почему ты не хочешь быть моим другом? Я могу быть другой, но все еще остаюсь хорошей девушкой.

— Да, ты хорошая девушка, Дейзи. Это и проблема. Ты не испорчена, в отличие от меня.

Она мило морщит нос, что вызывает во мне... нет, даже не думай.

— Я не понимаю.

Отойдя от нее, я провожу рукой по своим коротким темным волосам.

— Ты станешь хуже со мной, Дейзи. Я делал и видел вещи, которые заставили бы тебя краснеть, дрожать и думать о том, стоит ли выходить за пределы своего дома. Я не тот, с кем тебе следует общаться.

— Да кто ты такой, чтобы решать это? — спрашивает она, выпятив грудь, удивляя меня.

— Слушай, я знаю, ты...

— Нет, ты этого не сделаешь, — бросает она, ткнув меня в грудь. — Знаешь почему? Потому что даже мне непонятно, кто я. Я все еще в поиске себя, поэтому не суди меня, прежде чем я смогу понять, кем являюсь. Это несправедливо.

— Дейзи, я мудак, с которым не стоит находиться рядом.

— Это может быть правдой, — честно говорит она. — Но, может быть, мне понадобится немного, эм, мудачества в моей жизни.

Мы оба застываем, обдумывая ее слова. Дейзи начинает смеяться и закрывает рот, покачивая головой.

— Господи, это звучит очень плохо.

Смеясь с ней, я киваю.

— Довольно грубо, Снежинка.

Ярко улыбаясь, она толкает меня в плечо и говорит:

— Я знаю, о чем ты. И, возможно, мне не понадобится это мудачество, но тебе необходимо немного радуги в жизни.

— Прекрати произносить это слово, — шутливо говорю я.

— Серьезно, Картер. Мы оба хотим освободиться. Прекрати отталкивать меня и давай поможем друг другу. Мне нужен партнер в этом преступлении. Ты со мной?

Партнер в преступлении. Черт, я бы мог, но хочу ли я? Сегодня я понял, что не могу оставить ее в покое. Поэтому это может стать прекрасным отвлечением, чтобы пройти через эту убогую «давайте поговорим о ваших чувствах, а потом станцуем под звуки дождевой флейты» программу.

Она смотрит на меня с надеждой, и я соглашаюсь.

— Хорошо, Снежинка, я буду твоим партнером в этом преступлении.

— В самом деле? **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО?** — ее свитер поднимается с каждым движением, пока она подпрыгивает, радуясь своей маленькой победе. — Ох, я так взволнована. Мы хорошо проведем время, Картер. Я просто знаю это. О, мы можем как-нибудь использовать паффи пэинт.

— Посмотрим, — я поднимаю палец. — Никаких красок.

— Никогда не говори никогда. Как только эта маленькая бутылочка окажется у тебя в руке, ты не сможешь себя остановить, чтобы не сдавить ее.

О Господи.

***

Дорогая Жизнь,

Нельзя научить отпустить и двигаться дальше. Ты не можешь научить кого-то забыть о своем муже и как жить без него. Это происходит внутри тебя. Внутренняя сила, которую я еще не нашла. И если честно, пока я и не хочу этого.

Но то, что произошло на прошлой неделе, меня удивило. Я нашла друга. Я нашла человека, который испытал подобную боль, и понимает, какой ущерб может нанести любимый человек душе.

Джейс Барнс, «Новичок года», начинающий шорт-стоп и сломленный человек. Мой новый друг. Моя боль в сердце слабеет, когда я разговариваю с ним. Он меня понимает. Впервые за полтора года я нашла того, кто меня понимает.

Поэтому, думаю, я должна сказать спасибо.

Искренне твоя, Холлин.

***

Дорогая Жизнь,

Ух ты! Ты видела, что происходило последние несколько дней? Ты видела, что я делала, как заводила новых друзей. И все эти переписки? Потрясающе, правда?

Когда Аманда объяснила мне что такое групповая переписка, что на самом деле довольно просто, и я не могла поверить своей удаче, когда все начали отвечать, общаясь. И тогда произошло то, чего я не ожидала — Картер прислал сообщение лично мне.

По какой-то причине рядом с ним я чувствую себя и застенчивой, и смелой. Он заставляет меня сомневаться, бросать вызов. Это возможно?

Показать это через взлеты и падения, потому что не нужно сомневаться, независимо от того, что происходит. Он попытается защитить меня. В этом большом пугающем мире мне нужен защитник.

Я не знаю, что будет дальше. Но что бы ни произошло, это изменит девушку, которую я вижу в зеркале. Еще один шаг к новой «я».

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая Жизнь,

Я вынес несколько уроков, воспитываясь в приемной семье. Во-первых, защищать себя и то, что тебе принадлежит. Никогда не знаешь, что может произойти в любой момент. Любовь приходит, когда ты находишь кого-то особенного, принимаешь его и не хочешь отпускать.

Кое-что у меня есть. Я никогда не был тем, кто держится за материальное. Но есть то, что имеет смысл в моей жизни. И они навсегда останутся со мной.

Семья, я все еще надеюсь и молюсь за это. Даже в моем возрасте я хочу семью. Хоуп, она была моей семьей, но, как и все другие жестокие события в моей жизни, я тоже ее потерял.

И любовь, ну, возможно, когда-нибудь.

Что у меня есть? Холлин, которая понимает меня. Небольшая группа людей, на которых можно положиться. И надеюсь, в будущем, я вернусь в свое нормальное душевное состояние.

Время покажет.

Джейс.

***

Дорогая Жизнь,

Riffy paint? Пошла ты.

Картер.

Шаг 4: Мечты о большем

Дейзи

— Ну, давай, ты упрямая... маленькая... штука. Ой! — восклицаю я, как только крючок защелкивается в необходимое отверстие, которое я пыталась сжать. — Не будь таким сложным, — я ругаюсь на коврик, который делаю для бабушки.

Когда я была в «Майклс»⁵² на днях, накупила еще паффи пэинт для «доски мечты», которую мы должны сделать для «Дорогой жизни». Я увидела коврики, на которых изображены щенки и решила подарить подобное бабушке, отметив новоселье. Это было бы идеально, когда она встанет с постели. Всегда приятно наступать на что-то теплое, а не холодный, жесткий пол.

Ей понравится.

Я просто не думала, что это будет так сложно.

— Дейзи! Ты в своей комнате? — я слышу голос Аманды, звучащий с лестницы.

Вскочив с кровати, я поправляю свой зеленый вельветовый комбинезон и спускаюсь вниз.

— Эй, все в порядке?

В прихожей стоит Аманда с сумочкой на плече, одетая в пальто, как и стоящая рядом с ней Холлин.

— О, привет, Холлин.

— Привет, Дейзи.

Она поворачивается к Аманде с заговорщическим взглядом. Что они задумали?

— Мы собираемся посмотреть платья подружек невесты, — говорит Аманда, поправляя ремень своей сумки.

Держась за перила, я говорю:

— Ого, это здорово. Ладно, значит, тебя не ждать на обед?

— Нет, — Аманда хихикает. — Мы надеялись, что ты поедешь с нами.

Я указываю на себя и поправляю пояс на комбинезоне.

— Ты хочешь, чтобы я поехала с вами?

— Ну, всем подружкам невесты обязательно примерять свои платья.

— Обязательно? — что?.. — Подождите? Я подружка невесты?

Они улыбаются.

— Да. Я не могу выйти замуж, когда моей сестры нет рядом.

— Ты серьезно?

Я чувствую головокружение. Я никогда не была подружкой невесты. У меня никогда не было друзей, которые бы просили об этом. Это так захватывающе. Мое маленькое сердце с трудом справляется с этой радостью.

— Конечно. Давай, бери свою сумочку, пора за покупками.

Я не в состоянии мыслить здраво. Вместо того чтобы подняться наверх, я бросаюсь к Аманде и обнимаю ее, прежде чем расплакаться. С комом в горле, я даю ей обещание:

— Аманда, это так много для меня значит. Обещаю, что буду самой лучшей подружкой невесты.

Аманда приподнимает мое лицо, как это делает бабушка.

— Знаю, а теперь иди за своей сумкой.

Я так быстро поднимаюсь по лестнице, что спотыкаюсь о верхнюю ступеньку и падаю на колени, когда слышу вопрос Аманды, все ли в порядке. Отмахнувшись и быстро поднявшись, хватаю куртку и сумку.

Ура! Девчачий день.

Ах, я иду с девушками. Я одна из девушек. Бабушка будет мной гордиться.

---

⁵² Michaels — магазин для рукодельниц

Мы говорим о свадьбе пока едем в машине. У Аманды почти все запланировано, что, по-видимому, хорошо, потому это будет уже через несколько месяцев. Так как она родилась и выросла в Колорадо, она хочет провести свадьбу на ранчо, откуда открывается живописный вид на горы. По крайней мере, она так сказала.

— Что говорит Мэтт? — спрашиваю я, выходя из машины и следуя за Амандой и Холлин к «Нордстром»⁵³.

— Только то, что он хочет стейк и картофельное пюре. Действительно хороший стейк с каким-нибудь чесночным маслом. Все под контролем. О, и он выбирает костюм себе и шаферам.

— Мэтт — модник, с этим не будет проблем, — говорит Холлин.

— Знаю. Не могу дождаться, чтобы посмотреть. Он сказал, так как он не видел мой выбор, то и я не увижу, что выбрал он.

— Это мило и справедливо.

Мы проходим через двери огромного магазина, и у меня появляется состояние подавленности. Я никогда не была в таком причудливом магазине. Обычно мы с бабушкой ходили в благотворительные магазины. Мы никогда не покупали что-то новое, за исключением нижнего белья, потому что со слов бабушки — нельзя ходить в обносках. Я благодарна ей за это, потому что меня не радует ходить в ношенном уже кем-то белье.

— Сюда, дамы.

Аманда ведет нас к свадебным нарядам. Мы проходим через секции с платьями, и я не могу не оглядываться на все красивые вещи. Мягкие ткани, бусины, кружева, новые бирки. Это новый мир, которого я никогда раньше не видела. Даже запах магазина вызывает во мне эйфорию.

Шопинг. С девушками. Рай.

Пока Аманда разговаривает с продавцом-консультантом, я тянусь рукой к платьям невесты, висящие на стойках.

— Они восхитительны, — говорю я Холлин, когда она подходит ко мне.

— Здесь все такое. Очень легкое и элегантное. Ты будешь выглядеть прекрасно во всех этих платьях

— О, даже не знаю, — говорю застенчиво. — Никогда не носила ничего подобного. Я чувствую себя неуместно.

— Не говори так, — Холлин качает головой. — Просто это все в новинку для тебя. Расслабься и наслаждайся, Дейзи. Это должно быть весело.

— Ледяной синий. Ты пытаешься сделать Дейзи похожей на ангела с ее голубыми глазами и светлыми волосами? — дразнит Холлин и идет к своей примерочной.

— Дейзи будет хорошо выглядеть в любом наряде, довольно сложно заставить ее выглядеть плохо, — указывая на меня, Аманда говорит: — Лучше бы на твоём лице появиться прыщ, чтобы ты не выглядела красивее меня в день свадьбы.

— О боже. Это невозможно, Аманда. Ты такая красивая.

Взяв меня за руку, она ведет в примерочную и, наклоняясь к моему уху, говорит:

— Как и ты. Теперь примерь это платье.

Красивая? Я никогда не считала себя таковой.

Отодвигая занавеску, вижу только одно платье. Смущенная, я спрашиваю:

— А будут другие платья?

Она качает головой.

— Нет, когда я его увидела, то поняла, что оно для тебя. Не могу дождаться, чтобы увидеть тебя в нем. Теперь переодевайся, — она шлепает меня по заднице и толкает вперед, закрывая занавеску.

Господи.

Я кладу свои вещи на кушетку в примерочной и, расстегнув ремень и комбинезон, беру платье.

---

⁵³ Nordstrom — мультибрендовый магазин для всей семьи

Оно великолепно. Я никогда не видела ничего подобного. Цвет будет сочетаться с моей светлой кожей, волосами и голубыми глазами. Верхняя часть платья — облегающая, а нижняя часть выполнена из шелкового шифона и красиво струится. Похоже на наряд современной Золушки.

Чувствуя себя немного взволнованной, я вытаскиваю свой телефон и пишу Картеру.

Дейзи: Я примеряю платье подружки невесты для свадьбы Аманды. Это так мило. Я никогда не носила ничего подобного.

Как только я нажимаю отправить, я делаю глубокий вдох, и раздеваюсь, слышу разговор Аманды и Холлин, говорящих о платье, которое Холлин только что примерила, как ей не нравится, что спереди лифа слишком много блесток. Я не тороплюсь, надевая платье, чтобы не порвать его.

Мой телефон подает звуковой сигнал. Я читаю сообщение, прежде чем надеть платье.

Картер: Новый опыт, сделай это, Снежинка.

Так и сделаю.

Дейзи: Ага. Хочешь селфи?

Боже, как это выглядит? Я не хочу, чтобы Картер думал, что я тщеславна.

Картер: Конечно.

Судя по короткому ответу, он так не считает.

Осторожно надеваю платье, юбка путается на полу. Медленно я переставляю ноги, радуясь, как ткань «танцует» вокруг. Рукава очень тонкие и свисают с моих плеч, шифон едва касается моей кожи. Встроенные чашки поддерживают мою грудь, и, потянувшись за спину, застегиваю платье.

Я слышу собственный вздох, когда поворачиваюсь к зеркалу. Это действительно я?

— Ты уже оделась? — спрашивает Аманда, заглядывая в раздевалку.

Я стою, разинув рот, глядя на свое отражение. Впервые за всю мою жизнь девушка, которую я привыкла видеть в зеркале, не существует. Вместо нее теперь красивая женщина.

Женщина.

Я ощущаю подступающие слезы, и подавляющее чувство берет верх.

Я прекрасна.

— Боже мой, — говорит Аманда, взглянув на меня, и быстро поворачивается, крича из примерочной: — Холлин! Иди сюда.

Встав позади меня, Аманда застегивает остальную часть моего платья, а затем кладет руки мне на бедра, наклоняясь через мое плечо, и улыбаясь в зеркало.

— Ты великолепна, Дейзи. Просто сногсшибательно.

— Дай взглянуть, — Холлин отодвигает занавеску в сторону. Она прикладывает руки к груди, и я вижу на ней платье без рукавов цвета ледяной синевы.

— Ах, Дейзи. Посмотри на себя. Ты выглядишь потрясающе, — осматривая меня снизу-вверх, она подходит ближе и тыкает меня в сиську. — Что? Они настоящие?

— О, я знаю, — добавляет Аманда. — У девочки потрясающая грудь, но она ее не показывает.

— Они такие дерзкие, — Холлин снова пихает меня в грудь.

— И большие, — Аманда тыкает на верхнюю часть.

Так вот, что происходит, когда девушки ходят по магазинам? Это такой ритуал, когда твои друзья трогают твои сиськи?

— Это С?

— Не меньше, чем С.

Они продолжают говорить о моей груди, трогая ее, пока я смотрю на себя в зеркало, понимая, что это ключевой момент в моей жизни. Прямо сейчас, я выгляжу как взрослая женщина. Такой, какой хочу быть. Я смотрю на кушетку с вещами и вижу маленькую девочку, от которой я стремилась уйти. У меня есть два варианта: я могу запомнить этот

момент и идти в этом направлении. Или снять это платье, забыть о женщине в зеркале и вернуться к маленькой девочке в комбинезоне.

Впервые я хочу быть женщиной в зеркале.

Сейчас надо думать о будущих целях. Кем я хочу быть и где буду после программы «Дорогая жизнь». Я должна мечтать о большем, что сейчас и делаю.

— Мне нужна помощь.

Мои слова прерывают Аманду и Холлин, которые стоят у зеркала и поднимают свои сиськи, сравнивая их.

— С чем? — спрашивает Аманда. — С платьем все в порядке?

— Да, — глядя на них, я говорю: — Мне нужна помощь с преображением.

Холлин и Аманда переглядываются, и с широкой улыбкой смотрят на меня.

— О, этот день становится все лучше, — Аманда берет мою руку, соединяя их вместе.

— Прощай, комбинезон, привет, сексуальные штанишки.

— Ничего подобного, — отвечаю я, чувствуя румянец на щеках.

— О, так и будет, — добавляет Холлин,

— Я даже не знаю, что это.

— Узнаешь, — Аманда гладит мою руку. — Просто подожди и увидишь.

О господи. Сексуальные штанишки, во что я ввязалась?

Джейс

— Спасибо, что пришел, — я отхожу в сторону, чтобы Картер мог войти в квартиру.

— Без проблем.

Я наблюдаю, как он осматривается. Здесь очень скромно для профессионального бейсболиста, но в этом весь я. Мне не нужна куча кричащих, ненужных вещей, захламляющих мою жилплощадь.

— Пиво?

— Конечно, — отвечает Картер, держа руки в карманах, все еще оглядываясь.

Мы заходим в мое жилище открытой планировки и, когда я иду на кухню за двумя бутылками пива, он останавливается в гостиной и разглядывает вид на горный хребет. Я мало что знаю о Картере, но могу представить, что мое жилище может конкурировать с его.

— Вот, — я даю ему пиво, уже открыв крышку.

Он пробует и говорит с одобрением.

— Laughing Lab. Хороший шотландский эль.

— Пивоварня Бристоль в Спрингсе — одно из моих любимых мест. Мне нравится.

— Я там не был, но я пробовал их пиво Red Rocket и Beehive. Laughing Lab, на мой взгляд, самое лучшее.

— Не могу не согласиться, — подойдя к дивану, я говорю: — Присаживайся.

Несмотря на то, что я пригласил Картера, мне стало немного неудобно. Я бы хотел лучше узнать его, потому что мы могли бы понять друг друга, как два человека, у которых не было семьи.

— Что случилось? — Картер переходит к делу. — Ты позвал меня сюда, чтобы попытаться убедить меня, что эта унылая программа на самом деле полезна, если принять ее всерьез? Потому что, если это так, то не трать зря время.

Не думаю, что когда-либо встречал настолько категоричного человека.

Садясь на диван, я беру пиво и говорю:

— Что случилось? — если он будет дружелюбным, то и я тоже. — Я хочу знать, почему ты ведешь себя как мудака большую часть времени?

Я вижу маленькую ухмылку через пивную бутылку у его рта. Он наклоняется назад, положив лодыжку на колено другой ноги.

— Так ли это? Ты хочешь познакомиться со мной.

— Бл*, а почему нет? Как два парня в группе, нам бы не помешало как-то наладить общение, разве нет?

— Не совсем, — он качает головой. — Но я, скорее всего, собираюсь попросить билеты на игру этим летом, так что, видимо, мне придется поделиться этим.

— Я рад, что ты это понял, — говорю я с улыбкой.

— Черт! — он проводит рукой по лицу и указывает на меня бутылкой. — Лучше бы этим билетам быть офигенными.

— В обмен на твою историю.

Никто не говорит ни слова. Мы пьем пиво, глядя в окно, рассматривая прекрасный пейзаж гор Колорадо.

— Мои родители умерли от передозировки наркотиков, — говорит Картер, не сводя глаз с гор. Ну бл*ть. — Они были «лучшими» родителями. Безответственными, никогда не могли долго продержаться на работе, не в состоянии заботиться о своем ребенке и часто собирались с друзьями, чтобы выпивать и употреблять наркотики. Это длилось неделями, из-за чего я не мог сделать свою домашнюю работу, — он кладет руку на спинку дивана и пристально смотрит на меня. — Когда они умерли, я почувствовал облегчение. Больше никаких вечеринок, обдолбанных родителей, за которыми надо убирать, — с сардоническим смехом он продолжает: — Я считал это адом, пока моим опекуном не стал дядя Чак.

— Настоящий подарок?

— Да, можно и так сказать. Мое присутствие, по-видимому, было настоящим бременем для него, и он не скрывал этого. Каждый день. Это настоящий удар, знать, что в детстве ты никому не нужен.

— Ага, расскажи мне про приемные семьи. Это не какой-то там сраный мир Диснея.

Он наклоняется ко мне.

— Приёмный ребенок?

— Ага.

— Это хреново.

Мы обмениваемся сочувствующими взглядами. Это все, что нужно.

Картер ухмыляется и говорит:

— Посмотри на нас, чертовы комплексы по части родителей.

Смех наполняет комнату, и я вздыхаю.

— Да, нам, черт возьми, повезло. Итак, твой дядя — мудака. Как это связано с программой?

— Я должен ему деньги за обучение. Я отработал свой долг и был так близок к тому, чтобы выплатить его, когда моя бывшая сбежала с моими деньгами. У меня было около месяца перед тем, как я бы послал на хер своего дядю. Теперь я вернулся к самому началу. Корячусь на работе, и теперь еще хожу на эту программу, о которой ему сказала Холлин. Либо это, либо добавить еще два года к моему рабству. Поэтому я прихожу, делаю минимум и ухожу. Это не для меня, мужик.

Я киваю, понимая его историю.

— Это объясняет твоё дерьмовое поведение на каждой встрече.

Он отвечает, наклоняя пиво в мою сторону.

— Просто маленькое окно в мою просранную жизнь.

Так и есть.

— Разве ты не хочешь большего? — спрашиваю я, зная, что хожу по тонкому льду. Мне повезло, я заставил его говорить об этом. На самом деле, я не ожидал, что он скажет мне что-нибудь. Мне действительно придется достать ему хорошие билеты. — Программа действительно может помочь.

— Я не могу изменить обстоятельства. Единственное, что мне нужно, это десять тысяч долларов и удар между ног, чтобы положить конец моему несчастью.

— Как бы ни была испорчена твоя жизнь, мужик, тебе не нужен этот удар.

Улыбаясь, он кивает.

— Ты прав, я не чувствую себя дерьмово, — он оглядывает комнату и говорит: — У тебя должен быть здесь бильярдный стол или что-то в этом роде.

— Ага, ты не первый, кто это говорит, — его телефон подает звуковой сигнал, и я вижу, как на его лице появляется маленькая ухмылка, когда он читает сообщение. Он что-то набирает в спешке, а затем смотрит на горы. Я видел эту улыбку только один раз, когда он разговаривал с Дейзи, поэтому спрашиваю: — Помимо «покажи свои чувства» вещей, в которых ты явно не любишь участвовать, тебе нравится программа?

— Нет. Мне она кажется бесполезной.

— Но группа классная. Кажется, ты с Дейзи хорошо ладишь.

От упоминания ее имени его взгляд устремляется на меня.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он, глядя сквозь меня.

Да, он хорош.

— Просто заметил, что ты всегда с ней.

— Ты ее старший брат?

— Нет. Просто интересуюсь.

Пропуская мой вопрос, он спрашивает:

— Что у тебя с Холлин?

— Ничего, — честно говорю я. — Мы как бы переживаем то же самое, страдая от потери любимого человека. Мы помогаем друг другу. Приятно поговорить с кем-то, кто тебя понимает. Как ты и Дейзи с желанием освободиться.

— Дейзи и я совершенно разные. Она только изучает мир. Я знаю, какое дерьмо может подкинуть жизнь.

— Но ты помогаешь ей.

Он пожимает плечами.

— Что-то в ней мне нравится. Она очаровывает меня. Если нужно сделать это для программы, я могу помочь ей в этом.

— Она хорошенькая.

Улыбаясь, он говорит:

— Ты хочешь поговорить об очевидном касаясь Холлин?

Я съеживаюсь.

— Бл*дь.

— Чувак, ты слишком много паялишься.

Это не новость для меня. Я знаю, что слишком много смотрю на нее. С ее гладкими рыжими волосами, ярко-зелеными глазами и россыпью веснушек. Она чертовски великолепна. Не говоря уже о ее саркастическом языке и притягательной личности. Это тяжело, но я держу дистанцию.

Она все еще оплакивает своего мужа. Ее чертов муж. Человек, которого она явно сильно любила. Судя по взгляду, когда она говорит о нем, понятно, что их любовь — это та любовь, которую я всегда хотел. Страстная, глубокая, душевраздирающая.

Я не могу это сделать. Это неправильно — желать чужую жену. Я знаю, что Эрик умер, и несмотря на то, что прошло время, это все равно кажется неправильным.

Это неправильно, потому что я не тот человек, который обманывает? Является ли это обманом?

Или это потому, что просто глядя на Холлин, я знаю, что она не отпустила его?

Возможно, и то, и другое.

— Это спорный вопрос, — говорю я. — Она все еще не отошла от потери мужа.

Она замечает, что я смотрю? Это вызывает у нее дискомфорт? Черт, надеюсь, нет.

Задумавшись, Картер говорит:

— Я помню, когда умер Эрик. Это был кошмарный день в ресторане. Я встречался с ним один раз, но за тот короткий период, что я с ним говорил, можно сказать, что его позитивное отношение было заразительным. Один из тех парней, который смог бы помочь

тебе справиться с самыми плохими днями. Уверен, что он переплюнул бы «Дорогую Жизнь».

Меня это не удивляет. Я не мог представить Холлин ни с кем другим.

— Когда Эрик умер, он забрал с собой часть Холлин. Она уже не тот человек, которым была когда-то. Раньше она была остроумной, забавной. Мы никогда не ладили, но, по крайней мере, тогда мы не доставали друг друга. После смерти Эрика мой дядя должен был поставить нас в разные смены.

— Нельзя винить ее, мужик. Мне это знакомо. Я уже не такой с тех пор, как родилась Хоуп.

— Хоуп. Так зовут твою дочь?

Я киваю, чувствую ком в горле.

— Да, Алекс и Джун называли ее Хоуп, потому что я дал им надежду.

Да ну на хер, я сейчас расплачусь.

Вместо того чтобы продолжить, чувствуя мое напряжение, Картер наклоняется вперед и ставит пиво на журнальный столик.

— Думаю, мне пора.

— Ладно, — с трудом отвечаю я.

Вместе мы подходим к двери, не обмениваясь любезностями, понимая какой тяжелый разговор у нас был.

Прежде чем уйти, он говорит:

— Удачи на весенней тренировке.

— Спасибо.

Я открываю дверь, и опускаю голову, чтобы он не видел, как я сломлен после разговора.

Он уже собирается выйти из квартиры, когда резко останавливается и говорит:

— Извини. Я тебя не видел.

— Не видел кого?

Подняв голову, я вижу Ребекку с решительным взглядом. Мое тело сковывает холод, сердце быстро бьется, и мне непонятно, что, черт возьми, она хочет?

Картер молча уходит. Я бы отдал что угодно, чтобы он вернулся. Так было бы безопаснее, потому что судя по взгляду Ребекки, мне не понравится причина ее нахождения здесь.

Взявшись одной рукой за затылок, а другой за дверь, я спрашиваю:

— Ребекка, что ты здесь делаешь?

С уверенностью в голосе она смотрит мне в глаза.

— Я хочу ее вернуть, Джейс. Я хочу вернуть своего ребенка.

Бл*дь.

Картер

Не знаю, кто эта девушка у двери, но она заставила Джейса побледнеть. Будь я хорошим человеком, то остался и убедился бы, что с ним все в порядке. Но мне пришлось уйти, прежде чем он сломается. Только упоминание о его дочери делало его потерянным. Я не хотел этого видеть.

Назовите меня равнодушным, но я не очень хорош в этом. Я бы в конечном итоге ухудшил ситуацию, сказав то, что он не хотел слышать. Спишем это на мое фанта-бл*дь-стическое воспитание.

Черт, все это было странно.

Он просто хотел узнать меня.

Меня.

Кому бы это захотелось? Я с трудом бываю добрым к Дейзи, единственному светлому человеку нашего маленького гребаного круга.

Уставший, я иду к своему мотоциклу, чтобы поехать домой. Где буду спать на полу своей дерьмовой квартиры, пока не придет время идти на завтрашнюю смену.

Я собираюсь вытащить перчатки из куртки, когда мой телефон звонит. Черт, ну и кому я понадобился?

Дейзи.

На самом деле это меня не удивляет.

— Привет, — говорю я, опираясь на мотоцикл.

— Привет. Как ты?

— Все в порядке. Что-то случилось?

— О, ты занят?

— Не особо. Собираюсь ехать домой.

— Ох, замечательно, — судя по молчанию, она нервничает.

— Дейзи, почему ты звонишь?

— Ну, я надеялась, что ты захочешь потусоваться. Я проголодалась и, может быть, мы могли бы перекусить. Но если ты не хочешь, все в порядке. Я просто голодна и искала компанию. Действительно, зависит от тебя. Знаешь, думаю, что на самом деле я могла бы просто взять что-нибудь у King Soopers, ну знаешь, приготовить что-нибудь на скорую руку дома. Я могу сделать мясной рулет, о, ты уже это знаешь. Рулет может быть слишком долго⁵⁴...

— Где ты хочешь встретиться? — спрашиваю, желая остановить ее непрерывный и бессвязный поток слов.

— Где... о, ты хочешь встретиться?

— Конечно, я голоден.

— Замечательно, — радость — это даже близко не подходящее описание ее состояния.

— Я действительно не знаю ни одного места, где можно поесть, кроме Country Buffet и Cracker Barrel. Это были наши любимые места⁵⁵.

Почему это меня не удивляет? Они, вероятно, носили свитера с котятками, и были ранними пташками.

— Встретимся в «Запрете». Это на Востоке Колфакс.

— «Запрет» звучит весело. Они принимают купоны?

— Нет, — я качаю головой. Купоны. Господи. — Встретимся через двадцать минут.

— О, конечно, да. Скоро увидимся.

Я быстро заканчиваю разговор, прежде чем смогу передумать. Партнер по преступлениям, я постоянно повторяю это по дороге в ресторан. Это одно из моих любимых мест, чтобы пропустить по стаканчику с пивом, особенно летом, когда можно посидеть на террасе и наблюдать за мельницей.

Я поставил перед собой задачу: изучить рестораны в городе, узнать их меню, напитки, начиная от ликера и заканчивая местными пивоварнями. Я тщательно следил, что подается, в какое время и за какую цену. У меня целый список, чтобы я мог конкурировать с другими и меню, которые я буду использовать в один прекрасный день, когда я, наконец, найду место.

Бл*, это бесит, зная, как я был близок к этому.

Я планировал расплатиться со своим дядей, найти работу в другом месте, и продолжать экономить, пока не смогу улучшить свою идею и поговорить с местными предпринимателями. Это я доказываю свое существование. Даже если я не знал этого понятия раньше.

---

⁵⁴ King Soopers — продуктовый магазин

⁵⁵ Country Buffet и Cracker Barrel — рестораны

Поездка к «Запрету» еще больше портит мое настроение, из-за чего я уже хочу отменить встречу, но мне не хочется расстраивать Дейзи. Поэтому я нахожу место для парковки и иду в ресторан.

К счастью, место в самой задней части не занято. Я сажусь лицом к двери, чтобы увидеть Дейзи, когда она придет.

Просматривая меню, я замечаю одно из моих любимых напитков — Upslope. Стоит ли мне пить? Пальцами сжимаю подбородок, пытаюсь принять решение, когда дверь в ресторан открывается. Я смотрю на женщину, на которой джинсы в обтяжку, коричневые сапоги до колена, белая футболка и облегающая коричневая кожаная куртка. Как только она машет мне в приветственном жесте, я понимаю, что это Дейзи.

Дейзи?

Ну, охренеть.

Я хочу протереть глаза, покачать головой, осознать увиденное. Это не Дейзи.

Что это?

Где комбинезон, водолазка, стеганный жилет?

— Привет, Картер, — говорит она с широкой улыбкой на лице, держась пальцами за шлевки своих джинсов.

Я сглатываю. Дерьмо, все стало намного сложнее.

Холлин

— Тебе не обязательно готовить мне ужин.

— Да, я знаю, — Аманда размешивает спагетти в кастрюле на плите. — Сегодня ты была великолепна, Холлин, — говорит Аманда, обернувшись, и положив руку на сердце. Идеальная картина благодарности. — Ты так помогла Дейзи. Видела ее улыбку? Я имею в виду, она много улыбается, но я никогда не видела ее такой.

— Это не проблема. Мне очень нравится Дейзи. Она слишком милая и все, что она хочет, это узнать жизнь. Как я могу не помочь ей в этом?

— Это довольно трудно, — Аманда поворачивается спиной к столешнице и делает глоток из бокала. — Могу я побыть немного сентиментальной?

— Можно подумать мой ответ что-то поменяет.

— Это так, — вздохнув, она наклоняет голову и смотрит меня. — Я благодарна тебе за то, что ты сегодня помогла мне в свадебной подготовке. Вероятно, для тебя это было нелегко.

Это явное преуменьшение.

Вероятно. Ха, скорее, это был мучительный и кошмарный страшный день. Если я не была на грани паники, не значит, что мне не хотелось рвать и метать от нахлынувших воспоминаний.

С каждым белым кружевным платьем, которые я видела, или разговоре о предстоящем событии, цветах и платьях для подружек невесты, в моей голове всплывали воспоминания одно за другим, возвращая меня к моей брачной ночи или моему браку... Пока темной ночью мне не сообщили, что Эрика больше нет.

Но я держалась. Не знаю, как я это сделала, но теперь я просто хочу уйти и побыть в одиночестве. Но это сложно сделать, так как Аманда решила отблагодарить меня ужином за все, что я сегодня сделала для нее.

На самом деле, я ничего не делала, кроме как уделяла внимание Дейзи, помогая с покупками. Так я чувствовала себя не так плохо.

Но теперь, находясь в доме Аманды, я боялась разговора. Невозможно сменить тему, переключившись на кого-то другого, учитывая, что мы были вдвоем.

Сглотнув ком в горле, и не желая говорить о том, как мне было тяжело, я спрашиваю:

— Мэтт придет на ужин?

— Нет, он недавно прислал сообщение о том, что произошла внеплановая встреча с одним из игроков.

Я сразу же вспоминаю Джейса. Надеюсь, с ним все в порядке.

— Он сказал, с каким именно? — спрашиваю я совершенно очевидно.

— Нет, — говорит с понимающей улыбкой. — Обычно он не рассказывает мне подробностей происходящего в клубе, потому что у меня большой рот.

— Он умный, — я смеюсь. — Интересно, у Гонсалеса снова проблемы?

С небольшим удивлением, Аманда спрашивает:

— Ты снова интересуешься спортом?

— Нет. Я просто вижу новости в Фейсбуке.

Как только вода закипает, Аманда бросает макароны в кастрюлю, после чего поворачивается в мою сторону. Я знаю этот взгляд.

Подойдя ко мне, она наклоняется на столешницу и спрашивает:

— Ты бы смогла снова влюбиться?

Да, я была права. Она задала вопрос, на который я не хочу отвечать.

— Ну, я не знаю.

Ничего не делай, говори расплывчато, это лучший способ избежать ответа на вопрос.

Смогу ли я позволить себе снова влюбиться? Возможно ли это? Любить двух людей? Отдать им свое сердце? Часть меня умерла вместе с ним. Веселая, целеустремленная, мечтательная девушка — все это ушло. Сейчас я оболочка женщины, которой я когда-то была.

Медицинская школа больше не на моем радаре. Иметь семью, детей, это просто память. Хотеть быть женой, которая готовит ужин для мужа — голой, одетой только в фартук — уже не существует. Этот человек ушел. Исчез. Эти мечты исчезли в день, когда я потеряла человека, который значил для меня все. Он был моим радаром.

Мысль о том, чтобы пересмотреть все эти мечты, вызывает смех. Я никогда не смогу сделать это без Эрика, и мое сердце не сможет справиться с этим.

Вот почему я ни к чему не стремлюсь, продолжая работать официанткой в ресторане с низким уровнем обслуживания. Вот почему я бросила обучение и не попыталась ходить на свидания.

— Ты же знаешь, что снова сможешь полюбить? — спрашивает Аманда, прерывая мои мысли. — Это будет нормально, Холлин.

Это не так, но ей не нужно это знать. Она не поймет.

Нужно убираться отсюда. Сделав вид, что мне пришло сообщение, я сжимаю нос и вздыхаю.

— Что такое? — спрашивает Аманда.

— Синди из ресторана нужно, чтобы я ее подменила. Ее сын снова заболел. Мне нужно идти.

— О нет, надеюсь, он в порядке, — говорит Аманда, веря в эту ложь.

Да, я просто солгала лучшей подруге. Я «потрясающий» человек. Вместо того чтобы сказать ей правду, что я не могу справиться со всеми этими разговорами и что сегодня для меня был тяжелый день, я показываю ей фальшивую улыбку и лгу, чтобы освободиться от ада, в котором нахожусь.

— Я уверена, что это просто простуда. Извини, мне надо идти. Надеюсь, в скором времени у нас получится поужинать.

Она идет позади меня к прихожей, где я быстро беру пальто и достаю ключи из сумки.

— Да, я тоже, — остановившись, она обнимает меня сзади и, положив голову между моих лопаток, говорит: — Я скучала по тебе, Холлин.

Я тоже скучала по мне. Не плачь. Не плачь. Обнимая ее, я крепко сжимаю ее руки. Я задыхаюсь. Мне нужно уйти отсюда. Держи себя в руках. Держись.

Дорога до машины ощущается как миля, когда я пытаюсь сдержать агонию, разрывающую меня на части. Почему он должен был умереть? Почему любовь моей жизни должна была умереть? Слабое чувство темноты окутывает меня. Я не могу.

Такое случилось раньше. В прошлый раз, когда я чувствовала это всепоглощающее чувство уныния, я не выходила из квартиры три дня. Не желая попасть в это состояние снова, я достаю телефон и набираю единственного человека, который меня поймет.

— Привет?

Два слога. Это все, что нужно. Его глубокий голос быстро меня успокаивает.

— Привет, не хочешь выпить? — спрашиваю я с волнением в голосе.

— Уже. Приходи, у меня есть открытая бутылка «Джека»⁵⁶, которую я сейчас пью. Ему не нужно просить дважды.

Дейзи

— Дейзи? — спрашивает Картер, стоя у кабинки.

Я нервничаю, все еще чувствуя себя непривычно. Мне кажется, что моя шея открыта, будто на мне нет рубашки, а облегающая мои ноги кожа вызывает смущение.

Благодаря «мне жаль, что я был плохим отцом» деньгам, я смогла полностью обновить свой гардероб. Кроме пижам. Аманда и Холлин пытались убедить меня купить шелковые, но мне это не надо. Никто не видит, в чем я ложусь спать. Поэтому я сказала им, что меня устраивают фланелевые пижамы «Я люблю Люси». Но остальное, в том числе и нижнее белье, было заменено.

Ух, стринги! Они просто на тебе там, верно? И какой смысл носить их с джинсами? Я сказала Аманде и Холлин, что трусики не видно через джинсы, но им все равно. Все «бабушкино» белье будет изъято. Я не вижу в них ничего плохого, они нормальные. По словам девочек — ненормально носить подобное, когда тебе двадцать один.

И еще жилеты. Но не такие жилеты, что я носила. У меня есть пара симпатичных, современных жилетов, которые можно носить с брюками-бойфрендами, но только если я буду заправлять переднюю часть рубашки в джинсы, которые соединены с поясом и длинной цепочкой. Честно говоря, моя голова идет кругом от модных советов. Я сказала девочкам, чтобы фотографировали наряды для меня, до того как я возьму их.

Как только мы закончили с покупками платьев, и, выпив Orange Julius — какое удовольствие — мы направились домой, но для меня это было еще не все. Я справилась, изменив внешний облик, и был один человек, с которым хотела поделиться этим. Вы бы подумали, что это будет бабушка, но когда я взяла телефон, чтобы набрать ее, я в итоге позвонила Картеру.

Сначала я была уверена в своем решении позвонить ему, но как только я начала спрашивать его о встрече, нервы взяли верх, и я попыталась отступить, чтобы не услышать отказ. К счастью для меня, он согласился.

Во время поездки на такси до «Запрета» я нервничала и осматривала достопримечательности. Как только я расплатилась и вышла из машины, поняла насколько переживаю.

Все это в новинку для меня. Я могла бы подумать, что выгляжу хорошо, но я также считала, что выглядела мило в свитере с круглым вырезом и виднеющейся из-под него рубашкой. Кто вообще определяет, что значит выглядеть хорошо?

Понравится ли это Картеру? Меня это волнует?

Ненавижу это признавать, но мне не все равно.

Он прекрасен, с его темными, почти зловещими глазами и исходящей от него таинственностью. Было бы хорошо, если бы такой человек, как он, посмотрел на меня по-другому. Не как на друга, а как на красивую женщину, перед которой он не сможет устоять.

---

⁵⁶ Джек Дениэлс — виски

Забавно, но он мне не нужен, чтобы проверить, хороша я или нет. Я могу посмотреть в зеркало и узнать, что я красивая, внутри и снаружи. Я просто хочу, чтобы меня оценили. Я хочу выглядеть сногшибательно, и чтобы от меня невозможно было оторвать взгляд.

Прочистив горло, Картер смотрит на меня, проводя рукой по волосам.

— Я... я почти не узнал тебя.

Потянув низ моего пиджака, я смущенно говорю:

— Да, сегодня я немного прошлась по магазинам.

Он сжимает челюсть, когда снова смотрит на меня. Вместо того чтобы сделать мне комплимент, как я думала, он снова откашливается и говорит мне сесть. Его равнодушие к моему внешнему виду разбивает мое сердце.

— Я заказал пиво, — он утыкается в меню, так что я едва слышу его.

— Пиво?, — уточняю я. Он мог сказать про олени, или что у него странное поведение, или ему нравится кунжут. Что еще рифмуется с пивом? Год, слеза, изменять, приставать. Может быть, он переключает передачу или просто шутит. Или то его другом является Базз Лайтер^{57 58}.

Дружить с Баззом Лайтером это то, о чем мне было бы интересно поговорить.

— Почему ты хихикаешь? — спрашивает он, раздраженный, выглядывая из-за меню.

— Ты знаешь Базза Лайтера? — спрашиваю я.

Он вопросительно приподнимает бровь. Опуская меню, его взгляд становится тяжелее. Ой, почему мне кажется, что что-то не так? Наклонившись вперед, он зло спрашивает:

— Ты под кайфом?

— Что? — что с ним не так? — Прошу прощения.

— Ты курила марихуану⁵⁹?

— Нет! Такой вопрос оскорбителен. Я не употребляю наркотики.

Сев обратно, он говорит:

— Марихуана — едва ли наркотик, Снежинка.

— Ну, для меня это наркотик. И нет, я не курила. Почему ты спрашиваешь?

— Почему ты спросила, знаю ли я Базза Лайтера?

— Потому что ты сказал про пиво.

Взгляд на его лице бесценен.

— Не вижу связи.

— Это были мои мысли. Не думаю, что ты хочешь знать.

Он поднимает руки на верхнюю часть кабинки. Наконец-то он расслаблен. Возможно, это был умный ход с моей стороны, хотя я чувствую, как мои щеки покраснели.

— Достаточно справедливо, — он показывает на меню. — Ты собираешься выпить?

— Что-то из алкоголя?

Медленно он кивает головой, кусая нижнюю губу и изучая меня.

— Да. Ты совершеннолетняя, и думаю, пришло время сделать еще один шаг к своей цели.

Я уже сделала большой шаг, полностью изменив свой гардероб. Разве этого недостаточно на сегодня?

Судя по его лицу и тому, как он кусает нижнюю губу, думаю, я могу сделать еще один большой шаг.

— Ладно, передай мне меню с напитками.

— Правда? — удивляется Картер, словно он действительно не думал, что я буду пить.

— Да, правда. Давай сюда.

Смирившись, он открывает меню и толкает его в мою сторону.

---

⁵⁷ англ. Buzz Lightyear — вымышленный персонаж и один из главных героев франшизы «История игрушек»

⁵⁸ в английском эти слова все рифмуются с beer - deer, queer, schmeer, year, tear, veer, adhere, switching gears, bronx cheer

⁵⁹ high переводится как высота, и как состояние наркотического или алкогольного опьянения

— Возможно, тебе будет интересно это, — он указывает на список коктейлей прямо над видами пива.

Их так много, и они дорогие. По крайней мере, для выпивки. Мне не с чем сравнить. Взглянув на Картера, я шепчу:

— Десять долларов за выпивку? Это нормально?

Со зловещей улыбкой, он кивает головой.

— Да, Снежинка, это нормально.

— Боже, лучше бы это был хороший напиток, — смотря в меню, я не могу решить. — «Московский мул»⁶⁰ — это кажется интересным. Я никогда раньше не видела медных кружек.

— Тебе это не понравится, — грубо говорит он.

— Откуда тебе знать? Возможно, это мой любимый напиток.

— Это не так, — говорит он с уверенностью, скрещивая руки на груди.

— С чего ты так решил? Ты не знаешь мои предпочтения.

— Снежинка, я видел, как ты давилась кофе после встречи в «Дорогой жизни». Если ты не справились с кофе, то не сможешь осилить этот коктейль.

— Хорошо, — признаюсь я. — К твоему сведению, этот кофе на вкус как грязь.

— Я не собираюсь с тобой спорить об этом.

— Как насчет «Во Все Тяжкие»⁶¹. Кажется восхитительным.

Улыбаясь, он берет у меня меню и кладет рядом с солонкой и перчаткой.

— Уже лучше.

Да! Почему эта улыбка заставляет меня чувствовать себя иначе?

Мы заказываем домашний куриный пирог, который так популярен, и ждем, пока официант принесет наши напитки.

— Это начало, моя первая выпивка. Кто знает, может быть, завтра это будут шоты.

Он морщится.

— Ты этого не сделаешь.

— Но могу, — я считаю. — У меня нет работы. Возможно, это будет днем, от нечего делать.

— Если ты используешь «от нечего делать», я уверен, что это не произойдет.

— Ну, теперь я должна доказать, что ты не прав.

— Валяй, — он бросает мне вызов. — И обязательно позвони мне после первого шота, я уверен, что услышу сожаления.

Не хочу признаваться, но он, вероятно, прав. Одна только мысль об этом вызывает во мне дрожь.

— Ладно, этого не будет. Но я б могла, если бы захотела.

— Могла бы, — он останавливается и спрашивает: — Ты хочешь работать?

Когда я жила с бабушкой, я никогда не думала об этом, потому что моей работой была забота о ней. Теперь же я не знаю, чем хочу заниматься.

Я отвечаю:

— Я хочу работать. Но не знаю, что именно хочу. У меня есть деньги моего отца, на которые я могу жить, пока решаю, чем именно заняться.

— Давай подумаем, — наклонившись вперед и прижавшись руками к столу, он спрашивает: — Что тебе интересно?

— Ох, я люблю рукоделие, заставлять людей улыбаться и смотреть мюзиклы.

— Ладно, это не совсем то, — он отодвигается. — А как насчет выпечки? Что-нибудь в этом направлении.

— О, это просто мечта. Это была бы прекрасная работа.

— Пиво и «Во Все Тяжкие» для дамы, — говорит официант, поставив наши напитки.

---

⁶⁰ коктейль на основе водки, имбирного эля и лайма, который подают в медной кружке

⁶¹ коктейль, в составе которого водка, голубой Кюрасао, сок лайма

Я смотрю на красочную смесь с апельсиновой цедрой и начинаю нервничать. Один глоток сделает меня пьяной? Как это действительно работает?

— Готова?

— Думаю да. Моя первая выпивка, — я вытаскиваю свой телефон из сумочки и передаю его Картеру. — Сфотографируешь меня со своим первым напитком?

— Почему меня не удивляет эта просьба? — спрашивает он с сарказмом.

Я держу свой напиток обеими руками и улыбаюсь. Картер смотрит на меня мгновение, прежде чем взять телефон и сделать снимок. У него такой напряженный взгляд.

Покачивая головой, будто он пытается что-то забыть, он поднимает свое пиво и говорит:

— Ура, Снежинка. Вот и твоя первая выпивка.

— Ура!

Мы чокаемся стаканами и с глубоким вздохом, я делаю свой первый глоток, пока жидкость проходит через горло в желудок, и, открыв глаза, ожидаю почувствовать себя по-другому, но ничего не происходит.

— Ну, это разочарование.

— Что? — спрашивает Картер, крепко держа пиво. Почему я считаю это привлекательным?

— Я думала, что после моего первого глотка произойдет что-то невероятное.

Его бровь снова поднимается.

— Ты думала, что, сделав глоток, превратишься во что-то? Например, когда Питера Паркера укусил паук, и он мгновенно стал Человеком-пауком?

— Нет.

— Ты думала, появится группа мариачи⁶² и начнет играть песню для тебя?

— Нет, — я хихикаю, желая, чтобы это произошло.

— А чего ты ожидала?

— Не знаю, — я пожимаю плечами. — Немного молнии было бы круто. Или, может быть, мог появиться танцующий лепреккон⁶³ и дать бы мне «пять».

— Ах, да, лепрекконы сейчас кругом. Недовольны профсоюзной зарплатой, — шутит он.

— Ну, это все объясняет.

До конца вечера, мы говорим о том, что лучше всего я умею печь, то, что он любит готовить и какие еще напитки я должна попробовать. Потому что мне, судя по всему, нравятся фруктовые. Я поняла это только после одного напитка. Когда пришло время оплатить счет, Картер кладет свою карту в папку, прежде чем я смогу взглянуть на чек. Видимо, это значит, что он угощает, так как это моя первая выпивка.

Прежде чем уйти, я выпиваю два стакана воды, чтобы избежать похмелья. Картер уверяет меня, чтобы было похмелье, нужно выпить намного больше, поэтому мне не надо беспокоиться, но я все равно выпила немного воды на всякий случай.

Мы выходим в холодный ночной воздух. Темное небо освещается огнями города.

— Где твоя машина?

— О, у меня ее нет. Я приехала на такси. Мне нужно позвонить, чтобы они приехали.

Я начинаю набирать номер телефона, который использовала, чтобы добраться сюда, когда Картер кладет руку на мой телефон, его пальцы скользят по моей коже.

— В этом нет необходимости. Я отвезу тебя домой.

— О, тебе не обязательно это делать. Я не против взять такси.

— Ты не поедешь на такси, — сурово говорит Картер.

Прежде чем я могу возразить, он берет меня за руку и ведет по улице.

---

⁶² исп. Mariachi — жанр мексиканской народной музыки

⁶³ ирл. leipreachán, англ. leprechaun — персонаж ирландского фольклора, волшебник, исполняющий желания

Мое сердце замирает. Мои мысли путаются. Картер держит меня за руку. Картер, один из самых красивых мужчин, которых я когда-либо видела, держит меня за руку и ведет меня по улице.

Моя внутренняя Дейзи визжит в восторге, наслаждаясь моментом, в то время как внешняя Дейзи пытается вести себя круто.

Но... эй, я держу парня за руку.

Картер

С уверенностью могу сказать, что я полностью потерян.

Предупреждающие колокола в голове говорят мне опустить руку, отойти и бежать прочь, но вместо этого я держу за руку Дейзи.

Я бы солгал, если бы не сказал, что это был самый приятный обед, который когда-либо я проводил с кем-либо. Дело не только в том, что светлая и солнечная личность Дейзи заразна, но и в том, что я смог поговорить с кем-то о моей страсти, и она не только была рада слушать, но действительно заинтересована. В моей страсти. Мы обсуждали разные варианты вкусов, и как десерт будет сочетаться с блюдом. Это было... весело.

Да, черт возьми, я сказал это. Это было весело.

Веселье было последним, о чем я думал, после того как Дейзи зашла в ресторан, выглядя как сексуальная блондинка. Я всегда думал, что Дейзи привлекательная, вроде соседской девушки, и невозможно не увидеть ее врожденную красоту. Но с новой одеждой, которая идеально ей подходит, я хотел отвезти ее домой, и одеть в те мешковатые водолазки и комбинезоны, которые она носила.

Она была более чем великолепна. Она выглядела сексуально.

И я не собирался позволять сексуальной, наивной Дейзи ехать домой на такси. Нет, ни за что.

— Тебе действительно не нужно это делать, — говорит она, следуя за мной.

— Мне не сложно, — я добираюсь до своего мотоцикла, и слышу, как она вздыхает.

— Что-то не так?

Ее глаза расширяются, когда она замечает мой байк.

— Ты собираешься везти меня домой на этом?

Взяв шлем и взглянув на нее, я киваю.

— У тебя проблемы с этим?

Она быстро качает головой, как будто не хочет оскорблять меня. Подавшись вперед, она шепчет:

— А они не опасны?

Подвинувшись к ней, и вдыхая цветочный аромат, я шепчу:

— Я более опасен, чем этот мотоцикл, и у тебя, похоже, нет с этим проблем. А теперь, запрыгивай.

— Н-но, у меня нет шлема, — задыхается она.

Я подхожу близко, что ей приходится наклонить голову назад, чтобы посмотреть на меня.

Потому что я должен прикоснуться к ней — потому что против моей воли, я чувствую к ней притяжение. Я поднимаюсь и аккуратно заправляю ее шелковистые светлые волосы за ухо, мои пальцы касаются ее щеки.

Ее глаза расширяются, ее рот открывается, а щеки заливаются румянцем. Черт, она великолепная.

— Ты наденешь мой, — говорю хриплым голосом из-за того, как она влияет на меня.

— А как же ты?

Я закрепляю ремень на ее подбородке и опускаю козырек, и вижу свое отражение в шлеме.

— А я поеду без него.

Не теряя времени, я сажусь на байк, щелкнув подножку. Я держусь за ручки, когда ветер развеивает полы куртки. Я киваю в сторону сиденья.

— Прыгай, Снежинка. Становится чертовски холодно.

Нерешительно она осторожно приближается к байку, почти похожая на куклу в шлеме.

— Я не знаю...

Заведя байк, поставив его вертикально, я поднимаю козырек, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Скажи мне, разве не ты хочешь измениться и попробовать что-то новое?

— Да, но...

— Никаких «но». Это опыт. Наслаждайся этим, — я снова жестом указываю на сидение: — Запрыгивай. Не заставляй меня снова это говорить.

Кусая нижнюю губу, она осторожно садится на сиденье и обхватывает меня руками. Ее ноги прижимаются к моим бедрам, и мне кажется, что к моей спине прицепилась обезьянка. Черт, если это не самое удивительное чувство.

Крича в шлеме, она говорит:

— Для записи, я всегда думала, что мои пироги с арахисовым маслом лучше, чем у бабушки. Пусть это будет известно миру.

Я завожу двигатель и выезжаю на дорогу.

— Принято.

Джейс

— Еще один шот.

Холлин качается, неся контейнер Tupperware⁶⁴ с «Джеком Дэниелсом». У меня нет стаканов, поэтому мы воспользовались небольшими контейнерами Tupperware. Классно, я знаю.

— «Еще один шот» был три шота назад, — говорю я, чувствуя головокружение.

— Да, но закончить на пяти кажется преступлением. Ты не можешь заканчивать по нечетному числу, тогда в твоей жизни не будет удачи.

— Это не так.

— Именно так, — она улыбается мне, покачивая контейнер.

Когда Холлин позвонила, она говорила измученным голосом, словно она уже «дошла до ручки». Я решил, что пригласить ее было правильной идеей, потому что несчастье любит компанию. И я хотел увидеть ее. Нет, мне было необходимо это. Она поймет, она выслушает, она скажет то, что я хочу услышать, — что жизнь дерьмо.

— Нет, — я отказываюсь от шота. Еще один плохая, очень плохая идея.

— Хорошо, тебе не повезет.

Она ставит шот на журнальный столик и плюхается на диван рядом со мной.

— Невезение? Да ладно, Холлин, уверен, что хуже уже не будет. Я на самом дне.

— Неправда, — она качает головой. — Ты можешь разбить себе лицо и больше не играть в бейсбол.

— Сломать лицо? Так ты это называешь? Не мою ногу или руку, а лицо.

— Это будет выглядеть более драматично. Ты не сможешь оправиться после такого.

— Они легко восстанавливаются, — говорю, поворачиваясь к ней и забросив руку на спинку дивана.

— Да? — она поворачивается, подгибая ноги под себя. Боже, она выглядит так прекрасно с ее струящимися волосами. — С тобой подобное уже происходило?

— Нет.

— Ха, странно.

---

⁶⁴ посуда Tupperware — всемирно известный бренд посуды, которая сочетает в себе высокое качество, экологичность, эргономику, современные и инновационные дизайнерские идеи

— Почему это?

Осматривая меня, с улыбкой она говорит:

— Разумеется, такое случалось хотя бы раз.

Это обжигает.

Она смеется, когда я отвечаю:

— Должно быть, ты считаешь себя забавной.

— Знаю, я такая.

— На самом деле — нет, — возражаю я.

— Ты так говоришь, потому что я задела твое эго.

Я чувствую аромат ее духов, когда она наклоняется вперед и хлопает меня по груди, задержав руку на мгновение.

— Не волнуйся, у тебя красивое лицо.

— Красивое? Не думаю, что меня когда-либо так называли. Великолепный, горячий, сексуальный, но никогда красивый.

Она закатывает глаза и опирается головой на мою руку, которая покоится на спинке дивана.

— Вот почему я должна сказать тебе, что похоже на то, что твое лицо разбито, поэтому, слишком не зазнавайся.

— Поверь мне, я не такой. Мне не нужны твои оскорбления, чтобы вернуть на землю. С моим чувством вины я нахожусь намного ниже.

Она останавливается, прежде чем ответить:

— Ты собираешься, наконец, поговорить? Или мы будем танцевать вокруг слона в комнате⁶⁵?

— Я не знаю. А ты собираешься рассказать мне, почему ты здесь?

Грустная улыбка пересекает ее красивые губы.

— Я покажу тебе свое, если ты покажешь мне свое.

— Речь об истории или сиськах? Потому что если второй вариант — то у меня нет с этим проблем.

Дыхание замедляется, прежде чем она толкает мою ногу носком.

— Ты... флиртуешь со мной?

Мы переходим на неизвестную территорию. Друзья не флиртуют и не хотят друг друга. Я хочу отступить, но пять шотов делают свое дело, и я спрашиваю:

— Ты хочешь, чтобы я флиртвал с тобой?

Я отвечаю вопросом, потому что мои действия кажутся слишком очевидными.

— Дай угадаю, ты не любишь, когда разбитые лица флиртуют с такими как ты?

Она хихикает, испуганный взгляд на ее лице исчезает, и вместо него появляется улыбка, которую я так хотел увидеть.

— Сломанные лица иногда нуждаются в любви.

— Да? — я шевелю бровями, и провожу рукой по лицу.

— Прекращай с этим, — ее голова все еще на моей руке, она продолжает: — Ты собираешься рассказать мне, что тебя тревожит? Или так и будешь отмалчиваться?

— Возможно, стоит поработать с панибратской манерой, — она пожимает плечами и ждет ответа.

Да, я знал, что это в итоге произойдет. Она планировала меня напоить, чтобы разговорить.

Шестой шот не был бы лишним сейчас.

С чего же начать? Как будто говорить о драме, в которой нужно платить за ребенка? Это та драма, которая может уничтожить человека, а не только меня. Это новость, которая уничтожит Джун и Алекс.

Б*, просто мысль об их взгляде убивает меня.

---

⁶⁵ английская идиома, которая выражает очевидную правду, которую игнорируют либо старательно пытаются не замечать

— Джейс, просто выпусти это.

Я киваю, пытаюсь найти правильные слова. Я провожу свободной рукой по лицу и вздыхаю, откинув голову, смотрю на потолок. Если смотреть на что-то неодушевленное, будет намного лучше, чем увидеть реакцию Холлин.

— Сегодня приходила Ребекка.

— Кто это?

— Биологическая мать Хоуп.

— Боже, — Холлин садится и подвигается ближе, озадаченно глядя на меня. — Чего она хотела?

— Ты не хочешь этого знать.

— Это не так. Ей нужны были деньги? Надеюсь, она ничего не получила.

— Ха, — если бы. — Я бы хотел, чтобы это были именно деньги.

— О нет... — она останавливается.

— Да, она хочет вернуть Хоуп.

— Что? Ты шутишь? Она может это сделать?

— Я понятия не имею. Сегодня я поговорил с Мэттом о встрече с адвокатом команды, чтобы обсудить всю юридическую чушь, которая касается удочерения.

— Как она обоснует желание вернуть Хоуп? Разве она не подписала соответствующие документы об отказе?

— Да, — я киваю, мою грудь сдавило, и мы уже начинаем трезветь из-за этого тяжелого разговора. Да, шестой шот был бы очень хорошей идеей. — Интересная вещь в законе, когда все решается в пользу матери.

— Я не понимаю. Она не может просто попросить ее вернуть. Она отдала ее.

Я качаю головой.

— Нет, я отдал ее.

В этом вся и проблема.

— Что ты имеешь в виду?

Из-за гнева, беспокойства и чувства вины мой голос звучит неровно.

— Когда Ребекка пришла ко мне три месяца назад и попросила забрать ребенка, потому что она не могла справиться с этим. Я сделал это, поскольку Хоуп была моей ответственностью. Когда Ребекка подписывала документы, то думала, что у нее не будет никаких юридических обязательств передо мной. В то время она не знала, что я отдаю ребенка в приемную семью.

Значит, технически она не согласна с решением.

— Но она подписала документы.

— Под ложными предложениями, согласно ее словам.

Холлин говорит в тот момент, когда звонит мой телефон. Смотрю на нее извиняющимся взглядом, я вижу имя Джун на экране. Бл*дь.

Мгновенно мое тело напрягается, сердце колотится, и я чувствую желание сбросить.

С дрожащей рукой я принимаю звонок и отвечаю голосом похожим на писк.

— Привет, Джун.

— Джейс? — ее голос дрожит. Она знает. Бл*дь! — Это правда?

Успокаивая дыхание, я чувствую слабость в ногах.

— Что тебе сказали?

— Что мать Хоуп не знала об удочерении и планирует принять меры, чтобы вернуть ее.

Ага, ну, в общем-то, да. Дерьмо.

Ее рыдания разрывают меня на части.

— Она... она может это сделать, Джейс? Может ли она забрать ее? Я не могу потерять ее, Джейс. Это уничтожит меня, это уничтожит Алекс. Мы не сможем с этим справиться.

Я нахрен слетаю с катушек. Прямо здесь, с Холлин в моем доме и с Джун в телефоне. Я жалею, что Ребекка не знала о моих планах, жалею, что не проверила все до того, как я

забрал Хоуп, жалею, что так быстро обратился к юристам. Это все моя чертова ошибка. Почему я не был проинформирован об этом? Возможно, мне следовало бы лучше думать, прежде чем отдавать своего ребенка, и сообщить Ребекке об этом. Теперь я хочу, чтобы было именно так.

Я хожу по гостиной, дергая волосы.

— Я не уверен, Джун. Завтра я встречаюсь с адвокатами. Мы разберемся с этим. Обещаю.

— А если она сможет вернуть Хоуп? Если она действительно не наша?

— Этого не произойдет, — говорю я тихо. — Я не позволю этому случиться. Ты меня слышишь? Я буду бороться до самого конца, — чувствую подступающие слезы, мой голос напряжен. — Хоуп — твой ребенок, Джун, и будь я проклят, если что-то пойдет не так.

— Ладно, — слабо говорит она.

— Я обещаю тебе, Джун. Хоуп твоя дочь.

С болью в сердце мы прощаемся, и я даю ей обещание сообщить в ближайшее время новости.

Опустошенный я бросаю телефон на диван, прислоняюсь к стене и сползаю на пол. Я хватаюсь за голову, пока множество мыслей не дают мне нормально думать.

Я дал Джун и Алекс надежду, что их будущее будет состоять из трех человек. Как могла Ребекка думать о том, чтобы их разлучить? Это охренеть как эгоистично. Сначала она отказалась от ребенка, а теперь хочет лишить его дома? Какого черта?

Поддержка. Мне нужна Холлин. Я поднимаю голову, чтобы найти ее, но в этом нет необходимости, потому что через мгновение она уже обнимает меня, прижав свою голову к моей, говоря, что все будет хорошо.

Но что, если все будет не так? Это реальность, которую я даже не могу понять, потому что тогда я потеряю веру в человечество, в Бога и во все хорошее.

Потому что это поганный мир, если Джун и Алекс потеряют своего ребенка.

Мир, в котором я не хочу оставаться.

Холлин

Беспомощность.

Вот что я чувствую.

Абсолютная беспомощность. Я ничего не могу сделать или сказать, чтобы стереть этот мучительный взгляд на лице Джейса.

Она хочет вернуть ребенка? Какая женщина сделает это с другим человеком? Я мало что знаю о ситуации, или о Джун и Алекс, но знаю, что у них была маленькая девочка около месяца, и они связаны, у них любящая семья из трех человек. Разумеется, Ребекка не может просто прийти и отнять это.

Просто мысль об этом вызывает во мне желание найти эту женщину и ударить ее.

— Бл*дь. БЛ*ДЬ! — Джейс кричит, поднимаясь с пола.

Я хочу его успокоить, успокоить его сердце, но я не знаю, как это сделать. Сделать все лучше, но это кажется невозможным. Я хочу избавить его от боли...

Алкоголь.

Заметив полупустую бутылку «Джека Дэниелса» на журнальном столике, я иду неустойчивой походкой и хватаю ее.

— Пей, — говорю я. — Пей, чтобы забыть. Это не решит проблемы, но это единственное, что я могу придумать прямо сейчас.

— Холлин, — его голос пропитан болью, поэтому я сую бутылку ему в руку.

— Пей, Джейс.

Его взгляд перемещается от янтарной жидкости ко мне и медленно останавливается. Он берет бутылку и пьет. Я наблюдаю, как его горло дергается с каждым глотком.

Он морщится, словно от ожога и протягивает бутылку мне.

— Пей.

Без колебаний я подношу бутылку к губам и пью. Я делаю это не так как он, но достаточно, чтобы почувствовать, как жидкость обжигает горло.

Закончив, я все еще держу ее. В неловком молчании мы смотрим друг на друга, воздух пропитан злостью, болью и чем-то еще, чего я не могу понять.

Алкоголь действует, с учетом того, что я выпила ранее. Видя опустошение в его глазах, я сокращаю расстояние между нами.

Шаг за шагом, я пытаюсь понять, что делаю. Я злюсь из-за желания успокоить его, но это меня не останавливает. С бутылкой «Джека Дэниелса», я прижимаю ладонь к груди, поднимаясь перед ним. Я чувствую, как бьется его сердце, в его глазах тот же сломленный взгляд, что и в моих.

— Холлин, — говорит он со вздохом.

Сделав еще глоток, я протягиваю ему. Он изображает мои действия, а затем бросает бутылку на пол, создавая шум — единственный звук в квартале.

Мои руки предают меня, когда они поднимаются и касаются его сильной челюсти. Светлый шрам на лице чувствуется грубо под моим прикосновением. Его голубые глаза, измучены, но не лишены красоты. Он высокий, но не пугающий. Он хватает меня за бедра, сжимая, будто держась за жизнь.

— Все будет хорошо, — говорю я, хотя и не уверена в этом.

— Я все испортил, — одинокая слеза скатывается по его щеке. — Я не могу это сделать. Это слишком тяжело, Холлин.

— Ты сможешь, — говорю я, наклоняясь и сжимая его лицо, вынуждая посмотреть на меня. — Ты сильный, Джейс.

Он качает головой.

— Не настолько.

— Для меня ты сильный, — мои пальцы ласкают его кожу, я приподнимаюсь, разрушая стены и поднимая напряжение до самого высокого уровня.

Взглянув на мои губы, он наклоняется вперед.

Наши носы соприкасаются, наши лбы прижаты друг к другу, и наши руки держатся друг за друга, как за спасательный круг.

Вопросы крутятся в моей голове, я делаю глубокий вдох и подвигаюсь ближе. Его руки глядят мою спину, поднимаясь к шее к волосам, играя с прядями.

— Черт, Холлин. Неужели это кошмарное чувство закончится? Я снова почувствую себя нормально?

— Я понятия не имею, — подвигаясь еще ближе, я говорю: — Я хочу верить, что станет лучше. Мне нужно, чтобы так было, — я останавливаюсь и шепчу: — Сделай это, Джейс.

Он осторожно прижимается губами к моим, нежно целуя меня. Он шепчет мое имя. Смешанные со страстью, болью, чувством вины и гневом, наши губы сливаются в безумии, в поисках избавления от неизвестности.

Я прижимаюсь, во мне множество эмоций, когда наши языки сплетаются и из меня вырывается стон.

И когда мне кажется, что станет лучше, происходит все наоборот. Я испытываю чувство вины, вспоминая образ Эрика, пока Джейс целует меня.

Что я наделала?

Вырвавшись от него, я хватаюсь за лоб в полном шоке. Я просто поцеловала Джейса Барнса. Я поцеловал другого мужчину, который не является моим мужем.

И на мгновение, мне это понравилось.

Какой женщиной меня это делает?

Обманщицей, вот какой женщиной. Обманщицей.

Дейзи

— Спасибо, ба, но мне действительно нужно идти.

— Ты отмахиваешься от меня по телефону?

— Нет, я бы никогда так не сделала, — да, да, все так. Я заканчиваю телефонный разговор, потому что встреча в «Дорогой Жизни» уже началась. Когда она позвонила, я нервничала, думая, что что-то случилось, поэтому ответила, прежде чем зайти в церковный зал. О чем она хотела поговорить? О моем выборе обуви, в которой я сегодня пришла. Видимо, ей не особо приглянулись мои новые ботильоны. Она сказала, что они непрактичны для зимы, и она не хочет, чтобы я сломала лодыжку.

Сказать, что она была немного потрясена моей внешностью сегодня является преуменьшением. Она чуть не упала с постели. Это была реакция, которую я ожидала, так как она знала, что я ношу мешковатую одежду. Современная Дейзи была для нее неожиданностью.

Поначалу я нервничала и почти не ходила к ней. Но я сказала себе, что это новая «я», и ей придется принять это. Так и вышло, за исключением обуви, видимо. Сначала она была немного растеряна, но я рассказала ей о своем дне с девушками, и это состояние превратилось в радость — за меня и мое новое приключение.

— Теперь ты скажешь мне, где взяла этот пояс? Я хотела бы такой себе.

— Зачем? Ты носишь эластичные штаны, — я хихикаю.

— Ты никогда не знаешь, когда он тебе пригодится. Ты знаешь, что они используются не только для одежды.

О чем она говорит... О, боже.

— Бабушка, это из той серии книг, которые ты читаешь?

— Кристиан любит разные штучки для удерживания.

— А еще он вымышленный персонаж. Ты ведешь себя так, как будто он может выпрыгнуть из книги.

— Даже не дразни, — она вздыхает. — Это не про книги, а скорее о фильме. Что, если я однажды наткнусь на актера, и буду без него? Это так смущает.

— Ах да, я верю, что голливудские актеры бывают в таких местах как это, чтобы связывать пожилых людей.

— Ох, ты — маленькая языкастая девчонка, этот мир испортил тебя.

— Меня? — я смеюсь. — Ты боишься, что ты умрешь, прежде чем все твои эротические фильмы выйдут.

— Это была бы такая несвоевременная и несправедливая смерть.

Посмеиваясь, я качаю головой.

— Я не могу сейчас заниматься кинематографическими комплексами. Моя встреча началась, мне нужно идти.

— Хорошо. Но следи, где ты ходишь в этих ботинках. Гололед — это убийца бедер в это время года.

Я не могу не упомянуть, что я не семидесятилетняя женщина, поэтому мне не потребуется замена тазобедренного сустава. Это постоянные споры с бабушкой.

— Я поняла.

— О, и передай привет Картеру от меня. Ооо, ла, ла.

— Не говори этого, — румянец покрывает мои щеки.

— Ой, брось, он меня не слышит.

— Да, но я слышу, и становлюсь ярко-красной. Мне нужно идти. Люблю тебя.

— Люблю тебя, дорогая, — она хихикает, прежде чем я заканчиваю разговор. Я бросаю телефон в сумочку и прижимаю руки к щекам, пытаюсь успокоиться.

Я чувствую тепло от простого упоминания Картера. И не из-за того, насколько он привлекательный, а от того, как он относился ко мне прошлой ночью. Мне казалось, что я особенная, как будто я что-то значу для него.

Когда мы приехали домой, он сидел на своем байке, поддерживая его своими сильными ногами, когда я благодарила его. Это было зрелище, которое я никогда не забуду: его черные волосы сверкали под лунным светом, его кожаная куртка слегка развевалась из-за ветра, пока он пристально наблюдал за мной, когда я снимала шлем.

Мы пожелали друг другу спокойной ночи, я его поблагодарила, и на мгновение представила, как он притягивает меня к себе и проводит рукой по моим волосам перед тем, как поцеловать меня. К сожалению, вместо этого он кивнул мне, надел шлем и уехал, оставив меня с желанием большего. Хочет ли он того же?

Я не уверена.

Я понятия не имею, как читать мужчин, и поскольку Картер как закрытая книга, его еще труднее понять. Обычно он дерзкий, но я получаю небольшие проблески счастья, и это те моменты, которые я хочу запомнить навсегда. Они мне нравятся, и я думаю о них перед сном.

Постепенно я чувствую, как меняюсь, не только из-за одежды, но и становлюсь храбрее каждый день. Еще месяц назад я бы не решилась попросить парня о встрече. Я бы спряталась на бабушкином диване и всю ночь смотрела мюзиклы. Но новая «я» становится уверенной.

И самая лучшая часть? Мне очень нравится новая Дейзи.

Как только началась встреча, я захожу в зал и вижу мою группу — Картера и Холлин, разговаривающих с Джейсом через iPad. Раньше я не видела Холлин такой взволнованной. Надеюсь, с ней все в порядке.

Место рядом с Картером свободно, поэтому я сажусь к нему. Я улыбаюсь, когда наши взгляды встречаются. Он коротко кивает. Этот жест беспокоит бы меня, но когда я вижу, как он смотрит на меня краем глаза, мое напряжение спадает.

— Надеюсь, вы взяли ваши «доски мечты», — говорит Марлен. — Они должны показать, чего вы хотите в будущем, чего достичь и чего желаете от жизни. О, я прекрасно провела время за этим занятием. Это была моя любимая часть с начала программы.

— Внутри группы я хочу, чтобы вы говорили, действительно обсуждали свои цели, и о том, как вы себя чувствовали последние несколько недель. Вы чувствуете изменения? Вы все еще скорбите? Вы все еще пытаетесь отпустить? Это ваша группа поддержки, люди, которые с вами, поэтому будьте открыты и честны со всеми. Что касается нашей следующей встречи, ваша задача будет сложнее. Вы должны узнать что-то новое. Вместе или поодиночке, это зависит от вас. Все, о чем я прошу — новый опыт, о котором вы бы могли поговорить, — она садится за стол и прижимает руки друг к другу. — Как обычно, напишите ваши письма, прежде чем уйти. Если у вас возникнут вопросы, я буду рядом.

Стулья двигаются по полу, образуя группы, и тихие разговоры наполняют зал.

Как обычно, группа тихая, поэтому Джейс начинает.

— Эй, ребята, как вы знаете, я сейчас в Аризоне на весенней тренировке, но у меня недавно появились довольно дерьмовые новости, с которыми я разбираюсь. Объявилась Ребекка, родная мама Хоуп.

— Боже, правда? — спрашиваю я, садясь на стул, желая, чтобы мне не пришлось разговаривать с электронным устройством.

— Да, — проведя рукой по лицу, он смотрит на Холлин, которая пялится на папку, которую она принесла с собой. — По-видимому, Ребекка не знала об удочерении, когда она подписывала документы, отказываясь от своих родительских прав. Она верила, что я буду заботиться о Хоуп. Теперь она хочет вернуть ее.

— Что? — я задыхаюсь, мое сердце болит за Джейса и приемных родителей Хоуп.

— Она, на хрен, не может этого сделать, — говорит Картер.

Он двигается, сев немного повыше. Я вижу разочарование на его лице.

— Я встречался с моими адвокатами, — вздыхает Джейс. — Они думают, что такой вариант возможен.

— Что? — наконец-то подключается к разговору Холлин, отрывая взгляд от папки, смущаясь.

— Да, сейчас это гребаный кошмар. Джун и Алекс вне себя, — Джейс делает паузу, пытаюсь собраться. — Я не смогу пройти через это, если Хоуп заберут у Джун и Алекс, — он гневно продолжает: — Была причина, по которой я отдал Хоуп. Я пытался сделать все правильно, дав ей дом с любящими родителями, в которых она нуждается. Какого хрена меня наказывают за это?

— Это не так, — говорю я, с желанием протянуть руку и поддержать его. — Ты же можешь поговорить с Ребеккой?

Он качает головой.

— Я пытался, но теперь я не могу с ней разговаривать без адвоката, — взявшись за голову, он говорит: — Я не ищу решений, я просто хочу, чтобы вы знали, где я, — он прочищает горло, а затем показывает лист бумаги с несколькими словами на ней. — Я не знал, что такое «доска мечты», поэтому я придумал несколько целей для себя, — поворачивает бумагу, чтобы прочитать ее. — Это будет быстро, потому что мне нужно идти. Хорошо, я хочу мирно все решить. И однажды я хочу быть отцом для Хоуп, который ее заслуживает, сильным и надежным, — он пожимает плечами. — Это все, о чем я могу думать сейчас, — он выглядит растерянным и усталым, хуже, чем в первый раз, когда я встретила его. — Прошу прощения за то, что я ухожу раньше, но у меня есть кое-что, о чем нужно позаботиться, — еще раз смотрит на Холлин, взгляд которой направлен в другую сторону, — со вздохом он говорит: — Вы знаете, как со мной связаться. Поговорим позже, ребята.

Разговор заканчивается, и экран гаснет.

Чувствуя себя немного неудобно, я спрашиваю:

— Кто следующий?

— Мне нужно выбраться отсюда, — говорит Холлин, когда пишет что-то на бумаге.

— О, ты собираешься поделиться с нами? — спрашиваю, интересуясь происходящим.

Холлин продолжает быстро писать. Я замечаю, что это ее письмо к «Жизни». Она действительно пытается уйти отсюда.

— Я в порядке, — она продолжает писать, и я понятия не имею, что сказать.

Наша группа разваливается. Так вот такая дружба? Непредсказуемая и иногда неустойчивая? Это заставляет задуматься. Все остальные группы похожи на нашу? Или у нас более тяжелые обстоятельства?

Оглянувшись, я смотрю на другие группы. Разные «доски мечты» разделены от простых до более креативных. Большинство, кажется, по-настоящему заинтересованы в обсуждении.

И есть моя группа. Холлин собирается, передо мной стоит iPad, а рядом Картер, чья «доска мечты» — салфетка под коктейль. Как я застряла с группой неудачников?

— Ладно, я ухожу, — Холлин начинает вставать, но я останавливаю ее.

— Как на счет моей мечты? Я очень много работала над этим и была бы рада поделиться со всеми.

— Я уверена, что это мило, Дейзи, но...

— Уходи, и я скажу Марлен, что ты несерьезно относишься к этой программе. Дейзи старалась и хочет поделиться, так что посади свою задницу на место, — говорит Картер с серьезным лицом, оглядываясь на Холлин, он говорит: — Давай, Дейзи, покажи нам свою мечту.

Не уверена, что в таких случаях делают, я говорю:

— Все в порядке, если она хочет уйти.

— Нет, — Картер смотрит на меня. — Это не нормально, и тебе не должно быть хорошо, когда она уходит. Нужно постоять за себя.

Мне становится неудобно. Я не хочу заставлять. Я только пытаюсь подружиться, но из-за Картера становлюсь смелее.

— Я буду признательна, если ты останешься ненадолго.

Я стараюсь не вздрагивать, глядя на Холлин. Я действительно не хочу ее разозлить, учитывая какой она была милой со мной. И она лучшая подруга Аманды.

Холлин смотрит сначала на Картера, а потом на меня.

— Мне бы очень хотелось увидеть твою мечту, Дейзи. Прошу прощения за грубость, но у меня была действительно ужасная неделя.

— Ты хочешь поговорить об этом?

Она качает головой:

— Не очень.

Я не хочу давить на нее, поэтому беру доску, завернутую в пластиковые пакеты, и держу перед собой. Я использовала все, что нашла в ящиках стола: ткани, вырезки из журналов, бахрому и многое другое.

— Это фантастика, — говорит Картер, наклоняясь вперед, чтобы лучше рассмотреть.

О, боже, в моем животе появляются бабочки, когда он такой милый.

— Спасибо. Это много значило для меня за последние недели. И все это было легко представить визуально. Все сводится к тому, что я хочу жить. Я застряла в маленьком пузыре и никогда не делала ничего для себя, живя ради бабушки. Но теперь, когда о ней заботятся, пришла моя очередь. Я хочу поставить себя на первое место и просто жить.

На доске кисточки и безделушки, фотографии тех мест, которые я хотела бы посетить, и то, чем бы я хотела заняться.

— Что за резиновый шпатель? — спрашивает Картер.

— Однажды я хочу работать в пекарне. У меня есть время и деньги, чтобы пока исследовать мир. И со временем я хочу работать в пекарне.

Картер кивает и продолжает изучать доску.

— Ты действительно постаралась, Снежинка.

— Мне нравится необычное, — я пожимаю плечами.

— Разве она не проделала хорошую работу, Холлин? — спрашивает Картер у Холлин, которая явно хочет уйти.

— Фантастика. Похоже, ты хочешь многого.

Она просто ведет себя мило?

Странный комментарий. Как на это ответить? Спасибо? Для тебя слишком? Может, тебе стоит уйти, потому что твое поведение как у Дебби Даунер⁶⁶, не действует на меня?

— Она сможет это сделать, — говорит Картер с нежностью во взгляде, рассеивая все то неудобство, которое происходит.

Как ему удастся заставить меня почувствовать себя такой?

И почему его слова придают мне уверенности?

***

Дорогая Жизнь,

Я никогда не чувствовала себя настолько паршиво и отвратительно.

Я поцеловала другого мужчину. Я знала, что это неправильно. В тот момент, когда Джейс смотрел на меня, я увидела ту же боль, что и у меня, и знала, что была слишком близко. Я знала, что слишком привязалась, и, тем не менее, я пошла дальше и прижалась к нему. Я позволила ему прикоснуться ко мне, обнять меня, поцеловать меня.

Я — обманщица. Большие мне нечего сказать.

Искренне твоя, Холлин.

***

---

⁶⁶ англ. Debbie Downer — персонаж американского юмористического шоу «Субботним вечером в прямом эфире» («Saturday Night Live»), наводящая на всех тоску своими бесконечными замечаниями

Дорогая Жизнь,

Новая одежда, новый опыт, новые друзья. Кажется, что это часть меня, и все же я чувствую себя неловко.

Разве не очевидно, почему? У меня ОГРОМНОЕ увлечение Картером. Я чувствую себя такой смущенной, просто думая об этом. Как незаметная девушка, которой нравится плохой парень на байке. Я не могу перестать думать о нем. Перед тем, как лечь спать, когда я просыпаюсь, даже на этих встречах. Я так рада его видеть. И хуже всего — он не чувствует то же самое ко мне.

Сегодня вечером, например, он держался отстраненно, едва смотрел на меня, пока не стал отчитывать Холлин, защищая меня в том, что для меня это много значит. От него исходят смешанные сигналы, поэтому я не хочу делать что-то глупое, например, поцеловать его, если он хочет быть только моим другом. Или, возможно, он видит меня как какой-то жалкий проект?

И снова мне мешает мое прошлое. Я не знаю, как читать людей, как узнать, действительно ли я им интересна. И я не могу спросить Холлин.

Что действительно делает девушка в таком случае? Я нравлюсь ему? Это немного пугает. Возможно, мне нужно пока не думать об этом. Это кажется хорошей идеей.

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая Жизнь,

Черт, с чего бы начать? Я даже не могу понять чувства к той бомбе, которая была просто сброшена на меня Ребеккой. Я просто скажу это. Она чертова сука. Эгоистичная и изворотливая. Это все, о чем я могу думать, потому что, бл*дь, если я буду слишком много размышлять, то найду свою задницу на полу, в поисках утешения на дне бутылки. Я с трудом держусь.

И единственный человек, на которого я могу положиться, не говорит со мной. Мои телефонные звонки и сообщения остаются без ответа, что, бл*дь, причиняет боль. Я чувствую гнев, и чем дальше — тем хуже.

Это нужно исправить, немедленно, потому что я, нахрен, не буду мириться с тем, что Холлин не разговаривает со мной. Мне плевать, что наш поцелуй напугал ее. Она мне нужна, и прямо сейчас я ей тоже нужен.

Джейс.

***

Дорогая Жизнь,

Иди ты на хер.

Картер.

Шаг 5: Научиться чему-то новому

Холли

«Я хочу соус отдельно, но только если в нем есть лук. Если его там нет, то можно добавить в пасту, но только с сыром пармезан. Оставьте гарнир, если соус не идет отдельно. Если нет, то без гарнира. И я хочу, чтобы мой чесночный хлеб был хрустящим, но не подгоревшим, в противном случае он мне не нужен. Понятно?».

Терпение. Что такое терпение? Оно закончилось на моменте я «хочу» соус отдельно. Что за хрень. Я научилась профессиональным словам при заказе, работая в этой сфере. Я хочу и мне нужно? Да, ты можешь пойти на хер. «Я бы хотел» и «пожалуйста» — именно это будет держать мой палец подальше от вашей пищи.

Сегодняшний вечер был пыткой. Невежливый посетитель один за другим. Требование от добавления лимона в воду до увеличения количества салфеток. Подсказка: перестаньте есть спагетти, как свиньи, и вам не придется вытирать лицо каждые две секунды.

Худшая просьба ночи — из пяти соломинок сделать одну большую. Я не против, будь это просьба от ребенка. Но это был мужчина тридцати лет, в рубашке с эмблемой «Звездного пути» и клингонскими ушами. Напоследок он дал мне совет. Хотел ущипнуть меня за зад, не оставил чаевых, зато написал записку, в которой говорилось, как я должна «вести быт для своего мужа».

Да, вы правильно прочитали. Он так и сказал. Ну, даже если бы Эрик был еще жив, такого бы не произошло. Он сам мог все сделать по дому. Долбанный шовинист!

Да, вечерок был прекрасным.

— Сэл, у меня заказ, который я даже не понимаю. Удачи в расшифровке, — говорю я, имея в виду запись про «отдельный соус».

— Сделай проще — передай то, что ты записала.

Я быстро отдаю оставшуюся часть, отрываю из блокнота непонятный заказ и протягиваю ему. Взглянув на часы, вижу, что до конца моей смены остается пять минут. Сейчас я более чем счастлива, отдать свои столы кому-нибудь другому, чтобы не слушать советов.

— Карла, — одна из официанток всегда рада дополнительным сменам, потому что у нее двое детей. — Хочешь обслужить мои столики, чтобы я могла уйти?

— Правда?

— Да. Чаевые твои. Мне просто нужно убраться отсюда.

— Это было бы здорово. Спасибо.

Я быстро информирую ее обо всех заказах, снимаю фартук, и проверяю время, убедившись, что не уйду раньше положенного. Хочу, чтобы мне заплатили за полный час.

Я забираю сумку из своего разваливающегося шкафчика и выхожу через черный вход в сторону парковки. По пути к машине проверяю телефон и удивляюсь отсутствию сообщений.

Странно, хотя я получала кучу сообщений и звонков, которых оставались не отвеченными, от Джейса за последние несколько дней. Хотя и не могу винить его. Я не разговаривала с ним с тех пор, как сбежала из его квартиры после нашего поцелуя. Думаю, и так все понятно. Мне нечего ему сказать.

Это неправда. Есть много чего, но я не хочу озвучивать это вслух.

Копаясь в сумочке, я ищу ключи от своей машины. Я обнаружила свой кошелек, пачку Lifesavers⁶⁷ и несколько тампонов.

— Уф, где эти чертовы ключи? — ругаюсь я.

— Это ищешь? — от испуга я подрыгиваю, минимум на пять футов. Ну, мне так кажется.

---

⁶⁷ конфеты

— А! — я хватаюсь за сердце, тяжело дыша, когда поворачиваюсь и вижу Джейса, который стоит у моей машины и держит ключи. Нервничая, хватаюсь другой рукой за капот машины. — О чем, черт возьми, ты думаешь, пугая меня так? Я могла бы двинуть тебе сумкой.

Он тихо хихикает, и я вижу его лицо, когда он выходит на свет.

— Я бы этого не допустил.

— Я быстрая. Ты не смог бы заблокировать эту атаку.

Он смотрит на меня сверху вниз.

— Я бы все равно рискнул. Ответь, Холлин, почему твои ключи на земле рядом с твоей машиной?

Вспомнив, что у него мои ключи, я тянусь к ним, но он отодвигается в ожидании ответа.

— Блин, я не знаю. Видимо, я промахнулась, когда бросала их в сумку.

— Ага. Ты всегда оставляешь дверь открытой?

— Если кто-то захочет влезть в мою машину, это их проблема. Они не найдут ничего, кроме салфеток, нескольких пар солнечных очков за десять долларов, старой жвачки и компакт-диска «Glee»⁶⁸, который слишком часто прослушивается.

— Старая жевательная резинка весомый повод, чтобы угнать машину, — он кивает.

— Ладно, еще один вопрос. Почему ты сейчас разговариваешь со мной, но не отвечаешь на звонки и сообщения?

Ну ладно.

И что я скажу? Я не получила их? Это было бы откровенной ложью, так как он может видеть оповещения о том, что я их прочитала. Сказать, что я слишком робкая для ответа? Это, наверное, самая худшая ложь. Правду? Что я едва могу смотреть на него после поцелуя, потому что это напоминание, что я изменила своему мужу. Хотя я и чувствую себя виноватой, все, что я хочу сделать сейчас — это поцеловать его снова.

Что с психологом? Он должен был провести сегодняшний день с ним.

— Ну...

— Да ладно, — отвечаю, не в состоянии смотреть на него. — Я уверена, ты и так знаешь причину.

— Давай сделаем вид, что я понятия не имею, — возражает он. — Я хочу услышать это из твоих уст. Скажи мне, почему ты мне не отвечаешь?

— Джейс.

— Холлин, — он не отступает.

— Почему ты вообще здесь? Разве тебе не нужно быть в Аризоне?

— Да. Но мне удалось вырваться на ночь. Я улетаю завтра. Как уже говорил, мой график гибкий в моем нынешнем положении.

— Так почему ты здесь?

— Разве это не очевидно? — он делает еще один шаг ближе. — Я хочу знать, что происходит с тобой.

— Ничего не происходит, — я переступаю с ноги на ногу, избегая зрительного контакта с прекрасным американским парнем.

— Чушь, — говорит он и вздыхает.

Он подходит ближе, опираясь на мою машину. Его руки в карманах облегающих джинсов, и я замечаю, как его предплечья в мурашках под рубашкой с длинными рукавами. Разве он не в курсе, что в Колорадо еще зима? Где его куртка?

— Холлин, ты нужна мне, — признается он, выдергивая меня из мыслей и возвращая к нему.

— Что?

---

⁶⁸ телесериал с элементами мюзикла, драмы и комедии

— Ты нужна мне, Холлин. Ты единственная, с кем я могу говорить обо всем. Я нашел в тебе поддержку, и когда я больше всего в тебе нуждаюсь, ты закрываешься. Это нечестно. Я думал, что важен для тебя.

— Джейс, — я вздыхаю, мое сердце колотится. Он нуждается во мне. Когда в последний раз кто-то действительно нуждался во мне? Когда Эрик был жив. И так я возвращаюсь к тошнотворному чувству, которое никак не проходит. Поэтому я говорю правду: — Я чувствую себя виноватой рядом с тобой.

— Виноватой? — он приподнимает брови, смущенный моим ответом. — Почему?

— Потому что.

Ага, отличный ответ. Я просто мастер по части бесед.

— Не потрудишься объяснить?

— Нет, — я скрещиваю руки на груди и продолжаю смотреть вниз.

— Холлин, просто скажи это, — сурово говорит он. Указательным и средним пальцем он приподнимает мой подбородок, заставляя посмотреть на него. — Мы честны друг с другом. Скажи, что происходит.

Вздыхнув, я сажусь на капот моей машины, положив рядом сумку. Джейс подходит, вклиниваясь своим телом между моих ног, заполняя пространство. От этой близости, я глубоко вздыхаю, прежде чем ответить.

— Мы поцеловались.

— Да, я помню, — он ухмыляется, облегчая напряжение в плечах.

— Это плохо.

Его бровь с недоверием поднимается.

— Это было плохо? Прошу заметить, это было чертовски здорово. Настолько хорошо, что единственная причина, из-за которой я не пошел за тобой, так как решил, что тебе нужно пространство. В противном случае я, наверное, всю ночь бы трахал твой рот языком, — его голос низкий, соблазнительный и сексуальный, и я чувствую, как начинаю дрожать от его слов.

— Мило, — говорю неловко, заставляя его смеяться.

— Мило? Давай, Холлин, ты меня убиваешь. Дай парню потешить свое эго.

Я хихикаю от болезненного взгляда на его лице.

— Я не это имела в виду. Поцелуй был потрясающим, но это заставляет меня нервничать. Ты первый человек, которого я поцеловала с тех пор, как умер Эрик. Независимо от того, как я пытаюсь посмотреть на это, это похоже на обман.

От моего признания его взгляд смягчается. Он подходит ближе и приседает, чтобы наши глаза были на одном уровне, и опускает руки на мои бедра, согревая меня.

— Холлин, ты не обманываешь Эрика. Я могу понять это — целовать человека, когда твое сердце все еще с другим, но это не обман. Это дает возможность двигаться дальше. Отпустить, чтобы жить дальше.

— Но я к этому не готова, — я повышаю голос.

Когда Джейс проводит руками по моим бедрам и сжимает их, мне кажется странным, что я чувствую себя комфортно. Он должен быть для меня чужим, но я чувствую связь с ним.

— Ты никогда не будешь до конца готова, Холлин. Тебе просто нужно закрыть глаза и прыгнуть. Доверяй себе и окружающим тебя людям.

Чувствуя подступившие слезы, мое сердце разрывается от мысли отпустить Эрика. Как можно отпустить то, что едва началось? Как я могу отпустить то, что дало мне жизнь? Это была любовь или это был Эрик? Я оплакиваю потерю того, с кем провела так мало времени. Как и Джейс. Осознание реальности бьет по мне. Мы действительно переживаем одно и то же и, несмотря на его недавнюю неудачу, у него, видимо, намного больше сил, чем у меня. Могу ли я двигаться вперед? Он нуждается во мне, но я так мало ему отдаю. На самом деле все, что я сделала — это слушала. Слушала. Я говорила об Эрике — чаще в четырех стенах моей квартиры. Удастся ли нам двигаться вперед вместе? Он это

предлагает? Если я продолжу с ним дружить, будет ли это значить, что я неверна Эрику? Или это нормально — найти друга в период горя? Я бы солгала, сказав, что испытываю к нему только дружеские чувства. Да и какая женщина могла бы иначе? Я тоже полагалась на него, и в некотором смысле было бы эгоистично отрицать, какую силу он находит во мне. И я не та девушка. Могу я быть для него большим? Могу ли я...

— Ты прыгнешь? — спрашиваю его. — Если я прыгну, ты сделаешь то же самое?

Отступив, он встает и хватается за затылок, размышляя над моим вопросом. Взглянув на меня, он спрашивает

— Ты прыгнешь?

— Если только с тобой. Я не могу это сделать одна.

— Это невыгодная сделка, — улыбка проходит через его красивые черты. — Это будет нелегко.

— Я и не ожидаю этого, просто не заставляй меня делать это в одиночку, Джейс.

— А ты перестанешь избегать меня?

— Да, — застенчиво улыбаюсь я.

— И с этого момента мы честны друг с другом?

— Да.

— Не прятаться, не скрывать.

— Согласна.

— Хорошо, — он идет вперед и берет мою руку. Поставив меня на ноги, он подходит ближе, другой рукой схватив мое бедро. Вина все еще гложет меня, и мой живот переворачивается с каждым прикосновением Джейса. — Поскольку мы честны, я должен кое-что сказать. Как только я впервые увидел тебя, я знал, что мы связаны на более глубоком уровне.

— Как ты это узнал? — спрашиваю я, задыхаясь.

— Потому что, — поглаживая мою кожу. — Я увидел тот же взгляд в твоих глазах.

Наклонившись, он приближает свои губы к моим. Я замираю, у меня перехватывает дыхание, а мои колени подкашиваются. Я протягиваю руку, останавливая его.

— Я не могу.

Подняв голову, он спрашивает:

— Не можешь или не хочешь?

Черт, я хочу. Я хочу слишком сильно. Если бы я не испытывала настолько противоречивые чувства, то уже обняла Джейса. Я никогда не была девушкой, которая спала с любимым, кто проявляет интерес, но Джейс прав. С того момента, как мы встретились, появилась связь. Сочувствие. Кроме того, в нем есть все, о чем мечтает женщина. Сильный, страстный, заботливый, милый и сексуальный. Его короткие, темно-светлые волосы, глубокие голубые глаза и мощное спортивное тело притягивает как магнит.

Сглотнув, я киваю.

— Я хочу, Джейс. Очень хочу.

Он упирается в мой лоб, закрыв глаза.

— Я хочу раствориться в тебе, Холлин. В твоих прикосновениях, в твоем теле, в твоей душе. Я хочу забыться с тобой, и снова испытать радость, — он вздыхает и открывает глаза. — Но я могу подождать, пока ты будешь готова. Потому что ты стоишь этого ожидания.

— Ты едва знаешь меня.

Его большой палец касается моих губ.

— Ты права. Я едва знаю тебя, но то, что я знаю, мне нравится. Ты сильнее любой женщины, которую я знал. Ты верная, и в глубине души ты хочешь научиться жить снова. Ты так отчаянно хочешь перевернуть страницу для новой главы. Я вижу это в твоих глазах. Твои амбиции сексуальны, твое мужество опьяняет и, черт, твое сердце... оно так прекрасно, — подняв подбородок, он целует меня в лоб. — Я могу подождать, Холлин. Я хочу подождать.

Эти слова.

Это все что мне нужно.

И я прыгаю.

Дейзи

— Ты знала, что свитера надо складывать, а не вешать? — спрашиваю лежащую на моей кровати Аманду, которая подняла ноги и подпирает голову локтями.

— Где ты такое слышала? Свои я вешаю и все в порядке.

— Щелк, щелк, — я в шутку щелкаю пальцем. — Стейси Лондон⁶⁹ говорила, что так они растягиваются. Лучше сложить их на полках или в ящиках.

Склонив голову набок, Аманда спрашивает:

— Так, когда ты начала слушать Стейси Лондон?

— Кабельное меня заинтересовало, — говорю с улыбкой. — Я многому научилась при просмотре.

— Боюсь спрашивать, чему еще ты научилась.

Я отмахиваюсь от нее.

— О, ничего особенного. Не надо опошлять, — складывая еще один свитер, я спрашиваю: — Ты знала, что там есть каналы про тренировки? Люди в спандексе на пляже, поднимающие тяжести. Это довольно увлекательно. Я иногда присоединяюсь к ним, используя банки с супом.

Поднявшись, Аманда спрашивает:

— Итак, пока Мэтт и я на работе, ты вместе с людьми в спандексе на пляже, в нашей гостиной, одетая в свои стеганные жилеты, поднимаешь банки с супом?

— Да? Это странно?

— Немного, — она смеется.

— Не волнуйся. Я больше не ношу стеганные жилеты.

— О, хорошо, потому что это было странно.

Бип-бип.

Покачивая головой, я проверяю телефон.

Картер: Я у твоего дома. Тащи свой зад сюда и оденься потеплее.

— Чего? — я спрашиваю вслух и быстро иду к окну и отодвигаю жалюзи, выглядывая. Конечно, там Картер сидит на мотоцикле, осматриваясь вокруг.

— Что происходит? — спрашивает Аманда

— Картер здесь. Он хочет, чтобы я вышла.

— На мотоцикле?

Опуская жалюзи, я быстро нахожу черные ботильоны в шкафу и надеваю их к моим обтягивающим черным джинсам. Перед тем как выйти на улицу, я беру свою кожаную куртку. Единственный цвет в моей одежде, кроме черного — это белая рубашка, заправленная в джинсы.

— Это не первая моя поездка.

— Дейзи, — Аманда шутливо ругает. — Ты должна рассказать мне об этом.

— Ну, я говорю сейчас, — по пути, я закидываю сумку на плечо и спускаюсь по лестнице.

— Когда тебя ждать?

Я надеваю перчатки, когда вижу самодовольное лицо Аманды, которая держится за перила лестницы.

— Без понятия.

— Напишешь мне?

— Конечно. Увидимся.

---

⁶⁹ американский стилист, консультант моды, писатель и редактор журнала

Я чувствую волнение, когда открываю дверь, и вижу Картера, который уставился в телефон. Его глаза темнеют, когда он замечает меня. Что он со мной делает... от одного взгляда, в моем животе порхают тысячи бабочек.

Не отрывая взгляда, он опускает подножку своего мотоцикла и перебрасывает одну ногу, слезая с байка. Его черные джинсы сидят низко на талии, серая футболка обтягивает его сильную грудь, а его черная кожаная куртка только усиливает его темные черты, что выглядит зловеще, но сексуально.

Да, он чертовски сексуален.

Плохой мальчик с сердцем плюшевого медведя. Это он. Уверена, если бы я сказала ему об этом, он бы высмеял меня, а потом сделал что-нибудь плохое, чтобы запятнать этот образ.

Поднявшись, он трет челюсть, оценивая меня, когда мы встречаемся посреди тротуара возле дома моей сестры. Я жду, когда он что-нибудь скажет, но вместо этого он делает глубокий вдох и снова смотрит на меня с ног до головы, отчего по телу бегут мурашки.

— Ты в этом не замерзнешь?

Я киваю, потому что сейчас мое тело чувствует, что вот-вот сгорит от пылающего внутри жара.

— Уверена?

— Да, — хочу, чтобы он перестал так на меня смотреть.

— Хорошо, — он берет меня за руку, и я таю, пока он ведет меня к байку. — Готова научиться чему-нибудь новому?

Научиться новому? Что? Мои мысли путаются. Будь я мультиком, моя голова вращалась, и я бы выплевывала слово «ой» каждые две секунды.

— Ну, так что? — спрашивает, сжимая мою руку.

Я мысленно отчитываю себя и выдаю:

— Что? — отличный ответ, знаю.

Улыбаясь, он заправляет за ухо прядь моих волос.

— Ты готова узнать что-нибудь новое? Наш следующий вызов.

Наш следующий вызов... он так хорошо пахнет.

Сосредоточься, Дейзи.

— О, да. Я готова. Что будем делать?

— Увидишь, — он тянется назад и достает из-под сиденья шлем... на передней части которого наклейка с изображением ромашки⁷⁰. — Вот, надень это.

Наклейка с ромашкой. Для меня. О, я могла бы наброситься на него, пока он не видит.

— На нем ромашка.

— И? — он пожимает плечами, словно в этом нет ничего особенного.

— Это наклейка с ромашкой.

Вздыхая, он смотрит на шлем и спрашивает:

— Ты собираешься говорить об этом? Если так, то я просто уберу эту чертову штуку.

— Нет, — я отодвигаю шлем от него, не давая возможности сделать это. — Лучше ее оставить.

— Тогда просто надень его и прекрати делать из этого что-то важное.

Не дай Бог, он позволит показать свою добрую сторону.

Я делаю, как мне говорят и надеваю шлем, убедившись, что закрепила его правильно. Нет смысла носить шлем, если сделать это неправильно. Когда я заканчиваю, Картер проверяет шлем, заставляя меня погрузиться в это сумасшествие.

Он поворачивается, чтобы сесть на байк, но я останавливаю его.

— Эй.

Он смотрит через плечо.

— Да?

---

⁷⁰ с англ. daisy — ромашка, маргаритка

Набравшись смелости, я обнимаю его за талию, опираясь шлемом в грудь. Застыв на мгновение, он осторожно обнимает меня в ответ, как будто подобное для него в новинку.

— Спасибо Картер. Этот шлем прекрасен.

Отодвигаясь, он надевает шлем и говорит:

— Да, будет прекрасно, если когда-нибудь мой друг Фитси наденет его.

Он садится на байк, поднимает подножку и кивает, чтобы я села позади. Все еще не зная как правильно, я не тороплюсь, чтобы избежать нашего падения и не опрокинуть эту тяжелую штуку на нас. Сев, я обнимаю за талию Картера и чувствую, что его мышцы живота напряжены от моих рук.

— Готова? — спрашивает он, с все еще поднятым козырьком шлема.

— Готова, — я крепче прижимаюсь.

Он опускает свой козырек, заводит двигатель, и через мгновение мы выезжаем на шоссе.

Из-за ветра я чувствую его одеколон. Как в тумане, где только я и он. Этот мужчина заставляет меня чувствовать себя умиротворенной, словно я заново родилась. Интересно, он чувствует себя так же рядом со мной? Он так же взволнован от моего присутствия?

Вряд ли он увлечен мной. Эта мысль просачивается в мой разум, но я отбрасываю ее, заставляя себя думать позитивно. Он бы не приехал за мной, если считал меня скучной. Я попытаюсь дать шанс этой дружбе, просто пока не знаю, что из этого выйдет.

Картер

Сосредоточься на долбаной дороге. Перестань думать о руках Дейзи, обернутых вокруг талии, ее пальцах на животе и голове, прижатой к моей спине. И ее чертовых обтягивающих джинсах.

Сосредоточься, чтобы не попасть в аварию.

Черт, эти джинсы. Ее невинный взгляд вызвал у меня волнение. Она практически прыгала от радости из-за глупой наклейки.

Почему я купил эту наклейку? Потому что увидел ее в одном из тех маленьких автоматов с конфетами, в продуктовом магазине.

Господи.

Почему я вообще это делаю?

Да кого я обманываю? Я знаю причину. Я не могу выкинуть ее из головы. Я пытался, бл*дь, я старался. Но каждый раз, в попытках забыть о ней, каким-то образом, она находила свой путь назад в мой разум, с этой заразной улыбкой и ее жаждой жизни.

Вот почему я поехал к ней, с новым шлемом с этой чертовой наклейкой. И с планом в поисках чего-то нового, чему можно научиться.

И черт возьми, сейчас я не жалею об этом решении. После того как я несколько дней представлял ее в своей голове, увидеть ее лично было как глоток свежего воздуха. Она вдохнула в меня жизнь своей великолепной улыбкой.

Как такое возможно? Эта женщина, которая ничего не знает, кроме как быть позитивной, может оказать на меня такое влияние? Может, это именно то, что мне нужно — немного положительного. Хотя карты, которые я получил в жизни — полное дерьмо.

По неизвестной причине я хочу быть рядом с ней. Она — единственная светлая часть в моей жизни. Это вряд ли будет постоянно — это не может быть постоянно — но я собираюсь быть эгоистичным ублюдком, и находиться с ней как можно дольше, потому что в такие моменты я не ненавижу себя так сильно.

Надеюсь, ей понравится моя идея.

Она крепко обнимает меня, и мы мчимся по E-470 со скоростью восемьдесят пять миль в час по заснеженному пейзажу Колорадо. Мы направляемся на север по трассе к Денверскому международному аэропорту.

Мы проезжаем жилые комплексы, торговые центры и равнины, на которых виднеется высушенная трава из-под легкого снега. Когда едете на восток Колорадо, кажется, будто находитесь в Канзасе, потому что местность очень похожа на ферму. Это правда. Если бы я не жил в городе, то выбрал западную сторону, недалеко от гор, где мог восхищаться их размерами и просторами.

Но не сейчас.

Я съезжаю на двадцать четвертую прямо по шоссе, на Восточную пятьдесят шестую авеню в сторону ферм. У меня не занимает времени, чтобы добраться в сторону пустынной местности.

Как только мы подъезжаем, я останавливаю байк и поворачиваюсь к Дейзи.

— Пересядь передо мной.

— Что? — спрашивает она в замешательстве.

Не вдаваясь в объяснения, я просто хватаю ее ноги и разворачиваю, чтобы она сидела на небольшой части сиденья между мной и рулем. Она вздыхает, глядя на меня.

— Боже мой, — ее ноги оказываются на моих, и я не против такой интимной позиции.

Ублюдок. Какого хрена. Она невинна. Убери эти мысли.

Нужна небольшая передышка. По какой-то причине меня бросает в жар, когда я рядом с ней. Я чувствую, как мои волосы на голове вспотели, когда снимаю шлем и бросаю его на землю в нескольких футах от байка. Она снимает свой, и осторожно наклоняется, чтобы положить его рядом с нами.

— Думаешь, сможешь справиться с байком?

Ее глаза расширяются, наблюдая за мной, чтобы понять, говорю ли я правду.

— Ты имеешь в виду, вести твой байк?

— Да. Нужно научиться чему-то новому. Почему бы не научиться водить мотоцикл?

Эта идея пришла ко мне, пока я думал о том, как сексуальная Дейзи будет выглядеть на моем байке. Мне захотелось воплотить мечту в реальность. Захотелось. Как я и сказал, ублюдок.

Она сглатывает, пока ее пальцы играют с нижней частью моей куртки.

— Когда нам сказали узнать что-то новое, я подумала о чем-то вроде как научиться вязать новый узел.

Это меня не удивляет.

— Это слишком безопасно, Снежинка. Нужно что-то бóльшее. Вязание для тебя привычно. Выйди за пределы своей оболочки, как и пыталась.

— Управляя мотоциклом? — она спрашивает, ее голос повышается с легкой истерикой. — Это кажется немного экстремальным, не думаешь?

— Нисколько, — я улыбаюсь и беру ее лицо. Ее кожа такая мягкая. — Я буду рядом, направляя тебя.

— Но у меня нет разрешения на вождение. Я не хочу получить штраф.

— Ты не получишь штраф. Здесь никого нет. Так ты собираешься схватить жизнь за яйца и сделать что-то неожиданное, узнать что-то новое?

— Ну, на самом деле, я никогда ничего не хватала за яйца. Даже человека, — ее лицо становится ярко-красным. — Не то чтобы хотела схватить их или еще что, я просто не делала этого раньше, — она наклоняется и говорит: — Я слышала, когда трогаешь яички мужчины, то надо быть нежными, потому что они чувствительны. Это правда?

Моя рука падает с ее лица, и, откинув голову назад, я начинаю смеяться от ее серьезного тона. Она действительно спрашивает меня о яичках прямо сейчас?

— Что смешного? — спрашивает, пихая меня в живот. — Это обычный вопрос.

— Не знаю, — я смеюсь еще больше. — Тебе нравится, когда тебе сжимают сиськи?

Если я думал, что она может покраснеть еще больше, то был неправ. Она опускает глаза и качает головой.

— Я никогда не делала ничего подобного, — поглядывая на меня сквозь длинные темные ресницы, она говорит. — Я девственница.

Меня это не удивляет. Я мог бы догадаться с учетом того, насколько она была защищена. Но она даже не экспериментировала?

С любопытством, я немного толкаю ее.

— Позволь спросить. Ты когда-нибудь целовалась?

Пятясь назад, она качает головой. Нет.

Никогда не целовалась? Эта красивая, полная жизни женщина никогда не целовалась? Эти сладкие губы на ее великолепном лице. Как это вообще возможно?

И почему я чувствую необходимость это исправить?

Потому я не мог не думать о ее губах последние несколько дней. Я хочу знать, какие они на вкус, насколько мягкие, как они будут чувствоваться напротив моих. Приведет ли это к чему-нибудь? Возможно ли это?

Пугающая сторона меня верит, что это может быть правдой, поэтому убираю эти мысли подальше. Я не могу это сделать. Не сейчас, не с Дейзи.

Я смотрю на нее.

— Тебя никогда не целовали, Дейзи?

Она качает головой, не в состоянии смотреть на меня, поэтому я исправляю это. Подняв ее подбородок, заставляя смотреть в глаза. Я приближаюсь, глядя в ее голубые глаза. Проходят долгие мучительные секунды, воздух сгущается. Происходящее опьяняет меня. Только один раз попробовать. Это все, что я хочу.

— Никогда не целовалась, да? Мы просто должны исправить это сейчас?

Взявшись рукой за ее шею, я тянусь вперед, чувствуя, как она дрожит. Я в миллиметрах от ее рта, наши губы едва соприкасаются.

— Скажи, чтобы я остановился, Дейзи. Скажи, что ты этого не хочешь.

Плотно прижавшись к моей куртке, она слегка качает головой.

— Никакая часть меня не хочет говорить «нет», Картер. Я хочу этого. Очень сильно.

— Не так сильно, как я, — бормочу перед тем, как сократить расстояние между нами, соединяя наши губы.

Сначала я даю возможность Дейзи привыкнуть к ощущению, что наши губы прижаты друг к другу. Как только чувствую, что ей удобно, провожу рукой по ее спине и притягиваю ближе. Нужно чувствовать ее на более глубоком уровне, не только на губах, но и с ее телом.

Когда я прижимаюсь ближе, она тихо стонет, ее губы раскрываются, и я проскальзываю языком внутрь, вызывая еще один стон. Это самый сексуальный звук.

Мои мысли затуманены от того, что она никогда не целовалась. Она осторожно проводит руками под курткой, пока ее язык едва касается моего. Ее губы двигаются вместе с моими, будто создавая ритмичный танец нашими ртами.

Чертовски сексуально. Она слегка гладит мои губы, посылая озноб по моей спине. Это не просто поцелуй, не такой, какие у меня были прежде. Горячий, влажный, исследующий, испуганный и взволнованный. И все это с маленькой замкнутой Дейзи.

Это одновременно прекрасно и ужасающе.

В последний раз, прижимаясь к ее губам, я отодвигаюсь. Наблюдая, с гордостью как мудака, когда ее глаза открываются, и вижу похоть, пока она переводит дыхание.

— Никогда не целовалась? Теперь это не так, Снежинка.

Она глубоко вздыхает, касаясь губ рукой. *Не волнуйся, Снежинка, они все еще на месте и выглядят так же сексуально, как и всегда.* Взглянув на меня с трепетом, она говорит:

— Наверное, нет, — и с самой красивой улыбкой, она добавляет: — Спасибо, Картер. Вот черт. Я так по уши погряз во всем, что касается этой девушки.

Джейс

Были моменты, когда я нервничал. Когда забил победный гол, подписал контракт в высшую лигу или принимал участие в моей первой крупной игре среди поклонников. Мне пришлось выполнять свою работу.

Но в данный момент я не знаю, как скрыть свою нервозность.

Сидя в арендованном автомобиле, я смотрю на жилой комплекс и делаю глубокий вдох, проигрывая разговор в моей голове. Я обсудил это по телефону со своими адвокатами, которые не считали это хорошей идеей. И с Холлин, которая подсказывала, как смягчить разговор.

Видимо, я схожу с ума. А как иначе?

Господи.

Я смотрю на свои сообщения, останавливаясь над именем Холлин.

Холлин: Просто сохраняй спокойствие. Независимо от того, что она скажет, пытайся вывести из себя.

Сохраняй спокойствие, держи себя в руках, не угрожай, говори по существу. Я делаю это ради Джун и Алекс. Я делаю это ради Хоуп.

Закрыв машину, я иду по тротуару к захудалому жилому комплексу, в котором живет Ребекка. Она переехала с того времени, как я был с ней. Видимо, с ней что-то случилось, потому что она не привыкла жить в таком убожестве.

Я прохожу вдоль дверей и поднимаюсь на террасу. Это похоже на переделанный старый мотель, с маленькими квартирами, как из фильма ужасов. Какого черта она здесь живет?

Взглянув на листок с записанным адресом, я замечаю номер квартиры — 2F. Цифры на двери едва заметны, но присмотревшись, я чувствую напряжение. Мое сердце начинает сильно биться, а ладони потеют.

Понимая, что мне нужно просто с этим покончить, я два раза стучу в дверь и жду, пока она ответит. Переминаясь с одной ноги на другую, пытаюсь держать себя в руках, так что у меня нет времени думать о том, что я делаю.

А что я на самом деле делаю? Некоторые люди могут сказать, что я договариваюсь, а не выпрашиваю. Если придется, я встану на колени.

Звук открывающихся замков заполняет ночную тишину, и из едва раскрытой двери появляется голова Ребекки. Когда она видит меня, ее глаза на мгновение расширяются, и озадаченно спрашивает:

— Джейс, что ты тут делаешь?

— Можем поговорить?

Она оглядывается назад в свою квартиру.

— Сейчас не лучшее время. Пусть твои адвокаты свяжутся со мной.

Я останавливаю ее, положив руку на дверь, когда она пытается закрыть ее.

— Я не уйду, пока мы не поговорим, — говорю я твердо.

— Ну, похоже, у тебя будет долгая ночь, потому что сейчас не самое подходящее время, — говорит она сквозь зубы.

— Это хорошее время для меня, так что-либо открывай, либо выходи на улицу. Я не очень терпеливый человек, когда дело доходит до тебя. Поэтому перестань трахать мой мозг, Ребекка.

Слишком сложно сохранять спокойствие.

Она оглядывается на свою квартиру и шепчет:

— Джейс, сейчас не получится.

Пытаясь заглянуть в ее квартиру, я спрашиваю:

— Что, черт возьми, ты там такого скрываешь?

— Ничего. Иди домой. Пусть твои адвокаты позвонят мне.

— Я не...

— Бекка, давай проверим печенье. Думаю, они готовы, хотя я не уверен, — говорит глубокий голос, из-за чего Ребекка закрывает глаза.

Я знаю этот голос.

— Ребекка?

— Нет, — она качает головой и пытается снова закрыть дверь. — Просто уходи, Джейс.

Ни за что. Я больше не буду это терпеть. Я открываю дверь и захожу в квартиру. Итан, мой товарищ по команде и мой лучший друг выходит в гостиную, надевая фартук, гребаный фартук, держа поднос с печеньем. Что за херня.

— Джейс, — он смотрит на Ребекку, которая опустила глаза, а затем снова на меня.

— Какого хрена ты тут делаешь? — спрашиваю, приближаясь к нему.

— Джейс, остановись, — Ребекка встает передо мной и кладет руку на мою грудь.

Ярость, гнев, злость проходит через мои вены. Не потому, что Ребекка с другим мужчиной. Мне на это похрен. Мой лучший друг, человек, которого я считаю братом. Человек, который знает о попытке Ребекки вернуть Хоуп. Тот, кто был со мной, пока я плакал, черт возьми, над возможной потерей Алекс и Джун. Этот человек стоит передо мной в гостиной Ребекки. И, судя по всему, это не первый его визит. Ублюдок.

— Итан! — теперь я кричу. — Какого хрена ты тут делаешь?

Он ставит поднос на квадратный стол и бросает кухонные рукавицы.

— Слушай, я собирался рассказать тебе об этом.

— Рассказать что? — я бросаюсь к нему, но Ребекка снова останавливает меня. — Что ты, нахер, собирался сказать мне?

Должен отдать ему должное, он не отступает, а делает шаг вперед, готовый к разговору. Он спокоен. Спокойствие. Бл*дь. Я — полная противоположность. Воплощение ярости, с желанием пробить чью-нибудь голову. Предпочтительно его.

— Мы встречаемся, — спокойно говорит он. Господи, на нем гребаный фартук поверх поло, а волосы в беспорядке. Долбанный придурок. Кто этот человек, и что он сделал с моим лучшим другом?

— Вы встречаетесь. Как долго? — спрашиваю с трудом.

— Месяц, — отвечает Ребекка.

Я хватаюсь за волосы.

— Ты был с ней месяц и ничего мне не сказал? Особенно, когда она вернулась ко мне и попросила Хоуп? — я хожу по комнате, пытаюсь понять происходящее.

Как мой лучший друг мог так поступить? Как он мог сидеть со мной на диване и наблюдать мои мучения, спорить по поводу моей ситуации и даже советовать, при этом трахаясь с матерью моего ребенка. Да, это нарушение кодекса братанов. Какую херню он заливал своей слабой попыткой поддержать меня?

Джейс, это огромная жертва из всех, которую может совершить человек. Ты должен дать себе время исцелиться. Мудак.

Я не понимаю. Я нихера не понимаю.

— Это все хрень, — я кричу, хватаясь за один из стульев в столовой и бросаю его к стене, не переживая о последствиях.

— Мужик, давай сядем и поговорим.

Моя ярость переключается на Итана. Держа дистанцию, я указываю на него:

— Пошел ты на хер со своим разговором. Ты мертв для меня.

Поворачиваясь к Ребекке, я говорю:

— Откажись от просьбы вернуть Хоуп. Потому что, если ты этого не сделаешь, клянусь своей гребаной жизнью, я сделаю остаток твоих дней кошмаром. Можешь процитировать меня.

Молча, я выхожу из ее полуразрушенной квартиры, проходя мимо старых дверей, и спускаюсь по металлическим ступеням в сторону парковки. Черта с два, моя дочь не будет жить в этой дыре. Порывшись в кармане, достаю телефон. Мне нужна она.

— Джейс.

— Холлин, — выдыхаю я. — Собери вещи и отправляйся в аэропорт. Там будет билет для тебя.

— Что? Джейс, я не могу...

— Я прошу. Ты нужна мне. Не могу объяснить по телефону. Ты чертовски сильно нужна мне.

— Ладно, — она отвечает без колебаний. — Я собираюсь.

Дейзи

— Тормози! Дейзи, тормози.

Картер кричит мне в ухо, когда я пытаюсь справиться с ручным тормозом, дергая его назад. Перед остановкой, я понимаю, что забыла нажать на задние тормоза, из-за чего мотоцикл начинает подниматься, и Картер падает мне на спину.

— Боже мой, — я отлетаю на переднюю часть байка, и моя голова в шлеме ударяется по элементам управления и спидометру, а мощное тело Картера толкает меня еще дальше.

Из-за моей спины Картер наклоняется вперед и глушит байк. С его превосходной силой он возвращает его в состояние равновесия. Я чувствую волнение. Я просто ездила на мотоцикле. Ух ты! С Картером, сидящим прямо позади меня.

— Все, — одно слово, из-за которого я начинаю нервничать.

Буду честной, я не лучший водитель и пытаюсь понять, как управлять мотоциклом. Блин, Картер мог бы получить несколько сердечных приступов из-за меня. Держу пари, что это моя последняя поездка на мотоцикле, учитывая, что я чуть не влетела в забор.

Немного разочарованная, я слезаю с байка, снимаю шлем, и верчусь на месте, пока Картер пытается отдышаться. Он поднимает козырек, и вижу его глаза, выражающие гнев? Или беспокойство? Он нажимает на подножку, слезает с байка и подходит ко мне.

Самое сексуальное действие — клянусь, я не просто говорю это — он снимает шлем и бросает его на землю. Он делает то же самое с моим шлемом, а затем хватается за щеки, глядя в глаза.

— Ты в порядке? — он не злится. Он беспокоится... обо мне?

— Да. Но я думаю, ты должен спросить это у своего байка. Он пострадал от ударов больше, чем я.

Он смотрит на байк и снова на меня.

— Его можно заменить, в отличие от тебя. Уверена, что с тобой все в порядке? Ты действительно ударила об руль.

— Я в порядке.

Не веря моим словам, он продолжает меня осматривать. Его пальцы пробегают по моим щекам, оглядывая меня с ног до головы. Когда он, кажется, доволен, он глубоко вздыхает.

— Черт, Снежинка. Ты не умеешь кататься на байке.

— Эй, это мой первый раз. Спорим, ты не был мистером Джимми Мотоциклом, когда только начинал.

— Джимми Мотоцикл? — я вижу веселье в его взгляде.

— Ага, ну ты знаешь.

— Я на самом деле не знаю, — теперь он смеется. — Просвети меня.

— Это как профессиональный статус, просто выражение.

— Никогда не слышал, — он опускает руки к моим бедрам и тянет ближе, посылая тепло прямо мне в позвоночник. Не то чтобы это было необходимо. С тех пор, как он поцеловал меня, мое тело как в огне.

Ух! Он поцеловал меня. Мой первый поцелуй был с ним. С мужчиной, который сдался спустя несколько недель. И он поцеловал меня без предупреждения. Это было волшебно, как в кино. По крайней мере, так это чувствовалось. Я сомневаюсь, что для него это было

так же. Уверена, Картер целовал многих девушек до меня. И ни одна из них не была такой неопытной.

И когда он прижался губами к моим, показывая, как правильно, в то время его руки двигались по моему телу, помогая мне узнать что-то новое. На самом деле, изучение чего-то нового могло бы ограничиться только поцелуем. Но я все же позволила ему научить меня водить, и движения его рук во время поездки мне понравилось намного больше.

Но я бы никогда не признала это по двум причинам: я слишком застенчива, и я не хочу, чтобы он чувствовал, будто впустую потратил свое время.

Не то чтобы я считала произошедшее пустой тратой времени. Это не так.

— Дейзи? — он приближается, прижимаясь своим лбом к моему.

— Хм-м, — я практически мурлыкаю. Вот что он делает со мной, находясь так близко.

— Я больше не хочу, чтобы ты водила мой мотоцикл.

— Что? — я отодвигаюсь от него. — Почему нет? Я была не настолько плоха.

Он не позволяет мне уйти, притягивая к себе, и мои ладони упираются в его грудь. Боже, к нему так приятно прикасаться. Он, как только что приготовленный теплый бисквит.

— Снежинка, это было ужасно.

— Эй, ужасно — слишком громкое слово. Я была не так уж жестока к Нэнси Дрю.

— Думаю, мы говорили о том, чтобы не называть его Нэнси Дрю, — говорит он с блеском в глазах.

— А как я должна назвать? Харлей? Это кажется глупо. Нэнси Дрю звучит захватывающе.

— Почему назвать мой мотоцикл именем сыщика-любителя является захватывающим?

— Потому что Нэнси Дрю захватывающая и еще немного загадочная. Эти качества подходят твоему байку. Если бы ты так придирчиво относился к имени, то уже придумал его.

— Кто сказал, что это не так? — он избегает моего взгляда. Боже мой, он дал ему имя!

— И какое же? Ты не представил меня должным образом, прежде чем я села на него. Какая грубость. Боже, что он думает обо мне?

— Он говорил, что не так давно ты была груба, — у него улыбка как у Джеймса Франко. Вздых.

— Такого не было, — говорю с обидой. — Теперь, если ты как-нибудь захочешь, чтобы я снова это сделала, то лучше представь меня. Знаешь, не каждый день я сижу на ком-то. И правильное знакомство делает все это не таким неловким, когда я сижу на нем.

— Это просто нелепо.

— Может быть. Но разве ты не хочешь знать людей, на которых сидишь.

— Я никогда подобного не делал.

— Теоретически.

— Я никогда подобного не делал, — повторяет он.

— Фух, просто скажи мне имя.

— Какая требовательная, — он заправляет мои волосы за ухо, задерживаясь, посылая холод к моим рукам. — Снежинка, хочу познакомить тебя с Вероникой.

— Вероника? — я хихикаю.

Он пожимает плечами.

— У меня особое отношение к Веронике Марс.

Вероника... кто? Я чувствую ревность. Он назвал свой мотоцикл в честь любимой девушки? Она когда-нибудь водила его байк? Он когда-нибудь пытался научить ее? Эйфория, которую я чувствовала, только что превратилась в горечь. Я думала, что особенная. Видимо, не такая особенная, как эта Вероника Марс.

Что за глупое имя.

Ладно, это не так. Марс — прикольная фамилия, но мне хочется ненавидеть ее...

Я сглатываю и спрашиваю:

— Значит, Вероника Марс? Как долго вы встречались?

— Что? — Картер спрашивает, хмурясь. Я собираюсь спросить еще раз, возможно, он не расслышал меня, когда выражение его лица меняется от растерянного к веселому. Он откидывает голову назад и начинает громко смеяться.

Я вижу, как двигается его адамово яблоко, и наслаждаюсь видом. Ненавижу признавать это, но из-за его смеха я становлюсь все более смущенной из-за этой девушки Вероники Марс. Интересно, как она выглядит. Она красивая? Конечно. Она, должно быть, была особенной для Картера, если он назвал мотоцикл в честь нее.

Немного устав от этого, говорю:

— Я не вижу в этом ничего смешного.

Его истерика утихает, и он смотрит на меня.

— Что? Ты ревнуешь?

— Ревную? Кто, я? — указываю на себя и отмахиваюсь. — Нет. Я вообще не ревную.

О, черт возьми, я так ревную. Чтоб тебя, Вероника Марс за то, что заставляешь чувствовать себя так.

— О, Снежинка, — он снова притягивает меня к себе, оставляя на губах легкий поцелуй, посылая озноб по моему телу, что резко контрастирует с тем, что происходит внутри меня. Шепотом, он говорит: — Вероника Марс — сериал, который показывали несколько лет назад.

— Сериал?

— Да, — он хихикает. — Ты действительно думала, что я назвал свой байк именем бывшей девушки? Я похож на такого парня?

Чувствуя себя ужасно глупо, но уже немного легче, я отвечаю:

— Ну, ты переменчивый. Возможно, это была бунтарская вещь.

— У тебя была слишком «защищенная» жизнь, — засмеявшись, он тянет меня в свои объятия, и я запоминаю этот момент, пока моя голова покоится на его груди. Мне нравится это чувство — его грудь напротив моей щеки. — Давай, я хочу тебе кое-что показать.

Сцепив наши руки вместе, он ведет меня к забору, в который я чуть не влетела, сжимает бедра и поднимает меня, усаживая на него. Не теряя времени, он присоединяется ко мне, стараясь сесть как можно ближе.

— Это прекрасно, правда? — спрашивает он, глядя на поле. Из-за прохладной зимы земля коричневая и пока еще нет намека на весну.

— Прекрасно? — спрашиваю смущенно. Возможно, он видит не то же, что и я.

— Поле. Оно прекрасно, разве нет?

Ладно, мы видим одно и то же. Я всегда могла увидеть красоту в чем угодно, но это просто поле в грязи.

— О, конечно? — мой ответ звучит как вопрос.

Он прижимается еще ближе и обнимает меня за плечо, притягивая к себе. Он так делал с каждой девушкой? Быть так близко к нему, он так просто прикасается ко мне, будто он делал это в течение многих лет, невероятно. Я отчаянно пытаюсь не придавать большого значения его прикосновениям. Возможно, он из тех людей, кто любит тактильный контакт. Его дыхание щекочет, когда он говорит мне на ухо.

— Дейзи, иногда ты не можешь увидеть красоту сразу. Иногда приходится сидеть, сложа руки и надеяться, что она превратится в то, о чем ты не имеешь представления. Жизнь — чертовски забавная вещь, от которой мы так много хотим. Мы оба желаем свободы, но в разных вариантах. И я бы хотел сказать, что впереди меня ждет прекрасное будущее, трудно увидеть потенциал в моей ситуации. Но с тобой... — он целует меня в макушку, я чувствую его губы на моей коже, когда он продолжает. — Перед тобой есть такое поле, с таким же потенциалом. Сначала это может казаться кучей грязи. Но когда ты позволяешь ей расти, пока ты ее активно взращиваешь, она может превратиться в нечто прекрасное.

Он поднимает руку, держа телефон, на экране которого я замечаю изображение. Присмотревшись, я понимаю, почему он привел меня сюда. Это фотография места, на котором мы сейчас находимся, но вместо пустого поля на ней изображены множество подсолнухов. Разные оттенки желтого цвета в сочетании с ярко-синим небом Колорадо очаровывают меня. Это одна из самых великолепных картин, которые я видела.

— Ты как это поле, Дейзи, — продолжает шептать мне на ухо. — В ожидании роста и цветения, — поцеловав в макушку, он говорит: — Не позволяй никому остановить тебя от достижения желаемого. Поняла?

Я смотрю на него, кивая:

— Поняла.

Он вздыхает, оглядывая поле.

— Ты особенная, Дейзи. В тебе так много потенциала. Надеюсь, ты это знаешь.

Если бы он тоже верил в свой потенциал.

Холлин

Я слышу объявления о прибывающих и вылетающих рейсах в аэропорту, пока спускаюсь к месту посадки пассажиров. Вокруг меня мир, где семьи и друзья радуются и воссоединяются, родители ругают своих детей, пока те бегают вокруг, но я не обращаю внимания. Я ищу Джейса.

До сих пор помню его болезненный, но все еще злой голос. Как только я оказываюсь у дверей, ведущих на улицу, замечаю его.

Он стоит, опираясь своим большим телом на одну ногу, прислонившись к стене рядом с лифтом и низко опустив на голову капюшон толстовки. Склонив плечи, он смотрит вниз, и крутит в руке телефон, пока не поднимает голову, мгновенно встречаясь взглядом со мной, будто зная, что я рядом.

Он отходит от стены, кладет в карман свой телефон и подходит ко мне. Светлые пряди его волос падают ему на лоб, а его голубые глаза смотрят прямо на меня.

Я взяла с собой небольшую сумку, и когда Джейс подходит ко мне, он забирает ее и соединяет наши руки. Мы молча идем на стоянку. Он открывает черный «Рэндж Ровер», кладет сумку в багажник и ведет в сторону пассажирского места, помогая сесть, но потом разворачивает меня, чтобы я стояла перед ним. Вздохнув, он прижимается лицом к моей шее, будто наконец-то обрел покой. Что случилось с того времени, как мы виделись в последний раз?

— Спасибо, что бросила все ради меня.

Отодвинув капюшон, я провожу пальцами по его волосам и чувствую, как всё сжимается в груди от этого интимного прикосновения. Я знаю, что Джейсу это необходимо.

— Что произошло? — его волосы мягкие, и напоминают то время, когда я делала так же с Эриком. Это вызывает ноющую боль в груди. Я скучаю по Эрику, но... я не могу быть близка с другим человеком? — Судя по твоей реакции, разговор с Ребеккой прошел не очень удачно.

— Не особо, — подняв голову, он спрашивает. — Мы можем просто поехать?

— Да.

Он встает и сжимает большим и указательным пальцами мой подбородок.

— Спасибо, Холлин.

Заведя машину, он выезжает со стоянки на дорогу и включает музыку. Салон заполняют звуки гитары и спокойный кантри голос Алана Джексона. Это умиротворяет и идеально подходит для поездки.

Под темным ночным небом, мы мчимся по городу, через пустынную местность, а высокие кактусы бросают тени под лунным светом. Единственный свет на дороге — виднеющаяся вдалеке будка, луна и яркие прекрасные звезды, сияющие в небе.

Не желая разговаривать, я наслаждаюсь тишиной, позволяя моему разуму проясниться. Я не очень часто так делаю, но сейчас самое подходящее время. Удобно расположившись, я поднимаю ноги на приборную панель, когда Джейс едет в сторону маленькой будки, которую я увидела вдалеке. Это автокафе с мороженым.

— Молочный коктейль? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне с очаровательной мальчишеской улыбкой.

— Клубничный, пожалуйста.

Он приподнимает бровь.

— Клубничный? Я бы мог отнести тебя к шоколадной девушке.

— По крайней мере, ты не подумал о ванили.

Он качает головой.

— С твоими прекрасными рыжими волосами, ты точно к таким не относишься.

— Спокойно, — я смеюсь и смотрю в окно, слушая, как Джейс говорит наши заказы. Два клубничных коктейля. Почему-то тот факт, что Джейсу нравятся клубничные коктейли, заставляет меня хихикать. Мне всегда казалось, что такое предпочитают девушки. Я не права, потому что Джейс не такой. Фактически, он полная противоположность этому.

Полная. Противоположность.

Проходит немного времени, когда наши коктейли готовы, и с холодной чашкой в руке мы снова в пути без определенного места назначения.

Спустя немного времени, Джейс подъезжает на небольшую смотровую парковку и останавливает машину. Повернувшись ко мне, он спрашивает:

— Хочешь посидеть со мной на капоте?

— У тебя есть одеяло?

Он кивает в сторону машины.

— Я тебя укурю.

Он все продумал.

Пока он берет одеяло, я иду к передней части машины, и прикидываю, как забраться на капот. Я всегда думала, что если посидеть на капоте машины, то на ней будет вмятина.

Но судя по решительному взгляду Джейса, когда он походит, мне не кажется, что его это беспокоит.

— Нужна помощь?

— Хм, я думаю, что смогу с этим справиться.

Я еще раз оцениваю свою возможность забраться, но не успеваю, потому что Джейс держит меня за бедра и без усилий поднимает на капот. Через несколько секунд он сидит рядом со мной, держа молочный коктейль в одной руке, а одеяло в другой. Подвинувшись к лобовому стеклу, мы опираемся на теплую поверхность и смотрим на темное небо. Я чувствую легкий ветер. Спасибо за одеяло.

Подвинувшись ближе, Джейс прижимает меня к себе, так что моя голова покоится на его локте. Он такой теплый, поэтому я не хочу отодвигаться, и буду получать удовольствие от этого комфорта.

Мы пьем молочные коктейли в тишине, наслаждаясь обществом друг друга, в темной пустыне. По крайней мере, без света это выглядит так. Это почти жутко, но я знаю, что рядом с Джейсом мне не о чем беспокоиться.

Как бы ни было сейчас спокойно, я понимаю, что мы не можем сидеть молча вечно, поэтому смотрю на звезды и спрашиваю:

— Что случилось с Ребеккой?

Его пальцы пробегают по моим волосам, вызывая дрожь. Я давно не чувствовала подобного. Это заставляет меня чувствовать себя снова живой. Я немного наклоняюсь к нему, цепляясь за искру энергии, проходящей через кончики пальцев.

— Она встречалась с моим лучшим другом Итаном.

— Что? — приложив руку к груди, я сажусь, чтобы посмотреть ему в глаза. — Серьезно? Как долго?

— Месяц, — он отвечает с придыханием, и проводит рукой по его коротким, непослушным волосам. — Я все еще не могу этого понять. Честно говоря, мне все равно, с кем встречается Ребекка. Это предательство моего лучшего друга, из-за чего я чувствую себя опустошенным.

Джейс садится, подняв колени, и опирается на них локтями, склонив голову вперед. Желая утешить его, я подвигаюсь и сплетаю наши руки.

— Он был там, Холлин. Он сидел там и смотрел, как я, бл*дь, плачу о том, что Ребекка хочет вернуть ребенка. И все это время он трахался с ней. Он просто сидел, не говоря ни слова.

Я сглатываю, мои эмоции путаются из-за его боли.

— Что это за лучший друг? — он качает головой. — Никогда бы не догадался, что Итан сделает подобное. Он всегда был верным, приветливым, и я бы никогда не догадался, что он может предать меня. Я не понимаю.

— Может быть, она действительно нравится ему, — говорю я. — Иногда, когда ты влюбляешься, то совершаешь глупые поступки. Просто чтобы сохранить связь с другим человеком.

— Есть кодекс, Холлин. Ты не спишь с бывшей своего лучшего друга, независимо от того, что она значит для тебя, — шипит Джейс. — Когда Ребекка впервые появилась в моей квартире, чтобы сказать мне, что она беременна, он был там. В смысле, бл*дь... — он останавливается и бьет кулаком по капоту своей машины, пугая меня. — Был ли он с ней тогда? Он притворялся, будто не в курсе о ее беременности, когда она сказала мне? И является ли он частью всего этого плана, чтобы вернуть Хоуп? Он был моей семьей, Холлин. Моим братом, — он молчит, обдумывая слова. — Он помогает ей разрушить мою жизнь, жизнь Хоуп и жизни двух невероятных женщин? Причина? Какова его роль во всем этом? Почему он соврал мне, Холлин? Я не понимаю.

Я тоже этого не понимаю. Джейс — один из лучших мужчин, которых я знала. Он добрый, бескорыстный, умный и рассудительный. Как мне ему помочь?

— Может, надо было поговорить с ним?

Я слышу его смех, когда он откидывается на лобовое стекло и смотрит на небо.

— А что говорить? Эй, братан, какого черта ты это делаешь? Да ладно, Холлин. В чем смысл? Он просто наговорит мне кучу херни, которую я не хочу слышать. Примирение бесполезно. Я больше никогда не буду ему доверять.

Есть смысл для примирения. Независимо от масштаба проблемы, всегда нужно найти способ обрести мир с окружающими вас людьми, потому что жизнь может изменить все за считанные секунды. Ты не хочешь жить в сожалении. Жалеть о том, что ты сказал перед тем, как кого-то не станет.

Я знаю по опыту.

— Знаешь, Джейс, — я смотрю на свои руки, пытаюсь найти правильные слова. — Жизнь — это намного больше. Чем мы, чем твоя дружба с Итаном. Она пролетит в мгновение ока, как будто это просто сон. Не трать свое время, сидя в углу, ненавидя людей, которые сделали тебе плохо. Исправь это. Потому что если ты этого не сделаешь, то будешь жалеть. Ты пожалеешь об этом больше, чем думаешь.

— Холлин... — он прижимает руку к моей спине, но я отталкиваю его, сползая вниз по капоту на землю.

— Нет, это не обо мне, — я делаю глубокий вдох и смотрю на пустыню. — Это о тебе. Просто не выкидывай вашу дружбу. Выслушай его. Должна быть причина, почему он ничего не сказал. Он все испортил? Я не собираюсь обесценивать твои чувства или эмоции. Ты имеешь право злиться, но с определенной целью. Направь это в правильное русло.

Слышу скрип капота, когда он подходит ко мне. Я чувствую его тепло до того, как он обнимает меня и притягивает к себе, его голова над моим плечом, а голос низкий, когда он говорит.

— Направить в правильное русло.

Я киваю, не в силах говорить. Вспоминаю свои утренние размышления.

Это мелкая ссора.

Эти обидные слова.

Отсутствие прощания.

Не услышать слова любви в последний раз.

Слезы текут по моим щекам. Все произошло слишком быстро. Я собиралась извиниться в ту ночь. Я все спланировала. Его любимый ужин, его любимое пиво в холодильнике, наша музыка. Я собиралась извиниться, но у меня не было возможности.

— Холлин, скажи мне, — поворачивая меня, Джейс хватает за плечи, слегка встряхнув, заставляя посмотреть на него. — Мы честны друг с другом, помнишь? Скажи, что происходит, чтобы я мог тебе помочь.

С тяжестью в сердце я говорю:

— Перед тем как Эрик умер, я сказала, что ненавижу его. Это было последнее, что я сказала, и что он слышал. Я ненавижу тебя.

— Холлин, он знал, что ты так не думала.

— Это не имеет значения, — произношу я. — Это было последнее, что он услышал от меня. Он пошел на тренировку в тот день, думая худшее о нашем браке, обо мне. Что, если... — я задыхаюсь от рыдания. — Что если сказанное отвлекло его? Что, если я причина его смерти, потому что он не был сосредоточен? Я сделала это с ним.

— Не надо, — Джейс поднимается и сжимает мое лицо сильной рукой, заставляя посмотреть на него. — Не смей обвинять себя в его смерти. Ты ничего не можешь с этим сделать.

— Но что, если...

— Что, если это пустая трата времени. Не разрушай свою жизнь мыслями «что если». Как ты сказала, жизнь — это намного больше.

— Жизнь — это намного больше, — соглашаюсь я. Он кивает, его рука все еще на моем лице, его другая рука касается моего бедра.

— Он знал, что ты любишь его, Холлин. Сложно этого не знать. Из того, как ты говорила об Эрике, ясно, что у тебя была страсть, связь с ним. Это пустые слова, которые были сказаны сгоряча. Это ничего не значило. Как ты сказала, не обесценивай, мы все совершаем ошибки.

Он замолкает после этих слов. Качая головой и закрыв глаза, он хихикает.

— Черт, я ненавижу тот факт, что наши переживания так похожи, и в то же время отличаются.

— Как будто мы должны были найти друг друга. Помогать друг другу.

— Словно мы собрались вместе в этом мире, в самые трудные времена в нашей жизни, чтобы злиться, но с определенной целью.

Есть что-то волшебное в том, как он повторяет мои слова. Как будто он на самом деле слышит меня, а не просто успокаивает. Он умеет выслушать.

— Именно.

Вздыхая, он притягивает меня ближе.

— Он любил тебя, Холлин. Но думаю, пришло время применить некоторые из твоих слов. Жизнь — это намного больше. Живи. Люби... докажи свое существование.

Я ищу его глаза, полные искренности, понимания, страсти.

Он первый человек, с которым я сблизилась после смерти Эрика. И впервые с тех пор, как я произнесла эти три несчастных слова Эрику, мне кажется, что двигаться дальше не так уж и страшно. Не с Джейсом, который направляет меня. Эрик знал, что я люблю его. Он знал.

Чувствуя необходимость прыгнуть, о чем мы говорили ранее, я пробегаюсь руками по груди Джейса и говорю:

— Поцелуй меня.

Его брови поднимаются в недоумении. Я не виню его, эта мысль пришла неожиданно, но мне нужно двигаться дальше. Мне нужно доказать себе, что я могу это сделать. Что я могу простить себя за свои слова. В глубине души я знаю, что Эрик всегда будет со мной, но мне нужно снова научиться жить. Потому что жизнь — это намного больше...

Я не жду, пока он сделает шаг. Вместо этого я хватаю его за челюсть и тяну ближе, пока наши губы не соприкасаются

— Я думал, что ты не готова, — говорит он рядом с моими губами.

— Я делаю шаг ближе. Пришло время серьезно отнестись к этой программе и действительно доказать свое существование. Поцелуй меня, Джейс. Заставить меня чувствовать снова.

Он улыбается, прежде чем наши губы соприкасаются. Этот поцелуй затмевает затяжную и понятную вину, борющуюся во мне. Освободиться от чувства вины потребует времени, как и желание двигаться дальше. Прошло почти два года. Я двигаюсь дальше. Одним поцелуем с Джейсом я доказываю свое существование.

Картер

— Это не дворец, но меня устраивает, — я пожимаю плечами, чувствуя себя неловко. Зачем я привел ее сюда?

Она осматривается, замечая каждую маленькую паутину в углу потолка, каждую пылинку и потертости на моей полуразрушенной мебели.

Если я хотел произвести на нее впечатление, то я делаю довольно дерьмовую работу.

Что? Мне нужно произвести на нее впечатление? Поэтому я привез ее к себе домой? Если это так, то мне нужно ударить себя по яйцам. Потому что привести ее сюда, чтобы произвести на нее впечатление было довольно глупым решением.

«Эй, Дейзи, посмотри. Вот здание, на стены которого мочатся бомжи. И пока ты там, проверь матрас, на котором я сплю. И раздолбанную кухню, на которой мне, как профессиональному повару, стыдно готовить. И этот сквозняк, чувствуешь? Ага, это особенное. Называется подхватить пневмонию. Это прекрасно, правда?»

Нахер.

— Вот это да, — наконец-то она говорит, глядя на меня.

Это — вот это да «я не могу поверить, что ты живешь в этом сраном месте»? Или... да кого я обманываю? Это — вот это да «я не могу поверить, что ты живешь в этом сраном месте». Нет другого варианта, когда дело доходит до моей жизни, моего жилья, моей чертовой удачи.

Я хватаюсь за затылок, избегая смотреть на нее.

— Да, это единственное место, которое я мог найти в то время.

— Почему ты это делаешь? — спрашивает она, указывая на мою руку, которой я тру шею.

— Ты о чем?

Она имитирует мое действие.

— Волнуешься. Почему?

— Разве это не очевидно? — она смотрит на меня непонимающе. — Ну же, Снежинка, это место — дыра. Не знаю, зачем я привел тебя сюда.

Она хмурится и морщит нос. Это выглядит мило. Черт, я хочу снова ее поцеловать.

— О чем ты говоришь? Я сказала «вот это да», потому что ты живешь один. Это так удивительно. Осмотрись, — она поворачивается, широко расправив руки, когда ее волосы развеваются. — У тебя есть все это. Это твое. Тебе не нужно беспокоиться о соседке по комнате, о бабушке или о сестре и ее женихе. И, кстати, я слышу, как они занимаются сексом, — она вздрагивает. — Ты можешь ходить голым, если захочешь, оставить молоко, не переживая об этом, и тебе не нужно беспокоиться о том, что ты потревожишь кого-то другого. Ты действительно живешь.

Она садится на один из шатких барных стульев на моей кухне и несколько раз стучит по стойке.

— Да, это здорово.

Она сейчас серьезно? Я осматриваю свою квартиру, убеждаясь, что вижу то же самое, что и она. Она думает, что моя квартира — это здорово? Это вообще возможно?

— Снежинка, это место — дыра.

Она качает головой.

— Ты не так на это смотришь, — она встает и идет в мою сторону, сцепляя наши руки, указывая на мою жилплощадь. — Ты можешь видеть потертости на полу или старую, сломанную мебель, но то, что я вижу — это свобода, — она поворачивается ко мне, с великолепной улыбкой на ее прекрасном лице. — Это твое святилище. Для тебя, это может и немного. Это просто твое пространство. Понял? — она повторяет мои слова, заставляя меня улыбаться.

— Понял.

— Хорошо. Она хлопает в ладоши от радости, посмотри, как я учу тебя любить свое пространство. О! — она поворачивается ко мне со сверкающими глазами. — Это может быть что-то новое, чему ты научишься для «Дорогой Жизни».

— Да ладно. Ты знаешь, я не участвую в этом.

— Да, твоя «доска мечты» на салфетке была очень выигрышной, — саркастически говорит она.

— Это заняло у меня много времени, — говорю я со смехом.

— Уверена в этом, — она ходит по квартире, касаясь вещей, изучая. — Почему бы не поучаствовать? Ты должен ходить на встречи и писать письма. Так как ты уже здесь, то можешь присоединиться.

— Я сделал достаточно.

— О, забыла, — она играет с листьями на моих окнах. — Ты Картер Кроуфорд. Ты не участвуешь, ты слишком крут для этого. Вместо этого, твой вклад в общество заключается в том, чтобы люди не витали в облаках, и возвращаешь их на землю твоим веселым настроением.

— Я слышу сарказм от девушки, которая часто витает в облаках, — я подхожу сзади, заполняя ее пространство.

— Это может быть весело.

— Да, но в какой-то момент тебе придется столкнуться с реальностью, которая сильно разочарует.

— Так почему бы не жить в облаках? — спрашивает она, поворачиваясь лицом ко мне, переплетая наши пальцы.

— Потому что, Снежинка, не всем повезло, как тебе. Не все могут жить на отцовские деньги. Некоторые из нас должны работать, чтобы получить желаемое.

— Эй, — она отходит назад и снова хмурится. — Это не очень хорошо, Картер. Я не знала, что мой отец оставил мне эти деньги. Это было для меня неожиданностью.

— Я не это имел в виду.

— Тогда что ты имел в виду? Потому что сейчас, кажется, что ты ведешь себя как придурок без какой-либо причины.

Боже, она злится и это очаровательно.

— Ты неправильно это воспринимаешь. И не понимаешь. Тебе повезло, что не нужно так много работать, как мне, чтобы остаться на плаву.

Она качает головой.

— Нет, Картер, это ты не понимаешь. Ты думаешь, что мир должен тебе, потому что пока тебе не повезло. Но знаешь что? Ты не единственный человек, который думает, что борется. Мне двадцать один год, а я никогда не летала на самолете, никогда не была в каком-нибудь другом штате, кроме Колорадо. Друзья? Еще несколько месяцев назад у меня их не было. Быть близкой с человеком? Понятия не имею, каково это. Я так укрылась, так

отрезана от этого мира. Для каждого нового опыта я постоянно испытываю чувство тревоги. И думаю, не слишком ли я переусердствую, или наоборот слишком равнодушна, потому что единственный человек с кем я взаимодействовала — это моя бабушка. Это для меня все ново, и тебе не кажется, что я чувствую себя потерянной? Потому что так и есть. Я пропустила все. Выпускной. Первые парни, вызывающие недоверие у моих родителей. Глупые вещи, которые совершает каждый подросток. Для меня это все чуждо. Ты можешь думать, что жизнь тебе должна что-то, но она также должна мне. Жизнь не состоит из конфет и радуги.

— Тогда давайте изменим это, — говорю я, глядя на нее, словно волк смотрит на свою добычу.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает она, выглядя как испуганный маленький ягненок.

— Хочешь реальности? Хочешь упасть с облаков? Как тебе это? — я подхожу к ней, сокращая расстояние между нами. — Когда я впервые увидел тебя в «Дорогой жизни», в этих отвратительных комбинезонах и водолазке все, о чем я мог думать, это то, что скрывается под ними. А потом ты заговорила, — я делаю еще один шаг. — Твой голос, такой невинный, такой чистый, это был как удар, чего я никогда не испытывал раньше, — еще один шаг. — Потом ты улыбнулась, и я думал, что меня ударили по лицу. Ты была такой яркой, такой невинной, — наконец-то добираюсь до нее и прижимаюсь рукой к щеке. Она такая мягкая везде? — А потом я увидел твою душу и подумал, что это гребанный сон. Как могла эта странная Снежинка, такая чистая, но в то же время сложная, как она могла хотеть говорить со мной? — я опускаю руку к ее шее. — Но это ты, и черт, если я не думал о тебе каждый день с того времени, — я вздыхаю и шагаю вперед. — Ты мне нравишься, Дейзи, больше, чем это возможно. Мы оба знаем, что ты должна быть с кем-то намного лучше меня, но, черт возьми, если я позволю этому случиться. Не тогда, когда ты все еще считаешь меня интересным. Называй меня эгоистом, мудаком, но с тобой я забываю обо всем вокруг. Ты прекрасна. Такую Дейзи можно встретить лишь только раз в жизни, и черта с два я упущу тебя.

Прежде чем она ответит, я прижимаюсь губами к ее. Мои пальцы касаются ее кожи, пропуская ток, заставляя ее делать то же самое.

Она прижимает ладони к моему лицу. Ее мягкие губы, нежные прикосновения. Ее вздохи убивают меня, потому что они не фальшивые. Они настоящие. Она такая реальная. От невинного взгляда, когда она собирается научиться чему-то новому до того, как она улыбается, шутя и чувственного взгляда, который я вижу прямо перед тем, как поцеловать ее.

Это чертова реальность.

И именно это заставило меня цепляться за нее. Как будто я не могу отпустить.

Ее невинность, ее чистота. То, как она видит этот мир. Я зависим.

Поднимая ее к окну, я прижимаюсь к ней бедрами. Она не двигается. Она принимает мои прикосновения, ее тело плавится, как масло, полностью отдавая себя.

Нет никаких стен, никаких границ между нами. Я провожу руками по ее шее, по ее плечам к ее грудной клетке, мои пальцы останавливаются у ее груди. На сексуальном вздохе ее губы отодвигаются от моих, а глаза широко раскрыты пока мои пальцы осторожно ласкают кожу прямо под грудью.

— Картер, — говорит она, затаив дыхание. Она кусает нижнюю губу, нервно смотря на меня. — Я никогда не делала вещей сексуального характера.

Я хочу рассмеяться.

— Сексуального характера, — только Дейзи могла сказать подобное. Но чтобы не обидеть ее, я сглатываю и говорю: — Я вроде как догадался, Снежинка.

— Это так очевидно?

Ее щеки краснеют. Конечно, это очевидно, но это не плохо. Ее чистота, это мне нравится.

Я прижимаю ладони и держу за плечи, глядя в ее красивые застенчивые глаза.

— Это не очевидно. Я просто знаю твое прошлое.

— Думаешь, я неудачница?

— Что? Нет, — я сердито отвечаю. — Почему, черт возьми, я должен так думать? — она пожимает плечами, не зная, почему задала этот вопрос. — Твоя крутость не определяется тем, насколько ты вызывающе вела себя раньше. Это то, какая ты внутри. И после того, как я услышал истории с твоей бабушкой и то, как ты относишься к жизни с улыбкой, заставляет считать тебя крутой.

Ее яркая улыбка съедает меня живьем.

— Ты очень крутой, Картер.

— Мне же лучше, если ты так считаешь.

— Так и есть, — волнуясь, она встает на носочки и прижимается к моим губам, снова соединяя наши тела. Мне это нравится. Как она следует за мной. За мной. — У меня есть вопрос, — говорит она, когда отрывается от моих губ.

— Да? Какой именно?

Ее пальцы играют с моими короткими прядями.

— Не хочешь познакомиться с моей бабушкой? Она хочет знать, с кем я тусуюсь. Знаешь, она очень переживает и с тех пор...

— Конечно, — говорю, чтобы она замолчала. — При одном условии.

— Каким? — она спрашивает, ее улыбка становится ярче.

— Мы будем целоваться на диване. Этот разговор сводит меня с ума. Я просто хочу, чтобы твои губы были на моих.

Волнуясь, она говорит:

— Ладно, но я не... готова, если ты понимаешь, о чем я.

— Да, и я тоже.

— Подожди, что? — она спрашивает, выглядя оскорбленной, что вызывает у меня смех.

— Да, все верно, я тоже не готов идти дальше. То, что ты меня заводишь, не значит, что я собираюсь взять тебя у окна. Когда есть такая связь, как у нас, то не стоит торопиться. Не волнуйся за меня, есть поцелуи и интимные ласки.

— Интимные ласки? — спрашивает она, подняв бровь. Так чертовски мило.

— Ну да. Ты не можешь заставить меня держаться подальше от твоих сисек слишком долго. Я мужчина, бл*дь, ну в самом деле.

Она хихикает, когда я обнимаю ее и веду к дивану. Накрывая ее тело своим, я наклоняюсь, чувствуя ее нежность и тепло.

Сейчас я не чувствую ничего, кроме чистоты Дейзи, и черт, если я не теряю голову из-за этого. Из-за нее.

Джейс

— У тебя есть все необходимое? — спрашиваю я из прихожей своей маленькой квартиры.

— Все в порядке, — отвечает Холлин.

Я выхожу из ванной и стою рядом с кроватью, потирая шею, не зная, что делать.

Холлин остановилась на ночь. Я предложил ей номер в отеле, но она сказала не быть смешным, и она просто остановится ненадолго со мной в моей маленькой квартире. Она не хотела, чтобы я тратил на нее деньги, хотя именно я попросил ее приехать сюда.

Черт, я не собираюсь спорить.

Единственная проблема — моя холостяцкая квартира, в которой есть только два кресла перед телевизором с большим экраном и кровать. У меня даже нет шкафа, который был бы кстати. Поэтому Холлин увидела всю мою одежду, сложенную на полу. Это выглядит хреново.

Мне должно быть все равно, но мне нравится Холлин, и я хочу произвести хорошее впечатление. Хотя в последнее время не очень хорошо справляюсь с этим. Я плакал при ней и это меня смущает.

Сегодняшний день с Итаном. Да, это было какое-то дерьмо. Когда я уходил от Ребекки, все, о чем я мог думать — добраться до Холлин. В ожидании ее, я размышлял, что делаю и зачем она мне нужна. Только увидев ее в аэропорту, я уже знал. Она успокаивает меня. Она успокаивает мою душу.

От ее доброго, понимающего взгляда и нежных прикосновений, она избавляет меня от тьмы, в которой я нахожусь, и превращает ее во что-то яркое, настоящее.

Я слышу звенящие звуки из ванной. Холлин, она здесь. Она действительно здесь.

— Все в порядке?

Дверь открывается, в спальню проникает свет, и появляется Холлин с завязанными волосами, без косметики и в свободной футболке.

— У тебя есть бумажные полотенца? — она топчется на ковре, спрятав руки за спиной, избегая смотреть на меня.

— У меня остались салфетки Chipotle, — я вздрагиваю. Чистящих средств в моей квартире нет, так как у меня есть горничная. Но у меня должны быть хотя бы бумажные полотенца... если я попаду в продуктовый магазин, как и планировалось.

— Это подойдет.

Я поворачиваюсь, чтобы взять салфетки, когда чувствую запах моего одеколона. Какого черта?

— Ты использовал мой одеколон? — я машу рукой перед моим носом. — Как много?

У нее виноватое выражение лица. Она не отрицает.

— Ну, — она потирает лоб и топчется на месте. — Я как бы хотела понюхать его, и случайно уронила его в раковину, разбив бутылку.

Я пытаюсь не засмеяться.

— Но он был в моей аптечке. Что ты там искала?

Она вздрагивает, стыдась и смущаясь.

— Ты поверил, если бы я сказала, что искала ночной крем?

— Нет, — я скрещиваю руки на груди и качаю головой.

— Как насчет Gold Bond?

Я приподнимаю бровь:

— Крем от зуда. Нет.

— Тампоны? — пытается она снова.

— Черт, нет, — я ухмыляюсь.

— Прекрасно, — ее плечи опускаются. — Я шарилась в твоих вещах, неосторожно взяла одеколон и разбила его в твоей раковине. Я просто хотела понюхать. Кто знал, что бутылка будет такой скользкой?

— И зачем ты хотела его понюхать? — я дразню ее, заставляя краснеть, Боже, мне это нравится.

— Потому что, ну... я слышала, что если вначале почувствовать запах, а потом попробовать на вкус, то получишь весь спектр эмоций? — в ее голосе нет уверенности. Этот вопрос. Чтоб меня.

— Узнать запах, перед тем как попробовать? — я подхожу к ней. — Ты имеешь в виду меня или одеколон?

Я быстро сокращаю расстояние между нами, ее тело напрягается с каждым моим шагом. Ее руки дрожат. Я правильно предполагаю? Или она нервничает?

— Я не про одеколон, — отвечает смущенно.

Нас разделяет несколько дюймов. Моя рука на ее талии, я смотрю на нее, мое дыхание замедляется. Она сказала, что готова? Верно? Я не хочу заходить слишком далеко, и все же мне это нужно. Мне нужно знать, как она будет чувствоваться рядом. Ее кожа с моей, наши поцелуи, как наши сердца бьются в унисон.

Мне это нужно.

Но я буду ждать, если она не готова. Мне этого не хочется, но я буду ждать.

Я касаюсь пальцем нижней части ее лица, восхищаясь ее красивым лицом. И я не могу не думать, что Эрик был счастливым сукиным сыном, когда женился на Холлин. Даже если это было недолго.

— Я хочу тебя поцеловать. Очень хочу.

— Тогда сделай это, — шепчет она.

— Я не могу.

Наклонив голову, она спрашивает:

— Почему?

Разве это не очевидно? Эта женщина иногда может быть такой забывчивой.

— Потому что, — я наклоняюсь, касаясь носом ее лица, останавливаясь возле ее уха. — Если я поцелую тебя сейчас, то не смогу остановиться. Я сниму с тебя эту футболку и буду целовать твоё тело, исследуя своим языком.

Она замирает, и я чувствую, как ее пульс ускоряется, а тело напрягается. И я понимаю, что облажался. Она позволила мне поцеловать ее. Это не значит, что я могу облизать каждый дюйм ее тела.

Господи, Джейс. Черт.

— И чего ты ждешь?

От стыда я опускаю голову, прежде чем слышу ее слова. Что?

Чего я жду?

Подождите, что?

Я смотрю на нее в волнении и удивлении. Я чувствую, как она колеблется, но эти глаза говорят о ее желании.

Не хочу, чтобы она жалела об этом утром, поэтому я останавливаюсь.

— Ты уверена? — несмотря на желание исследовать ее тело, понимаю травму, через которую она прошла. Я первый мужчина, с которым она была близка с тех пор, как умер ее муж. Поэтому я не хочу пользоваться ее уязвимостью.

Оглядываясь, она кусает внутреннюю часть щеки, размышляя о своем решении. Ее неопределенность заставляет меня отступить.

— Все в порядке, — говорю я, соединяя наши руки. Нежно целую ее запястье: — Мы можем просто пойти спать.

Я подталкиваю ее к кровати, но она сопротивляется.

— Я не хочу спать.

— Холлин...

— Нет, не анализируй это. Просто позволь быть этому моменту, дай мне узнать эти чувства, которые я сейчас испытываю.

Ее умоляющий взгляд просит выслушать ее, а не следовать защитному инстинкту.

— Пожалуйста...

Черт. Эти губы, эти глаза, как она сжимает мою руку. Как я могу отказать? Я хочу быть рыцарем, помогая ей пройти новые этапы в ее жизни, направляя ее, но я также хочу попробовать каждый ее дюйм.

Я обдумываю все варианты между моим эгоизмом и тем, что мне кажется, хорошо для нее. Но прежде чем я отвечаю, она толкает меня на кровать и садится на меня сверху, обхватив ногами.

Я отвожу руки в сторону, пока она хватается подол моей рубашки, обнажая накачанный живот, который является результатом тяжелой работы в спортзале. В ее глазах похоть, пока ее пальцы проводят по моему животу с шестью кубиками пресса. От простых царапин я становлюсь твердым.

Трудно остановиться, когда чувствуешь ее желание, и это заводит меня. Ее пальцы поднимаются выше по моей груди, слегка царапая мои соски.

Черт, это чувствуется чертовски хорошо.

— Боже.

Я хочу перевернуть ее на спину, раздвинуть ноги. Наши тела идеально подходят, но я сдерживаюсь. Это не значит, что мне нужно быть грубым с женщиной. Нужно дать ей возможность для принятия следующего шага, что позволит сегодня доказать ее существование.

Приподнимаясь, я помогаю ей снять рубашку, и отбрасываю ее в сторону. Она трогает мои плечи и бицепсы, оценивая. Ее руки касаются моих предплечий и пальцев, направляя их к подолу ее рубашки. У меня отличный вид на ее бедра от того, как задралась ее рубашка, и я чувствую, что получу еще один отличный вид. Я умираю, как хочу это увидеть.

Я не действую. Я не срываю эту чертову штуку. Терпеливо жду, когда она это позволит. Она кажется неуверенной, нерешительной в своем следующем шаге. Из-за того, как бегают ее глаза, очевидно, что она настроена решительно. Если бы я только мог узнать, что происходит в этой маленькой головке.

Она нервничает?

Она хочет сделать это с кем-то еще?

Она думает об Эрике...

Через мгновение она меня удивляет. Вместо того чтобы дать возможность помочь, она одним движением обнажает свою грудь в лунном свете.

Господи. Ее сиськи совершенны. Маленькие, дерзкие, идеальные. Я могу часами так сидеть с ней в этом положении, изучая каждый маленький дюйм ее кожи.

Желание снова появляется в ее взгляде, она поднимает руку и распускает волосы, позволяя рыжим волнам рассыпаться каскадом на ее плечи. Черт, это самое сексуальное зрелище, как шелковистые волосы обрамляют ее прекрасные черты.

— Черт, ты такая красивая, Холлин, — слова вырываются сами собой, потому что это правда.

Дело не в том, что я пытаюсь произвести на нее впечатление. И не в том, чтобы быстро и грязно потрахаться. Это связь, которая у нас появилась за последние два месяца. Это неоспоримая сила, которая объединила нас не только для того, чтобы помочь друг другу, но и для того, чтобы исцелиться.

— Это было так давно, Джейс, — признается она, наклоняясь вперед, ее грудь касается моей голой груди. Это настолько чувственно, так чертовски эротично, что я должен сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и позволить ей контролировать.

— Я знаю, детка, — спокойно, искренне, с осторожностью говорю я. — Ты главная. Я ничего не буду делать, если ты не захочешь.

— Что, если я хочу, чтобы ты взял на себя инициативу?

Я качаю головой.

— Нет, Холлин. Это твое шоу. Ты ведешь. Я не хочу переходить границы.

С серьезным взглядом, она говорит:

— Я не хочу, чтобы ты относился ко мне как к фарфору. Я сломлена, Джейс. Как и ты. Исцели нас обоих. Возьми все под свой контроль и заставь нас снова почувствовать. Покажи, каково это — жить снова. По крайней мере, на какое-то время.

— Холлин, ты не знаешь, как мне сейчас трудно сдерживаться.

— Нет, — ее рука опускается на колени, ее пальцы очень близко к моей эрекции. — Я хочу снова узнать, что такое близость. Напомни мне, Джейс, — она приподнимается на мгновение, и мое тело ненавидит эту потерянную связь, пока ее руки не хватают мой член через шорты.

Закрыв глаза, моя грудь и шея напрягается, проклятия остаются на кончике языка от ощущения ее небольшой руки, обернутой вокруг меня, бл*дь.

Черт, черт, черт.

— Отпусти, — шепчет она. — Отпусти и возьми меня, Джейс, — одним движением переворачиваю ее на спину, нависая над ее маленьким телом, ее волосы рассыпались по серому одеялу.

Я смотрю, как вздымается ее грудь, как ее соски нуждаются в облегчении, на ее пухлые раскрасневшиеся губы. Я не знал, что такое сексуально до этого момента. Холлин — это чертовски сексуальное зрелище, и черт, если не она растопила весь лед в моем сердце. Как только я окажусь в ней, моя жизнь изменится. Она поменяла правила игры, изменила жизнь своим присутствием, которое поглотит меня.

Я только надеюсь, что это будет к лучшему.

Забудь. Итан, Ребекка, Хоуп, забудь все. Существует только этот момент.

Опускаясь вниз, я даю ей то, что она хочет: исцеление, близость, причину снова жить.

Прижимаясь губами, наши языки сплетаются в беспорядке, ее руки тянутся к моим волосам, дергают, умоляя быть ближе. Наши бедра соприкасаются, наши ноги сплетаются, наши мягкие стоны заполняют ночную тишину. Наши тела пропитаны сексуальной энергией.

Мы не сдерживаемся. Сняв всю одежду, наши тела ищут облегчение. Освобождение от мучительных демонов, находящихся над нашими головами.

Наслаждаясь каждым ее вздохом и стоном, я сжимаю ее соски. Мой член болит, нуждаюсь в ее тепле, и наше дыхание смешивается.

Она сжимает мою длину, двигая ладонью по кончику, сжимая так сильно, что я с трудом дышу. Черт, я практически теряю контроль.

Мы катаемся на кровати, извиваясь и вращаясь, наша кожа пропитана потом, и мы не в состоянии остановить наши поцелуи.

Хочу лизать и целовать каждый дюйм ее тела, я не могу контролировать свой рот. Все, что я хочу сделать, это целовать ее, найти утешение в ее губах и ее влажности. Мой член находится в опасной близости с ее гладкой киской, с ногой, с животом, пока мы двигаемся.

— Презерватив, — бормочу я. — Сейчас.

Отодвигаясь от нее, я тянусь к тумбочке за презервативом.

Я разрываю обертку зубами и раскатываю по длине в считанные секунды. Все это время мой взгляд не отрывался от Холлин, ее тело блестит от пота, ее волосы в беспорядке, а щеки покраснелись. Чертовски сексуально.

Нужда.

Желание.

Между нами явное притяжение.

Ее ноги широко расставлены, давая мне идеальную возможность. И, черт возьми, я это делаю.

Я прижимаюсь своим лбом к ее, наше дыхание смешивается, когда я вхожу в нее. Я останавливаюсь, давая ей время привыкнуть, прежде чем она глубоко вздыхает.

Такая тугая. Такая идеальная.

Она вжимается в матрас и просит большего. Поэтому я хороню себя, глубоко внутри нее, не позволяя этому моменту уйти из моей памяти.

— Боже, — она кричит, вцепившись руками в мою шею, ее рот ищет мой, пока она крутит бедрами, чувствуя жар между нашими телами.

Она сжимается вокруг меня. И еще... Боже, мой член пульсирует внутри нее.

Черт, нуждаюсь в большем, я толкаюсь в нее.

Мы не прекращаем поцелуи, комнату заполняют звуки ударов нашей кожи, наэлектризованные удовольствием.

Вперед-назад. Внутрь-наружу. Мое тело реагирует на каждое сжатие, каждый звук, каждое ее прикосновение, это калейдоскоп эротических ощущений, чувство, которого я никогда раньше не испытывал.

Ее стоны, то, как она сжимается, бросают меня через край.

Здесь все. Каждое ощущение, каждый звук, каждый запах. Я могу умереть прямо сейчас и отправиться на чертовы небеса с ней, обернутой вокруг меня.

— О, Джейс, — она стонет. — Боже. Я уже близко.

Черт, я тоже.

Я слышу крик Холлин, когда ее стенки сжимают меня так сильно, что мое зрение размывается, превращаясь в черное пятно. Я почти уверен, что мой член отвалится.

Ее имя соскальзывает с моего языка, когда я вхожу и изливаюсь в нее.

Пытаясь прийти в себя, я открываю глаза, и вижу ее удивленный взгляд. И в тот момент я понимаю, насколько я облажался.

Она мне нравится.

Не только нравится. Я влюбляюсь в нее.

И я влюбляюсь так сильно. Я просто надеюсь, что не влюбился в ту, которая никогда не будет любить никого, кроме ее мужа. Потому что мое сердце разбито, а это может разрушить его.

Дейзи

— Мне просто нужно задать один вопрос, — говорю я, отрываясь от губ Картера, прерывая наш сеанс поцелуев.

Я вижу его затуманенный взгляд, когда она смотрит на меня своими темными глазами. Его волосы упали вперед, его губы опухли от моих поцелуев.

Моих поцелуев!

— Что такое? И лучше, если это не будет из тех вопросов, о которых ты говорила ранее, где люди придумали термин «птицы и пчелы»⁷¹.

— В этом нет смысла.

— Это про опыления пчел и... нет, мы не будем проходить это снова. Просто задай свой вопрос.

— Ладно. Итак, я прошла через половое воспитание. Я кое-что знаю.

— Хорошо, — его разочарование превращается в сексуальную улыбку. — Я рад, что ты кое-что знаешь.

— Но хотелось бы кое-что уточнить. Но один вопрос.

— Только один? — я слышу нотки смеха в его голосе. — Ну, если так, то ты хорошо образована.

— Не дразни меня.

Он поднимает руки.

— Не дразню, Снежинка. Просто в ужасе.

Я кусаю нижнюю губу, которую он быстро целует и говорит:

— Задай свой вопрос, чтобы я мог вернуться к этим сексуальными губам.

Чувствую бабочек в животе и дрожь по телу. Это вызывает у меня головокружение.

Собираясь с мыслями, я говорю:

— Хорошо, но не смейся надо мной.

— Обещаю. Так что за вопрос?

Чувствуя нервозность, я глубоко вздыхаю.

— То, что прижимается к моему бедру — это твоя эрекция?

Он останавливается, наклонив голову, словно изучая. Я жду его ответа, надеясь и молясь, что не звучала как идиотка. Уголки его губ приподнимаются, и он ярко улыбается мне.

— Ты спрашиваешь, то, что прижимается к моему бедру, — это моя эрекция?

— Да.

— Почему бы тебе не спуститься и не выяснить.

Мне не надо смотреть в зеркало, чтобы знать, как покраснели мои уши и щеки.

---

⁷¹ «пестики и тычинки», способ говорить об отношениях полов в образовательных целях

Спуститься и узнать? Это кажется таким бесстыдным, но все же мне хочется это сделать.

— Судя по твоему взгляду, ты этого хочешь.

Он отодвигается, давая мне возможность сделать это.

Должна ли я?

Это так далеко от моей зоны комфорта. Я не думаю, что я даже нахожусь в этой зоне.

Больше похоже, что я далеко за пределами.

Но я никогда не была такой девушкой. Боже, я никогда раньше не была близка с мужчиной.

Считалась бы я гулящей девушкой, если бы я засунула руку в штаны парню, пока целовалась с ним?

Могу я позвонить Аманде и спросить?

По его решительному и напряженному взгляду, думаю, это исключено. Я должна сама принять решение.

Я только собираюсь ответить, когда он начинает смеяться. Он качает головой в недоумении.

— Снежинка, я не ждал, что ты будешь трогать мой член. Я просто шучу. Но мысль о том, что ты даже думаешь об этом, очаровательна, — наклонившись, он целует меня в нос.

Очаровательна. Почему это слово заставляет меня чувствовать себя маленькой? Возможно, потому что так меня называет бабушка. Я не хочу быть очаровательной.

Я хочу быть сексуальной, любимой, желанной.

Не очаровательной.

— Что не так? — спрашивает Картер, смутившись от моего молчания.

Что бы сексуальная женщина сделала в такой момент? Облизала губы? Прижалась грудью? Сняла стринги?

Снять стринги звучит экстремально.

И он практически опирался на мою грудь, поэтому было странно, если бы я это сделала. Вероятно, он подумает, что я пытаюсь оттолкнуть его.

Облизать губы. Хм... Это я могу сделать.

Прищурившись, чтобы выглядеть сексуально, я смотрю в глаза Картера и облизываю каждый дюйм моих губ. Я двигаю языком вокруг рта, убедившись, делаю это как по часовой стрелке, так и против нее.

О да, посмотри на меня... а вот и сексуальная Дейзи...

Подождите, почему он нахмурился? Почему он отодвигается от меня?

Он отодвигается. О да, он, видимо, дает мне доступ к ее члену. Это твой момент, Дейзи. Будь сексуальной женщиной, которой ты хочешь быть. Не сдерживайся.

Продолжая лизать губы, поднимаю руку, и чувствую силу, которая меня удивляет.

Еще недавно довольный и счастливый Картер, теперь стоит на коленях, схватив мое запястье, когда мои пальцы обернулись вокруг его промежности.

Думая, что это приятный опыт для Картера, я сжимаю рукой его член, но, похоже, ему это не нравится, когда он начинает кричать на меня.

— Дейзи, отпусти.

— Что? — спрашиваю, облизывая губы и чувствуя, как его член пульсирует в моей ладони.

Пульсирующий член в ладони. Я буду искать в интернете такую фразу. Возможно, я смогу оформить авторские права.

— Отпусти! — говорит он гневно, отрывая мою руку от него.

— Эй, я тебя сжимала.

Сев на диван, она закрывает глаза рукой, и со вздохом говорит:

— Я прекрасно чувствую, как ты сжимаешь. Боже, Дейзи.

Это было плохое «боже» или нет?

Желаю выяснить, я ползу к нему. Он вздрагивает, открывая глаза, и прикрывает промежность рукой в защитном жесте.

Думаю, это было плохо.

— Это не сексуально?

— Ты считаешь сексуальным кастрировать меня?

— Я не кастрировала тебя, — говорю я смущенно.

— Снежинка, твоя рука была как тиски на моем члене. Какого черта ты пыталась сделать?

Не такой должна была стать моя первая попытка быть сексуальной. Я не так облизывала губы? Возможно, я была немного агрессивна, сжимая его. Но как только я это сделала, то не хотела отпустить. Это было как эстафетная палочка в штанах, а мои руки были участниками в ее передаче.

— Ну, я была смелой, знаешь, сексуальной Дейзи. — отвечаю я.

— Сексуальная Дейзи?

— Да, — смутившись, я сажусь на диван рядом с ним, глядя на комнату, потому что я слишком застенчивая (и в ужасе), чтобы смотреть ему в глаза. — Я хотела выйти из своей зоны комфорта и попытаться быть сексуальной. Из-за страха в твоём взгляде я полагаю, что потерпела неудачу.

— Снежинка, зачем тебе пытаться быть сексуальной? Тебе не нужно...

— Я хочу быть такой, — ненавижу это чувство. Будто мне нужно защищаться. — Мне надоело, что ты называешь меня очаровательной. Так сказал бы старший брат своей младшей сестре. Я хочу быть больше, чем очаровательной. Я хочу быть желанной.

Краем глаза замечаю, как его взгляд смягчается. Он подвигается ко мне и обнимает, пока я смотрю на потолок. Опираясь вперед, его дыхание щекочет мое ухо, когда он говорит.

— Снежинка, думаешь, я не хочу тебя?

— Не знаю. Я просто... — как мне сказать, не звуча при этом неуверенно?

Я не успеваю ответить, потому что Картер шепчет мне на ухо и мои ноги начинают дрожать от его сексуального голоса.

— Думаешь, что я не хочу тебя? Ты ошибаешься, Дейзи. Это притяжение между нами. Мне даже не надо быть рядом с тобой, чтобы хотеть тебя. Мне не нужно, чтобы ты пыталась быть сексуальной, потому что для меня ты и так такая, — он целует мою шею, а руки опускаются к моей талии. Ты действительно очаровательная.

— Картер, — я протестую, когда его руки добираются до пуговицы моих джинсов.

Мое сердце бешено бьется, живот скручивает в узел, а между моими ногами появляется ноющая боль.

— Милая и сексуальная, ты знаешь, почему ты очаровательна? — спрашивает он, касаясь губами моего уха.

Мой рот наполняется слюной, и я боюсь говорить, поэтому я качаю головой.

Не глядя, его ловкие пальцы расстегивают пуговицу на моих джинсах, и я чувствую, как тепло растекается по моему телу.

Потянув за молнию, мое сердце сжимается и дыхание сбивается, когда он целует мою шею.

— Ты так возбуждена и нуждаешься в освобождении, что я вот-вот потеряю контроль и трахну тебя прямо на этом диване, — я вздыхаю. — Но этого не будет, — говорит он, проникая пальцами под мои джинсы, под эластичные стринги.

— Вместо того чтобы перевернуть тебя и войти, я не тороплюсь. Знаешь почему? Потому что ты особенная, и я предпочел бы наслаждаться каждым дюймом твоего невинного и чистого тела, вместо нескольких минут быстрого, грязного секса.

Я не могу говорить, когда его пальцы касаются нижней части моего живота.

— Ч-что ты делаешь? — спрашиваю я, не уверенная, что говорить в такой ситуации. Я чувствую неловкость, когда Картер двигает пальцами вниз к моему входу. — Ох, — вздыхаю с удивлением, подвигаясь к нему, ощущая его эрекцию своей спиной.

Я возбуждаю его. Как это возможно? Он намного круче меня. Намного опытнее, лучше... во всем.

— Можешь сделать мне одолжение, Снежинка?

Я киваю, не зная, что он собирается спросить у меня.

Его губы прижимается к моей шее и плечу, успокаивая.

— Сними джинсы.

— С-снять? — спрашиваю нервно.

— Да, сними их, — то, с какой настойчивостью он говорит эти три слова, заставляет меня выполнить его просьбу.

Средним пальцем он поглаживает мой клитор, и я стягиваю джинсы, отбрасывая их в сторону. Сложно не чувствовать себя неудобно лежа на диване, прижимаясь грудью к спине, когда на тебе только рубашка и нижнее белье. Он считает это сексуальным?

— Черт, Дейзи, — шепчет он, касаясь своей щетиной. — Почему ты так долго прятала от меня эти ноги? Я хочу, чтобы мое лицо было похоронено между ними, — даже не зная, что это значит, я тоже хочу этого. Я просто хочу. Я хочу Картера. — Но я оставлю это на другой раз. Мы должны что-то сделать с этой рубашкой.

Он поднимает руку по моему животу и снимает мою рубашку. Он смотрит на меня через плечо, наблюдая с интересом, пока обнажает каждый дюйм кожи, пока не доходит до моей груди. Он оставляет рубашку под моим лифчиком, не поднимая выше. Я хочу кричать. Я не хочу, чтобы он останавливался.

— Сними рубашку, — говорю я. Дерзость в моем требовании удивляет меня.

— Нет, — отвечает он, сбивая меня. Волна смущения накрывает меня, прежде чем его рука опускается к моим трусикам. — Сначала я должен коснуться тебя здесь.

С легкостью его палец скользит к моему центру. Меня никогда так не трогали. Черт, я никогда не прикасалась к себе. Это в новинку для меня. Это болезненное и приятное ощущение между ног.

— Боже, Дейзи. Ты такая влажная. Вот почему ты сексуальна для меня. Ты мокрая уже только от моих пальцев.

— Это от того, как ты прикасаешься ко мне, говоришь со мной.

— Мм, — шепчет он. — Тебе нравится мой голос, милая?

— Да, — я киваю, опираясь на его плечо, когда он продолжает поглаживать меня.

— Я запомню это, когда буду внутри тебя, — он скользит пальцами под ткань рубашки, играя с кружевом на моем лифчике. У меня перехватывает дыхание от каждого его действия. — Теперь я не могу больше ждать, чтобы увидеть твою грудь, — я не отвечаю, и он поднимает остальную часть моей рубашки.

Я чувствую холодный воздух, и мои соски твердеют под прикосновением Картера, пока его руки исследуют чашки моего лифчика. Одним рывком, он тянет правую чашку вниз, обнажая грудь.

— Бл*дь, да, — бормочет он, сжимая мой сосок.

То, как он щипает его, заставляет меня взлететь вверх, в поисках облегчения от его пальца.

— О, мой... — не уверена, насколько мой голос звучит сексуально.

— Тебе нравится, как я сжимаю твой сосок, Дейзи? — он сжимает его, и по моему телу проходит волна удовольствия.

Вздохнув, я отвечаю:

— Да.

— Хорошо, — он зажимает мой сосок, задевая пальцем мой комок нервов, вызывая у меня различные ощущения.

Моя рука хватается за мою шею, когда я чувствую его прикосновение.

— Ох, это ощущается... — я не могу говорить, пока он продолжает тереть мой клитор, делая маленькие круги большим пальцем.

— Как это чувствуется?

— Как будто я не могу дышать.

— Прекрасно, — шепчет он и целует меня в шею, его пальцы двигаются, будто он играет на инструменте.

Когда я думаю, что он не может заставить меня почувствовать что-то еще, он сгибает палец внутри меня. Инстинктивно мои ноги раздвигаются, и мое тело плавится, отдаваясь ощущениям.

— Я хочу, чтобы ты это запомнила, — говорит он, целуя мочку уха. Пока он говорит, его пальцы ускоряются, мое тело воспаляется. — Когда ты не чувствуешь себя сексуально, красивой или желанной, вспомни этот момент. Прямо сейчас, с раздвинутыми ногами, твоим дыханием, закрытыми от удовольствия глазами — ты такая чертовски сексуальная. Как ты отдаешься мне, это самое сексуальное, что я видел. Дейзи Борегар, полуобнаженная, извиваясь от страсти, не испытывающая стеснения, исследуя это идеальное тело. Вот почему ты сексуальна. Всегда помни это.

Он не сбавляет темп, и я чувствую жжение внизу живота. Мои ноги становятся ватными, щеки заливаются румянцем, мой центр сжимается, и удовольствие проходит через меня, начиная с моих пальцев ног и к моему позвоночнику.

Я не могу сдержать стон. Я чувствую себя легко, свободно, невероятно. Самое сексуальное, что он видел. Меня? Я едва могу двигаться от импульсов удовольствия, которые все еще проходят сквозь меня. Его пальцы до сих пор внутри меня, и я надеюсь, это продолжится в ближайшее время. Я на небесах.

Так вот что такое оргазм? Если это так, я хочу это испытывать ежедневно каждый час. Я хочу поцеловать его, прикоснуться к нему, исследовать его тело. Он позволит мне?

— Чертов ад, это было горячо, — говорит он, тяжело дыша. — Господи, Дейзи.

Я не могу двигаться. Все в моем теле покалывает, воспаляется, желая большего.

— Это было... действительно хорошо, — говорю я неловко.

— Это было не просто хорошо, Снежинка. Это чертовски волшебно. — Он бросает мою рубашку и усаживает меня, чтобы дотянуться до моих штанов на полу и передать их мне. — Одевайся, чтобы я мог отвезти тебя домой.

Одеться? Отвезти домой?

Он идет в коридор, взявшись за дверную ручку, ждет, пока я оденусь. Круто. Он даже не может смотреть на меня. Чувство неловкости возвращается. Я сделала что-то не так? Смогу я это когда-нибудь исправить? Или когда-нибудь понять этого человека?

Я одеваюсь, чувствуя смущение. Еще секунду назад он обнимал меня, а теперь торопиться выпроводить меня. Я не понимаю.

— Я могу вызвать такси, тебе необязательно отвозить меня, — предлагаю я, закинув сумку на плечо.

— Этого не будет, — мы смотрим друг на друга, и он выглядит будто ему больно. Я чувствую себя потерянной.

Не желая заканчивать эту ночь на плохой ноте, я вздыхаю и говорю:

— Картер, я не знаю, что случилось, но если я сделала или сказала что-то не так, просто скажи об этом.

— Ты не сделала ничего неправильного.

— Тогда почему...

— Если я не отвезу тебя домой сейчас, я сделаю то, о чем я буду сожалеть. Я трахну тебя всеми возможными способами, пока не избавлюсь от напряжения, которое чувствую с тех пор, как встретил тебя. Тебе опасно оставаться здесь со мной. Я не отношусь к хорошим парням, но сейчас пытаюсь быть им. Поэтому поцелуй меня, и садись на байк. Ты едешь домой.

Я улыбаюсь.

— Ты не можешь контролировать себя рядом со мной?

Он хватается за волосы и качает головой.

— Я с трудом сдерживаюсь, Снежинка. Так что, черт возьми, поцелуй меня, и тащи свою очаровательную маленькую задницу вниз. Ты едешь домой.

Я подхожу к нему, когда он прижимает руку к нижней части моей спины и притягивает ближе, другой рукой касаясь щеки, пока смотрит на меня и страстно целует. Из него вырывается стон, и это один из самых сексуальных звуков, которые я слышала.

Он медленно отдвигается с улыбкой.

— Этот мир — дерьмо, но ты как яркий маяк среди этой темноты.

Он знает, что он мой маяк? Потому что сейчас, я не смогла бы увидеть свой нос без его света. Хотя он вряд ли бы мне поверил. Видимо, мне просто нужно показать ему. И надеюсь, я знаю, как это сделать.

Картер

— Страх — это эмоциональное препятствие в вашем душевном состоянии. Некоторые люди вызывают у нас эмоции, из-за которых мы не можем двигаться вперед, — Марлен ходит по комнате, ее каблук стучат по бетонному полу. — Страх может быть изнурительным, изменяющим жизнь, настолько сильным и ощутимым, что он парализует вас. Я знаю. Я видела этот страх и сталкивалась с этим, — она поворачивается к нам. — Я — выздоравливающий героиновый наркоман.

До того, как она рассказала о своем прошлом, я пропускал ее слова мимо ушей. Восстановление после героина. Возможно ли это? Восстановить себя после такого деструктивного препарата? Исходя из опыта с моими родителями, нет никакого выздоровления. Только попробовав, ты не можешь остановиться, пока не дойдешь до передозировки.

По ее внешнему виду, я бы никогда не догадался, что она употребляла героин.

— Были дни, когда я лежала на диване, мой бывший приносил наркотик, и я не могла двигаться, пока не получала свою дозу. Я была настолько зависима, настолько подавлена, преследуя счастье, что действительно никогда не понимала, что являлось для меня счастьем. Дошло до того, что счастье заключалось в этом препарате. Если я не буду колоться каждые несколько часов, то у меня начнется депрессия, и я захочу покончить жизнь самоубийством. Поэтому я продолжала употреблять.

Звучит знакомо. Она могла бы быть лучшими друзьями с моими родителями.

— Но потом я забеременела. Я была неосторожна и не пользовалась защитой. Я была в ужасе, когда увидела положительный тест в моей руке, и не была уверена, смогу ли выйти из ванной. Я была беременна. И самое ужасное было то, что я не боялась растить ребенка. Я боялась отказаться от единственного счастья, которое знала. Страх съедал меня живьем, до такой степени, что я стала употреблять с каждым днем все больше, поэтому через несколько недель у меня случился выкидыш, — она делает глубокий вдох. — Когда я сидела на полу ванной, с кровью моего ребенка вокруг, я не думала, что жизнь может быть более сложной. Вместо того чтобы принять судьбу и жить в страхе, я позволила изменить свою жизнь.

Выйдя вперед, она продолжает:

— Пока ты не столкнешься со своими страхами, никогда не узнаешь, что ждет тебя на другой стороне. В моем случае, я могла бы быть матерью, но теперь никогда не узнаю этого. Не позволяйте этим неприятным эмоциям определять сроки вашей жизни, как это было у меня.

Хлопнув в ладоши, она осматривает комнату.

— Наше следующее путешествие, если вы еще не догадались, это шаг вверх и встреча с вашими страхами. Подумайте о том, что удерживает вас, что останавливает вас от прыжка

через забор и от того, что находится на другой стороне. Пока вы не столкнетесь с вашими страхами, то не сможете это принять.

Страх.

Мой страх не мешает мне, он является стимулом. Страх не быть успешным. Мне мешает мой дядя. Как я должен прыгнуть через забор, если у меня нет контроля над ним? Мне нужны деньги. У меня были деньги, но я их потерял, поэтому мне нужно снова работать. Нет страха, просто чистая ненависть.

Нам дают перерыв, чтобы посетить туалетную комнату, прежде чем мы начнем с нашей группой. Холлин стоит, потягиваясь перед тем, как уйти. Джейс отключает Face Time, оставляя меня наедине с Дейзи.

С тех пор, как мы развлекались на диване, я видел ее несколько раз и занимался простыми делами вроде выпечки, готовки и посещения автокафе. Ничего слишком интимного из того, что было неделю назад.

Я все еще чувствую ее на пальцах, и по какой-то причине меня это беспокоит. Я не тупой. Я не из тех людей, которые не понимают свои чувства. Мне нравится Дейзи, это просто. Но я не понимаю, почему это беспокоит меня.

Может, потому что когда я рядом с ней, то не могу ненавидеть жизнь. Я не могу послать на хер эту программу. Рядом с Дейзи я чувствую себя бодрым. В остальное время моя жизнь полный отстой. Хотя ничего другого в моей жизни не изменилось. Я не хочу полагаться на нее в поисках счастья, но черт, если я не сделал это.

— Ты игнорируешь меня? — спрашивает Дейзи, вырывая меня из моих мыслей.

Прислонившись к моему стулу, сложив руки на коленях, я осторожно смотрю на Дейзи. На ней черные леггинсы, свитер, который доходит до ее верхней части бедра, и сапоги. Ее прямые светлые волосы спадают на плечи. Она даже не имеет понятия, насколько прекрасна.

— Нет, есть вещи важнее, чем игнорировать тебя, — отвечаю я.

— Что это значит? — она морщит нос. — Это не очень приятный ответ, Картер.

Я протираю лицо, вздыхая.

— Да, иногда я могу быть мудаком. Ты уже должна знать.

— Обычно ты был милым со мной.

— Потому что сложно вести себя иначе с такой, как ты.

— Тогда почему ты теперь такой? — спрашивает она, ее лицо выглядит очень обеспокоенным.

Бл*, не хочу, чтобы она плакала. Я в дерьмовом настроении из-за откровения Марлен. Из-за нее я вспомнил о родителях, а Дейзи — счастливица, которой удастся справиться с этим.

— Я не в особо хорошем настроении, — коротко отвечаю я.

— О, — она играет с краем свитера. Боковым зрением я замечаю, как она поднимает голову, чтобы взглянуть на меня. Этот невинный взгляд начинает сводить меня с ума.

— Что? — резко спрашиваю. — Почему ты смотришь на меня?

Я вижу испуг на ее лице из-за моей реакции.

— Прости. Не думала, что сделала что-то не так.

Она резко встает и уходит, а из-за других присутствующих в толпе я теряю ее из вида.

Хорошая работа, Картер. Ты действительно чертов победитель.

Я медленно встаю, чувствуя боль в теле. Мне немного больше двадцати, а ощущение, что за сорок. Это все результат моих ночных готовок за грилем.

Не найдя в комнате Дейзи, я открываю дверь, и вижу ее сидящей на холодных каменных ступенях церкви. Она скрестила руки на груди, наклонившись вперед. В Денвере не очень холодно в марте в отличие от северо-восточной части.

— Дейзи.

Она оборачивается, глядя на меня, а затем снова смотрит вперед. Зная, что мне придется действовать осторожно, я сажусь, и наши плечи касаются друг друга.

Прокручиваю в голове возможные извинения, но ни одно из них не звучит правильно, поэтому я говорю правду.

— Я жил с дядей, потому что мои родители умерли от передозировки. Я слишком близко воспринял слова Марлен. Вместо того чтобы контролировать свои чувства, я сорвался на тебе. Мне жаль.

Ну, это не так сложно, не считая привкуса крови от покусывания щеки.

— Тебе не нужно объясняться, Картер.

— Я не хочу, чтобы ты расстраивалась.

Она пожимает плечами.

— Ты мне ничего не должен. Не похоже, что мы вместе.

Вместе?

Почему, бл*дь, мне хочется ударить камень, на котором мы сидим?

У меня нет возможности ответить ей, когда она выдыхает.

— Не знаю, о чем я думала.

— Что ты имеешь в виду? — мне не нравится, как она говорит загадками.

— Ничего.

Она встает и идет к двери, но я останавливаю ее, схватив за плечо и поворачивая в свою сторону.

— Дейзи, о чем, черт возьми, ты говоришь?

— Не ругайся на меня, — она указывает на меня пальцем, отчитывая.

Закатив глаза, я отвечаю:

— Я сказал «черт возьми». Я же не сказал тебе «бл*дь», — она снова пытается отвернуться, но я останавливаю ее, на этот раз, прижимая к стене. — Скажи, что происходит?

С недовольством, она неохотно отвечает.

— Я набралась смелости, чтобы кое-что спросить, но ты находишься в таком плохом настроении, что я передумала. Я просто хочу забыть все это.

Вопрос? Теперь я действительно заинтригован.

Подвинувшись, говорю непринужденно.

— Хочешь спросить, Снежинка? Ну, значит, не отталкивай меня. Что за вопрос?

— Забудь, это глупо.

— Ты не узнаешь, насколько это глупо, пока не спросишь.

— Тьфу, ты не должен так говорить. Ты должен сказать, ничего из того, что ты спросишь не будет звучать глупо.

— Давай, — я усмехаюсь. — Я не собираюсь врать. Что, если бы ты спросила меня что это за вызывающие молочные мешочки на твоей груди? Это был бы глупый вопрос, так как мы оба знаем, что это твои фантастические сиськи. — Я подхожу ближе, закрывая ее своим сильным, широким телом.

— Мне не нравится эта формулировка.

Посмеиваясь, я говорю:

— Довольно честно. Теперь задай свой вопрос.

Она кусает нижнюю губу, обдумывая. Только она не сможет так легко уйти, пока не спросит.

— Давай, Снежинка. Мы теряем время, пока ты думаешь.

— Ладно, — она вздыхает и говорит: — Моя сестра выходит замуж через несколько недель. Она сказала, что я могу пригласить гостя, поэтому мне было интересно, хотел бы ты пойти со мной. Знаешь, на свадьбу, — она сглатывает и добавляет: — Как моя пара.

Свадьба. Я хотел бы сказать, что я — Винс Вон⁷² из фильма «Незванные гости»⁷³, когда речь заходит о свадьбах, но я — полная противоположность. Я их терпеть не могу. Это

---

⁷² американский актёр, продюсер и сценарист

⁷³ англ. Wedding Crashers (2005) — американская романтическая комедия

бесполезная трата денег, которые можно потратить на покупку дома, а не на вечеринку, которую большинство людей не запомнит из-за кучи халявной выпивки.

Первая мысль — вежливо отказаться. Но ее умоляющие голубые глаза не позволяют мне этого сказать. Уверен, она может заставить меня сделать что угодно.

— Свадьба? — спрашиваю я, оттягивая неизбежное.

— Да. Это может быть весело, — она нервничает. — Там будет свадебный торт. Во всяком случае, ты можешь поесть торт.

— Я могу поесть торт в любое время. Дай мне причину получше, — я ухмыляюсь, сплетая пальцы.

От моей ухмылки, у нее загораются глаза, и она улыбается.

— Открытый бар?

— Хороший ответ, но напиться с кучей потных незнакомцев — не то, чем бы я хотел заняться в субботнюю ночь.

Глядя в сторону, она обдумывает другой ответ.

— Ты станцует со мной медленный танец.

Я беру ее за руки и опускаю на мою талию, прижимая ближе. Двигаясь из стороны в сторону, я говорю:

— Я танцую с тобой прямо сейчас. Попробуй еще раз.

Глядя на меня, она отвечает:

— Я поняла.

— Сомневаюсь, — дразню я.

Она качает головой.

— Нет, я поняла. Если ты придешь на свадьбу, то увидишь меня в одном из самых красивых платьев.

— Самое красивое платье? — спрашиваю, приподняв бровь. — Это то самое платье, фото которого ты присылала?

— Именно так, — с улыбкой отвечает она.

— Насколько оно красивое?

Она наклоняется ближе, прижимаясь губами к моему подбородку.

— Очень красивое.

— Ну не знаю... — тяну я.

— Перестань усложнять, — говорит она, нервно смеясь. — Говоря о моих страхах, нелегко было пригласить на свидание такого парня, как ты. Не говоря уже о парне вообще.

— Парня как я?

— Да, именно.

— Не могла бы уточнить?

— Лучше не надо, — мне нравится, как она дразнит меня, чувствуя себя неловко. Просто показывает, насколько она сильная.

— Ладно, Снежинка, я буду твоей парой.

— Правда? — она подпрыгивает на моих руках. — Ты пойдешь со мной?

— Я пойду с тобой, но при одном условии.

— Каком? — она прижимается к моей груди, крепко обнимая.

— После свадьбы ты пойдешь со мной домой.

— Это самонадеянно. Я еще даже не видела шафера.

Маленькая кокетка.

— Даже не начинай, — предупреждаю я. — Ты пойдешь домой со мной.

— Только если я смогу вести твой байк, — говорит она.

— Когда это превратилось в переговоры? Ты должна убедить меня пойти с тобой. Как все поменялось.

— Потому что...

— Вот, чем ты занимаешься на этих встречах? — глубокий, издевательский тон голоса разрывает мою связь с Дейзи.

Какого хрена? Обернувшись, я смотрю на человека, которого никогда не хотел бы видеть.

Дядя Чак.

Я закрываю глаза, не отвечая ему. Когда я их открываю, я вижу его выпирающий живот и хмурый взгляд у слабо освещенного угла.

— Что ты здесь делаешь? — я закрываю Дейзи собой, ограждая от любого действия, который задумал мой неадекватный дядя.

— Пришел проверить тебя и убедиться, что ты действительно посещаешь эти встречи и выполняешь задания. Судя по всему, вместо этого, ты как обычно занимаешь херней.

— Это не так, — отвечаю я напряженно.

— Если позволите, — говорит Дейзи, поднимая палец, выходя из-за моей спины. — У нас перерыв. Картер очень старается на этих встречах.

— Дейзи, — предупреждаю я.

— Что? — она смотрит на меня. — Это правда, — снова обращаясь к моему дяде, не обращая внимания на нашу с ним ощутимую ненависть, она говорит: — Картер очень активен на встречах. Он всегда защищает и поддерживает меня.

Дядя Чак качает головой, саркастично посмеиваясь.

— Извини, милая, но ты просто слепая. Парень просто хочет залезть к тебе в штаны. Это единственная причина, по которой он обращает на тебя внимание. Поверь, я видел, как он это делает.

Она вздыхает и мне не нравится ее беспокойный взгляд из-за этих слов.

Спокойно, я говорю:

— Дейзи, возвращайся внутрь. Я скоро приду.

— Но...

— Вернись внутрь, — говорю, ненавидя тон своего голоса. Она должна, нахрен, слушать.

— Подобный тон никогда не заставит ее раздвинуть ноги, сынок, — дядя Чак скрещивает руки, самодовольно уставившись. Ублюдок.

Это уже слишком. Я подхожу к нему, хватая за его рубашку. Дейзи кричит от моих резких действий.

— Давай, скажи еще одно отвратительное и унижительное слово в ее сторону, и я за себя не отвечаю, ты кусок дерьма. Я бы с удовольствием разбил твою голову об этот бетон.

— Картер, не причиняй ему вреда, — кричит Дейзи.

— Я сказал тебе идти внутрь.

— Лучше делай, как он говорит, — отвечает дядя Чак, не отрывая взгляда от меня. — Уверен, что он не захочет, чтобы я показал все его грязное белье перед тобой.

— Возможно, мы можем, как друзья поговорить о наших разногласиях, — предлагает Дейзи, отходя в сторону.

— Да, Картер, давай будем друзьями и поговорим. Может, твоя маленькая подружка хочет поговорить о Саше, твоей девушке.

— Что? — вздыхает Дейзи.

— Ты мудака, — не думая о последствиях, я толкаю его, и он отлетает на несколько фунтов в сторону кустов. Сдерживаясь, чтобы не причинить ему еще больше вреда, я прижимаюсь рукой к спине Дейзи, направляя в сторону церковного зала.

— У тебя есть девушка? — она спрашивает, как только мы заходим.

— Нет, — говорю я, не задумываясь. Это неправда. У меня не было девушки с тех пор, как ушла Саша.

— Тогда о чем он говорит? — она спотыкается, когда мы идем по коридору. Я ловлю ее за талию, чтобы она не упала.

— Осторожно, — предостерегаю я.

Развернувшись, она тычет себя в грудь.

— Не разговаривай со мной, как с подростком. Пусть я и неопытная, но уже взрослая. Не относись ко мне, как к ребенку.

— Я не отношусь к тебе, как к ребенку.

— Это не так. Ты пытаешься оградить меня. Я могла бы справиться с ним.

Разочарованный, я провожу рукой по лицу. Знаю, что Дейзи могла бы справиться с моим дядей. Без сомнений, такая женщина как она могла бы убить его своей добротой. Проблема не в этом.

— Я не защищал тебя от него, Дейзи. Я знаю, что ты справишься. Я защищал тебя от всего, что он мог бы сказать обо мне. Ты уже вне моей лиги со своим добрым сердцем. Я не хотел, чтобы от его слов твое мнение обо мне было испорчено. А именно это и произошло.

— Может, тебе не стоит думать обо мне плохо, а начать доверять, Картер. У меня уже сложилось мнение о тебе, независимо от его слов. И сейчас, ты упал в моих глазах не из-за того, что он сказал, а и из-за твоего недоверия ко мне, — она уходит, но затем оборачивается с решительностью во взгляде. — Разве не ты говорил «будь собой»? Попробуй следовать своим словам, Картер, и ты удивишься, к чему это приведет.

Молча, она идет в церковный зал, присоединяясь к остальной группе, оставив меня обдумывать мои же собственные долбанные слова.

Будь собой.

Бл*, ну да. Я — жалкое подобие человека без будущего. Кто, черт возьми, захочет быть таким?

***

Дорогая Жизнь,

Научиться чему-то новому. Это было задание прошлого занятия. Сначала я думала, что отошла от программы, не обращая внимания на то, чтобы научиться чему-то реальному. Это было до сегодняшнего дня, когда услышала историю Марлен.

Научиться чему-то новому.

Я не поставила конкретную задачу. Что-то материальное, что я могла бы держать в руке, как например, лепить глиняную посуду. Или как приготовить идеальное шоколадное суфле. Это было что-то внутреннее, какая-то серьезная часть для поиска души.

Я узнала кое-что новое о себе. Во мне есть сила, о которой я не знала. Я сделала шаг вперед. Это было в первый раз за последние полтора года, когда я отбросила свое прошлое и жила в настоящем. Я понятия не имела, что могла сделать подобное, посмотреть на своих демонов, тяжесть утраты, удерживающую меня, и наслаждаться моментом.

И я сделала.

Единственная проблема? Я чувствую себя виноватой несмотря на то, что мне было тогда хорошо. И я понятия не имею, каким будет мой следующий шаг.

Искренне твоя, Холлин.

***

Дорогая Жизнь,

Наконец я почувствовала себя смелой и попросила то, чего хотела. Я была так не уверена и нервничала. Он вызывает во мне такие чувства, и я не думаю, что отношения должны быть именно такими.

Что такое отношения и что у нас с Картером? На самом деле, я так запуталась. Для таких женщин как Мэрилин Монро и Розмари Клуни такое никогда не было так

трудно. Они могли легко влюбиться. Хотя у них были свои промахи, но их отношения были четко определены. Почему у меня не так?

Картер все еще думает о своей бывшей девушке? Он просто хочет использовать меня для физической связи?

Предполагалось, что вся эта программа изменит меня и мою жизнь, но почему я чувствую, что снова застряла? Я медленно делаю шаг за шагом, но кажется, будто катаюсь на горках.

Возможно, это и есть жизнь. Одни огромные, отвратительные и запутанные горки. Забавно, ведь я девушка, которая родилась и выросла на карусели.

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая Жизнь,

Ты когда-нибудь боролась со своими эмоциями, чувствуя себя почти парализованным?

Вот какой я. Парализованный.

Холлин. Черт, быть с ней — одно из самых странных и чувствительных вещей, которые я когда-либо испытывал. Как будто мы должны были исцелить друг друга. Я проснулся на следующее утро, чувствуя себя настолько чертовски живым, что не сразу вспомнил о проблемах с Хоуп.

Но это не продлилось долго. Когда мой адвокат позвонил и сообщил, что у Ребекки есть веские доводы, и нам, возможно, придется обратиться в суд. Как это возможно? Это то, что я хочу знать. Как кто-то может передумать о ребенке? Она подписала документы, и это должно быть обязательным. Это не начальная школа, где мы можем бороться в попытке уделать друг друга.

Это жизнь реального человека.

Единственное, что у меня есть — знание того, что условия жизни Ребекки, занятость и психическое состояние не делают ее достаточно подходящей, чтобы заботиться о Хоуп.

Я просто не могу понять ее мысли во всем этом бардаке. Не думаю, что когда-нибудь смогу.

Джейс.

***

Дорогая Жизнь,

Будь собой, ага. Пошла ты.

Картер.

Шаг 6: Встретиться со своими страхами

Холлин

— Передайте Cheez Whiz, который поедаете без остановки, — говорю я, потянувшись за бутылкой, с медленно заканчивающимся в ней сырным соусом.

— Даже не думай об этом, — бабушка хлопает меня по руке. — Я старая и морщинистая, поэтому не пытайся заграбастать их.

Я сажусь в угловую часть дивана.

— Но это я его принесла.

Она хлопает меня по ноге и закидывает в рот еще немного.

— И я уже сказала спасибо, дорогая. Тебе говорили, что злорадство тебе не очень идет?

Потрясенная, я смотрю на Дейзи в поисках помощи, но она просто пожимает плечами.

— Он ей нравится.

— Ты должна давать пожилым людям то, что они хотят, — говорит Аманда, облизывая Tootsie Pop⁷⁴. На самом деле оближивает.

— Знаешь, если будешь сосать леденец, то доберешься до центра быстрее? — говорю я и чувствую на своем языке боль каждый раз, когда она оближивает эту конфету.

— Иногда ты не хочешь быстро получать удовольствие, ведь куда важнее сам процесс, — говорит Аманда и снова оближивает леденец.

— Я бы хотела быстро получить удовольствие. Я люблю сосать, — подмигиваю ей.

— Все в порядке, пока ты не глотаешь, — ухмыляется Аманда.

— Что? — спрашивает Дейзи, наблюдая за нашим диалогом.

Взяв еще сыр, бабушка отвечает:

— Они говорят о сексуальных темах, дорогая. Мы это не обсуждали, пока жили вместе. Хочешь поговорить об этом сейчас?

Все во мне кричит «нет». Мне нравится бабушка. Думаю, что она классная, но я ни в коем случае не хочу сидеть на диване с Амандой и обсуждать с ней подобные темы.

— Хорошо, — бабушка пожимает плечами. — Но я здесь, если ты захочешь поговорить об удовольствии без последствий.

— Бабушка! — Дейзи краснеет, и впервые с тех пор, как я видела ее на собрании прошлым вечером, я не вижу беспокойства в ее взгляде.

— О, дорогая, тебе бы неплохо узнать об этом. Особенно с твоим кавалером Картером.

— Он не мой кавалер, — Дейзи быстро поправляет ее. — Он просто... — она ищет правильное слово. — Он парень, которого я знаю.

Ага, даже не друг. Интересно, что произошло прошлой ночью.

— Что значит парень, которого ты знаешь? — спрашивает бабушка. — Ты была без ума от него последние несколько недель. Что происходит?

Вздыхая, Дейзи садится на диван, и ее пижамные штаны поднимаются, открывая лодыжки.

— Думаю, что он не видит во мне женщину, а только наивную девушку. Я пытаюсь убежать от этой девушки. Я хочу быть женщиной, которую видела в зеркале, когда примеряла платье подружки невесты.

— Тогда будь ею, — уверенно говорит Аманда. — Не позволяй никому диктовать, кем ты должна быть. Только ты и никто другой может это сделать.

— Она права, — говорит бабушка. — Не становись настолько зависимыми от человека, иначе ты можешь потерять себя. Это то, что я сделала с твоим дедом. И я любила

---

⁷⁴ леденец

этого старого простофилю. Но только после того, как он умер, я обнаружила, кто я есть на самом деле. Пенсионерка, иногда курящая во время разгадывания кроссворда.

— Ты куришь? — удивленно спрашивает Дейзи.

— Иногда, дорогая. Иногда.

— Все равно это считается.

— Да, но это не значит, что я умру от антракоза.

— Ты идешь в этом направлении, — Дейзи закатывает глаза. — Я просто не понимаю.

Я всегда буду с ним невинной?

— Может быть, это именно то, что ему нравится в тебе, — предполагает Аманда.

— Ну, мне не нравится это во мне, — осмотрев комнату, она садится, взяв тарелку с чипсами. — Аманда, ты же не хочешь такой девичник. Мэтт отлично проводит время в Новом Орлеане, пока ты устраиваешь скучную вечеринку с восьмидесятилетней женщиной.

— Эй, — протестует бабушка.

— Извини, бабушка, но это жалко. Мы должны напиваться, делать неправильные вещи, что приведет нас к большой истории в будущем, вместо этого мы сидим в окружении нездоровой еды и с пожилой женщиной, дразнящей нас про удовольствия без последствий.

И не поспоришь. Действительно этот «девичник» убогий. Когда Аманда сообщила мне об этом, я молчала по многим причинам. Во-первых, это невеселая вечеринка для женщин, и никто не хочет знать о такой вечеринке. Во-вторых, вся эта свадебная тема была очень трудной для меня, поэтому я не хотела говорить об этом. Это все еще слишком трудно. И, в-третьих, этого она хотела, и кто я такая, чтобы говорить ей как надо? Очевидно, у Дейзи нет с этим проблем.

Подмигивая, я добавляю:

— Она права, Аманда. Еще не вечер, почему бы нам не пойти куда-нибудь? Я могу узнать про один из тех баров «на колесах», которыми ты интересовалась. Мы еще можем забронировать место.

— Звучит весело, — оживленно говорит Аманда. — Бабушка, ты сможешь нажимать на педали и пить?

Бабушка машет рукой перед лицом.

— О нет, я уже сплю практически с открытыми глазами. Вы, девочки, идите веселиться, а я буду спать в комнате Дейзи.

— Ты можешь внести залог, если у нас будут проблемы, — добавляю я.

— По рукам, — бабушка снова сжимает бутылку с сыром, но ничего не выходит, поэтому она бросает ее позади себя и медленно встает с дивана. — Развлекайтесь. Дейзи, я сплю на кровати, поэтому тебе лучше спать на диване. Я собираюсь повеселиться ночью.

С тростью в руке, она поднимается по лестнице, а мы все хихикаем, глядя друг на друга.

Я смотрю на часы и говорю:

— Так, у нас полчаса на сборы. Мне нужно переодеться, поэтому дайте мне какой-нибудь развратный наряд.

Дейзи и Аманда бегут наверх, пока я убираю мусор. Когда я складываю нераспакованные Pop-Tarts⁷⁵, звонит мой телефон.

Джейс.

Мне нужно ответить. Я не так много говорила с ним после поездки в Аризону. По понятным причинам. Я не знаю, что сказать. И, черт возьми, уверена, что не знаю, чего я хочу. Но мое пренебрежение начинает становиться очевидным, поэтому я отвечаю.

— Привет.

— Ага, ты наконец-то ответила. Я начинаю думать, что ты избегаешь меня.

От него ничего не скроешь.

— Нет. Знаешь, просто была занята.

---

⁷⁵ печенье

— На самом деле, я не знаю, так как в последнее время ты не разговаривала со мной.

Да, я заслужила это. Избегать парня после секса — это не самая лучшая вещь. У кого-то из-за этого может появиться комплекс, но Джейс не должен беспокоиться. Нет, он идеален, когда дело доходит до секса. В смысле, это умопомрачительно.

От этого мой желудок сжимается. С Эриком это было сексуально, интимно, с любовью. Мы занимались любовью, глядя друг другу в глаза. Но с Джейсом это было совершенно иначе. Он был настолько грубым и таким открытым. И эта жгучая потребность превратила меня в пепел. В конце концов, я была кучей пыли, сдуваемой его силой. Я не думала, что смогу почувствовать подобное с другим мужчиной. И все-таки Джейс практически заставил меня чувствовать по-другому.

Это пугает.

— Мне жаль, — это все, что я могу сказать, потому что это неправильно. Хотелось бы, чтобы это было не так. У меня даже нет оправданий.

— Ты жалеешь о произошедшем?

Да, так много сожалений. Но в то же время я рада, что это произошло. Эти противоречивые мысли съедают меня живьем.

— Нет, — говорю я, пока сажусь на барный стул, стоящий на кухне. — Я просто пытаюсь все обдумать, вот и все.

— Ну, обдумай это со мной, Холлин. Не закрывайся от меня, это не поможет.

— Это единственный способ, который я знаю. Я закрылась и хочу, чтобы это исчезло.

— Так по-взрослому, — он посмеивается. — Расскажи мне об этом. Что ты надумала?

Судя по часам на кухне, у меня есть двадцать минут, чтобы собраться, и я знаю, что этот разговор продлится намного дольше.

— Сейчас не получится. Я иду с девочками на девичник Аманды.

— Ты так говоришь, чтобы отвязаться от меня?

— Нет, клянусь. Нам нужно идти.

— Это плохо. Потому что позже вечером я прилетаю после собрания команды и надеюсь увидеть тебя.

— Почему ты прилетаешь? — я избегаю его просьбы. Не уверена, что я справлюсь с этим.

— У меня рано утром встреча с адвокатами. Я вылетаю днем, чтобы вернуться к предсезонной игре.

— О, хорошо, удачи, — отвечаю неловко.

— Холлин...

— Слушай, я должна подготовиться к сегодняшнему вечеру.

Я слышу, как он выдыхает.

— Не отталкивай меня. Помнишь, о чем мы говорили с самого начала? Будь честной, Холлин. Эта фигня с избеганием на меня не действует.

Не зная, что сказать, я отвечаю:

— Мне действительно надо идти.

— Да, хорошо. Поговорим позже, — он вешает трубку, и его последнее предложение пропитано презрительным сарказмом.

Вот почему я не хотела быть взрослой. Вот почему я никогда не должна была выходить из своей темной маленькой пещеры. Потому что теперь стало все чертовски сложно.

Джейс

Расстроенный я бросаю свой телефон в мой шкафчик, не переживая, что могу сломать его. Сейчас я мог бы быть с заботливой Холлин, чье мягкое прикосновение успокаивает меня и отдаляет от реальности. Хотя бы на час. Вместо этого она избегает меня. Снова.

И я знаю почему. Она напугана. Я просто хочу, чтобы она призналась в этом. Судя по нашему разговору, есть вероятность, что она этого не сделает.

Черт.

Обернув полотенце вокруг талии, я откидываюсь назад в кресле перед шкафчиком. Мои мысли о Холлин уходят к Хоуп, Джун и Алекс, и о том, как не смог бы бросить проклятый мяч даже, чтобы спасти свою жизнь. Новичок года не может не думать о проблемах и сосредоточиться на игре. Тренер и начальство хорошо понимают мое положение, но они не собираются давать мне поблажки постоянно. Они хотят видеть результаты. И чем раньше, тем лучше.

Остальная команда расходится, ожидая, когда тренер поговорит с нами, поэтому я смотрю на Итана, с которым мне еще предстоит разговор, несмотря на его слабые попытки. Что он действительно должен сказать? Наверное, то, что он должен был сказать мне месяц назад. Поздно спохватился.

Он сидит на стуле и надевает ботинки. Он собирается встретиться с Ребеккой? Они будут обсуждать свой план нападения? Они хотят растить ребенка вместе? Эта мысль раньше не приходила мне в голову, и теперь мне хочется злиться на Ребекку за неподходящие условия жизни. Я знаю, что Итан сможет их обеспечить. Это будет что-то вроде нового вложения для него.

Он хочет быть отцом для Хоуп? Разве он не знает про кодекс братьев, который он нарушил и не может использовать эту свою карту?

Мой телефон подает звуковой сигнал, пришло входящее сообщение. От Джун. Это фотография улыбающейся Хоуп, на голове которой большой бант. Черт, она так похожа на меня со своими светлыми волосами и голубыми глазами. Без сомнений, она моя дочь.

Такая нежная, чертовски счастливая, что мне физически больно видеть это сообщение.

Она счастлива, почему Ребекка хочет разрушить это?

— Эй, мы можем поговорить? — говорит Итан, вырывая меня из размышлений.

Медленно я поднимаю взгляд на него. Ты выбрал неподходящее время, придурок.

— В твоих же интересах развернуться и уйти.

— Джейс, не будь таким. Будь мужиком и поговори со мной.

— Быть мужиком? — я стою, стягивая полотенце. — Ты говоришь мне об этом? Слышать это от парня, который должен был сказать мне, что был в отношениях с матерью моей дочери.

— Я собирался. Не было подходящего времени.

— Ага, ладно. Потому что мы не тусовались весь прошлый сезон, — говорю с сарказмом. — Мужик, какой ты друг?

— Если она все еще тебе нравится...

— К черту Ребекку, — я кричу, привлекая внимание всего клуба. Видимо, это произойдет здесь. — Мне все равно, что ты спишь с ней. Меня волнует то, как ты сознательно слушал, как я говорю о планах Ребекки, и ничего не рассказал. Ты знал, что я чувствовал, что это серьезное решение в моей жизни и как меня это убивало. И ты предал нашу дружбу, не будучи честным со мной, — я останавливаюсь и провожу рукой по волосам. — Черт, чувак. Это убило бы тебя, если бы ты рассказал мне?

— Она этого не хотела, — отвечает он.

Какого черта?

— Ты собираешься выбросить годы дружбы, потому что у нее есть вагина?

— Это не так. Она хочет... — он опускает взгляд, не в состоянии смотреть на меня. — Она хочет большую семью, а Хоуп является частью этого.

Теперь она хочет большую семью? Женщина, которая всего несколько месяцев назад не могла даже подумать о том, чтобы быть матерью?

— Нихрена, — я подхожу к нему. — Она вернет ребенка только через мой труп.

— Она ее мать, Джейс. Хватит считать себя лучше остальных и прекрати разделять семью.

Неправильный день, неправильные долбанные слова. Я бью его кулаком по лицу раньше, чем он может произнести еще одно предложение. Пойманный врасплох, он летит назад, в сторону корзины для бейсбольных мячей, и падает на пол.

Ребекка — ее биологическая мать. ДНК — это единственное, что может связывать ее с Хоуп. У этой маленькой девочки есть семья. Две любящие мамы, которые поклялись вырастить Хоуп в любящей, заботливой, доброй и отзывчивой семье.

Какого черта Итан вынуждает Ребекку забрать Хоуп у Джун и Алекс и выставить на показ мою дочь, взросление которой я не смогу видеть?

Я не успеваю спросить, потому что Итан набрасывается на меня. Я врезаюсь головой в шкафчик, и он бьет меня по лицу. Я чувствую сильную боль и от ярости, с упавшим полотенцем и болтающимся членом, атакую его.

Крики других участников нашей команды эхом отдаются через раздевалку, и они тянут нас, чтобы разнять.

Тайлер, наш первый защитник, дергает меня за плечи, как раз тогда, когда заходит тренер. Судя по его взгляду, он зол.

— Барнс, Этвуд, в мой кабинет. Остальные живо домой. Эта порно-версия боксерского поединка закончилась.

Мне нужно прикрыться. Я быстро надеваю шорты и иду за тренером в его кабинет. Эта небольшая драка, скорее всего, обойдется мне штрафом, длинной лекцией и немного меньшей снисходительностью.

Черт.

Дейзи

— Я сейчас упаду. Держите меня, я еле держусь. Меня переедет машина, и мои мозги окажутся на дороге.

— На самом деле, нет, — говорит Холлин, постукивая пальцами по шлему. — Ты единственная, у кого защищена голова.

Я инстинктивно хватаюсь за свой шлем.

— Я не понимаю, почему бы и нет. Мы на велосипеде, в городе и пьем пиво. Я уже чувствую себя навеселе. Это была плохая идея. Мы все умрем, — кричу я, хватаясь за стол передо мной. — Мы все умрем!

— Ты псих, — говорит Холлин. — Мы едем со скоростью пятнадцать миль в час. Успокойся и попытайся повеселиться. Твое постоянное беспокойство утомляет.

— Сейчас около пяти часов, — поет Аманда, покачиваясь, бросая вызов пьяной гравитации.

— Аманда, прекрати раскачиваться, — ругаюсь я, одной рукой держась за шлем, а другой за стол. Ты упадешь с этого транспортного средства.

— Налей мне чего-нибудь покрепче, — она продолжает петь, присоединившись к Алану Джексону и Джимми Баффету, игнорируя мое предупреждение.

— Кажется, твоя подруга напилась, — говорит парень рядом со мной. Он пытался поговорить со мной всю ночь на этой штуковине, но я была слишком сосредоточена на том, чтобы не упасть, поэтому не обращала на него внимание.

— Она умрет перед свадьбой. Она упадет на асфальт и попадет под машину. Я просто знаю это, — я с беспокойством хватаюсь за лоб. — И тогда я расскажу Мэтту, как она упала с велосипеда, пока пьяная пела песню и напивалась дешевым пивом. Думаю, Мэтт будет в ужасе, узнав об этом.

— Кто такой Мэтт? — спрашивает парень.

— Ее жених, — я закатываю глаза, и мы наезжаем на кочку, отчего всех нас подбрасывает.

Я кричу и достаю свой телефон. Я чувствую себя живой, но мне бы не хотелось умереть.

Я уже подвыпившая, на грани смерти и хочу, чтобы кто-то узнал о моем наследии, прежде чем я буду похоронена под шестью футами земли, поэтому я пишу сообщение.

Дейзи: Если сегодня вечером я умру, пожалуйста, сообщи всему миру, что я делаю удивительные немецкие шоколадные пирожные.

Так, отправлено. Подожди...

Дейзи: И я действительно хороша в изготовлении плюшевых ковриков. Вообще-то, под моей кроватью есть такой коврик, который я сделала для бабушки. Убедись, что она его получит.

Ладно. Это неплохо. Наследие, состоящее из выпечки и ковриков с защелкой...

А как же мой новый талант?

Дейзи: И еще, я буду признательна, если на моей могиле будет надпись: «Хорошо ездила на мотоциклах».

Выпечка, коврики с защелкой, мотоциклы. Думаю, это все. Что за наследие...

Дейзи: И я знаю наизусть эпизод Витамитавегамин⁷⁶ из сериала «Я люблю Люси». Я бы показала тебе, но я умру сегодня вечером. Просто знай, я могу это.

Ну вот. Это все, что я могу сказать. Теперь мое наследие будет жить вечно.

По крайней мере, я могу спокойно умереть в своем шлеме, зная, что люди не просто скажут: «Кто такая Дейзи?». Она прожила с бабушкой двадцать один год, у нее не было друзей, работы и жизненного опыта. Нет, они смогут сказать, что Дейзи Борегар — мастер по приготовлению немецких шоколадных пирожных, богиня по созданию ковриков, подружка байкера и Витамитавегаминовая девушка.

— У тебя есть парень? — спрашивает мужчина, наклонившись ко мне.

Двигаясь вперед, я отвечаю привлекательным тоном:

— Что?

— У тебя есть парень?

— Что? — я хихикаю, как ребенок. — Парень? Ну, у меня есть друг. Это считается? Его зовут Картер, он иногда бывает не в настроении, но в иных случаях он действительно милый, особенно во время поцелуев или, когда его пальцы внутри меня, — я закрываю рот рукой. Что заставило меня сказать это? Я смотрю на кружку перед собой. Долбаное пиво.

— Дейзи, не говори людям о таком, — говорит Холлин рядом со мной. Она наклоняется ближе и говорит: — Картер трахнул тебя пальцем?

— Что? — мое лицо краснеет, и мой телефон в руке подает звуковой сигнал. — Блин, не говори ему, что я сказала это. Не думаю, что мы говорим о засовывании пальцев в других людей.

— Ты куда-то засунула ему свой палец? — Холлин спрашивает, приподняв брови.

— Нет! Куда именно?

— Мужчинам нравится массаж простаты, — говорит мужчина рядом со мной, явно подслушивая нашу беседу.

— Эй! — Холлин, отталкивая, бьет его по руке. — Не произноси это слово рядом с моей подружкой.

— Просто предложение, — он пожимает плечами.

Я нахожусь между ними, пока Холлин отчитывает его за то, что он еле стоит на ногах. Я не слушаю, потому что я слишком много думаю о моем наследии. Я открываю сообщение.

Картер: О чем ты? Ты напилась?

Ну, это не было подтверждением, которое мне нужно, поэтому я пишу.

Дейзи: Я выпиваю на велопрогулке с Амандой и Холлин. Это опасно, я вижу, как умираю. Мне нужно знать, что ты позаботишься о моем наследии.

Картер: Ты пьяна. Кто-нибудь присматривает за тобой?

---

⁷⁶ отсылка к 31 серии 1 сезона «Люси снимается в рекламе», про вымышленную спиртосодержащую пищевую добавку

Ух, ну почему? Почему он всегда считает, что должен присматривать за мной? Я не просила его быть рыцарем и спасать меня из этой смертельной ловушки. Я просила его помочь моему наследию жить дальше.

Дейзи: Я могу позаботиться о себе, спасибо большое.

Я выдыхаю, когда отправляю сообщение. Да, я могу о себе позаботиться. Я, возможно, и была под присмотром бабушки всю свою жизнь, но так как я жила с Амандой, я действительно...

Бип-бип.

Другое сообщение от Картера.

Картер: Ты едешь по маршруту LoDo, который проходит через Gin Mill?

Сталкер.

Оглядываясь, я вижу, что так и есть. Как он узнал?

Дейзи: Следишь за мной? Где ты?

— Я направляюсь твоей подруге, милая? — спрашивает меня мужчина рядом.

— Что? — я пропустила весь их разговор.

— Ты мне нравишься, — повторяет он.

Я смотрю на него вверх и вниз.

— Ты кажешься милым парнем, но ты...

— Ага, я милый, — он проводит рукой по моему бедру. — И знаешь, мои пальцы тоже могут побывать в некоторых местах.

О, нет.

Прежде чем я могу ответить, пока горит красный свет, я сдвигаюсь со своего места, и мой худший кошмар сбывается. Это он. Я встречаюсь со смертью. Chevy Malibu, который следовал за нами, переедет меня.

Крича, как будто я собираюсь упасть, я цепляюсь за крепкие руки, обернутые вокруг моей талии.

— Успокойся, — меня пробивает озноб, когда я слышу глубокий голос Картера возле моего уха.

— Что ты делаешь? — кричит Холлин, недовольная появлением Картера.

— Я предлагаю тебе вернуться и заниматься своими делами, Холлин, — отвечает Картер пугающим тоном.

— Дейзи — мое дело. У нас девичник.

— Больше нет, — он молча несет меня по темному переулку.

Я думала, что мне придет конец, если меня собьет автомобиль, но нет, эта аллея, которая пахнет так, будто бы здесь живут бездомные, станет моим концом.

— Куда мы идем? Я не хочу умирать в моче бездомных.

— Если ты будешь дальше ерзать, то это произойдет. Не двигайся.

— Ты не можешь просто так тащить меня.

— Могу, когда ты пьешь без меня, — говорит он, после чего усаживает меня на знакомое место. Свой мотоцикл.

Оглядываясь вокруг и обретая равновесие, я смотрю на него. Несмотря на его усталость и неуверенность, я вижу в нем решительность. На нем белая хенли, с расстегнутыми пуговицами, и черные джинсы, благодаря его угольно-черным волосам и пронизательному взгляду, его невозможно не заметить.

Ой, у меня могут быть неприятности.

Сев повыше и скрестив руки на коленях, я говорю:

— Я могу пить без тебя. Я тебе не принадлежу.

Подойдя ближе, он тянется к моей шее, перебирая мои длинные светлые волосы. Я наклоняю голову и смотрю в его глаза. Он такой сильный, что я таю от его прикосновений.

Так было с самого начала. Я не могу игнорировать притяжение между нами. Он сильный, опьяняющий, ему невозможно сопротивляться. Как он наклоняет голову, изучая

меня. Или, как он проводит руками по своим густым волосам, когда пытается понять меня. В нем есть что-то такое, от чего трепещет мое сердце.

Он отвечает глубоким голосом:

— Я знаю, что не владею тобой, но это не значит, что я этого не хочу.

— Что это значит?

Он наклоняется вперед, будто собирается поцеловать меня. О нет, он этого не делает. Поднимая ногу, я прижимаю к его груди и отталкиваю. Спасибо, гибкость

— Что ты делаешь?

— Я все еще злюсь на тебя. Ты не можешь просто забрать меня с пьянки и утащить в переулок, освещаемый одним фонарем, а после пытаться поцеловать меня на своем мотоцикле, как какой-то современный рыцарь в сияющих доспехах. Знаешь, у меня есть мораль.

Но теперь, когда я думаю об этом, и несмотря на весь этот запах, обстановка в духе «Вестсайдской истории»⁷⁷ выглядит романтично с этими темными улицами, легким блеском от дождя и в окружении кирпича. Вздых.

— Мораль, да? Я же говорил, что часто могу быть настоящим мудаком.

— Это должно быть твоим оправданием?

— Ага, — он опускает мою ногу обратно на землю и снова сокращает расстояние между нами. — Это всегда мое оправдание.

Раздраженная, я скрещиваю руки на груди.

— Ну, я не принимаю такое, потому что это глупо. Теперь, если ты меня извинишь, мне нужно вернуться на вечеринку.

Моя попытка подняться с мотоцикла быстро пресекается, когда Картер тоже садится на байк, его тело прижимается к моему, поэтому мне приходится откинуться назад.

— Ч-что ты делаешь?

Подбираясь ближе, я вижу этот взгляд, разрывающий меня на части. Он поднимает руки по моим бедрам, впиваясь пальцами, посылая удовольствие по моим нервным окончаниям.

Это действительно не должно быть так просто для него, но, к сожалению, это так.

— Как я и сказал, я мудака, но знаю, когда бываю таким. Поэтому я могу понять, когда должен извиниться, — большими пальцами он гладит внутреннюю поверхность моего бедра, практически касаясь между ног. Господи, помоги, мои соски твердеют. — Мне жаль, Снежинка, что я был такой задницей той ночью, когда появился мой дядя. Ты застала меня в неудачный момент. Я доверяю тебе, — еще немного продвигаясь вперед, он проводит носом по нижней части лица и целует в уголок моего рта. — Пожалуйста, не думай, что я не доверяю тебе, потому что это не так. Я просто не хочу, чтобы ты видела мою плохую сторону.

Сосредоточься на его словах. Не позволяй его близости усыпить твою бдительность.

— Без понятия, что это, Картер, но, если мы будем друзьями, мне хочется знать тебя всего, а не только ту сторону, какую бы ты хотел, чтобы я знала.

— Друзья, да? — его рот возвращается к моему уху, и он соблазнительно шепчет. — Ты позволяешь всем своим друзьям прикасаться к тебе и целовать?

Определенно нет. Нет, никому. Не то чтобы у меня их много. Но Холлин не засунет мне руку в штаны в ближайшее время. Хотя я уверена, что для кого-нибудь она будет прекрасным другом.

— Нет, — отвечаю на вздохе.

— Тебе же лучше, чтобы так и было.

Губами он скользит по моей шее, и я чувствую, как теряюсь от желания к нему.

— Картер, мы не можем это сделать.

— Это почему? — он целует мою ключицу, продвигаясь в сторону.

---

⁷⁷ англ. West Side Story — американский мюзикл 1957 года

— Во-первых, тут пахнет мочой. Во-вторых, я все еще злюсь на тебя. И, в-третьих, что насчет той подружки, о которой он говорил? Ты встречаешься с кем-то?

Он замирает, его губы останавливаются прямо у моего уха. Раздраженно, он отпускает меня и садится на мотоцикл, пробегаясь рукой его волосам.

Я жду, когда он ответит, испытывая гордость за то, что постояла за себя. Да, он сексуальный, и он влияет на меня так, как я не хочу признавать. Но у меня все еще есть мораль.

Давайте поднимем кулак за нравственность!

— Справедливо, — вставая с байка, он притягивает меня к себе, мои ноги чувствуют слабость от прикосновения. — Здесь действительно пахнет мочой, так что давай вернемся ко мне. Мне не нравится, что ты злишься на меня. И о том, что сказал мой дядя про девушку. У меня есть одна, — я вздыхаю и хочу ударить этого человека. — И она прямо передо мной.

Она что...?

О, он говорит обо мне. Да, он говорит обо мне. Мой живот скручивается от волнения, и я практически растекаюсь лужицей.

— Ты назвал меня своей девушкой, — говорю, словно легкомысленная школьница.

— Да, — он ухмыляется. Боже, он такой привлекательный. — С тобой все в порядке?

— Думаю, что да, — отвечаю с улыбкой.

— Ты так думаешь? — его брови поднимаются в вопросе. — Считаешь, ты можешь быть немного более взволнованной?

— Ты слишком самоуверенный, — я качаю головой. — Я буду более взволнована, когда ты поцелуешь меня.

— Это так? — он оборачивает руки вокруг меня, прижимая к сильной груди. — Ладно. Давай пойдем ко мне, и я покажу тебе, насколько мне жаль. Хорошо?

Заманчиво. Очень заманчиво.

— Отлично, — он зажимает мой подбородок большим и указательным пальцами, подталкивая меня к губам и нежно целуя. Когда он отодвигается, я спрашиваю: — Мы говорим о поцелуях, да? Это не какой-то странный способ пригласить меня к себе, предложить пачку сигарет и карандаш со Скуби Ду, который остался у тебя с третьего класса.

Он откидывается назад и смеется.

— О, Снежинка. Никаких карандашей и сигарет. Просто кое-что, что я могу сделать своим ртом. Я хочу попробовать твоё разрушительное тело. Я знаю, что твоя киска на вкус, как конфеты.

О боже, почему мои ноги сжимаются от его грязных слов? И почему я хочу, чтобы было намного больше, чем просто его рот? Разве я не должна злиться на него?

Джейс

Получив штраф, я иду к машине, чтобы отправиться вечером в Денвер. После недолгого телефонного разговора с Холлин, я решил, что она действительно не может прийти к тому, чтобы отпустить прошлое. Она напугана, не уверена, я это понимаю. Но вместо того, чтобы прятаться, я хочу, чтобы она поговорила со мной, потому что я могу помочь ей и чертовски нуждаюсь в ней. Всю жизнь я держал свои проблемы и мысли в себе, без семьи, которая была бы моей опорой. Чувствую, что моя голова сейчас взорвется. Но с прекрасной Холлин я не чувствую себя одиноким. Так много в ней привлекает и успокаивает меня... делает мою жизнь полноценной. Ее разум. Как будто она стала тем бальзамом, который нужен моей душе. Ее жизненная сила. Я видел остроумную и забавную девушку, которую когда-то знал Картер, и я хочу быть рядом с такой. Ее прикосновения. Я так сильно хочу похоронить себя глубоко внутри нее, чувствовать ее запах, ее красоту и подпитываться ею.

Это просто удача, что единственный человек, которого я хочу, является вдовой, которая боится отпустить прошлое и жить дальше.

Я нахожу свои ключи и иду открывать машину, когда краем глаза замечаю движение, что удивляет меня.

Ребекка.

Черт.

— Теперь затеваешь драки? Думаешь, это поможет в суде? — спрашивает она самодовольным тоном.

Я не отвечаю на вопрос, а спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

— Встречаюсь с Итаном. Но мне приходится ждать дольше, потому что ему накладывают швы из-за тебя.

Это точно. У меня только фингал, но у этого ублюдка порезы вокруг глаза, из-за чего он распух, поэтому тренер прилично оштрафовал меня.

— Неизвестно, как долго он там будет. Может, захочешь присесть.

Я так задолбался, что хочу покончить с этим, поэтому разблокировав машину, я тянусь к ручке, когда она встает позади меня. Просто хочется, чтобы эта ночь закончилась. Чтобы она ушла.

— Как ты мог так поступить? — это простой вопрос, но ответить на него слишком тяжело. — Как ты мог отдать ее двум незнакомцам? Она твоя дочь.

— Да, она также, бл*дь, и твоя дочь, — говорю, хватаясь за нее. — Для тебя не было проблемой отдать ее мне.

— Это неправда. Ты понятия не имеешь, о чем я думала, принимая это решение. Я отдала ее тебе с мыслью, что ты будешь заботиться о ней, дашь ей дом, которого она заслуживает, и, возможно, разобравшись со своими проблемами, я вернулась бы и стала мамой, в которой она нуждается.

Бл*дь, она никогда этого не говорила.

— Это были твои слова, Ребекка. «Я не могу оставить ее. Я думала, что получится, но это не так. Мне жаль, но как только она родится, она твоя». Это твои слова. Ты не можешь просто решить, когда хочешь быть мамой, Ребекка. Ты не можешь сегодня хотеть этого, а завтра передумать. Когда у тебя есть ребенок, ты несешь ответственность как родитель. Это не так просто, как щелкнуть переключателем.

— И все же ты нажал на выключатель.

— Я сделал это по одной долбаной причине, — говорю я сквозь зубы, пытаюсь скрыть свою ярость.

— Да? Чтобы ты мог играть в бейсбол? Разве это не эгоистично? Следовать за мечтой, а не быть отцом, которым должен быть?

Что за херня? К чему она клонит? Эта женщина не понимает, что она приняла такое же решение, как и я?

— Ты слышишь себя? — показываю на свое ухо. — Ты сделала то же самое, Ребекка. Ты сдалась.

— Я не сдалась, — кричит она. — Я положила на ее отца, чтобы он позаботился о ней, а не отдавал ее, потому что это было неудобно.

— Она не была гребаным неудобством, — черт, я задыхаюсь, во мне столько эмоций, что я не могу нормально мыслить. — Ты не понимаешь, Ребекка. У меня нет образования и нет возможности обеспечить ее, кроме как с помощью бейсбола. Я не хотел быть отсутствующим родителем, путешествующим по стране и играющим в бейсбол, пока няня, которую я толком не знаю, заботилась бы о ней. Я был приемным ребенком. У меня нет семьи. Нет семьи, чтобы помочь, и на которую можно положиться. И я не хотел, чтобы Хоуп росла, и никто не любил ее, как это было у меня, — мой голос надламывается, когда я вспоминаю свое прошлое.

— Ты бросил ее.

— Нет, — глубоко вздохнув, я смотрю в ее отсутствующий взгляд. Указав на нее пальцем, я говорю: — Ты бросила ее. Я нашел для нее дом, в котором ее любят и заботятся. Не желая ее слушать, я сажусь в машину, когда она говорит:
— Это не конец, Джейс. Я верну ее.
Это произойдет только через мой труп.

Картер

Я дрожу. Какого черта со мной происходит? Это не мой первый раз. Я делал это сотни раз, но сейчас, находясь с обнаженной Дейзи подо мной, по непонятной причине я чертовски нервничаю от ее прекрасного тела.

Я не ожидал, что во мне проснется пещерный человек, когда узнал, что она пьет без меня. И только потому, что впервые она выпила со мной.

Я не ожидал, что буду лапать ее в переулке на моем байке, впитывая ее невинность в этом дурацком шлеме.

Я не ожидал, что захочу обладать ею настолько сильно, что назову ее своей девушкой.

Я не ожидал, что, поехав домой, мне понравится слушать ее хихиканье, а также наслаждаться ее крепкими объятиями.

Я не ожидал, что Дейзи возьмет меня за руку и поведет к моей кровати, медленно двигаясь той походкой, которой я раньше не видел.

И черт, я не ожидал, что у меня будет самая чистая красота подо мной, я нуждался в исследовании ее тела.

И вот я здесь, во взгляде Дейзи похоть, ее волосы разметались по подушке, а лунный свет проникает сквозь незакрытые окна.

— Картер?

— Хм, — спрашиваю я, мои пальцы пробегают по ее коже, затем языком обвожу ее сосок.

— Почему только я раздета?

— Потому что, — ее грудь поднимается, когда кусаю ее за сосок. — Я говорил тебе, что собираюсь загладить свою вину. Это значит, что ты нужна мне голой.

— Я чувствую себя немного неловко.

— Не надо. Ты восхитительна.

— Я говорю не только об этом, — отвечает она нервно, поэтому я сажусь, неохотно отрываясь от ее груди.

— Что происходит?

Глядя в сторону, она что-то бормочет, чего я не могу расслышать.

— Тебе придется сказать, Снежинка. Я не совсем понял.

Все еще не смотря на меня, она закрывает лицо руками и говорит:

— Я надеялась дойти до конца с тобой.

Даже не видя ее лица, заметно, как сильно она смущена.

Это сбивает меня с толку. Дойти с ней до конца. Это огромная ответственность, не уверен, что я именно тот человек, который подходит для этого. Я знаю разницу между нами, и я не слепой, думая, что она на том же игровом поле, что и я. Она не такая. Она другая.

Я знаю, что есть кто-то лучше для нее. Кто-то, кто не будет всю жизнь обычным поваром. Кто-то, у кого есть будущее, и в котором нет столько злости, из-за которой можно закончить жизнь в канаве.

Но черт, я не хочу, чтобы она была с кем-то еще. И я чертовски уверен, что не хочу, чтобы кто-то еще прикасался к ней и лишал ее девственности. Только представив это, я уже впадаю в ярость. Я ни с кем не спал, когда сказал, что она моя девушка.

— Скажи что-нибудь. Это убивает меня.

Эти глаза, эти губы, это сердце. Черт, я должен обладать всем этим.

Будь собой. Я собираюсь сделать это. Я эгоистичный мудака, и я сделаю это. Я признаю и принимаю это желание. Дейзи. Я хочу ее всю.

Я сажусь и, глядя на нее, тянусь к рубашке, снимая ее через голову и бросая в сторону. Реакция Дейзи бесценна. Она смотрит на мои татуировки, показывающие все, что я пережил и мою грудь, над которой я упорно работаю, чтобы держать себя в форме, учитывая мою профессию, при которой я постоянно пробую еду.

— Так лучше?

Она тяжело сглатывает.

— На тебе еще джинсы.

Я сажусь между ее ног.

— Да, мы дойдем до этого, но сначала мне нужно попробовать тебя, — я опускаю голову, и она сжимает ее ногами. Указательным пальцем я нажимаю на ее живот. — Тебе нужно их раздвинуть, сладкие щечки.

— Я нервничаю, — говорит она дрожащим голосом, и я опускаюсь на колени.

Черт, это будет сложно. Я так сильно хочу ее, но мне нельзя торопиться. Ее тело заслуживает поклонения.

— Не переживай, Снежинка. Это я. И не причиню тебе боли.

Она кивает, и я вижу в ее глазах слезы.

— Эй, — сдвинувшись, я нависаю над ней, глядя в лицо. — Не плачь. Мы не должны этого делать. Я доволен нашими поцелуями. Может быть, немного полапаю твои сиськи, — я ухмыляюсь, пытаюсь облегчить настрой.

— Я хочу, просто нервничаю.

— Это нормально. Я не против подождать, Дейзи. Не хочется, чтобы ты думала, что мы должны это делать. Как я уже сказал, я счастлив от твоих губ на моих.

Она качает головой.

— Спасибо, но я хочу перейти к следующему шагу. Ты хочешь заняться со мной сексом?

Сейчас она так уязвима, поэтому и не уверена. Как такое возможно? Я думал, что сделал правильно, показывая, насколько хочу ее. Видимо, мне нужно больше стараться.

— Хочу ли я заняться с тобой сексом? — моя рука скользит вниз по ее груди к ее соску. Она замирает от моего легкого прикосновения. — Хочу ли я владеть этим телом? — один круг, второй, третий, сжатие. Ее грудь поднимается. — Хочу ли я знать, каково это, быть так близко к тебе? — я целую ее шею, опускаюсь к груди, пробегаюсь языком по ее затвердевшим соскам. — Больше, чем что-либо. Я очень сильно хочу тебя. Настолько, что будто во мне не хватает части, которую только ты можешь заполнить.

Я уделяю все внимание ее груди. С каждым поцелуем, каждым посасыванием, каждым сжатием она расслабляется. Ее голова упирается в подушку, ее ноги широко расставлены, своим центром она скользит по моей ноге, хватается за мою голову, запутываясь пальцами в моих волосах.

Я не отрываюсь от ее сосков, потому что, черт, у нее потрясающая грудь. Вы бы никогда не узнали об этом под ее стегаными жилетами и водолазками.

Чувствуя, как ее тело начинает расслабляться, я возвращаюсь к ее животу, мои руки все еще на груди, отвлекая, пока я пробую ее сладкую кожу. Такая мягкая и бархатистая.

Я теряюсь в том, как она двигается подо мной от каждого прикосновения моих губ, как издает тихие стоны, как хватается меня за волосы, будто не уверена, как справиться ей с мыслями и чувствами, проходящими через нее.

Не останавливаясь, я продвигаюсь от ее живота к влажному центру. Эта женщина такая идеальная в моих руках, такая красивая. Я не могу сдерживаться. Пальцами раздвигаю ее складочки и погружаюсь в нее языком. Я застаю ее врасплох, и она подпрыгивает, убирая руки от моих волос. Не теряя времени свободной рукой нажимаю на ее живот, двигаясь вверх и вниз. Боже, она такая сладкая.

Да, я знал, что она будет охренительна на вкус. Могу сказать, что у нее самая сладкая киска. Ее вкус и крики заводят меня еще больше. Я чередую медленные и быстрые движения по ее клитору.

— Боже мой. Боже, — ее бедра приподнимаются. — Боже! — говорит она еще громче.

Да. Ее реакция делает меня твердым. Я могу кончить только от ее вкуса. Я стараюсь не думать об этом, иначе не смогу продержаться.

— Картер, о боже, это так приятно. Я... о господи, — ее крик эхом отдается в моей пустой квартире. Она снова сжимает меня ногами и извивается в оргазме.

Наблюдать, как она разваливается на части с открытым ртом и закрытыми глазами, сжимая руки в кулаки — невероятно. Картина, которую я никогда не забуду.

Я не даю ей много времени для восстановления сил, чтобы она чувствовала себя как можно более расслабленной.

Встав с кровати, я расстегиваю ремень и смотрю на нее, снимая джинсы. Шок на лице Дейзи очарователен, когда она видит мою эрекцию в боксерах. Черт, мне хочется забыть о нижнем белье и поцеловать ее еще. Но это я сделаю позже.

— Снежинка, ты уверена?

Она медленно кивает, глядя на мою твердость. Я собираюсь принять это как «да».

Показывая ей шоу, я снимаю свои боксеры и начинаю гладить себя, слегка дергая, потому что я уже на грани от ощущения Дейзи на моем языке. Тянусь к ящику возле кровати за презервативом, быстро надеваю и встаю на колени на кровати перед Дейзи. Ее кожа покраснела от моей щетины, губы опухли от моих поцелуев, а глаза широко открыты в ожидании.

Желая немного ее расслабить, я начинаю скользить головкой члена по ее клитору. Ее голова снова опускается на матрас, ноги расслабляются, давая мне больше доступа, когда я продолжаю дразнить ее чувствительный клитор.

Я знаю, что ей приятно, чего я и добивался, но это, бл*дь, пытка. Так близко и не быть в ней. Хочу ударить себя, чтобы избавиться от этой пытки. Еще немного и все. Еще немного до того, как...

Кончик скользит мимо ее входа, и я закрываю глаза. Черт, так близко. Глубокий вдох. Медленно.

Я спрашиваю:

— Ты готова, Снежинка? Скорее всего, будет больно. Но мы остановимся, если ты скажешь, хорошо?

— Хорошо, — говорит она нервно.

— Обещай, что скажешь мне остановиться, если будет некомфортно.

— Обещаю.

Я наклоняюсь и целую, встречаясь с ее языком.

— Хорошая девочка. Теперь расслабься.

Она глубоко вздыхает и кивает в согласии. Сжав зубы, я знаю, что это будет мучительно хорошо, я кружу кончиком, прежде чем медленно войти.

— Ох, — она сдвигается на кровати.

— Дыши глубже, Снежинка, — говорю я напряженно, когда ее киска сжимает головку члена.

Медленно, ядвигаюсь внутри нее, вздрагивая при каждом движении.

— Ты в порядке?

Она кивает, сжав губы. Да, она не выглядит нормально. Ей нужно расслабиться еще, прежде чем я продолжу.

Зная, как заставить ее успокоиться, я прижимаюсь к ее соблазнительным губам, целую и не давая ей вздохнуть. Я теряюсь в ее поцелуе, пока наши языки сплетаются в танце. Я могу целоваться с этой женщиной целый день. Всю ночь напролет. Это так противоречиво,

зная, что ее невинная маленькая улыбка принадлежит этим грешным губам. И черт меня побери, если я не чувствую себя сейчас самым счастливым ублюдком. Она моя.

Она расслабляется, давая мне больше доступа, и я продвигаюсь дальше. Еще один толчок, и я полностью вхожу в нее. Она вздыхает и вздрагивает. Я вижу ее слезы и сразу же жалею о своем действии.

— Черт, ты в порядке?

— Да, — она тяжело дышит. — Немного больно. Я просто, — она делает паузу. — Я чувствую себя такой наполненной.

Черт, это вызывает у меня гордость.

— Это лучшая часть, Снежинка. Я буду действовать медленно, ладно?

Она кивает. Со всей чертовой силой воли, я медленно двигаю бедрами. Это невыносимо, она такая чертовски тугая, такая сексуальная, и я могу кончить намного раньше.

— Ох, черт, Картер, — стонет она.

Да, этот маленький стон сжимает мои яйца. Еще рано. Черт.

Я перестаю двигать бедрами, мой член пульсирует внутри нее, поэтому я целую так, будто завтра наступит конец света.

Чтоб меня.

Непроизвольно, начинаю двигать бедрами снова, уже немного быстрее. Черт, я пытаюсь действовать медленнее, но мой член думает иначе.

— Да, ощущается так хорошо.

Ладно, я должен помочь ей, потому что скоро я кончу.

Я двигаю рукой между нами и начинаю массировать этот идеальный маленький клитор, чувствую ее влажность от оргазма.

— Что? О боже, — она приподнимается и снова падает на кровать. Подушка закрывает ее лицо, удовольствие проходит через нее, когда она кричит, пока я двигаю пальцем. Я знаю, что она близко, потому что ее стенки так сильно сжимают меня, что я больше не могу двигаться внутри нее.

Сейчас. Чистая эйфория проходит сквозь меня, когда мои яйца сжимаются, вызывая онемение, пока я кончаю.

Меня охватывает темнота, и я продолжаю двигаться, слушая ее тихие стоны. Я не стону и не кричу во время секса, но с Дейзи я слышу, как произношу ее имя, будто это самая естественная вещь.

Все еще находясь в ней, я прижимаюсь к ее груди своей и хватаю ее лицо в беспокойстве, боясь, что, потеряв контроль, мог сделать ей больно.

— Ты в порядке? — я целую ее нос, надеясь, что не причинил ей боли.

Ее пьянящая, похотливая улыбка появляется на ее красивом лице.

— Все прекрасно.

— Уверена?

Я успокаиваюсь, когда она кивает:

— Хм, а мы можем снова сделать эту штуку с языком? — она так очаровательно краснеет.

Я смеюсь и снова целую, большими пальцами потирая ее щеки.

— Мы можем сделать это в любое время, когда ты захочешь. Знаешь почему?

Она качает головой, ее глаза блестят в ожидании ответа.

— Потому что ты на вкус, как сладкий мед, Снежинка, и я зависим.

Так чертовски зависим.

Холли

Шоты были плохой идеей.

К счастью, я не пила, но Аманда, ух! Мне потребовался час, чтобы отнести ее в спальню и переодеть после того, как ее стошнило. Я передела Аманду снова, дала выпить много воды, заставила пописать и отправила в постель.

Единственная причина, по которой я чувствую себя комфортно, оставив ее прямо сейчас и возвращаясь к себе, — это то, что мы столкнулись с ее подругой Линдси в баре, которая присоединилась к нам на вечеринке. Планировалось, что Дейзи останется с ней, пока не появился Картер и не забрал ее. Аманда — безнадежный романтик, как и Дейзи, поэтому ей было все равно. Думаю, Аманда не знала, что происходит, потому что когда мы были в баре, она продолжала говорить о том, что Дейзи была так долго в ванной, и мы должны проверить ее кишечник. Каким-то образом у нее появилась эта идея, но я слишком устала, чтобы переубеждать ее.

Поэтому я тащу свое полуживое тело вверх по лестнице к своей квартире и копаюсь в сумочке в поисках ключей.

— Привет.

— Господи, — я подпрыгиваю от звука знакомого мужского голоса. Приложив руку к груди, я вижу Джейса, сидящего на ступеньках перед моей квартирой. — Что ты здесь делаешь?

Молча, он встает и тянет меня к площадке, хватая за шею для жаркого, умопомрачительного поцелуя, отчего я бросаю ключи и прижимаюсь к нему.

Как только я растворяюсь в этом комфорте, забывая сказанное ему раньше, он отступает от меня, оставляя чувствовать себя пустой и потерянной.

Прикоснувшись к губам, я смотрю на его лицо, скрытое под козырьком бейсболки. По решимости в его глазах я могу сказать, что он не собирается облегчать мне задачу.

— Мне это было нужно, — быстро поднимает бейсболку, чтобы провести рукой по волосам. Надев ее, он говорит: — Не расскажешь, что происходит?

— Я была на девичнике.

— Холлин, клянусь Богом, не лги мне сейчас. Я не в настроении, — он снова поднимает бейсболку, и я замечаю темный кровоподтек под глазом.

— У тебя синяк? — я подхожу ближе, чтобы рассмотреть лицо.

— Да, неважно. Я хочу знать, что происходит в этой прекрасной, но непонятной мне головке.

Я подхожу ближе и встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его глаза. Он вздрагивает, когда я дотрагиваюсь до него большим пальцем.

— Джейс, что случилось?

Увидев мою решимость, он со вздохом сдается.

— Итан сегодня двинул мне в лицо в раздевалке, сказав кое-что, что мне не понравилось, и тренер оштрафовал меня, а Итану наложили швы, вот и все. Теперь скажи, почему ты меня игнорируешь.

— Что он тебе сказал?

— Боже, Холлин, — я вижу его разочарование, когда он сжимает челюсть. — Не имеет значения, что произошло, я беспокоюсь о тебе. Скажи мне, я для тебя важен?

— Конечно, — говорю я, осознавая, что тру лоб. Как он может быть не важен?

— Тогда перестань избегать вопроса. Что происходит? Ты боишься? Ты сожалеешь о том, что мы сделали? Ты думаешь, что я не тот парень, с которым ты хочешь проводить время? Потому что извини, если я был параноиком, но казалось, что у нас было понимание, мы могли положиться друг на друга, пока не занялись сексом, — он оглядывается и замечает близко расположенные двери моих соседей. — Пожалуйста, мы можем поговорить внутри?

Внутри. Он никогда не был у меня дома. Он пару раз приходил сюда, чтобы забрать меня, но никогда не заходил. Пригласить его в мой мир? Меня это пугает. Вся квартира заполнена навязчивыми воспоминаниями в виде картин на стене, одежды в шкафу и

спортивных памятных вещей. Это напоминание об Эрике, и я не знаю хочется ли мне, чтобы Джейс это увидел. Я еще не готова.

— Не хочешь выпить? Здесь есть бар прямо за углом, куда мы можем пойти. Можешь сесть за руль?

— Не хочешь, чтобы я видел твою квартиру? — он спрашивает, пристально глядя на меня. — Все в порядке, мы можем просто поговорить в моей машине. Это не займет много времени.

Не займет много времени? Что это значит? Я не успеваю подумать об этом, так как Джейс ведет меня вниз по лестнице прямо к его машине. Как джентльмен, он открывает мне дверь, и пока он обходит машину, я нервничаю, мой живот скручивает в узел от мысли, что произойдет дальше.

Закрыв дверь, он не поворачивается ко мне, а кладет локоть на боковую часть двери, глядя вперед.

— Простой год был одним из лучших в моей жизни, — начинает он, его голос низкий, грубый. — Я наконец-то добрался до высшей лиги. Мне не с кем было поделиться, но я чертовски гордился собой. Не только потому, что я выиграл сезон, но и потому, что я столкнулся с трудностями и стал тем, кем я являюсь. Я преодолевал вызовы один за другим. Будучи приемным ребенком и несмотря на то, что я бывал в довольно приличных семьях, у меня не было родителей, чтобы купить мне все самое лучшее, у меня не было папы, который бы тренировался со мной на заднем дворе. У меня была кирпичная стена, перчатка из комиссионного магазина и бейсбольный мяч. Но это была моя жизнь, моя мечта. Я не сдавался, потому что хотел чего-то лучшего для себя. Я хотел вытащить себя из темноты и сделать что-то для своей жизни, — он поворачивается ко мне, щетина на его подбородке выглядит устрашающе в лунном свете. — Разве ты не хочешь этого, Холлин? Ты не хочешь чего-нибудь большего для себя?

Чувствую подступающие слезы. Я действительно хочу этого. Я хочу идти по улице и не вспоминать то время, когда мы с Эриком прогуливались поздно вечером. Я хочу смотреть спортивную игру, не сворачиваясь калачиком, и я хочу засыпать без необходимости слушать перед этим голос Эрика.

Но я не знаю, как это сделать. Я чувствую, что сделала шаги, но на моем пути все еще есть препятствие, мешающее сделать последний шаг.

Страх.

Я боюсь отпустить воспоминания об Эрике. Я не хочу забывать, потому что он часть меня.

— Я хочу большее, Джейс. Но мне было так больно потерять его, — я глубоко вздыхаю. — Тебе бы он понравился. Вы бы были друзьями. Он был моей жизнью, такой жизнерадостный, вселяющий в меня уверенность, и один из самых бескорыстных людей, которых я когда-либо знала. Он стал моим лучшим другом за одну ночь, но мы подходили друг другу так, как будто были знакомы всю свою жизнь. Я боюсь, что забуду это, воспоминания о том, что у нас было.

— И в ту ночь, в нашу ночь, ты и я, — вздыхаю, вспоминая все, чтобы передать свои чувства. — Та ночь была идеальной. То, как ты ласкал меня с такой потребностью, которая была между нами, и то, как ты обнимал меня после. Это было все, что я могла просить и, тем не менее, я чувствовала себя чертовски виноватой. Есть ли у меня право чувствовать себя так с другим мужчиной? — слезы текут по моему лицу. — Моя жизнь так долго была тихой, а потом появился ты и принес в нее музыку, легкость и небольшой проблеск счастья.

Он поворачивается ко мне, взяв меня за руку.

— Это займет время, Холлин. Я понимаю твое чувство. Но ты не заканчивала свои отношения с Эриком, его забрали у тебя. Воспоминания и ваша история — это подарок для тебя. Нелегко оправиться после такой потери. Но ты снова можешь быть счастливой. Ты имеешь право двигаться дальше.

— Я хочу двигаться дальше.

Краем глаза я вижу, как он кивает.

— Тогда продолжай со мной, Холлин. Быстро или медленно, мне все равно. Только не отталкивай меня. Позволь мне быть там для тебя. С тобой.

Это привлекает мое внимание, и я вижу сострадание и искренность в его лице. Он — подарок от Эрика? Он послал мне Джейса, чтобы помочь двигаться дальше? Похоже на то. Или я просто добиваюсь какого-то оправдания, чтобы продолжать с Джейсом? Я не хочу быть в одиночестве. Он единственный, кто каким-то образом разрушил мою стену из скорби, единственный, кто добрался до меня. Я хочу его больше, чем это возможно.

— Я хочу, чтобы ты был рядом, Джейс.

— Хорошо, — он сжимает мою руку. — Будет предсезонная игра. Хотела бы ты прилететь и посмотреть? Я могу достать тебе хорошие билеты, — он шевелит бровями. — Для меня бы много значило твое присутствие, учитывая всю хрень с Ребеккой.

Игра. Последний раз я ходила на бейсбольный матч с Эриком. Пиво, крендели, песни на бейсбольном поле, это было одно из наших любимых занятий. Смогу ли я пойти на игру без него?

— Холлин, ты это сделаешь?

Вырывая меня из воспоминаний, я вытираю слезы.

— Извини, спортивные игры — это то, что мы с ним любили. Больше я их не посещала.

— О, я не знал, — он останавливается, а затем говорит: — Я знаю, что это будет нелегко, но, возможно, ты могла бы использовать главу из «Дорогой жизни». Встретиться со своими страхами. Прыгни, Холлин. Еще один шаг к доказательству твоего существования.

Вот опять это слово страх. Он всегда мешает нашей жизни, ставит нас в тупик, пока мы не сумеем, наконец, пройти и одержать победу. Возможно, именно сейчас самое время.

Глубоко вздохнув, мой желудок делает нервное сальто, когда я говорю:

— Ладно, я это сделаю.

Немного потрясенный, Джейс садится.

— Да? Серьезно? — я киваю головой, слабо улыбаясь. — Ну, черт, детка. Я этого не ожидал, — он посмеивается. — Черт, я горжусь тобой.

Я горжусь тобой.

Три маленьких слова от сильного и любящего человека так много значат. Моя нервозность уходит, благодаря этим трем маленьким словам.

Он гордится мной. Черт, да и я горжусь собой.

Пожалуйста, Господи, позволь мне справиться с этим. Я так сильно хочу воспользоваться этой возможностью.

Ближе на еще один шаг.

Дейзи

— Расскажи о своем детстве, — говорю я, поглаживая живот Картера. Моя голова опирается на его плечо, его рука обернута вокруг меня, а другая покоится на моем бедре. Такие близкие объятия. Мы обнаженные и обнимаемся. Я люблю это.

— Нет, ты не хочешь этого слышать, — он пальцем гладит мою кожу.

— Если бы не хотела, то не спрашивала. Давай, я хочу узнать о тебе больше.

После долгого вдоха он говорит:

— Снежинка, нечего рассказывать. Мои родители умерли от передозировки. Не самый лучший пример, и так как дядя Чак был единственным живым родственником, он стал моим опекуном. Он не скрывал свою ненависть к этой ситуации, из-за чего жизнь становилась хуже. Мы либо часто ссорились, либо не разговаривали друг с другом. Я получил аттестат, а затем отправился в кулинарную школу. К сожалению, я был зависим от него, у меня не

было средств оплатить ее, и именно поэтому я обязан ему сейчас. Ты с настоящим долбаным победителем, Снежинка.

Я могу быть наивной, но я вижу в его речи сарказм.

— Почему ты так строго относишься к себе? Ты так много можешь сделать для себя.

— Да, — он раздраженно смеется. — Так что? Что я могу сделать для себя?

— Ну, у тебя есть свое место. Ты знаешь, что правильно, а что нет. Ты защитник, хотя у тебя и не было хороших родителей, чтобы научить этому. У тебя есть стремления и мечты. Ты знаешь, кем хочешь быть. Это все очень важно.

— Ты так просто видишь хорошее. Ты когда-нибудь замечала плохое?

— Нет, — признаю я. — Живя с бабушкой в нашем собственном маленьком мире, я была защищена не только от внешнего мира, но и от всего плохого. Я провела почти всю жизнь, не зная ничего, кроме счастья. Но потом у моей бабушки случился инсульт, и все изменилось. Я сняла розовые очки и увидела мир таким, какой он есть: беспокойное общество, в котором есть правильное и неправильное. Я просто выбрала замечать больше положительного, а не наоборот.

— Девушка, у которой стакан наполовину полный.

Я целую его грудь.

— Я просто благодарна, что есть стакан, которым могу воспользоваться.

— Оптимистка по жизни. Слишком плохо, что ты с пессимистом.

— Это хороший баланс, — вспоминая то, что он сказал о своем дяде, я спрашиваю:

— Тебе нравится «Дорогая жизнь»?

Я слышу его тихий смех.

— Разве похоже, что мне нравится? Я это делаю не из-за желания, а потому что должен.

— Так если ты там, почему бы не воспользоваться этим?

— Потому что я не такой человек. Не тот, кто молча следует указаниям, и никогда таким не был. Кроме кулинарной школы. Меня бесит все, что касается программы. Говорить о чувствах, записывать все это дерьмо, показывать грязное белье. Я ненавижу каждую часть. Я очень закрытый человек. У меня не было легкой жизни. У меня много потрясений и глубоких шрамов, поэтому мне тяжело смотреть на жизнь, как ты. В ней было слишком много плохого.

— Ты никогда не узнаешь, пока не попытаешься, — предлагаю я, желая, чтобы Картер мог что-то извлечь из программы.

Он сжимает меня, целуя в макушку.

— Знаю, Дейзи. Я должен бороться всю свою жизнь, ничего не дается легко и, к сожалению, ни одна программа не поможет.

Мое сердце болит за него, зная, что он изо дня в день борется. Зная, что независимо от того, что он делает, у него нет никого, кто бы поддержал. Человек, который должен был показать ему любовь и поддержку, заставлял его почувствовать себя обузой в таком раннем возрасте. Это просто убивает меня.

— Давай поговорим о чем-нибудь другом, — говорит он.

— О чем ты хочешь поговорить?

Он продолжает поглаживать мою кожу, выигрывая время для другой темы.

— Хм... я твой тип?

— Что? — я хихикаю.

— Парень твоей мечты, я соответствую этому образу? Я тот, кого ты представляла?

— Хочешь правду?

— Скажи.

Рисуя круги на животе, я рассказываю ему о своем идеальном человеке.

— Я выросла, смотря с бабушкой мюзиклы и старые шоу, такие как «Я люблю Люси» и «Шоу Дик Ван Дайка». Я была влюблена в мужчин, которые могли петь и танцевать. Я

думала, было бы здорово сочетать твои темные ботинки с докерами⁷⁸. Я думала, у моего идеала будут зачесанные назад волосы, голос, как у Бинга Кросби⁷⁹, с танцевальным очарованием Фреда Астера⁸⁰, и немного наглой походкой Джина Келли. Я думала, идеальный человек найдет путь в мое сердце с помощью танца, песни и унесет меня на какое-нибудь бродвейское шоу.

— Итак, ты искала старую душу с талантом в утраченном искусстве.

— Вроде того, — отвечаю я. — В итоге я встретила задумчивого мужчину на мотоцикле, со скрытым талантом бога и способностью защищать меня любой ценой.

Наклоняясь к моему уху, он шепчет:

— Ты кое-что забываешь.

— Твои убийственные темные глаза?

— Как насчет убийственного пениса?

— Картер! — я снова краснею и думаю, что он этого и добивался. Несмотря на то, что слово «пенис» смущает меня, учитывая, что мы сегодня сделали, он прав. Это было убийственно. Никогда не думала, что секс будет ощущаться так хорошо. Я не буду сравнивать это с бабочками и розами, потому что когда он впервые вошел в меня, это был не самый лучший момент в моей жизни. Но потом, как только я расслабилась, все было просто волшебно. Это единственный способ описать это. Нереально волшебно.

— Что? Разве это не так? У этих танцующих мужиков был такой же убийственный член, как у меня?

— Боже мой, — я краснею еще больше, если это вообще возможно. — Я никогда не думала об этом.

— Никогда?

— Нет, — я качаю головой.

— Эй, — он отодвигает меня, чтобы посмотреть в глаза. — Мой пенис — это первый пенис, который ты видела?

Я кусаю губу.

— Я видела в учебнике по анатомии, который был у моей бабушки, но это была иллюстрация. Так что думаю, что да, ты первый пенис во всем.

Широко улыбаясь, он переворачивает меня, поэтому я лежу на нем, наблюдая его игривый взгляд.

— Мне нравится быть твоим первым пенисом. Чтобы ты знала, они не все такие красивые. На некоторых есть бородавки.

— Правда? — я съеживаюсь.

— Ага, и много волос. Пенисы различаются, особенно с южным другом-мошонкой. У меня хороший набор, Снежинка, тебе повезло. Есть и больные члены.

— Откуда ты знаешь? Где ты смотришь на пенисы? Ты часто это делаешь, чтобы сравнить?

— Нет, — он смеется. — Я часто посещаю тренажерный зал, и у мужчин они болтаются, особенно у стариков. Морщинистые яйца старика — не самый лучший вид.

Я не хочу говорить о старых мужских яйцах, это вызывает во мне рвотные позывы. Картер мне очень нравится, но глядя на его яйца, которые казались милыми, это смущает меня. Мое внимание привлекает кое-что другое.

— Ты ходишь в спортзал? Вот почему твои руки накачанные?

Он вопросительно приподнимает бровь.

— Ты так думаешь?

А как иначе? Его бицепсы выделяются в облегающих рубашках. Его грудь широкая и большая настолько, что он мог бы легко поднять меня. У него тело, которое я никогда не

---

⁷⁸ брюки

⁷⁹ англ. Bing Crosby — американский актер, певец и продюсер

⁸⁰ англ. Fred Astaire; настоящее имя Фредерик Аустерлиц, англ. Frederick Austerlitz; 10 мая 1899 — 22 июня 1987) — американский актер, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино

ожидала увидеть под его кожаной курткой. Но видя это тело каждый день, я бы могла умереть счастливой. Если это имеет смысл. Разве нет? Ух!

— Ты и так это знаешь, поэтому хватит напрашиваться на комплименты.

— Я бы не отказался услышать, как ты это говоришь, Снежинка. Парню нужно, чтобы его это тешили время от времени.

Я закатываю глаза.

— О, Картер, ты такой накачанный. У тебя такие большие мышцы, как у Мистера Пропера.

— Лысый уборщик? — спрашивает он с отвращением.

— Да, он может быть сексуальным.

— Ты хочешь потереть эту гладкую голову? Потянуть за его серьгу?

— У него есть серьга? — для меня это новость. Я не могу представить это.

— Да, у суровых крутых парней есть серьги.

Поворачиваясь, смотрю на его уши, они не проколоты.

— У тебя нет серьги, — говорю я.

— Нет, я скорее задумчивый, чем суровый. Но я могу стать таким, если понадобится ударить по лицу. Я не против драк.

— Ну, — я смотрю на него. — Ты когда-нибудь бил кого-нибудь? Или тебя?

Его взгляд смягчается, и он заправляет прядь за ухо.

— Хочешь правду? — я киваю. — Хорошо, да, часто. Я даже не могу посчитать количество раз, особенно когда стал старше. Меня били одноклассники, друзья, отец, дядя, случайные придурки. Я научился защищаться слишком быстро.

— Твой дядя и папа били тебя? — он просто пожимает плечами в ответ, и это разбивает мое сердце. Я не понимаю, как взрослый человек может поднять руку на ребенка. Это вне моего понимания. Поэтому он часто такой отстраненный и агрессивный?

Обхватив его лицо, я нежно целую его в губы.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить это.

— Как я уже сказал, моя жизнь была битвой. Я привык к этому. Не надо волноваться из-за этого, — прежде чем я могу сказать еще, он переворачивает меня, прижимая к матрасу. — Хватит этого печального дерьма, я не могу дожидаться, чтобы попробовать тебя снова.

— Опять? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да, Снежинка. Ты не девушка на один раз. Ты другая.

Он улыбается мне, и я принимаю все, что касается этого человека. Он такой искренний, честный — идеальное сочетание милого и мужского. Присоединиться к «Дорогой жизни» было одним из лучших решений. Чувствую, будто пелена спала с моих глаз, и я могу увидеть больше в своем будущем. У меня теперь есть любимая сестра, новые друзья и прямо сейчас я чувствую себя живой в объятиях Картера. Никогда не думала, что так будет. Никогда не думала, что встречу его. Он не был тем, кого я представляла в качестве своего идеала, но все же это кажется таким... правильным.

День за днем, маленькие шаги, которые я делаю, чтобы быть этой женщиной в зеркале, все это доказывает мое существование, один маленький шаг за раз.

Картер

Стоя в одних боксерах и переворачивая свой фирменный французский тост, я думаю о прошлой ночи. Черт, я буду думать о прошлой ночи еще долго.

В Дейзи есть все: невинность с заинтересованностью, чистота с грешностью, застенчивость с любопытством.

Как ее руки перемещались по моим мышцам, было чертовски чувственно, и ее желание, которое подталкивало ее к действиям, несмотря на неуверенность.

Ее взгляд, надутые губы, разметававшиеся по моей подушке волосы. Черт возьми, чертовски красиво.

Трудно держать руки при себе, нужно дать ей перерыв, знаю, что ей будет больно, но я хочу ее снова и снова. Впуская меня, она делала меня своим. Я был потерян. Я все еще такой.

Смотрю на кровать, и мне нравится то, что я вижу ее обнаженное тело, прикрытое простыней, у меня появилось желание сорвать эту чертову ткань, из-под которой видны ее маленькие ноги. Боже, я хочу разбудить ее. Я хочу погрузиться между ее ног и разбудить ее самым лучшим способом, своим языком в ее невероятной сладкой киске.

Говоря о желании. Черт, прошлой ночью я трахал ее языком три раза, не в состоянии держаться. И тогда же был ее «минет», когда она поцеловала кончик моего члена, потому что боялась «получить в глаз», и дразнила меня, двигая рукой вверх и вниз по моей длине. После пяти минут ее прикосновений и поцелуев, я взял ее за руку, крепко сжал член и показал, как это сделать. Она боялась причинить мне боль после прошлого раза, когда думала, что мой член — это какая-то болтающаяся штука, за которую можно схватиться. Я понимаю ее сомнения, поэтому показал, как правильно надо это сделать, и после этого сильно кончил. Она была такой решительной и настойчивой. После того, как я кончил, она кричала так громко, что мои соседи, скорее всего, слышали ее. Она сказала, что никогда раньше не думала, что это может «брызгаться». Не буду лгать, так получилось благодаря ей.

Все из-за ее невинности. Черт, это одна из тех вещей, что мне в ней нравится.

Мое внимание привлекает шорох. Отодвигая шторы, заглядывает Дейзи и осматривает комнату. Ее волосы в беспорядке после ночи и раннего утра.

— Чем так хорошо пахнет? — говорит она сексуальным голосом.

— Французский тост. Будешь?

Она быстро садится на кровать и простынь собирает вокруг ее талии, что дает мне прекрасный вид, из-за которого я твердый все утро. Она поднимает руки над головой и потягивается, наслаждаясь утренним солнцем.

Я отворачиваюсь, иначе французские тосты сгорят, завтрак будет испорчен, а я никогда не порчу еду. Прежде чем снова посмотреть на нее и сделать шаг, она надевает мою рубашку и подворачивает рукава.

Когда она встает с кровати, я смотрю на подол своей рубашки, доходящий до верхней части ее бедер. Ее светлые волосы развеваются с каждым шагом в мою сторону. До боли прекрасно.

Она идет, покачивая бедрами.

— Ты пялишься.

Посмотрев на нее, я киваю и возвращаюсь к французскому тосту.

— Трудно этого не делать, — погладив стойку рядом с плитой, говорю: — Садись, красавица. Составь мне компанию, пока я заканчиваю готовить завтрак.

Она прыгает и визжит.

— Она холодная.

— Вот что происходит, когда ты ходишь, как какая-то сексуальная бесстыдница.

— Эй, — она игриво хлопает меня по руке. — Это не так. Ты тоже голый.

Выпятив губу, смотрю на свои боксеры.

— Извини. Я не голый, как и ты. Но могу это исправить, если ты этого хочешь.

— Ни за что. Мне слишком больно.

Больно? Черт.

Уменьшив огонь на плите, я встаю между ног Дейзи и, положив руки на ее бедра, нежно глажу их.

— Я сделал тебе больно прошлой ночью, Дейзи?

— О нет. Я не это имела в виду, — она смущенно улыбается. — Я имею в виду то, что раньше внутри меня не было посторонних предметов.

— Мой член таковым не является, — я смеюсь.

— В моей вагине, — говорит она.

— То, как ты стонала прошлой ночью, я бы сказал, что она больше не считает мой член посторонним предметом.

Она краснеет и хватается за щеки, спрашивая шепотом:

— Я действительно стонала?

Я наклоняюсь и тоже говорю шепотом.

— Да, и это было сексуально.

Она подвигается, закинув руки на мою шею. Ее тело, ее аромат, ее чистота. Это дает мне возможность дышать. Эта женщина с таким большим потенциалом, со столькими возможностями хочет быть со мной.

Желая ощутить ее кожу, я скольжу руками под ее рубашку к животу, когда мои пальцы достигают ее груди. Я оставляю долгие, томные поцелуи на ее шее, наслаждаясь ее запахом.

— Я не могу получить достаточно...

Мои слова прерываются звоном ключей у моей входной двери и присутствием кого-то в моей квартире. Какого хрена?

Я поворачиваюсь и вижу заходящую Сашу с чемоданом в руке. Ее длинные темные волосы завязаны в узел, на длинных ногах узкие джинсы, и ее классическая белая футболка с таким вырезом, что можно увидеть ложбинку.

Какого черта она здесь забыла?

— О? — замечая нас, она краснеет. — Извини. Я не знала, что могу чему-то помешать.

— Какого черта ты здесь делаешь, Саша? — чувствую, как Дейзи напрягается в моих объятиях.

— Я... — она осматривается, беспокойно двигая руками. Это не та Саша, которую я знаю. Она всегда была уверена в себе и не вела себя так, как сейчас. — Ну, я вернулась.

Прикрывая Дейзи, я спрашиваю:

— Почему я должен хотеть твоего возвращения?

Вытаскивая конверт из своего заднего кармана, она подходит к кухонной стойке, и я замечая, что на ней не так много косметики и, судя по отсутствию темных кругов под глазами, она наконец-то снова начала спать.

— Вот, — она кладет конверт на столешницу, на мгновение осматривая мою грудь.

— Здесь твои деньги вместе с арендной платой за те месяцы, когда меня не было.

Бл*дь, она сейчас серьезно? Я не знаю, что должен чувствовать в этот момент. Я никогда не хотел видеть ее снова, но не могу отрицать, что темное облако, которое было надо мной с тех пор, как она ушла, исчезает, и я чувствую небольшой проблеск надежды.

Я вижу много наличных, когда открываю конверт. Я не собираюсь считать, потому что и так знаю сколько там.

— Это шутка? — спрашиваю я. Ее руки в задних карманах, отчего ее грудь кажется больше. Слышу, как Дейзи прыгает со столешницы и идет в спальню, предоставляя немного уединения с Сашей, поэтому мне не нужно объяснять ей все это дерьмо.

Она качает головой.

— Это не шутка. Это твои деньги. Я же сказала, что надеялась когда-нибудь вернуть их. Просто не ожидала, что получится так быстро, — оглядываясь через плечо, она смотрит на Дейзи, которая бежит по комнате. — Картер, я вернулась, потому что я никогда не переставала тебя любить.

Какого черта?

Она просто взрывает мой мозг. Убираю французские тосты с плиты, иначе сожгу квартиру, пока попытаюсь понять, что сейчас происходит.

— Почему ты взяла деньги, Саша?

Она опускает глаза, прислонившись к столешнице.

— Это для моего папы. У него были проблемы с плохими людьми, и они собирались забрать у него все, если он не заплатит. У него было десять тысяч долларов, и он должен

был заплатить в тот день, когда я ушла. Я не сказала тебе, чтобы ты не пытался помочь. Я боялась, что ты можешь пострадать, если о тебе узнают. Я бы не пережила этого, поэтому оставила короткую записку. Мой папа быстро вернул деньги, продав некоторые акции, которые стали активны. Извини, что не сказала, но я была напугана. Я не хотела, чтобы ты был в опасности, как мой папа, — подходя ближе, она кладет руку мне на грудь, глядя своими темно-зелеными глазами. — Я люблю тебя, Картер. Мне жаль, что я не говорила этого раньше, но я говорю это сейчас.

Эти три слова. Никто мне их не говорил. Ни мои родители, ни дядя, ни девушки. Но от нее они звучат так просто, и почему-то это отдается неприятной горечью.

Мой взгляд отрывается от Саши, когда я замечаю движение у двери. Вспышка светлых волос, покидающих квартиру.

Дейзи.

Черт! Дейзи.

Как я мог забыть о Дейзи? Отодвигаясь от Саши, в одних боксерах, я бегу к двери и спускаюсь по лестнице, догоняя ее. Она идет быстро, но я догоняю ее, прежде чем она покинет здание. Спасибо за мое едва прикрытое тело.

— Дейзи, куда ты идешь? — я хватаю ее за руку, останавливая. Разворачиваю лицом к себе, на меня будто падает тонна кирпичей, когда замечаю ее слезы. Я не могу видеть эти красивые глаза такими.

— Картер, отпусти, меня.

— Нет. Мы еще не завтракали, — мы еще не завтракали? Это лучшее, что ты мог сказать? Я обвиняю в этом Сашу за ее появление.

Своими тонкими, маленькими пальцами она вытирает слезы и пытается сделать смелое лицо, пока бешено стучит мое сердце.

— Я не вернусь туда, чтобы позавтракать с тобой.

— Дейзи...

— Картер, нет. Я не сравниваю. У меня даже нет шанса, и я не собираюсь притворяться, что это так. У нее есть все, чего нет у меня. У вас есть история. История вашей любви. Я не собираюсь вставать между вами. И даже если я попытаюсь, — она запинается. — Я никогда не выиграю против нее.

— Это не соревнование, Дейзи.

Это не соревнование, потому что Дейзи стала для меня всем.

Она качает головой.

— Нет, это не так, потому что я не собираюсь бегать.

Она поворачивается, чтобы снова уйти, но я останавливаю ее.

— Не уходи от меня, это еще не конец, Дейзи.

— Это случилось в ту минуту, когда она вернулась в твою жизнь. Я не глупая, Картер. Я видела, как ты смотрел на нее, как твои глаза загорелись, когда она коснулась тебя. Между вами что-то есть, и я не собираюсь наблюдать за этим, — она тянет прядь своих волос и смотрит вверх, пока слезы падают на лицо. — Мне не стоило с тобой связываться.

Я могу принять все, что она говорила раньше. Я не согласен, но могу это принять. Но сказать, что она никогда не должна была со мной связываться? Это чертовски больно. Я тоже так думал, но теперь я очень хочу, чтобы она не верила в это. Хочу, чтобы она была моей.

— Я воспользовалась возможностью, потому что встретила парня, от которого не могла оторвать взгляд, — она трясет головой в неверии. — И посмотри на меня. Во вчерашней одежде, со спутанными волосами, с обувью в руке наблюдаю, как мой парень воссоединяется со своей бывшей девушкой, — останавливаясь, она сердито смотрит сквозь густые светлые волосы. — Это было по-настоящему, Картер? Это так? Или ты просто использовал меня, как сказал твой дядя?

Она прикалывается надо мной? Это было по-настоящему? Я никогда не чувствовал себя таким живым, пока она была в моих руках. Все в наших отношениях было настоящим. Как она может этого не видеть?

Может быть, потому что я придурок с девушкой, которая ждет меня наверху, и не способный двух слов связать.

Она кивает, сжимая губы.

— Так я и думала, — что? Нет. — Увидимся позже, Картер.

— Дейзи.

— Нет, — она кричит, ее слова звучат, как рыдания. — Я чувствую себя разбитой, Картер. Я только начала принимать себя, пытаюсь поверить, что я женщина, которую ты видел. Кем-то подходящей. С потенциалом. Теперь я просто чувствую себя глупо. Я так быстро отдала свое сердце, чтобы его разбили, — она плачет еще больше, делая мне больно. — И прошлая ночь, боже, прошлая ночь была просто... — она делает паузу. — Это было по-настоящему для меня, Картер. Настолько, что я подумала, просто, может быть, ты тот человек, с которым я должна быть, — она грустно усмехается. — Думаю, век живи, век учись, — вздыхая, она прижимает свои вещи и поворачивается к двери, глядя через плечо: — Это было по-настоящему для меня. Мне просто жаль, что для тебя это было не так.

Меня будто заточили в камень, пока я стою и наблюдаю, как она медленно уходит, но я не могу двигаться. Почему я не иду за ней? Почему не останавливаю? Почему не кричу, что для меня это было тоже по-настоящему?

Потому что впервые в жизни я напуган. Самая чистая и настоящая красота, с которой я когда-либо сталкивался, отдала мне свое сердце, а я просто уничтожил его. Я не хотел этого. Это все застало меня врасплох.

Встретиться со своими страхами.

Я думал, что мой страх ничего из себя не представляет, когда на самом деле, мой настоящий страх — это научиться любить.

И любовь, которую я хотел, только что покинула здание.

Джейс

— Когда через несколько недель мы закончим нашу программу, я на самом деле хочу, чтобы вы поразмышляли о своих достижениях, мыслях и чувствах, которые вы испытали, познавая что-то новое и исследуя новые сферы вашей обычной жизни. Вы узнали о себе то, чего не знали раньше? Вы нашли в своем теле силу, о которой не знали? Ваша душа связывалась с другим так, как вы не ожидали? Размышление. Сегодня вы ничего не будете делать, кроме размышлений и оценки вашего прогресса, — Марлен как обычно сидит на своем столе и осматривает комнату. — За эти последние несколько недель вы должны были узнать ваши пределы, они должны были помочь вам скорбеть и расти. Даже в собственном ритме вы должны чувствовать разницу в вашем привычном отношении к жизни. Наблюдайте и оценивайте, потому что следующей задачей, с которой вы столкнетесь, будет принятие. Что это значит?

Несколько человек поднимают руки, но она жестом показывает их опустить.

— Я не хочу, чтобы вы отвечали. Я хочу, чтобы вы подумали над этим. Что такое принятие для вас?

Ненавижу такие вопросы. Что такое принятие? Ну, согласно словарю Вебстера...

На самом деле, что мы должны сказать?

— Я вижу много пустых взглядов. Позвольте мне направить вас, — Марлен кружит по комнате, продолжая: — Как группа, мы связаны через эту программу, принимая задачи и пытаясь выполнить большинство из них, отталкиваясь от основного списка в ожидании следующего вызова. Но кто-нибудь из вас сидел и действительно оценивал, откуда вы пришли, как далеко вы прошли это новое путешествие, какую работу проделали и чего достигли? Уверена, что такие есть. Но предполагаю, что восемьдесят процентов из вас этого

не сделали. И это нормально, вы были вовлечены в это в определенный момент, и теперь нужно притормозить.

К счастью, в углу экрана на iPad я вижу Холлин. Она одета в штаны для йоги и облегающую рубашку с длинными рукавами. Все, что я хочу сделать — это прыгнуть через экран, схватить ее и обнимать. Ненавижу, что я сейчас так далеко. Снова, я не могу все контролировать.

— Я хочу, чтобы вы подумали о том, кем вы были перед тем, как пришли в программу, и кто вы сейчас. Пришло время принять прошлое, то, что оно дало вам, уроки, которые вы усвоили, и начать принимать новых вас.

Разделяясь на наши группы, я заметил, что Картер не сидит рядом с Дейзи. И Дейзи, я никогда не видел, чтобы она выглядела такой подавленной. Что, черт возьми, сделал этот мудака?

— Где Картер? — спрашиваю я.

Дейзи смотрит вниз на ноги, поэтому отвечает Холлин.

— Не уверена. Сегодня вечером он не появлялся.

— Дейзи, — я не продолжаю, пока она не посмотрит в мою сторону. Как только наши взгляды встречаются, я спрашиваю: — Ты в порядке?

Я замечаю ее дрожащие губы, когда она качает головой, нет. Черт.

— Что происходит?

Холлин отвечает за нее.

— Бывшая Картера вернулась в город. Это была не очень приятная встреча для Дейзи.

— Черт, — я тру лицо. — Прости, Дейзи.

Она пожимает плечами и кротко отвечает:

— Я не боролась. Было понятно, что между ними что-то есть, — она вздыхает. — Я действительно не хочу об этом говорить.

— Понятно, — я смотрю на Холлин, чтобы понять ее и говорю: — Давайте просто напишем наши письма и подумаем, как сказала Марлен. Дейзи, мы здесь, если тебе надо поговорить. Не считай это неудачей, а скорее мотивацией в том направлении, в котором ты идешь. Ты знаешь, как связаться со мной.

— Спасибо, Джейс, — она быстро вытирает слезу и достает свои письменные принадлежности. Она прижимает к себе ноги и начинает писать письмо, пока слезы текут по ее лицу. Это просто убивает меня.

— Холлин, перезвонишь мне?

— Конечно.

Она не успевает отключить iPad, прежде чем позвонить мне на мобильный. Как только отвечаю на звонок, говорю:

— Я, нахрен, убью его.

— Встань в очередь.

— Какого черта произошло?

— Я еще не в курсе всех подробностей. Но знаю, что Дейзи провела ночь у Картера и, когда она проснулась, Саша вернулась в квартиру, отдала Картеру деньги, которые забрала у него, сказала, что любит его и хочет вернуться.

— О, да ладно. И что он сделал?

— Когда она ушла, он все-таки пошел за ней. Но когда она спросила, было ли у них все по-настоящему, он не ответил.

— Ага, я убью его.

— Я просто не понимаю, — говорит Холлин. — Я знаю Картера уже определенное время и каждый раз, когда он рядом с Дейзи, я вижу трепет в его взгляде. Рядом с ней он другой человек. Как будто он наконец-то нашел счастье. Я не понимаю, почему он не ответил ей.

— Может, у него до сих пор чувства к Саше?

— Возможно, — Холлин вздыхает. — Я чувствую себя так паршиво из-за нее. Аманда сказала, что Дейзи слонялась по дому и даже не подходила к своему рабочему столу, а это причина для беспокойства.

— Ей нужно развеяться. Думаешь, она захочет тоже прийти на игру? Я могу это организовать. Она когда-нибудь была за пределами штата? Может, это именно то, что ей нужно.

— Ты сделаешь это?

— Разумеется. Она друг, Холлин. Я забочусь о друзьях. Узнай все детали, и я достану билеты.

— Ты потрясающий, — она останавливается. — Эй, а как прошла твоя встреча с адвокатами? Ты не говорил об этом.

Она имеет в виду кошмарную встречу? Ту, когда мои адвокаты сказали, что есть пятьдесят процентов, что это усыновление может быть отменено? Ту, где казалось, что стены давят со всех сторон, пока я практически задохнулся.

— Не самая удачная встреча. В принципе, у Ребекки большие шансы. Я без понятия, что делать.

— И разговор с ней не работает?

— Не особо. Даже если бы попытался нормально поговорить с ней, я взрываюсь каждый раз, когда она рядом. С ней невозможно сохранять спокойствие.

— Это понятно. Я бы хотела что-нибудь сделать.

— Просто будь здесь, детка. Это все, что я прошу.

— Я могу это сделать. Эй, Марлен начинает собирать письма, мне лучше написать свое. Позвони мне вечером, чтобы узнать подробности. Я обязательно поговорю с Дейзи перед отъездом.

— Ладно, звучит хорошо.

Телефон замолчал, и я почувствовал себя одиноко в моей пустой квартире. Я немного путешествовал из-за бейсбола и всегда был одиноким в плане личной жизни. Но я хотел семью, и это часть боли из-за потери Хоуп. Мне было легче, что у нее есть семья, которую она заслуживает, но я не смог ее оставить, чтобы заполнить пустоту в моей душе. Моя жизнь изменилась с появлением Холлин. Я увидел, каково это — быть с кем-то, о ком можно заботиться.

Будет ли она той, кого я смогу назвать своей? Я чертовски надеюсь, потому что я влюбился в нее. Я так сильно влюбился в нее.

***

Дорогая Жизнь,

Я стала смелее и пыталась быть позитивной, но я чувствую болезненное состояние из-за идеи пойти на игру Джейса. Я в ужасе.

Так много воспоминаний и эмоций, так много вины. Может ли Эрик сейчас видеть меня? Что он думает о Джейсе? Он одобряет? Он хотел, чтобы я нашла утешение у кого-то другого? Если бы мы поменялись ролями, я не знаю, смогла ли радоваться тому, что Эрик двигается дальше? Я всегда была очень ревнивым человеком.

Почему я не могу быть как те люди, которые живут и никогда не сталкиваются с неудачами? Или почему я не та, кто справляется с ними? Ты бросила мне вызов, но я не уверена, что я достаточно сильна, чтобы это преодолеть. Как мне найти свою силу?

Помоги мне, жизнь. Помогите мне принять эту потерю. Пожалуйста, помогите мне это сделать. Я просто хочу, чтобы это болезненное чувство наконец-то прошло.

Пожалуйста.

Искренне, Холлин.

***

Дорогая жизнь,

Тебе когда-нибудь нравилась девушка? Мне нет, пока не появилась Саша. Ты когда-нибудь слышала песню Girl Crush от Little Big Town? Уверена, что да. Я слышала ее по радио и не могла думать ни о чем другом.

Как поется в песне, я хочу утопиться в ее духах. Мне нужны ее длинные черные волосы. Я так сильно хочу знать, каково это — быть ею, потому что у нее есть все.

У нее есть Картер.

Я знаю, что решила уйти и, казалось, что это логично, учитывая их историю, но я не ожидала, что буду чувствовать себя настолько жалко и отчаянно, чтобы быть кем-то другим.

И я ненавижу это в себе. Я не хочу быть другим человеком. Я хочу быть собой. Эта жизнь, которую я стараюсь прожить, пытаясь развиваться, не должна быть сосредоточена на одном человеке и его сердце. Это должны быть я и бьющийся орган в моей груди.

Во время этой программы, которую я провела с Картером, я узнавала жизнь с ним. Ну, с меня хватит. Я хочу жить для себя. Я хочу знать, каково это ходить в кинотеатр. Как стоять на вершине горы, где ветер — мой единственный друг. Я хочу начать карьеру. Я хочу иметь свое собственное место. Я хочу ходить голой в своей квартире только потому, что могу.

И я хочу, чтобы моя жизнь вращалась вокруг моей страсти, а не человека, которым я увлечена.

Эта девушка в зеркале не исчезнет. У нее все еще есть немного сил для борьбы.

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая жизнь,

Мы с моим лучшим другом не разговариваем.

Я едва общаюсь с девушкой, в которую влюбился.

Моя бейсбольная карьера отошла на второй план.

С каждым днем мне все сложнее дышать.

И у меня есть одна обязанность — дать Хоуп возможность иметь семью и, судя по всему, я проваливаюсь с треском.

Если принимать мое прошлое и будущее, то я в полном дерьме.

Могу ли я это пропустить, ничего не принимать и начать все сначала? Возможно, сейчас это лучший вариант.

Джейс.

***

Картер Кроуфорд: Не присутствовал на встрече. Болеет, судя по справке от врача. Надеюсь на его скорое возвращение. Быстро обсудив материалы, я предложила ему помощь в принятии. Он повесил трубку, прежде чем я успела попрощаться. Я не вижу в нем никаких перемен. Не уверена в том, что он изменится.

Марлен.

Шаг 7: Принятие

Картер

Холодное стекло прижимается к моим пальцам. Бутылка, из которой я пью последние несколько часов, присоединяется на пол к ее друзьям в коллекцию «а не пойти б всему на хер». И есть еще кусочки сильно переоцененной бумаги с изображением Бенджамина Франклина.

Деньги. Вот что вращается вокруг этого мира. Алчность. Грязные деньги. Такие сжигающие, разрушающие, украденные вещи могут либо сделать лучше твою жизнь, либо разрушить ее.

Я ненавижу себя, сидя с двадцатью тысячами долларов, которые стали моим счастливым билетом. Готов поспорить, что каждый последний цент Саша отдавала мне, надеясь все потерять. Я хотел, чтобы у меня все забрали, потому что это уже произошло, и с тем же успехом могут покончить с остальной моей дерьмовой жизнью.

Я позволил ей уйти, даже не пытаюсь вернуть ее. Я позволил ей слушать Сашу, когда она говорила о своей любви ко мне, не отвергая ее. Я позволил ей смотреть, как Саша касается меня и прижимается, вторгаясь в мое пространство. А потом я просто позволил ей уйти из моей жизни, потому что я долбанный трус.

Мне не составило труда выгнать Сашу из квартиры после этого. Несмотря на то, что я чувствовал к ней в прошлом, именно там и остались эти чувства — в прошлом. Ничто не сравнится с тем, когда я с Дейзи. Она изменила меня, превратила в другого человека, который на самом деле заботится о чем-то, кроме стремления освободиться от моего дяди.

С Дейзи казалось, будто моя жизнь заиграла музыкой с яркими красками в виде чертовых танцующих стеганых жилетов и отвратительных водолазок.

Теперь мир стал скучным, тоскливым и серым. И изнуряющая боль в моей груди, из-за которой я сдался в попытке двигаться к своим целям.

И «Дорогая жизнь»? Ага, чертова программа. Попросить помощи у врача — друга Фитси, написать записку было просто, и было пыткой слушать Марлен, пытающейся научить меня по телефону. У этой сучки есть сиськи, и она думает, что может спасти всех. Новость, Марлен: некоторые люди не заслуживают спасения.

И знаете, некоторые люди не хотят быть спасенными. Не могут.

Я не могу понять, почему с бутылкой виски в одной руке и ключом к моей свободе в другой, я так и не пробился через стеклянный потолок моего заключения.

Я не был на работе несколько дней, игнорируя моего дядю каждый раз, когда он звонил, чтобы узнать, почему я не появлялся. В его голосовых сообщениях много угроз, на которые мне плевать, потому что у меня есть ключ к моей свободе. Деньги.

Мое тело немеет от каждого глотка, когда янтарная жидкость обжигает мое горло, что помогает ненадолго унять боль в моем теле.

Помойка. Эта квартира такая дыра. Был один человек, которому нравилось это, потому что она могла видеть хорошее во всем. Она видела в этом свободу. Я вижу это как тюрьму из одиночества в окружении своих демонов. Моя кровать была для нее самым удобным местом для сна. Для меня это прямоугольник жалости. Моя кухня была местом, где она видела меня в своей стихии. Для меня это постыдный храм, где я разбил сердце единственному человеку, о котором когда-либо заботился.

Поднеся бутылку к губам и откинувшись назад, я вздрагиваю от грохота кулаков по входной двери, из-за чего проливаю виски на рубашку.

— Бл*дь, — бормочу я, ставлю бутылку на журнальный столик, поглядывая в сторону двери. Кое-кто пожалеет, что побеспокоил меня.

Шатаясь, я иду к двери, и как только открываю ее, мое лицо встречается с кулаком, из-за чего я отлетаю назад, приземлившись на задницу. Дезориентированный, я пытаюсь понять, что только что произошло, когда вижу своего дядю с трясущимся кулаком.

— Вставай.

— Пошел ты, — плюю я, чувствуя вкус крови во рту.

Качая головой, он закрывает дверь и смотрит на меня.

— Забавно, как иногда я могу ошибаться в людях.

— Что это значит? — я трогаю челюсть. Нет, не сломана, просто охренеть как болит. Если бы я не был в таком состоянии, я бы двинул ему в ответ, показывая, что он не может больше мной управлять.

— Когда ты пришел в мой дом с одним жалким чемоданом, но с надеждой во взгляде, я подумал, что ты действительно станешь кем-то, — взмахнув рукой, он продолжает: — Думаю, я был не прав. Ты такой же жалкий, как и твой отец, без будущего и стремлений.

— Иди нахер. У меня есть стремления, — я держусь за стену, когда встаю. Пользуясь моментом, чтобы ответить правильно, я продолжаю: — Я хочу гораздо больше, чем эта свалка, но ты сдерживаешь меня, заставляя расплачиваться с этим рабством.

— Нет, сынок, это ты себя сдерживаешь.

— Не называй меня сынок. Ты не заслужил этого права.

— Какого черта нет? Ты не голодал, тебе было где спать, и я дал тебе возможность следовать за своими интересами. Я дал тебе чертовски много, чего не скажешь о твоём отце.

— Да, с долбаным чувством вины и кучей долговых расписок.

— В жизни ничего не дается просто так, Картер. Ты должен работать для этого. Возможно, я не знал, что я делаю, воспитывая не своего ребенка, но я сделал все возможное, чтобы ты знал цену труду. А знаешь, почему? Потому что я не хотел, чтобы ты закончил, как мой брат-наркоман, для которого единственной радостью была игла. Я все испортил? Разумеется. Я винил тебя в недостатке моей свободы? Часто. Но я не буду извиняться за то, что заставлял тебя работать. За то, что никогда не давал тебе ничего бесплатно, потому что теперь ты знаешь цену своего труда. Ты знаешь, как держаться на плаву, — оглядываясь, он говорит: — Ну, я так думал.

Сбитый с толку, я иду к дивану и пытаюсь собраться с мыслями. Всю жизнь он вызывал во мне отвращение, разрушал мою жизнь из-за того, что я испортил его. И да, возможно, его методы имели смысл, чтобы сделать из меня человека, но черт, я не могу нормально мыслить из-за выпивки.

— Ты не мог проявить немного сострадания? Немного понимания к маленькому мальчику, который потерял своих родителей? — спрашиваю я.

— Я не знаю этой эмоции, Картер. Мой отец был алкоголиком, и я не знал свою мать. Во мне нет сострадания.

— Мне было страшно, — мягко говорю. — Я потерял все, что знал, и мне пришлось жить с человеком, которого я боялся, и который не хотел иметь со мной ничего общего. Каждую ночь я ложился спать и прятался в шкафу в страхе, что ты сделаешь со мной что-нибудь из-за своего непостоянного характера. И когда я стал старше и сильнее, чтобы держать себя в руках, ты превратил меня в озлобленного человека. Ты говоришь о ценностях и правилах, но где ценность в проявлении человечности? — я указываю на него, делая акцент на словах. — Ты мог бы не просто принимать меня, но и проявить немного доброты, интереса и любви.

Опираясь рукой о столешницу, он кивает, не глядя на меня.

— Я мог бы, — тихо говорит он. — Но я не такой человек, и не боюсь в этом признаться, — он смотрит на меня. — Но ты такой. Та девушка, с которой ты был, она ведь много значит для тебя?

— Так и было, — признаюсь, чувствуя горечь.

— Было, — он сжимает губы. — Из-за меня? Из-за того, что я сказал?

Я хочу сказать да, но знаю, что это не правда.

— Нет, это из-за меня, — я останавливаюсь. — И, возможно, немного из-за тебя. Я сломал ее. Я не могу никого впустить, потому что я озлобленный пессимист. — *Я тот человек, которого ты создал.* — Вроде тебя.

— Ты тот, кем хочешь быть, Картер. Это мой выбор быть таким, жить в одиночестве, управлять рестораном и никогда не покидать пределы своей стихии. Но ты не должен. У тебя есть потенциал. Думаешь, зачем я отправил тебя в программу «Дорогая жизнь»?

— Ты хотел, чтобы до конца жизни я был гребаным поваром. Хотел вернуть потраченные на меня деньги.

— Нет, — он качает головой. — Меня не волнуют деньги. Я никогда не собирался их брать, но я хотел, чтобы ты работал и узнал цену деньгам. Что касается работы, тебе нужно было знать, что значит работать на кого-то, знать, что ты не божий дар и эксперт во всем. Для смирения необходим долгий путь, Картер, — жизнь рушится на миллион частей от этой мысли. — Я отправил тебя на эту программу, потому что видел в твоих глазах темноту, которая была у твоего отца. Меня это испугало. Ты балансировал на грани и мог потерять потенциал, который я вижу в тебе. Я не мог убедить тебя в этом, поэтому принял меры.

— Я не могу... — пальцами перебираю свои спутанные волосы. — Какого хрена ты ничего не сказал?

— Потому что ты делаешь все по-своему, упрямец, и не слышишь меня. Как я и сказал, я никогда раньше не воспитывал детей и уверен, что был не лучшим примером. Я не знал, что делаю. Тебе повезло, что ты был одет и накормлен. Но я заботился о тебе, Картер, до сих пор.

— Поэтому ты пришел ко мне домой и долбанул мне в челюсть?

— Это называется вдолбить данную мысль тебе в голову. Я понимаю это буквально, — я вижу маленькую ухмылку, и впервые вспоминаю, как мой дядя шутит со мной.

Это странно.

— И что теперь? — спрашиваю я, смущенный всем разговором. — Мыжимаем друг другу руки и становимся лучшими друзьями?

— Нет, если я смогу помочь, — он смеется и смотрит на диван, где лежат деньги. — Твое добро?

— Ага. Я собирался заплатить тебе, как только подниму свою задницу с дивана.

Он кивает.

— Видимо, я не должен чувствовать себя виноватым из-за того, что уволил тебя.

— Ты меня уволил? — спрашиваю, не слишком удивляясь.

— Да, я не терплю криков и представлений в моем ресторане, и я, черт возьми, не делаю поблажки из-за родственных связей. За дверью вся твоя хрень в коричневой коробке вместе с последней зарплатой.

Как будто меня ударили, я сижу на диване и пытаюсь думать о том, что, черт возьми, я собираюсь делать. Да, у меня есть двадцать тысяч долларов, но все из них принадлежат не мне.

— Слушай. Это тот момент, перекресток, где ты можешь решить — следовать по стопам отца или, наконец, воспользоваться тем, чему я тебя научил, и сделать что-то для себя. Ты не должен мне деньги. Ты должен только показать, что что-то делаешь со своей жизнью. Не знаю, заслужил ли я это, но хочу, чтобы ты заставил меня гордиться. Воспользуйся деньгами, чтобы обрести свободу.

Потерев лоб, я не понимаю, как мне это воспринимать. Обрести свободу. Я хотел этого с тех пор, как поднял кухонный нож, но я чувствовал себя подавленным человеком, который теперь освободился. И когда у меня есть это, я не знаю, в каком направлении двигаться, потому что единственное, что я очень хочу, больше не присутствует на этой картине.

Холли

— Ух ты, посмотри на этот кактус, — Дейзи смотрит в окно такси, пока водитель рассказывает факты об Аризоне. Вы знали, официальным символом Аризоны является галстук «боло»? Да, я тоже. Но теперь знаю.

Что я еще узнала во время этой поездки:

Дейзи потеряла девственность с Картером ночью накануне их расставания.

Картер — типичный мужчина с боязнью обязательств.

И я не хочу быть здесь.

Вы можете изменить взгляд на некоторые вещи, если проведете время с кем-то, кто не покидает пределы города, в котором живет.

Я чувствую подступающую тошноту, несмотря на то, как часто говорила себе, что сегодня буду веселиться.

— Холлин, спасибо, что пригласила меня. Мне необходимо было сменить обстановку.

— От него ничего не слышно? — она качает головой, и ее счастливое настроение пропадает из-за одного простого вопроса. Хорошая работа, Холлин. Видимо, несчастье любит компанию. — Никто не видел его в ресторане. Он там не появлялся.

— И его не было на встрече. Думаешь, с ним все нормально?

Теперь она волнуется. Я и правда хороший друг.

— Если исходить из того, как хорошо я его знаю, то уверена, что он нашел утешение на дне бутылки.

— Мне это не нравится, — говорит Дейзи и смотрит в окно. — Мне это совсем не нравится. Это кажется огромной тратой времени и очень бессмысленно. Каким образом выпивка помогает?

— Она помогает забыться, — рассеянно говорю я. — Иногда люди не знают, как справиться с поворотами жизни, как на американских горках, поэтому мы молча обращаемся к нашим порокам за поддержкой: много едим, выпиваем или употребляем наркотики. Нет никакого фактического объяснения для этих действий. Только возможность ненадолго притупить боль в наших истерзанных и хрупких душах.

— Ты этим занималась, когда умер Эрик? Напивалась?

Из меня вырывается сардонический смех, когда я смотрю вперед на стадион.

— Да, Дейзи, я напивалась. Я много пила. Настолько, что однажды ночью мне пришлось промывать желудок. Мама и Аманда на протяжении месяцев заботились обо мне. Они следили за тем, чтобы я ходила на работу, а после забирали. Они наблюдали за каждым моим шагом, чтобы я не бросила все и не позволила своей жизни пойти под откос, — черт. Почему мне всегда так плохо, когда я говорю об этом? — Боль бывает разных форм и размеров и влияет на нас по-разному.

— Вы хотите выйти у главного входа или есть специальный, так как вы друзья мистера Барнса? — спрашивает водитель такси Сэнди.

Я отвечаю грустным тоном:

— У главного. Спасибо, Сэнди.

Я беру сумку и жду, пока машина остановится. Как только мы благодарим Сэнди и выходим из ее Форд Эксплорер, я сталкиваюсь со звуками и запахами спортивного события. Шумные болельщики, продавцы еды, взволнованные дети и персонал стадиона. Все готовится к игре, ожидая за кирпичными и каменными стенами.

Я молча продвигаюсь к билетной кассе, надеясь, что Дейзи не отстает. Я забираю билеты, прохожу через ворота и нахожу наши места рядом с полем около скамейки запасных. Обслуживающий персонал тщательно подготавливают поле, игроки растягиваются и разминаются, а болельщики выпрашивают автографы. Недалеко от скамейки запасных стоит Джейс, держит перчатку у бедра и тянет за края бейсболки, разговаривая с одним из своих тренеров.

До этого момента я никогда не понимала, что Джейс профессионально играет в бейсбол. Я знаю его за пределами стадиона, и теперь, видя его в форме и уверенным в своей стихии, напоминает мне о другом человеке.

Эрике.

Как он держится.

Как он выглядит в бейсболке.

Как он шутит, бросая мяч.

Меня накрывают эмоции от воспоминаний.

Первое, что привлекло меня в Эрике — его ухмылка. Когда он стоял рядом, бросая мяч. Его сексуальная уверенность. Его опьяняющий запах. Глубокий голос, говорящий мое имя.

Холлин. Холлин. Холлин.

— Эй, Холлин. Ты в порядке? — Дейзи трясет меня за руку. — Извини, если я была грубой в такси. Все хорошо? Сейчас ты выглядишь как призрак.

Я смотрю на Джейса и вижу направленный на меня обеспокоенный взгляд. Сейчас у меня есть два варианта — сражаться или сбежать. Когда воспоминания подступают к горлу, у меня есть только один вариант.

Я еще не готова.

Я не могу это сделать.

Слишком рано.

— Холлин, ты куда? — зовет Дейзи.

Я не останавливаюсь. Я сбегаю. Врезаюсь в человека, который несет поднос с начос, и продолжаю уходить в прошлое, оставляя позади свое будущее.

Джейс

— Три промаха и два удара. Не лучший результат, Джейс.

Репортеры толпятся у моего шкафчика, кругом микрофоны, камеры ярко мигают у моего лица. Тренер проходит рядом с понимающим взглядом. Черт, я и сам знаю, что это не самый лучший результат.

— Просто отрабатываю удары, я буду готов к открытию сезона, — даю им общий ответ.

Я не собираюсь объясняться перед этими пиявками из СМИ, когда женщина, которую я хотел видеть поддерживающей меня на трибунах, убежала еще до первого броска. Я не собираюсь рассказывать им, что я влюбился в женщину, с которой никогда не смогу быть, потому что она всегда будет любить своего покойного мужа. Как бы я ни старался, сколько бы ее не поддерживал, ни одно мое действие или слово не сможет что-либо изменить. Нет смысла пытаться помочь двигаться дальше тем, кто этого не хочет. Даже если вы отдали им свое сердце.

Черт, она просто забрала его.

— Можем ли мы ждать от вас еще один сезон «Новичок года»? — спрашивает один из репортеров.

Я стягиваю полотенце с головы на плечи.

— Я не могу предсказать, что произойдет в этом сезоне. Все, что я знаю, это мой режим тренировок, моя связь с командой, и в последний год я сосредоточен на улучшении навыков игры.

Последнее утверждение — полная чушь, но им не надо знать об этом.

— Значит, улучшение навыков, — говорит репортер. Разумеется, они не могли не зацепиться за это. — А это связано с тем, что вы отдали своего ребенка на воспитание другой семье?

Какого черта?

Ища в толпе человека, который задал вопрос, я спрашиваю:

— Где, черт возьми, вы получили эту информацию?

Мужчина справа нервно оглядывается по сторонам из-за моей реакции.

— У меня есть источники.

Отодвигая репортеров, я хватаю его за воротник рубашки и смотрю на него.

— Какие, бл*дь, источники?

— Джейс, — тренер подбегает ко мне и оттаскивает от репортера, который поправляет свой галстук и ухмыляется.

— Я приму это как «да», — предполагает репортер.

— Уберите его отсюда, — кричу я, когда тренер и несколько игроков уводят меня.

— Барнс, закрой свой чертов рот и иди в мой кабинет.

Не лучший мой день, не лучший результат, не лучший темперамент.

Еще один штраф и угроза отправить меня обратно в младшую лигу. Спустя два часа я забираю сумку из машины и иду в свою квартиру. Если бы я не переживал весь этот кошмар, тренер привел бы в действия свои слова. Его терпение на исходе. Весь этот день был не таким, как я планировал. Я не ожидал, что буду так плохо играть, что практически прибую репортера о стену раздевалки и вернусь домой в одиночестве. И все-таки это произошло.

Когда я иду по темной дороге в сторону квартиры, замечаю знакомую фигуру, которая сидит у моей двери.

Холлин.

Она свернулась клубком, прижав к себе ноги, ее волосы обрамляют лицо, и она выглядит побежденной. Она не может быть на игре, но может после этого вернуться в мою временную квартиру. Я хочу быть мужчиной, в котором она нуждается, тем, кто обнимет и поймет, но я сейчас не в том состоянии. Сейчас я обеспокоен, зол и желаю выпить.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, ища ключ от дома. — Где Дейзи?

От моего голоса она подпрыгивает и, заправляя прядь волос за ухо, встает.

— С ней все в порядке, не волнуйся, — она вздыхает. — Я хочу извиниться.

— За что? За то, что дала мне ощущение, что ты действительно хочешь двигаться дальше? Что, возможно, есть хоть немного надежды на отношения между нами? Что, возможно, ты можешь влюбиться в меня, так же как я влюбился в тебя?

— Джейс... — на мгновение ее дрожащий голос ослабляет мою злость.

— Холлин, почему ты ушла?

Она смотрит на меня мокрыми от слез глазами.

— Это было слишком сложно для меня.

— Ага, ну такова жизнь, Холлин, — разочарованный, я хватаюсь за затылок и смотрю на нее. — Жизнь — это не какая-то прогулка в парке, где можно загадывать желания на одуванчиках. Жизнь — это работа. Жизнь — это путь из побед и поражений. Успехов и неудач. Опыта и новых возможностей. Ты не сможешь что-либо изменить, пока сидишь и ожидаешь других результатов.

— Я пытаюсь, — плачет она.

— Ты говоришь, что пытаешься, Холлин. Но теперь это просто пустые слова, — сокращая расстояние между нами, я касаюсь ее сердца, а затем головы. — И отсюда. Ты не должна делать вид. Ты должна на самом деле хотеть этого. Ты должна хотеть измениться. Ты должна хотеть отпустить. Я не вижу, что ты на самом деле хочешь попытаться. И да, это моя вина, что пытался подтолкнуть тебя, когда ты не была готова. Я беру вину на себя. Но я больше не могу идти по этому пути. Если сегодняшний день не пример, то я не знаю, что это.

— Ты тоже не отпускаешь, Джейс, — говорит она, подняв подбородок. — Ты говоришь о переменах, об изменениях в нашей жизни, но ты до сих пор так и не пришел к Хоуп, несмотря на приглашения от Джун и Алекс. Ты даже не можешь говорить о ней. Ты не можешь говорить со мной о переменах в жизни, когда ты тоже стоишь на месте.

— Нет, — я качаю головой. — Не переводи стрелки на меня.

— Какого черта нет? Мы с самого начала были вместе. Будь честным, Джейс, да? Разве это не был девиз наших отношений? Ну, я буду честной. Ты тоже не двигаешься дальше. Каждый день ты все дальше и дальше погружаешься в яму скорби и жалости. Если бы ты действительно был заинтересован в изменении ситуации, ты бы уже это сделал.

— Холлин, не хочу быть мудаком, но я совсем недавно отказался от своего ребенка. Ты скорбишь почти два года.

Отступая назад, она складывает руки на груди.

— Не хочешь быть мудаком? Так вот, новость — только мудаки скажут такое. Иди ты нахрен за то, что осуждаешь меня в период скорби. Ты решил отказаться от своей дочери, а у меня не было выбора в этом вопросе, когда Эрика забрали у меня.

— Я не хотел отказываться от нее, — кричу я, вероятно, разбудив всех соседей. — Ты не думаешь, что это было самое трудное решение в моей жизни?

Вздыхнув, она опускает руки и искренне отвечает.

— Я знаю, что это было тяжело, Джейс. Извини.

— Черт, — сдавшись, я сажусь на пол спиной к стене. Холлин присоединяется ко мне. — И здесь мы должны работать над принятием. Я уверен, что мы оба вернулись на первый шаг. Скорбь, — я беру ее за руку и целую, прежде чем положить ее обратно на колени. — Мы больше не можем делать это вместе.

— Что? — она резко поворачивается в мою сторону. — Джейс, это всего лишь небольшой спор. Мы друг друга поддерживаем.

Так ли? Или, возможно, это все, кем мы когда-либо будем. Она влюблена в другого и, вероятно, никогда не полюбит меня. Я хотел большего, но я не могу продолжать терпеть эту боль. Мне лучше быть одному.

— И я буду радоваться за тебя со стороны, но мы не можем больше контактировать. Мы должны помогать друг другу, чтобы подняться, а происходит все наоборот. Мне нужны отношения, к которым ты не готова, а твоё нежелание ежедневно убивает меня. Мы сейчас токсичны друг для друга, Холлин. Это вредно для нас.

— Ты не можешь оставить меня, Джейс. Я не могу этого сделать.

Повернувшись к ней, я провожу рукой по ее щеке и вытираю слезу.

— Ты сильнее, чем думаешь, Холлин. Ты контролируешь исход своего будущего, а не кто-то другой. Используй силу, которая у тебя появилась за последние несколько месяцев. Собери огонь, из-за которого ты сгорела, и преврати это в нечто большее. Холлин, докажи свое существование.

Я прижимаю ее к себе. Наклоняясь вперед, целую ее в щеку, в последний раз вдыхаю ее запах и отодвигаюсь.

— Знай, что хоть и издалека, но я твой самый большой болельщик. Прими свое прошлое, оставь Эрика рядом, но не позволяй ему удерживать тебя от твоего будущего, — я смотрю на нее и вспоминаю этот момент, зная, что мы, вероятно, больше никогда не будем говорить. — Боже, я люблю тебя, Холлин. Мне жаль, что у нас не было времени, — я печально улыбаюсь. — Может быть, в другой жизни.

В последний раз я прижимаюсь губами к ее, поклявшись, что это тот момент, который изменит ход всей моей жизни. Она права. Я не двигаюсь дальше. Мне страшно. Я не ничего не делаю, чтобы измениться. Но это конец.

Черт, я потерял ее, и это повлияло на мою игру. *Это повлияло на каждую часть моей жизни.* Но я должен быть ангелом-хранителем для Хоуп. Я должен убедиться, что она получает лучшее, потому что заслуживает это. Я должен быть лучше для нее, и она это получит. Пришло время двигаться вперед. Пришло время доказать мое существование.

Дейзи

— Еще чаю?

— Конечно, — бабушка наливает мне еще одну чашку дрожащими, обветренными руками и передает мне молоко и сахар. — Спасибо бабушка.

— Без проблем, — она откусывает еще одно печенье Snickerdoodle⁸¹, которое я приготовила. — Ты действительно научилась хорошо печь. Оно восхитительно.

— Я училась у лучшей.

---

⁸¹ Традиционное Рождественское печенье «Snickerdoodle» является одним из любимых в Америке, в основном его делают с корицей, обваливая его в смеси сахара с корицей, но бывают и другие варианты, например, с изюмом и орехами

— О, дорогая, — она машет рукой перед лицом. — Ты льстишь мне, — откусив еще, она спрашивает: — Из-за чего у тебя такое мрачное настроение? Ты обычно улыбаешься и рассказываешь о тканях, которые нашла по скидке.

— Не лучшая неделя, — это, наверное, преуменьшение. Я чувствую, что новые отношения, которые у меня появились, рухнули. Мне пришлось несколько раз звонить Холлин, чтобы узнать, что с ней все в порядке после того, как она сбежала со стадиона. Надеюсь, я больше не увижу тот взгляд боли и разочарования на лице Джейса. Он выглядел еще хуже, чем в первый день, когда мы встретились.

Признаться, полет обратно в Денвер был немного пугающим, но я смогла пройти через аэропорт... благодаря работнику авиакомпании.

— Это имеет отношение к Картеру? — и теперь он. Картер, тот, кого я смогла полюбить. Какой я была глупой и наивной.

— Да, — я сажусь. — Я действительно не хочу об этом говорить. Давай просто скажем, что ничего не получилось.

Похлопывая меня по руке, она говорит:

— Мне очень жаль это слышать, дорогая. Знаешь, я здесь, если ты захочешь об этом поговорить.

— Знаю, — останавливаясь, я набираюсь смелости, чтобы поговорить с ней о реальной причине, по которой пришла сегодня. — Могу я задать тебе вопрос, бабушка? — я размешиваю свой чай, чувствуя тревогу из-за последующего вопроса.

— Ты можешь спрашивать, о чем угодно. Хочешь поговорить об удовольствии без последствий?

— Ни за что, — я смеюсь. — Не обижайся, бабушка, но я не хочу говорить с тобой об этом. Никогда.

— Справедливо, — она поднимает руки. — Но я могу рассказать, если ты когда-нибудь захочешь. Я очень разбираюсь в этой теме.

— Это то, чего внучка никогда не должна знать, — мы смеемся, что вызывает у нее кашель. — Ты в порядке?

— Да, дорогая. Теперь задавай свой вопрос, пока я не покрылась паутиной от ожидания.

— Ладно, просто знай, я не хочу ранить твои чувства этим вопросом.

— О, я знаю, что ты никогда не сделаешь это нарочно. Продолжай.

— Мне просто интересно, почему ты держала меня в безопасности всю жизнь. Почему мы никогда не были за пределами города? Почему я была настолько изолирована, из-за чего у меня не было друзей? — я вздрагиваю, ненавидя себя за неблагодарность. Эта женщина дала мне все. А я здесь спрашиваю ее о методах воспитания, но только с целью, чтобы двигаться дальше. Мне нужно знать причину.

Выглянув в окно, она пьет чай, а глубокие морщины на ее щеках напоминают мне о ее возрасте.

— Я когда-нибудь рассказывала тебе про день, когда не стало твоего деда?

— Хм, не помню. Только то, что он был психически болен и его госпитализировали.

— Верно. Но я не сказала, что у него было посттравматическое стрессовое расстройство. Он воевал во Вьетнаме. Он ушел помогать счастливым, гордым и любящим. Вернулся он уже совершенно другим человеком. Это был не Гарольд, за которого я вышла замуж. У него был измученный взгляд, он был рассеянным, и никогда полностью не вникал в происходящее. С каждым днем его настроение все чаще менялось настолько, что мне приходилось закрываться в ванной, потому что он относился к дому как к военной зоне, не понимая, где находится. В итоге, мне пришлось обратиться за помощью, и тогда он отправился в больницу... на один день.

— На один день? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Он решил, что этого достаточно и на следующий день повесился в нашем доме. Я пришла домой и нашла его мертвым. Он оставил записку, в которой говорилось, что мир — ужасный, жестокий, полный ненависти, в котором он больше не хотел жить.

— О боже, бабушка. Я не знала.

— Мало кто знает. Я была физически и эмоционально подавлена, и впала в глубокую депрессию. Я похоронила себя в одиночестве, не желая видеть мир, который забрал моего Гарольда, — она смотрит на меня со слезами на глазах. — И потом появилась ты. Ты была маленьким лучиком солнечного света в моей жизни, а я не знала, что мне нужно. Ты была яркой и веселой. Это вернуло прежнюю меня, и я не хотела это потерять. Поэтому я держала тебя рядом. Это было неправильно? Держать тебя в уединении от внешнего мира? Да, но могла бы я сделать это снова? Конечно. Дело в том, что, если бы я потеряла тебя в этом мире, я бы потеряла себя. Это было эгоистично с моей стороны, но это был единственный способ, который я знала, хватаясь за радость, которая появилась благодаря тебе.

— Бабушка, — я чувствую подступающие слезы. — Что изменилось?

Она вытирает глаза дрожащими руками.

— Ты теперь взрослая. Ты стойко и мужественно справились с моим инсультом, поэтому я знаю, что ты должна жить так, как хочешь ты, а не я, — коснувшись моей щеки, она добавляет: — И посмотри на себя, моя красавица. Это происходит, и ты сталкиваешься с тем, что может предложить этот мир: с хорошим, плохим и уродливым.

— Я доказываю свое существование, — шепчу изумленно.

— Так и есть, дорогая.

Размышляя о последних нескольких месяцах, я считаю, что все, чего я достигла к этому моменту: у меня появились друзья. Я внутренне изменилась, смогла сделать определенные вещи и узнать что-то новое, даже если они не отличаются разнообразием. И главное, я испытала единственную эмоцию, которая бывает у каждого: любовь. Пусть это было недолго, но у меня это было, и я должна гордиться собой. Но я думаю, что для меня должно быть что-то еще.

Немного неуверенно, я спрашиваю:

— Бабушка, как ты думаешь, я способна совершать великие дела?

— Я думаю, ты способна на большее, чем просто великие дела, дорогая. Я думаю, ты застряла в бассейне и едва почувствовала воду. Впереди будет много чего, и я не могу дожидаться того, чтобы увидеть, как ты используешь свой потенциал.

Бабушка не первая, кто думает, что у меня есть потенциал. Картер сказал то же самое. Может, пора и мне поверить в это.

— Спасибо, — я встаю, ополаскивая свою пустую чашку в раковине.

— Какой у тебя план? — спрашивает бабушка.

— Мой план?

— Да, что ты будешь делать после «Дорогой жизни»?

Поворачиваясь к ней, я вытираю чашку и пожимаю плечами.

— Не уверена, но я готова это выяснить.

***

Дорогая жизнь,

Его слова снова и снова звучат в моей голове. Он любит меня. И когда он сказал эти три прекрасных слова, все, о чем я могла думать: как сильно его люблю. Но я не могла этого сказать. Что-то меня останавливало.

Сначала мне казалось, что это вина за любовь к другому мужчине, но после множества бессонных ночей, когда я думала о нем и о его голосе в моей голове, я поняла, что не вина сдерживает меня, а только я.

Как я могу быть с другим человеком, который отдал мне всю душу, если до сих пор живу в прошлом? Я не могу.

Я не могу двигаться вперед, пока держусь за прошлое.

Принять прошлое — это больше, чем просто сказать, нужно действовать. Я просыпаюсь каждое утро и провожу время в ванной, в которой все еще находится зубная щетка Эрика. В шкафу до сих пор хранится его одежда. Я нахожусь в квартире, в которой присутствует напоминание о человеке, которого я потеряла. Человек, который никогда не вернется и не полюбит меня снова.

То, что должно быть комфортным убежищем, является угнетающим напоминанием о том, что у меня было.

Больше нет. Теперь я двигаюсь вперед. Я не могу жить в таком состоянии. Я уже потеряла Эрика и не хочу потерять Джейса.

Искренне, Холлин.

***

Дорогая жизнь,

Где начинается мир?

С образования, работы, путешествий?

Есть так много вариантов и направлений. Что, если я выберу неправильный путь и упущу возможность начать что-то новое?

После разговора с бабушкой, я смогла положить конец ее рассуждениям о том, чтобы защищать меня всю жизнь, и теперь я готова сделать следующий шаг. Не знаю, что будет, но уверена, что рада этому.

Если бы я только могла пройти через это с Картером. Это займет некоторое время, но шрамы заживут и сделают тебя сильнее. Нужно извлекать уроки из неудачного опыта.

Как ни странно, я рада, что у меня появился жизненный опыт. Посмотри на меня, я взрослая!

С уважением, Дейзи.

***

Дорогая жизнь,

Если ты пытаешься меня сломать, ты проделываешь чертовски хорошую работу.

Тебе же хуже, но я сильнее, чем ты думаешь. Я не хочу испытывать тебя, но ты должна стараться лучше. Да, я мог бы показать какие-то слабые места, но я уверяю тебя, что становлюсь сильнее.

Пришло время сделать правильный выбор, по-настоящему встретиться со своими страхами, принять прошлое и стать счастливым. Пришло время исправить сломанное.

Джейс.

***

Дорогая жизнь,

Ты очуметь, какая запутанная.

Картер.

Шаг 8: Жить

Дейзи

— Хочешь кусочек?

Испуганный бурундук переводит взгляд от моего полусъеденного сникерса на меня, затем снова на батончик, и когда я думаю, что он собирается броситься на меня, чтобы забрать его, он прыгает вниз в кусты.

— Осторожно, дружище, — кричу я. — Вода еще холодная.

Выглядывая за выступ, я не вижу бурундука, а только кристально чистую горную воду, в которую недавно по ошибке окунула свой носок, предполагая, что немного всплеска было бы неплохо, и не думая, что вода все еще очень холодная. Фух, Дейзи, высота и все такое.

Ага, век живи, век учись.

И блин, я живу.

Сидя на скале, я держу руки за спиной, скрестив ноги, и наклоняюсь, наслаждаясь ветром, развевающий мои волосы и, откинув голову, вдыхаю свежий горный воздух.

Это мой второй поход с небольшой туристической группой. Хотя это и сложно, но полезно. К счастью, всю мою жизнь, прогулки с бабушкой держали меня в форме. Что еще хорошего? Эта небольшая группа тоже любит уединение, и так как мы ходим по безопасным местам, я могу спокойно наслаждаться красотой, без необходимости разговаривать. Горы стали моей новой зависимостью. Это успокаивает и умиротворяет. Это так волнительно, добраться до места назначения, с целью увидеть лесные просторы и оценить этот прекрасный в своем несовершенстве мир.

Это лучшая часть, потому что я могу очистить свой разум и сосредоточиться на настоящем. Я будто в состоянии медитации и сфокусирована на одном: моем назначении и активном путешествии, чтобы добраться туда.

Глубоко вдыхаю и выдыхаю, закрываю глаза и позволяю этой природе говорить вокруг меня.

Тишина.

Холли

Я сижу в шкафу, скрестив ноги. Волнение нарастает, горло сжимается, когда я в последний раз прикасаюсь к лежащей вокруг меня одежде Эрика. Меня снова съедает чувство скорби.

Меня окружает запах его вещей: рубашек, брюк, обуви, спортивных штанов и рабочих футболок.

Я держу одну из моих любимых футболок с именем Джона Элвея⁸². Сколько воспоминаний с ней связано. По воскресеньям он надевал эту футболку, пил пиво с друзьями, усаживал меня на колени, обхватывая руками мою талию. Во время игры он шептал мне на ухо, говорил, какая я красивая и как он будет праздновать со мной победу Бронкс. Просыпаясь по понедельникам, я надевала ее, пока готовила для нас кофе, ожидая, когда он выйдет без рубашки и с кофе в руке, показывая свой дьявольский взгляд, будто собирается съесть меня прямо на кухне. И так было часто по утрам понедельника, когда на мне была надета эта футболка.

И рубашка, из-за которой его подкалывали друзья, и про которую Эрик говорил, что только настоящие мужчины носят фиолетовый. Он был в ней, когда сделал мне предложение. Или когда мы вернулись домой, он сорвал с нее все пуговицы в пылу страсти и был похож на сексуальную версию Тарзана. Я все еще вижу, как он прыгал на диване и с

---

⁸² профессиональный игрок в американский футбол

криком разрывал рубашку, когда я сказала «да», чтобы все услышали. И хотя она была бесполезной, он сохранил ее, потому что для него это было напоминанием о самом лучшем дне в его жизни.

Еще одна слеза скатывается по щеке.

И его футболка стажера, которую он носил с гордостью, потому что быть государственным служащим было важно для него. В его семье были полицейские и пожарные, и он также хотел помогать людям. И прекрасно с этим справлялся. Это было жизненно важно для него. Еще до того, как он закончил обучение, он всегда помогал другим, например, покупал лимонад и с детьми раздавал напитки для посетителей парка. Или помогал людям, у которых спустило шину на обочине дороги. Он всегда был благосклонным и хотел следовать примеру старших.

Ложась обратно к его вещам, я окружаю себя Эриком, скучая по его прикосновениям, его глубокому голосу, опьяняющей улыбке. Еще одно объятие, еще один поцелуй, еще одно признание в любви. Если бы я знала, что это будет в последний раз, я бы сделала все намного лучше и никогда не отпускала.

Его любимая песня Unchained Melody группы The Righteous Brothers играет на повторе, он пел мне ее, когда у него было игривое настроение. Стоя на коленях и сжимая руки перед собой, он пел: «Мне нужна твоя любовь», как в сцене из «Лучшего стрелка»⁸³, но вместо слов «Ты потерял это чувство», он пел серенаду своим ужасным голосом, заставляя меня хихикать, когда хватал за талию, и вынуждал танцевать с ним по квартире, пока песня не заканчивалась. *Неудивительно, что я так сильно любила этого человека.*

— Я жаждал твоего прикосновения, — слова эхом отдаются в моей голове. Они звучат так правильно. Как я хотела, практически голодала от одного прикосновения, чувствуя его грубую челюсть рядом с моей, и его сильные руки, обнимающие меня.

— Я скучаю по тебе, — я плачу в его футболку, зарываясь головой в его пиджаки.

Это. Больно. Это будет намного сложнее, чем я думала. Задыхаясь от слез, которые текут по моему лицу, я дрожащими руками беру мешок для мусора и бросаю туда одежду Эрика. Я всхлипываю от боли, вдыхая запах и прощаясь. Все это разрывает меня и причиняет боль, но я пытаюсь двигаться вперед.

Ты двигаешься вперед, ты работаешь над своим новым будущим.

Я повторяю эти слова снова и снова в своей голове, убеждая, что поступаю правильно.

Джейс

— Почему ты не пришел поговорить со мной? — спрашиваю я Итана, сидящего в ванне с ледяной водой и смотрящего на телефон. Несмотря на его возраст, его колени находятся в напряжении от приседаний, поэтому данная процедура ему необходима.

Он не смотрит на меня, когда отвечает:

— Я не мог. Черт, я просто не мог.

— Почему нет? Ты думал, что ничего не изменится, если ты не расскажешь, и будешь жить как раньше?

Отодвинув телефон в сторону, он трет лоб.

— Я не знаю, о чем я думал, чувак. Я облажался. Я думал своим членом. Извини. Несмотря на решение Ребекки, я должен был сказать тебе.

— Ты чертовски прав, что должен был сказать мне. Черт, чувак. Я сидел и плакал из-за того, что она собирается сделать, а ты ничего не сказал.

Говорить с ним обо всей этой хрени после долгой игры — последнее, что я хочу, но первый шаг к исцелению — это прощение. Я должен найти это глубоко внутри себя, чтобы простить его, потому что, черт, я хочу двигаться дальше. Мне нужно двигаться дальше.

— Она просила меня ничего не говорить.

---

⁸³ англ. Top Gun. Также известен как «Топ Ган», «Выше крыши», «Воздушная гвардия» и «Школа асов» — американский кинофильм режиссёра Тони Скотта, снятый в 1986 году

— Ты знаешь ее несколько месяцев, а меня не первый год. И как она стала важнее? Ты единственный брат, который у меня был.

— Черт, — он трет руками лицо. — Мне жаль, Джейс. Я не знаю, что еще сказать. Будь у меня еще один шанс, я бы не вел себя как тряпка и рассказал бы все, вместо того чтобы прятаться в надежде, что ты никогда не узнаешь.

Я не воспринимаю его извинение, как хотел. Не из-за того, что оно было не искренним, а потому что прощать — намного сложнее, чем я ожидал. Нельзя просто извиниться и получить прощение. Я все еще зол и расстроен.

— Итан, ты до сих пор думаешь, что у нее должно быть право вернуть ребенка, которого она отдала? Дело не во мне и не в тебе. Дело в маленькой девочке, у которой появился дом с любящей семьей. Да, она маленькая, но ты считаешь, что будет правильно забрать ее оттуда, отдать родной матери, которая в будущем может передумать и снова от нее отказаться? Не важно, эмоционально или физически? Речь о Хоуп. Думаешь, у меня есть шанс переубедить ее?

Глядя на меня, Итан кивает.

— Да, я думаю, у тебя есть шанс, чувак. Мне не нравится женщина, которой она стала, когда впервые пришла за Хоуп. Кодекс братьев и все такое. Просто нужно найти подход.

Так теперь он снял очки, покрытые похотью?

— Ты поможешь мне? — спрашиваю я в надежде. Мой друг вернулся?

С добротой во взгляде, он кивает.

— Да, я помогу тебе.

Картер

— Дай мне ручку. Я не могу тратить на это весь день.

— Держи, — я поворачиваюсь к человеку, помогающему нам. — Не могли бы вы дать нам минуту?

Стоя у своего стола, он кивает.

— Без проблем.

— Что такое? — спрашивает дядя Чак, когда уходит Джимми. — Тебе лучше отбросить сомнения.

— Речь не об этом, — не знаю, как подойти к теме, поэтому просто выдаю: — Ты же не собираешься держать это над моей головой? Как и все остальное? Ты не будешь пытаться позже поменяться?

Сидя в кресле, дядя Чак крутит ручку в руке и смотрит на меня вверх-вниз.

— Струсил?

— Нет, — да, но я ни в коем случае не собираюсь в этом признаваться. Все происходящее чувствуется странно, немного неудобно и по большей части нереально, учитывая драму, которая так долго существовала между нами.

— Не обманывай меня, мальчик. Я вижу, что это страх, и он прямо там, — он указывает ручкой на мои глаза. — Это страх, — наклонившись вперед, он спрашивает: — Что тебя сдерживает? Возможная неудача? — я не отвечаю, не хочу признавать, что он меня раскусил. — Неудача — это часть жизни. Без неудачи ты никогда не научишься, и есть вероятность ошибиться, когда ты пытаешься что-то сделать. Ну и что? Если не получится, ты попробуешь что-то другое. Из-за боязни не воплотить эту идею в жизнь, не отказывайся от такой возможности

Впервые в моей жизни кто-то, кроме Дейзи, верит в меня. Я вижу это в его глазах. Он решил сделать это для меня. Я так долго сидел в стороне в ожидании шанса и этой возможности, что, когда это наконец-то случилось, мне необходима уверенность от одного человека, который привел меня к реальности и сказал мечтать о большем.

И по его же словам, это то, что он делает прямо сейчас. Он говорит мечтать о большем.

Ну бл*дь... Он говорит мне, нет, он поддерживает меня, чтобы доказать мое существование.

Если это не удар между ног, то я не знаю, что это.

Дейзи

— Думаю, это последняя, — Мэтт стоит и вытирает лоб. — Дейзи, не хочу быть мудаком, но не думаю, что у человека должно быть столько коробок для рабочих принадлежностей.

Заходя в маленькую гостиную, я улыбаюсь.

— Никогда не знаешь, когда к тебе придет вдохновение. Ты должен быть готов, Мэтт.

— У тебя целая коробка с надписью «войлочная ткань».

— Да, и когда я сделаю для тебя на Рождество качественный флаг с эмблемой Бронкс, ты будешь благодарен, что принес сюда эту коробку.

— Ловлю на слове, — он смотрит на меня с улыбкой и обнимает Аманду.

— Дейзи, ты уверена?

Я никогда еще не была настолько уверена.

— Да. Пришло время отдохнуть от нашего трио.

— Слова, которые ненавистны каждому, — дразнит Мэтт, получая шуточный шлепок от Аманды.

— Серьезно, все в порядке?

— Есть только один способ узнать, — взяв вязаную подушку, я бросаю ее в Аманду.

— А теперь помоги мне разобраться все это, я не могу жить в таком бардаке.

— Ага, и я уверена, что нам обещали пиццу, — говорит она, уперев руку в бок.

— Да, я помню, что это было частью договора, — говорит Мэтт. — И я чувствую слабость после того, как все это поднимал. Меня нужно накормить и напоить.

Закатив глаза, я опускаю коробку, чтобы открыть ее и достать свой телефон.

— Пицца с колбасой и перцем всех устраивает?

— И грибы, — добавляет Мэтт.

— И немного хлебных палочек, — говорит Аманда.

— Эй, — я указываю телефоном на нее. — Они не были частью договора.

— Не было и трех лестничных пролетов. Возьми хлебные палочки, — говорит она шуточно, но непреклонно.

— Ладно.

— О, — Мэтт плюхается на диван моей бабушки, который мы привезли со склада. — Закажи ее в пиццерии «Папа Джонс»⁸⁴ Пейтона Мэннинга.

— Почему? — я вопросительно приподнимаю бровь.

— Это делает ее особенной от мысли, что я заказываю в пиццерии, одобренной Пейтоном Мэннингом.

— Это смешно, — я останавливаюсь. — Но я это уважаю.

— Это моя девочка, — Мэтт смеется. — Я хорошо тебя обучил, — он обращается к Аманде, которая разбирает вещи, пока я заказываю пиццу. — Милая, мы уже можем отправить ее в реальный мир. У нее есть все необходимое.

Саркастически, Аманда отвечает:

— Используя Пейтона Мэннинга в качестве шкалы приемлемых вещей? Да, она готова к реальному миру.

Черт, а она права.

Чертовски верно, я готова.

---

⁸⁴ сеть пиццерий

Холлин

Еще немного, еще несколько минут.

Я считаю минуты, пока часы не дойдут до четырех тридцати. Они должны быть здесь, но опаздывают. Мне просто нужно немного больше времени, чтобы побыть с ним в последний раз.

Качаясь взад-вперед, я держусь руками за голову, позволяя моему телу погрузиться в него.

Четыре тридцать два. Еще две минуты я могу быть с ним. На две минуты больше, чем я предполагала. Следующие две минуты могут изменить мое решение.

Я не могу это сделать. Не могу отпустить.

Я слышу стук в дверь. *Нет.*

Я чувствую подступающую тошноту и слезы.

Пора.

Подняв подбородок и распрямив плечи, я в последний раз вдыхаю запах и иду к двери, неуверенно открывая ее дрожащей рукой.

— Холлин? — приветливо спрашивает мужчина, в сопровождении своего мужа.

Грег и Джереми. Вчера они связались со мной, чтобы посмотреть диван Эрика. Они только что вступили в брак и пытаются обжить свою квартиру. Раскладное кресло Эрика — именно то, что они искали для своей гостиной, и, по их словам, оно прекрасно будет сочетаться с остальной мебелью.

Когда я вчера выставила объявление на «Крейгслист»⁸⁵, то не ожидала получить отклик так быстро. Я надеялась провести в нем несколько ночей, несколько дней, представляя, как он лежал и пил пиво за просмотром игры. Но в скором времени это не останется в моей памяти, как и все остальное.

Глубокий вдох. Шаг за шагом.

— Да. Вы, должно быть, Джереми и Грег. Пожалуйста, проходите.

Взмахнув рукой, я приглашаю двух мужчин в свой дом.

— Джер, оно идеальное, — говорит Грег, глядя на кресло. — У нас будет много споров из-за него.

— Ну, уж нет, — Джереми по-доброму машет пальцем своему мужу. — Это мое кресло. Ты обещал его мне, когда мы приобрели диван у пожилой женщины, живущей недалеко от нас. Это мое кресло.

Качая головой, Грег поворачивается ко мне с улыбкой.

— Могу сказать, что мы будем любить его.

Сжав губы, я чувствую жжение в глазах и стараюсь сдерживаться, но эмоции берут верх.

— Извините, — я вытираю глаза.

— Вы в порядке? — спрашивает Джереми, нежно прикасаясь своей рукой к моей.

— Да, просто тяжелый день. Кресло принадлежало моему покойному мужу.

— О, боже, не думаю, что мы можем забрать его у тебя, — Грег подходит ко мне.

— Нет, — я качаю головой. — Так надо. Я пытаюсь двигаться вперед. Это один из этапов. Пожалуйста, заберите его и любите, как это делал мой муж. Когда сидите на нем, удостоверьтесь, что болеете за Бронкс, — я шучу, несмотря на падающие слезы.

— Я и не думал болеть за какую-либо другую команду, — Джереми обнимает меня, успокаивая мое разбитое сердце.

Картер

---

⁸⁵ сайт электронных объявлений

— Чувак, ты издеваешься надо мной с этим сэндвичем? — Фитси разговаривает с набитым ртом, когда соус капает с его губ.

— Ты о чем? — я вытираю руки и жду вердикта.

— Я сейчас умру от такого вкуса, но не могу остановиться это есть. Кто знал, что мясной рулет может быть таким чертовски хорошим, — он снова откусывает и стонет, когда жует. — Этот мой любимый.

— Лучше, чем сэндвич в Черную пятницу?

Это более-менее похоже, так как в нем есть фарш из индейки, яблоки, сельдерей, начинка с клюквенным соусом и жареная зеленая фасоль.

— О, черт. Я забыл про Черную пятницу, — он раздумывает, глядя на огромный сэндвич. — Я не знаю, чувак. Там халапеньо и бекон. Но Черная пятница, как День Благодарения между двумя поджаренными булочками, — подняв руки, он говорит: — Я не могу решить. Мне все нравятся.

Есть еще один, про который я не сказал, потому что как только сделаю это, он назовет меня дебилом, а я не готов к этому. Но он будет фаворитом на Черную пятницу. Напоминает Breaking Bad в «Запрете» — мясной рулет с клюквой, апельсиновым мармеладом и овсяными хлопьями. У меня ушло много времени на улучшение рецепта, прежде чем решить, что это будет справедливо для нее.

— Так и есть, — говорит Фитси, снова с набитым ртом. — Это охренительно.

— Правда? — спрашиваю я.

Неужели так и есть?

— Да, чувак. Я так считал еще до того, как попробовал. Просто хотел получить бесплатную еду. Я верил в тебя и не упустил бы возможность инвестировать в твое будущее.

— Так ты заставил меня сделать все это для тебя просто так?

— Не просто так. Теперь мне не нужно беспокоиться об ужине.

Я качаю головой.

— Ты мудака.

Подняв брови, он хлопает себя по губам.

— И здесь я планировал дать тебе пять тысяч долларов.

— Ты все еще можешь оставаться мудаком и дать мне деньги, — ухмыляюсь я.

— Не знаю, нравится ли мне эта новая сторона тебя, — Фитси указывает на меня пальцем.

— Что за сторона?

— Без депрессии, с надеждой на будущее. Слишком много улыбаешься. Это не может быть из-за той программы. Ты наконец-то снова сошелся с той девушкой и не сказал мне?

— Нет, — повернувшись к раковине, начинаю мыть посуду. Я полон решимости сделать это. — Еще нет, но скоро.

Джейс

Я вытираю руки о бедра в сотый раз, ткань моих бейсбольных шорт начинает раздражать мою кожу. Раздевалка пустая, остальная часть команды на тренировке, отрабатывает удары. Когда я беру несколько мячей из корзины рядом со скамейкой запасных, тренер урезал мне перерыв, чтобы собрать все мое дерьмо, как он выразился. Он понимал меня все это время, и я уверен, что он снова готов сделать меня шортстопом и вернуть к нормальной игре.

Я хочу снова дышать.

Но для этого мне нужно сделать несколько вещей, и одна из них — увидеть ее сегодня.

Страх съедает меня живьем, когда я сижу, сгорбившись, рядом со своим шкафчиком. Боль снова возвращается.

Я слышу звуки шагов в коридоре и голос Эрла, нашего менеджера клуба, эхом отдается, когда они подходят. Все. Я приготовил свою речь и собрал все свое мужество.

Когда дверь открывается, я встаю, снимаю бейсболку и вижу Джун и Алекс, которая следует за ней с коляской.

Мой желудок ухает вниз, сердце колотится, а во рту все пересохло. Да, вся влага в моем теле подступает к моим глазам.

— Джейс, я так рада тебя видеть, — вместо того, чтобы пожать мне руку, она сразу крепко обнимает, положив голову на мою грудь, унося меня в мир комфорта. Это как материнское объятие.

— Привет, Джун. Я тоже рад тебя видеть. Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, ночью Хоуп спала лучше. Это было очень неплохо для мешков под глазами, — шутит она.

— Уверен в этом, — глядя на Алекс, я подхожу к ней, и она с любовью обнимает меня. — Алекс, ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — смотря на мою форму, она спрашивает: — Готов к игре? Для этих ударов нужен небольшой подъем, — она подмигивает мне, и я подхватываю ее игривый настрой.

— Да, сегодня утром были хорошие результаты. Я готов, — глядя на коляску, я спрашиваю: — Как она?

— Прекрасно. Хочешь поддержать ее?

Вот зачем они здесь, чтобы я мог лучше привыкнуть к дыре в моей душе и быть уверенным в решении, которое принял.

Сглотнув, я киваю, снова вытирая руки о шорты.

Обойдя коляску, Джун расстегивает застёжку и тянется вниз. Когда она поднимается, я вижу в ней крошечную девочку с ярко-красным бантом в волосах и...

Черт, мое сердце перестает биться. Волна онемения поднимается по моим ногам, и из меня вырываются слезы, которые я сдерживал.

В руках Джун прекрасная маленькая Хоуп в футболке с надписью: «Джейс Барнс».

— Господи, — бормочу я, подходя ближе на шатких ногах. — Она так прекрасна.

— Вот так, — Джун протягивает ее, и я обнимаю ее дрожащими руками.

Отодвинув одну из кушеток, я сажусь и смотрю на Хоуп, ее взгляд вызывает у меня слезы, которые падают на ее футболку.

— Привет, прекрасная леди, — она улыбается мне и издает самый красивый звук, который я когда-либо слышал. — У тебя замечательные мамы, знаешь это? — я смотрю на плачущих Алекс и Джун, которые фотографируют нас на свой телефон. Я касаюсь пальцем ее крошечной руки, она плотно сжимает ее, и от этого по мне будто бы проходит молния прямо к моему сердцу. — У тебя крепкая хватка, сладкая горошинка.

— Может быть, она тоже будет играть, — говорит Алекс. — С такими генами.

— Возможно, — я улыбаюсь. — Она такая жизнерадостная и счастливая. — Хоуп улыбается и смотрит на мою бейсболку. — Хочешь надеть ее? — я снимаю ее и осторожно надеваю ей на голову. Она слишком большая для нее, но она все еще выглядит самой красивой маленькой девочкой.

— Это такой особенный момент для нас, — говорит Джун, вытирая слезы счастья со своих щек. — Мы хотим, чтобы она поддерживала отношения с тобой, Джейс. И с Ребеккой тоже. Мы семья.

Семья.

Моя грудь сжимается от мысли, что я тоже буду являться частью этого. Семья — это то, чего я хотел больше всего в детстве. Засыпая в своей холодной постели, я задавался вопросом: наступит ли такой день, когда меня кто-нибудь усыновит. Надеюсь и умоляю, что однажды у меня будут любящие родители. Я так хотел этого, и теперь я это получаю.

— Вы действительно хотите, чтобы я был частью вашей жизни? Разве это не будет странно для Хоуп?

— Нет, если мы сделаем все правильно, — Алекс подходит и присаживается рядом. — Джейс, ты ее родной отец, и если ты хочешь участвовать в жизни Хоуп, то и мы хотим. То же самое с Ребеккой. Вы оба совершили самую бескорыстную вещь — вы принесли радость в нашу жизнь, вы дали нам Хоуп.

Я не могу не видеть двойной смысл в этом предложении. Вы дали нам Хоуп⁸⁶. Но они не знают, что это именно они дали мне надежду.

Дейзи

— Готово! — я поднимаю руки и подпрыгиваю, оглядывая свое творение.

Я это сделала. У меня получилось.

— Давай посмотрим, — говорит Мэри Фрэн, когда она наклоняется над стойкой, чтобы проверить приготовленный мной банановый торт.

Последние несколько дней я работала в своей арендованной квартире над идеальным рецептом, чтобы продемонстрировать на интервью с местным пекарем, Мэри Фрэн, владеющей Squeeze Bundt, и которая находится рядом со стадионом «Колорадо майнерс». Мэтт говорил, что команда всегда заказывает у Мэри Фрэн, и они думают, чтобы поставить мини-киоск Squeeze Bundt на стадионе во время игр.

Когда при разговоре она сказала, что ей нужна помощь, у меня не было проблем упомянуть имя Мэтта. Я хотела сделать все сама, но я не настолько гордая, чтобы не воспользоваться преимуществом. Денег моего отца не хватит надолго, и работа — последний шаг, чтобы стать уверенной и самодостаточной женщиной, которую я видела в зеркале.

— Расскажи, что ты приготовила?

С радостью.

Подвинув тарелку к ней, я кручу ее, чтобы она могла увидеть со всех сторон и рассказать ей что внутри.

— Это мой банановый торт. Он состоит из банановой основы для торта, шоколадной крошки и клубникой внутри, с ванильной и шоколадной глазурью, с дробленными орехами, взбитыми сливками и вишней, — я передаю ей вилку. — Наслаждайтесь.

— Я впечатлена, Дейзи. Ты сама придумала этот рецепт?

— Моя бабушка и я любили выпекать торты. Мы попробовали каждый рецепт, который находили, а потом придумывали свой собственный. Этот был один из моих любимых.

Она кивает и погружает свою вилку во влажный — да, я сказала влажный — торт. Я жду ее реакции, затаив дыхание и по моим венам проходит адреналин. Ей это понравится, я не сомневаюсь. Вопрос в том, понравится ли настолько, чтобы нанять меня?

Когда она жует, ее глаза на мгновение закрываются, и я воспринимаю это как хороший знак. Практически отскакивая от стен, я прижимаю руки к груди.

— Что скажете?

Она опускает вилку и улыбается.

— Когда ты сможешь начать?

— Правда? — я визжу и бросаюсь к ней с объятиями. — Вы серьезно? — я трясущую бедную женщину, пока обнимаю ее.

Она гладит мои плечи, отодвигается и смеется.

— Да. У тебя есть именно то, что я ищу. Возможно, нам придется поработать над нашим личным пространством, но я думаю, что ты идеально подходишь для этой работы.

— О боже, это так волнительно. Бабушка упадет от восторга, когда я ей скажу. Когда я могу начать?

---

⁸⁶ с англ. — надежду

— Я задала тебе тот же вопрос, — нотки юмора в ее голосе успокаивают меня, и думаю, мы поладим.

— В любое время. Я всегда свободна, — я сейчас настолько нетерпелива, но мне все равно, потому что это моя первая работа. Моя первая работа. Ух, мне будут платить, за то, что я буду печь весь день. Как мне так повезло?

Если это не доказывает мое существование, тогда я не знаю, что это.

В такие моменты я хочу, чтобы у меня все еще был мой друг.

Хотела бы я поделиться этим с Картером.

Холлин

Держа вино в одной руке, а телефон в другой, мой разум говорит сделать одно, а сердце совсем другое. Я подпираю ногами недавно приобретенные книги по сестринскому делу, занятия по которому начнутся летом, и нажимаю на кнопку, когда его голос заполняет мою темную полупустую квартиру.

— Привет, Тростинка, я уже забираю пиццу. Буду дома через десять минут. Тебе лучше быть голой, ты обещала мне вечеринку с пиццей. Люблю тебя.

Слезы.

Я опускаю голову на спинку дивана.

— Помнишь тот день, когда ты хотела оставить немецкую овчарку, которую я нашел на поле? Ты назвала его кобелем. Жаль, что мы его не оставили. Коб был бы прекрасным дополнением к нашей маленькой семье, даже если его газы могли убить.

Его глубокий голос... этот голос, по которому я так скучаю. Он помогал уснуть, когда мне было плохо. Или помогал что-то делать. Не важно, в спальне или где-либо еще, шепот этих красивых губ помогал мне.

— Тростинка, можешь сегодня приготовить ужин? Я опоздаю. Жареный сыр и суп звучит отлично. P. S. Мне понадобятся обнимашки. Я очень соскучился.

Я смотрю в потолок. Больше слез. Я пытаюсь перевести дыхание.

Я очень скучаю по тебе.

— Я тоже очень по тебе скучаю, Эрик, — моя губа дрожит, когда я прослушиваю его последнее сообщение, единственное, которое снова и снова разбивает мое сердце.

— Я сожалею о нашей ссоре, Тростинка. Пожалуйста, не злись на меня. Когда вернусь, я хочу поговорить. Знай, что я люблю тебя всем сердцем.

Мне так тяжело дышать.

— Я всегда буду любить тебя всем сердцем, Эрик, — говорю я между всхлипываниями. — Но я должна жить, — думая о Джейсе, я продолжаю: — Ты всегда говорил, что хочешь, чтобы я была счастлива, несмотря ни на что. Ну, на какое-то время Джейс сделал меня счастливой. Я была слишком напугана, чтобы впустить его. Думаю, я готова сделать это сейчас, — я выхожу из приложения и нажимаю на него. Каждое приложение на моем телефоне начинает танцевать с небольшим «Х» в верхнем правом углу. — Часть меня думает, что именно ты привел Джейса ко мне, чтобы помочь преодолеть последнее препятствие. Тот факт, что ты сделал это в бейсбольной форме, не остался незамеченным.

Глубоко вздохнув, я смотрю на его урну, которая стоит на камине. Набравшись сил, я говорю:

— Я готова снова жить, но, пожалуйста, Эрик, знай, что ты навсегда останешься в моем сердце. И когда придет мое время, тебе лучше ждать меня, бросая мяч с этой сексуальной ухмылкой на лице, — задыхаясь от рыданий, я смотрю на телефон. — Я так тебя люблю, Эрик. Навсегда, — и на последнем выдохе, я нажимаю Х в приложении, удаляя его голос навсегда.

Все вокруг меня исчезает. Я раздала почти всю его одежду, кроме трех вещей, от которых я не могла избавиться, и его футболка была одной из них. Я выставила на

«Крейгслист» все, что было для людей, которые хотят начать все сначала. Его голосовые сообщения, теперь как далекая память.

Мое сердце разбито, но тяжесть падет с моих плеч. Пора. Время сделать что-то новое в жизни.

Вытирая слезы, я привожу свой план в действие. После двух гудков, он отвечает.

— Холлин, что случилось?

Глубоко вздохнув, я говорю:

— Мэтт, мне нужна услуга.

Картер

Я много пережил в своей жизни. Мои родители были наркоманами и умерли из-за передозировки. Мне пришлось переехать к дяде, который, как я думал, обижал меня всю жизнь. Его нестандартный способ воспитания и избавление от него. Все это кажется ерундой по сравнению с тем, что я собираюсь сделать дальше.

Я поправляю свою кожаную куртку и не хочу больше тратить время зря. Я стучусь в дверь, надеясь, что ее нет дома.

Спустя несколько секунд Аманда открывает дверь, и да, я не удивляюсь, когда вижу ее хмурый взгляд.

— Дейзи здесь больше не живет. И даже если бы она была здесь, я бы непустила тебя.

Подобного приветствия я ожидал. Чего я не ожидал, так это то, что Дейзи живет в другом месте. Я чувствую небольшую гордость. Она делает это. Она живет. Черт, я бы хотел быть там, чтобы увидеть, как она переезжает на свою первую квартиру.

— Справедливо, — отвечаю я недовольной Аманде. — Мы можем поговорить?

— Почему я должна хотеть говорить с тобой? Ты знаешь, что сделал с этой девочкой? Ты разбил ей сердце... ты, ты... придурок.

И да, я вижу в этом взаимосвязь. Но, несмотря на оскорбление, смысл в том, что это убивает меня. Я разбил ей сердце. Разбил сердце моей Снежинки, и это разрушает меня, потому что она заслуживает лучше, чем это, особенно от меня.

— Послушай, Аманда. Я знаю, что я тебе не нравлюсь...

— Ты сам этого добился.

Вздохнув, я продолжаю:

— Я тоже себе не нравлюсь.

— Ну, — она прислоняется к дверной раме, скрестив руки на груди. — По крайней мере, у нас есть что-то общее.

— Думаю, у нас гораздо больше общего, чем ты думаешь, — глубокого вдохнув, я продолжаю. — Я люблю ее, Аманда. Мне потребовалось немного времени, чтобы понять это, потому что, как ты выразилась, я — придурок, но я знаю это и хочу что-то с этим сделать.

Мне это нужно.

— Что насчет той длинноногой девушки? Где она?

— Далеко от меня, насколько это возможно. С ней ничего не было, с тех пор как я встретил Дейзи. С ней все закончено.

— Как я могу тебе верить?

Я знал, что она спросит что-то подобное, поэтому я достаю из заднего кармана меню и протягиваю ей, указывая на верхний сэндвич.

— Вот.

Аманде хватает несколько минут, чтобы просмотреть, и я вижу, как она неплохо скрывает эмоции. Я знаю это, потому что ее губа слегка дрожит, но в остальном она сохраняет спокойствие.

— Ладно, что ты хочешь от меня?

Только то, на что я надеюсь.

— Мне нужно снова приглашение на свадьбу.

Она сжимает губы, обдумывая, после чего кивает:

— Я думаю, это можно устроить.

Джейс

— Она здесь? — спрашиваю я Итана, который только что вышел из корпоративной квартиры, перед тем как принял душ после игры, в которой мы одержали победу. Три удара из четырех и хоум-ран подняли мое настроение и дали надежду на следующий этап. Я просто надеюсь, что это будет так же хорошо, как и игра.

— Да, — Итан смотрит в сторону двери и трет затылок. — Я не знаю, мужик. Я не знаю, сработает ли это.

— Должно сработать, — я наклоняюсь к Итану, чтобы Джун и Алекс, стоящие недалеко от меня, не могли меня услышать. — Это наш единственный шанс убедиться, что Джун и Алекс под защитой.

— Ладно. Удачи.

Он по-братски хлопает меня по плечу и отходит, чтобы я мог зайти в комнату.

Будь спокойным, не кричи, и что бы она ни говорила, будь благоразумным. Крики ни к чему не приведут.

Сжав руки, я захожу. Открыв дверь, я замечаю великолепный вид на стадион, ухоженную столовую и Ребекку, сидящую на одном из высоких стульев. Выражение ее лица меняется, когда она видит меня.

Оглядываясь, она спрашивает:

— Что ты здесь делаешь?

Вот, Джейс. Ты можешь справиться с этим.

Я спокойно спрашиваю:

— Могу присесть?

— Конечно... — говорит она скептически.

— Могу я задать вопрос?

— Думаю, да.

Положив руки на стол, я говорю спокойным тоном.

— Когда ты пришла ко мне домой, чтобы сообщать о беременности и о том, что не собираешься оставлять ребенка, что тогда происходило в твоей голове?

— Что ты имеешь в виду? — она отодвигается, откинувшись назад и скрестив руки. Уже начинает обороняться.

— С чего ты решила, что я твой единственный вариант?

Она пожимает плечами и смотрит в пол.

— Я не знаю. Думаю, я была не в лучшем состоянии. Я не была уверена, что смогу обеспечить ребенка. Я не готова была стать мамой. Я хотела все-таки доучиться, чтобы не быть барменом до конца своей жизни. Для меня это было слишком много.

Я киваю.

— Я могу это понять. Наличие ребенка — большая ответственность, и если ты полностью не вкладываешься в его воспитание, то оказываешь ему плохую услугу. Нужно быть действительно морально готовым для ребенка, потому что это один из лучших подарков для него, которые ты можешь дать, помимо любви.

— Я согласна. Поэтому я пошла к тебе, потому что знала, что не готова к этому.

— Это было очень смело с твоей стороны, — добавлю я. — Могу я задать другой вопрос?

— Разумеется, — сейчас она садится, принимая более расслабленную позу.

— Что с того времени изменилось? Ты начала учиться? Ты нашла новое место для жилья? Ты обратилась к психологу, чтобы быть готовой для Хоуп?

— Ну... нет, но, — она делает паузу и думает об этом. — Теперь у меня есть Итан. Сстиснув зубы, я сдерживаю вспышку ярости из-за упоминания имени моего лучшего друга.

— Он хороший парень.

— Так и есть.

— Но Итан зарабатывает тем же, чем и я. Сейчас все в порядке, потому что мы все еще в Аризоне на весенних тренировочных играх, но через несколько дней мы открываем сезон в Колорадо. Если ты вернешь Хоуп, как ты будешь заботиться о ней, если придется вернуться на работу? Ты готова сама заботиться о ребенке, пока Итан будет в отъезде?

— Мы можем нанять няню для помощи, — отвечает Ребекка.

Сохраняй спокойствие. Сохраняй чертово спокойствие.

— У меня была такая же идея, — говорю я. — Если бы я собирался оставить Хоуп, я бы нанял няню на полный рабочий день, которая оставалась бы с ней, пока меня нет из-за игр, тренировок или интервью. Это было бы идеально, да? — я останавливаюсь, потому что действительно хочу, чтобы она обдумала сказанное. — Но я бы не воспитывал ее. Я был бы незнакомцем, который видит ее, пока она спит по ночам. И мне не кажется это идеальным вариантом. Ребекка, я вырос без родителей, поэтому знаю, каково это, когда рядом никого нет. Я не хотел этого для нашего ребенка, и не хочу сейчас. А ты? Ты хочешь, чтобы она росла с отсутствующими родителями?

Она смотрит на поле, когда одинокая слеза скатывается по ее щеке, и она быстро вытирает ее. Раньше мы были друзьями. Сейчас это не так.

— Нет, конечно, я не хочу этого, Джейс. Я не была готова тогда, и не готова сейчас, но я чувствую себя виноватой. Я вынашивала ее девять месяцев, была в ужасе и обижена, чувствуя себя виноватой из-за этого. Разве не все женщины хотят своих детей? Что со мной не так, если я ее не хочу? — она отворачивается, и я чувствую, как она борется с тяжестью вины. Я прошел через это. И я не знаю ответа на ее вопрос. Даже после того, как у меня было всего два с половиной месяца, чтобы справиться с шоком, я просто знал, что не являюсь лучшим вариантом. Глубоко вздохнув, она поворачивается ко мне и говорит: — Я сказала тебе о ней в надежде, что у меня все еще будет шанс увидеть ее и, разобравшись со своими проблемами, я смогла бы участвовать в ее жизни. Я не думала, что ты бросишь ее, отдав кому-то другому.

— Я не бросил ее, Ребекка. Я неделями искал, просматривал профили, пытался найти подходящий дом. Идеальный дом. Я отправил ее к любящей паре. Джун и Алекс — замечательные женщины с золотыми сердцами и были рождены, чтобы стать матерями. Они взяли этого маленького ребенка и дали ей дом.

— Но она все еще моя дочь.

— Да, и как ее мать, ты должна видеть ценность в подарке, который мы ей дарим. Мы даем ей шанс вырасти в самой доброй и любящей среде, которую мы когда-либо могли ей дать. А знаешь, какая самая лучшая часть в этом?

— Какая? — она вытирает еще одну слезу.

— Алекс и Джун хотят, чтобы мы были в ее жизни.

— Что? — Ребекка поднимается, положив руки на стол.

— Да, они очень хотят открытого усыновления, которое включает права на посещение.

— Со мной тоже?

Я киваю. Ребекка поменяет свое решение. *Просто еще немного.*

— С тобой тоже. Они понимают жертву, которую мы оба принесли. Хотя Джун и Алекс будут родителями Хоуп, мы можем быть рядом с ними, поддерживая и помогая любым возможным способом. Они хотят, чтобы мы были частью семьи. Семейой можно быть не только по крови.

— Быть частью семьи, — шепчет она. — Они готовы сделать это?

— Почему бы тебе не спросить их? — не желая терять время, я открываю дверь, когда Джун и Алекс заходят вместе с Хоуп.

Ребекка рукой закрывает рот от шока, дрожит, когда встает, чтобы поприветствовать Джун и Алекс.

— Привет, Ребекка, меня зовут Джун, — она подходит ближе и без предупреждения обнимает Ребекку своим классическим объятием. — Я хочу сказать огромное спасибо за храбрость, которую ты проявила за последние несколько месяцев. Ты дала нам больше, чем мы могли просить.

Немного нерешительно Ребекка обнимает Джун.

— Ты действительно хочешь, чтобы я была в вашей жизни?

Джун отодвигается от Ребекки и держит ее на расстоянии вытянутой руки.

— Мы хотим, чтобы вы оба участвовали в этом. Нужна команда, чтобы вырастить ребенка. Почему бы не сделать это вместе?

Следующий час проходит в разговорах о Хоуп, о первых месяцах ее жизни и о ее маленьких проявляющихся чертах характера. Наша маленькая группа из Джун, Алекс, Ребекки, Итана и меня — необычная компания людей с одним общим интересом: дать Хоуп лучшую жизнь. Видя обещания на лицах каждого, я догадываюсь, что так оно и будет.

Семья, наконец-то.

Холлин

— Мне нужны Cracker Jacks⁸⁷. Я не могу ничего делать без них.

— Ты их не хочешь, — говорит Аманда, не позволяя подняться мне с моего места. — Они застрянут в твоих зубах, а это не очень приятно.

— Тогда пиво. Дай мне пиво.

— Никакого пива, — она дает мне бутылку с водой. — У тебя будет ужасное дыхание, а это никому не надо.

— Как вода избавит меня от нервного состояния?

— Представь, что это водка. Немного воображения поможет, — Аманда смотрит на поле и стучит ногой. — Боже, почему так долго? Это пытка.

— Пытка? Как будто тебе это надо. Ты здесь только ради поездки.

— Верно, но я должна смотреть, и это все так же меня нервирует.

— Это так далеко от правды, — как только я собираюсь объяснить разницу, толпа радостно кричит, и игроки бегут в сторону скамейки запасных.

— Боже мой, они идут, они идут, — кричит Аманда, поднимая меня за руку со своего места, и начинает подпрыгивать.

— Ты можешь не говорить, что они идут? Звучит так, будто вся команда вместе эякулирует⁸⁸.

— Фу, не надо опошлять. О, смотри, вот он, — она указывает на Джейса, который использует эластичную ленту, чтобы растянуть свои подколенные сухожилия. — Посмотри на эти сильные руки, держащие огромную резинку. Ух, ты. Ты занималась сексом с этими руками.

— Заткнись, — я толкаю Аманду. — Ты можешь не говорить это вслух? Мне не нужно, чтобы весь стадион слышал о моих сексуальных контактах.

— Не называй это сексуальными контактами, — поднимая руку, она кричит. — Эй, Джейс.

Я быстро закрываю ей рот рукой.

— Какого черта ты делаешь?

Отрывая мою руку от своего лица, она отвечает:

— Позволяю этому произойти. Честно, о чем ты думала, когда взяла меня с собой?

---

⁸⁷ попкорн

⁸⁸ с англ. come можно перевести как идти, и как кончить

— Я не знаю. Что ты будешь сидеть тихо и просто оказывать моральную поддержку? Она качает головой и хлопает меня по щеке.

— О, милая Холлин, когда это было в моем стиле? Я во все вмешиваюсь, — с еще одним похлопыванием по щеке она кричит: — Эй, Джейс. Смотри сюда.

Мы сидим на уровне поля, вдоль нижней стены, которая граничит с краем поля на первой базовой линии. Эти места мы получили благодаря Мэтту, потому что без него это было бы невозможно. Одно из преимуществ быть лучшим другом Аманды. Вероятно, сейчас это ее единственное преимущество.

— Ты прекратишь это делать?

— Никогда. Джейс! Джейс Барнс. Эй. Хватит растягиваться и посмотри сюда.

— О, боже мой! — мои щеки краснеют, мой желудок сжимается каждый раз, когда она свистит. — Это так унижительно.

— Да что же должна сделать девушка, чтобы привлечь внимание парня? Снять свой топ? Мэтта это бы не обрадовало, — она щелкает пальцем. — Я поняла, — почему я чувствую, что мне не понравится то, что она скажет дальше? — Джейс! Джейс Барнс. Здесь Холлин хочет с тобой поговорить.

Я сижу, закрыв лицо руками, и выглядываю, чтобы увидеть, как Джейс поворачивает голову от упоминания моего имени. Когда замечает меня, он бросает ленту и резко встает. Его тренер о чем-то спрашивает, но Джейс отмахивается от него, хлопает по плечу и идет к нам.

— Вставай, вставай, — Аманда агрессивно дергает меня, пытаюсь поднять меня с места.

С неохотой я встаю, желая, чтобы это было на моих условиях, но, похоже, у Аманды другие планы. Я могла и догадаться.

Хотя мне нравится то, что я вижу: его высокий рост, совершенное тело, показывающее силу с каждым шагом. Его бейсболка опущена, потому что ему так нравится. Легкая щетина, а эта форма... в ней он выглядит идеально, демонстрируя косые мышцы живота и мускулистые ноги. Боже, он такой сексуальный.

Он улыбается, когда подходит ко мне и сокращает расстояние между нами. Толпа сходит с ума, но я не обращаю на это внимание, сосредоточившись только на нем.

— Привет, — он ухмыляется, и эта новая улыбка крадет мое сердце. — Что ты здесь делаешь?

Я тренировалась, репетировала этот момент, но теперь, когда это происходит, я не знаю, что сказать.

— Ну, ты такой невероятный, — говорит Аманда рядом со мной, когда я сжимаю руки. — Она приехала, чтобы сказать о своей любви к тебе.

Ладно, все должно было быть не так. Джейс вопросительно поднимает бровь, и я поворачиваюсь к Аманде, сияющей от гордости, слегка толкаю ее на стул, чтобы она не влезла в наш разговор.

— Не хочешь объяснить, что она имеет в виду? — его улыбка чертовски заразительна. Как мне сказать, что я сделала и чего достигла? Почему я считала это хорошей идеей? Ну... великие жесты всегда прекрасны. — Холлин, мы тратим время.

— Да, ладно, — я подхожу к нему и беру за руки, надеясь, что люди нас не заметят. — Помнишь, ты сказал, что мы токсичны друг для друга? — он кивает. — Я так не думаю. На самом деле, мне кажется, что мы встретились по какой-то причине, например, это была судьба. Мне нужен был кто-то, кто поможет пробиться через темную дыру, в которой я похоронила себя, а тебе нужно плечо, на которое можно опереться. Сначала я не видела и не принимала происходящее между нами, потому что была напугана, чувствовала вину и считала, что не смогу снова полюбить. Но когда ты ушел, я поняла, что потеряла еще одну любовь в своей жизни, тогда я и решила отпустить тебя, — он сжимает мои руки, чтобы я продолжала. — Джейс, для меня это был переломный момент, потому что я знала, что хочу и нуждаюсь в тебе, но сначала должна была уйти от прошлого, чтобы быть с тобой. Жить.

Если бы я хотела позволить своему сердцу влюбиться в другого мужчину, я бы не делала это наполовину. Я хотела быть полностью готовой.

Глядя на меня, он спрашивает:

— И как, ты готова?

Отвечая на его яркую улыбку, я киваю.

— Готова, Джейс. — я тянусь к его лицу, и он крепко меня обнимает. — Я люблю тебя, Джейс, всем сердцем. Я люблю тебя.

— Музыка для моих чертовых ушей, — прижимаясь губами к моим, он целует меня. Разумеется, толпа вокруг радостно кричит, а несколько фанатов издают звуки неодобрения, но я приму это как комплимент. Прежде чем уйти, он спрашивает: — Знаешь, что ты только что сделала? Новости на ближайшие несколько недель.

Пожимая плечами, я говорю:

— Пусть болтают.

Я снова его целую, но он останавливает меня, заставляя смотреть на него.

— Холлин, мне надо знать, ты останешься на всю игру?

— Я останусь для всего.

И я это и имею в виду... для всего.

Его улыбка пробуждает во мне страсть, любовь, желание — это те чувства, которые, как я думала, уже забыла. И все это для человека, который помог мне вернуть себя и снова найти любовь.

— Хорошо, — он смотрит в мои глаза и говорит: — Я люблю тебя, Холлин, очень сильно. Похоже, нам потребовалось немного больше времени.

— Иногда нам всем нужно немного больше времени, чтобы доказать свое существование.

— Думаю да, но черт, оно того стоило.

Снова прижимаясь ближе, он целует меня, игнорируя посвистывания от игроков своей команды, тренера, зовущего его со скамейки запасных, и болельщиков, выкрикивающих имя Джейса.

В этот момент существуют только он, я и начало нашей новой жизни.

Дейзи

— Только сестры, пожалуйста, — говорит фотограф, указывая своей камерой.

— Это мы, — Аманда берет меня за руку и ведет к прекрасному горному фону рядом с нами.

Свадьба похожа на сказку. Аманда такая красивая, что невозможно не смотреть на нее. Взгляд Мэтта, когда он увидел ее, идущей по проходу, бесценен. Он выглядел как самый счастливый человек на планете, таким искренним и довольным. Я никогда не забуду этот момент, который заставил мое маленькое романтическое сердце биться быстрее.

— Осторожно, я не хочу наступить на твое платье, — говорю Аманде, которая дергает меня.

— Ой, кого это волнует? Мэтт уже наступил на него как минимум десять раз. Теперь подойди поближе и улыбнись. Это важный момент, который я хочу навсегда запомнить.

С букетами в руках, мы соприкасаемся головами и обнимаем друг друга за талию.

Когда бабушка переехала в дом престарелых, я не знала, как буду жить самостоятельно, но Аманда стала моим ангелом-хранителем, направляя меня, убедила в том, что у меня есть шанс увидеть мир.

На эмоциях я говорю:

— Спасибо за все, Аманда. Ты не представляешь, как много для меня значит — быть твоей сестрой.

— Ты пытаешься заставить меня плакать?

— Нет, — я смеюсь, — я просто хочу, чтобы ты знала, как важна для меня.

— Ты тоже много значишь для меня, Дейзи. Я так рада, что в этот день ты рядом, — она смотрит позади меня, на мгновение выражение ее лица меняется, прежде чем снова вернуть взгляд в мою сторону. Обнимая меня, она говорит: — Я люблю тебя, помни об этом, когда обернешься.

— Что? — спрашиваю недоуменно. Но вместо ответа она разворачивает меня, и я сталкиваюсь с Картером.

Картер!

Картер в черном костюме, белой рубашке и черном узком галстуке. Его одежда как будто нарисована на его коже. Его волосы стильно зачесаны в сторону. У него легкая щетина и эти темные глаза буквально пожирают меня живьем. Чувства, от которых, как думала, я избавилась, снова вернулись из-за одного взгляда.

Наклонившись через плечо, Аманда говорит мне на ухо:

— Просто выслушай его.

— Что? — я поворачиваюсь к Аманде, чтобы спросить еще, но не успеваю, поскольку Картер уже стоит передо мной.

— Привет, Снежинка.

Застигнутая врасплох, я не знаю, что еще сказать, поэтому просто говорю первое, что приходит на ум:

— Почему ты здесь? Твое приглашение отменили.

— Аманда снова пригласила меня.

— Нет, она этого не делала, она бы этого не сделала, — я поворачиваюсь к Аманде, которая пытается подслушать. — Ты бы этого не сделала, так ведь?

— Я, вроде как, сделала, — чувство вины написано на ее лице.

— Почему? Зачем...

— Дейзи, мы можем отойти куда-нибудь и поговорить?

Взглянув на Картера, я качаю головой.

— Нет, мы не можем пойти куда-нибудь и поговорить. Почему я должна это делать?

— Да, она может поговорить, — встречается Аманда. — Мы закончили с фотографиями.

— Аманда.

— Даже не начинай. Это день моей свадьбы. Если я говорю тебе выслушать Картера, чтобы он сказал, каким идиотом является, тогда ты выслушаешь его. Не заставляй меня повторять дважды.

Ну, если невеста так сказала, похоже, у меня нет другого варианта, кроме как поговорить с ним.

— Ладно, — я поднимаю подол своего платья, чтобы не испачкать его, и иду за Картером, который мягко тянет меня за руку.

— Итак, на самом деле, мне есть, что сказать и показать тебе.

Раздраженная, я иду рядом, бормоча:

— Это так неправильно. Последнее, чего мне хочется — это говорить с тобой. Я делаю это только потому, что так сказала Аманда. Будь это мой выбор, ты бы сейчас ехал в Денвер и жевал собственный ботинок, потому что я не дала бы тебе поесть, несмотря на твою длительную поездку сюда.

— Ты закончила? — он спрашивает, когда мы идем в сторону кустов.

— Эй, ты грубишь мне?

— Нет, — он поднимает руки. — Ни за что.

— Хорошо, — скрестив руки на груди, я приподнимаю подбородок и пытаюсь не смотреть на него. — Давай, говори, что собирался сказать, чтобы я могла вернуться на вечеринку и выпить.

Громко выдохнув, он поворачивает меня, чтобы я стояла лицом к нему, и нежно прикоснувшись, заставляет смотреть на него.

— Дейзи, тем утром, когда появилась Саша, я сделал самое худшее. Я не остановил тебя. Когда ты ушла, ты забрала мое сердце с собой, но я был чертовски напуган, чтобы признать это.

Почему я его слушаю? Может, потому что я все еще люблю его и хочу, чтобы он тоже любил меня.

— Господи, — он проводит рукой по лицу. — Я не могу нормально говорить, когда ты в этом платье. Дейзи, ты просто... ты чертовски прекрасна, — нафиг его и эти глупые лестные слова.

Я смущенно благодарю его. Как только я надела это платье, я хотела, чтобы он увидел меня и, судя по его реакции, я рада, что так случилось, потому что оно стоит этого неловкого разговора.

— С Сашей ничего не было и не могло быть, потому что я безнадежно влюблен в тебя.

Мое сердце стучит, как барабан, мой пульс ускоряется, и я так широко улыбаюсь, что ничего не могу с этим поделать. Картер влюблен в меня?

— Снежинка, ты застала меня врасплох. Когда я попал в «Дорогую жизнь», я не ожидал встретить кого-то необычного, от кого бы у меня перехватывало дыхание и появлялась такая страстная жажда жизни. Но это случилось, и ты украла мое сердце со своими причудливыми водолазками и разговорами об увлечениях. Ты принесла свет в мою скучную и тоскливую жизнь. Ты дала мне цель и любовь, единственную эмоцию, которую я ни к кому не испытывал, — взяв меня за руки, он подвигается ближе. — Я люблю тебя, Дейзи. Я не хочу ходить по этой земле без тебя. Пожалуйста, скажи мне, что мне и не придется.

Вот черт, из-за него у меня испортится макияж. Он нежно касается моего лица и вытирает слезы.

— Тебе нужны еще доказательства? — спрашивает он. Не дожидаясь моего ответа, он ведет нас вокруг кустов, к стоящему у тротуара фургону. Он ярко-красный, над окном заказа текст, который он читает:

— Ма, мясной рулет!

— Что это? Что значит «Мя, мясной рулет?»

Посмеиваясь, он тянет меня к груди и обнимает за талию.

— Это, Снежинка, мое автокафе. Я буду готовить разные сэндвичи с мясным рулетом. И «Ма, мясной рулет» — это из фильма «Незванные гости»⁸⁹.

— У тебя теперь есть автокафе? — спрашиваю изумленно. — А что с твоим дядей?

— Он помог мне с документами, чтобы я мог его приобрести. Мы разрешили наши разногласия, и он сказал, что я был мудаком, когда отпустил тебя, потому что даже он увидел изменения, которые произошли благодаря тебе, — сжимая меня крепче, он наклоняется и говорит мне на ухо: — Ты делаешь меня лучше, Дейзи, — указывая на сэндвич на самом верху, он читает вслух: — Первый сэндвич посвящен тебе. Я назвал его «Дейзи владеет моим сердцем». Трек играл, когда мы первый раз пошли выпить напиток с брусникой и апельсинами. Я выбрал мясной рулет, потому что, черт возьми, я не мог придумать ничего другого, что я был бы счастлив готовить. Все это связано с тобой. Ты повлияла на мою жизнь за такой короткий промежуток времени, поэтому ты должна быть частью этого, просто чтобы я мог держаться за то, что осталось между нами.

— Не могу поверить, что у тебя это есть.

— Это же неплохо?

Обернувшись, я даю ему возможность обнять меня.

— Это отлично, Картер. Я так горжусь тобой.

Он широко улыбается, и все внутри меня тает. Возможно, я и злилась на него, но это не может продолжаться вечно. Я люблю его. Я присоединилась к «Дорогой жизни», чтобы

---

⁸⁹ англ. Wedding Crashers (2005) — американская комедия

получить опыт, в итоге я нашла доброго, любящего человека, который показал мне любовь, на которую он думал, что не способен. Похоже, у него больше нет этой проблемы.

— Ты действительно любишь меня? — спрашиваю я, мне нужно еще раз услышать это.

— Я действительно люблю тебя, Дейзи.

— Это нормально, если бы я сказала, что тоже люблю тебя?

Смеясь, он отвечает:

— Это было бы замечательно.

— Хорошо, — стоя на цыпочках, я целую его челюсть. — Я люблю тебя, Картер. Думаю, шаферы, которые выстроились в очередь, чтобы отвезти меня домой, будут разочарованы, — шучу я.

— Не смешно, Снежинка. Я буду единственным, с кем ты пойдешь домой.

— Мы будем кататься на закате в твоём фургоне?

— Ага, мясной рулет — это то, что с самого начала свело нас, поэтому это подходящий вариант.

— Так романтично, — я вздыхаю перед тем, как Картер наклоняет мой подбородок и прижимается своими губами к моим.

Сейчас это составляющие жизни: живи, учись и люби каждое мгновение. Я счастливая девушка, у которой есть возможность пройти через это вместе с человеком, который покори́л её своим задумчивым взглядом.

***

Дорогая жизнь,

Когда-то я обвиняла тебя в том, что стала вдовой в таком молодом возрасте. Я разрывала тебя на части, потому что ты сделала со мной то же самое. Я ненавидела тебя каждый день за то, что ты причинила мне такую боль.

Но сейчас я пишу это письмо, прижимаясь плечом к Джейсу, и я понимаю. Жизнь — это не только хорошее. В ней есть испытания и неудачи и то, как ты справляешься с ними.

Я думала, что со смертью Эрика потеряла все. Я избегала всех вокруг, из-за боязни снова столкнуться с болью. Теперь я рада, что сделала это, потому что чувства, которые я испытываю рядом с Джейсом, затмевают боль, которую я чувствовала из-за потери Эрика.

Я всегда буду помнить, любить и вспоминать о нём. Но он — моё прошлое, и теперь я сосредоточена на своём будущем. Я доказываю своё существование.

Искренне, Холлин.

***

Дорогая жизнь,

«Поющие под дождем» — это один из моих любимых мюзиклов не только потому, что танцы завораживают, а вокал прекрасен, но и потому, что предыстория создания фильма похожа на мою жизнь. Дебби Рейнольдс терпела неудачи, когда приходила на танцы. Джин Келли и Дональд О'Коннор были волшебниками в этом деле. И когда дело дошло до прослушивания, они не приняли Дебби, заставляя её тренироваться снова и снова, пока её ноги не начали кровоточить. Все знали, что у неё не получалось, и даже Джин Келли сказал об этом.

И тогда у неё появился спаситель. Фред Астер помог ей и поддерживал, давая возможность стать лучшей.

Картер — мой Фред Астер. Я не думаю, что без него смогла бы преуспеть в этой программе. Не знаю, смогла бы я выйти из зоны комфорта и стать этой женщиной в зеркале. Но у меня получилось.

Я стала ею. Веселая, общительная, уверенная и способная по-настоящему жить. Никогда не поздно научиться жить, и я просто рада, что начала это сейчас. Искренне, Дейзи.

***

Дорогая жизнь,

Благодаря тебе, у меня появилась дочь, когда я не мог о ней позаботиться.

Я влюбился в женщину, которая была к этому не готова.

Встретил нерешительную мать ребенка, из-за которой я прошел ад и вернулся обратно.

У меня был лживый друг, который бы сделал все, чтобы защитить женщину, которую он любит.

Я встретил двух незнакомых людей с добрыми сердцами.

Странно, но все, что ты мне дала — это семья, и я всегда буду благодарен за это. Джейс.

***

Дорогая жизнь,

Спасибо.

Картер.

Дорогая жизнь,

11 января 2016 года кардинально изменил мою жизнь. Тогда я не видела в этом смысл и не была уверена, почему ты так поступила со мной, когда моя жена и я пытались усыновить ребенка. Почему ты забираешь что-то важное для меня, что-то, что меня радовало, и чем я гордилась. Я не понимала этого.

11 января 2016 года меня уволили с работы по причинам, которые я до сих пор не понимаю. И вероятно, никогда не пойму. Возвращаясь в тот день домой с коробкой, полной моих вещей на заднем сиденье машины, я могла делать только одно — это плакать и думать о том, как мне стыдно, как я смущена, зла и расстроена. Я испытала все возможные отрицательные эмоции. Я свернулась на диване и ждала возвращения моей жены, чтобы поплакать на ее плече. И она обнимала меня и не отпускала, пока я нуждалась в этом.

Я не была уверена в нашем будущем, учитывая несколько неудачных попыток усыновления, и полностью посвятила себя писательству, в надежде, что это поможет мне, но в глубине души переживала, что потеря моей работы повлияет на любой шанс на усыновление.

Десять дней спустя, десять коротких дней спустя, в разгар выпуска книги, мне позвонили, и это навсегда изменило мой мир. Это был наш консультант по усыновлению. Биологическая мать из Флориды выбрала нас. Мы ждали мальчика в мае.

Это были самые тяжелые пять месяцев в моей жизни. Я уже не была такой, как раньше. Вместо веселья, юмора и безумия во мне поселилась тревога и онемение. Я стала оболочкой женщины. Я не хотела быть эмоционально привязанной, зная о том, что биологическая мать может передумать, и мы потеряем все.

Я никогда не забуду тот день в больнице, когда увидела, как биологическая мама попрощалась с сыном и передала его мне. Я никогда не забуду его. Стерильный запах комнаты, маленькие и тихие рыдания мамы, почти бесшумный щелчок при фотографировании и бесценные звуки маленького мальчика, которого я скоро назову своим сыном. Это всегда останется в моей памяти, как напоминание, что в этом сумасшедшем, перевернутом мире все еще есть бескорыстные люди, принимающие решения, которые не обязательно приносят им пользу, но приносят пользу другим.

Когда я была в самом низу, я не знала, что для меня есть большой план, более широкая картина, которую я не могла представить.

Видишь, Жизнь, я думала, что ты лишила меня работы, чтобы я оказалась на перепутье, но вместо этого, ты сделала так, чтобы я могла подготовиться к тому, чтобы остаться дома и работать мамой. Ты лишила меня работы, чтобы я могла проводить дни, наблюдая, как мой маленький мальчик растет, смеется, улыбается и смотрит на меня своими карими глазами с такой любовью, которая делает меня самой счастливой.

Я думала, что ты пытаешься разрушить меня, когда на самом деле ты готовила меня к следующей главе в моей жизни.

Лишив меня работы, ты сделала меня мамой. Это лучшая замена работы, которую я когда-либо могла просить. Поэтому спасибо тебе от всего сердца. Спасибо. Я всегда буду в долгу перед тобой.

С любовью, сжимаю сиськи,
Меган.

**Будь добрым. Будь смелым. Будь собой. Делай добро. И
докажи свое существование.**